

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 3

Март 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

Коровин Евгений Александрович: открывая горизонты международного права • Правовая охрана окружающей среды и рациональное природопользование: реализация идей О.С. Колбасова • Правовая идентичность: постклассическое измерение • О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 1 • Первоосновы уголовного права: новое направление исследований • Проблемы философско-этического осмысления преступных деяний личности • Особенности гибридных угроз безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой анализ • О научном наследии профессора, судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучина • Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности • The Constitution of India yesterday and today (on the 75th anniversary of the adoption of the Constitution of India)

НАУКА
— 1727 —

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 3 2024 Март

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2024

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Коровин Евгений Александрович: открывая горизонты международного права <i>А.Н. Савенков</i>	7
Правовая охрана окружающей среды и рациональное природопользование: реализация идей О.С. Колбасова <i>В.В. Устюкова</i>	15

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Правовая идентичность: постклассическое измерение <i>И.Л. Честнов</i>	28
--	----

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы Часть 1. Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 года – конституционная или дисциплинарная ответственность? <i>М.И. Клеандров</i>	39
--	----

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Третейское разбирательство как процессуальная форма защиты публичных интересов <i>Е.В. Михайлова</i>	60
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Первоосновы уголовного права: новое направление исследований (по страницам книги И.М. Рагимова «Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб.: Ассоциация “Юридический центр”, 2023. — 303 с.») <i>А.Н. Савенков</i>	69
Проблемы философско-этического осмысления преступных деяний личности <i>А.Д. Керимов</i>	81

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Этнологическая экспертиза: форматы и перспективы институционализации в российском праве <i>Н.А. Филиппова</i>	87
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Правовые подходы к виндикации недвижимости публично-правовыми образованиями <i>А.В. Пушкина</i>	97
--	----

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Правовые вопросы охраны многолетней мерзлоты <i>Н.С. Куделькин</i>	106
---	-----

ВОЕННОЕ ПРАВО

Особенности гибридных угроз безопасности Российской Федерации:
теоретико-правовой анализ

О.Г. Боброва

117

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Обеспечение свободной конкуренции и ее защита: уголовно-правовые и иные средства. Часть первая
(Торги и картели)

А.В. Овчаров

129

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Преступление: уголовно-правовой концепт

А.А. Турышев

137

Молодежные неонацистские онлайн-сообщества с риторикой политической вражды:
проблемы правовой оценки и противодействия

В.И. Красилов, Е.В. Фоменко, Б.В. Яценко

147

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Формирование волеизъявления при принятии семейных решений супругами

М.В. Ульянова

157

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЮРИСТЫ – УЧЕНЫЕ И ПЕДАГОГИ

О научном наследии профессора, судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучина

Н.А. Боброва

167

В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности

Ю.Ф. Каменецкий

176

ЗА РУБЕЖОМ

The Constitution of India yesterday and today (on the 75th anniversary of the adoption
of the Constitution of India)

A.S. Avtonomov

185

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Злоупотребление властью с корыстной мотивацией должностных лиц в имениях
Крестьянского банка на рубеже XIX–XX вв. (историко-правовой аспект)

С.А. Фролов

193

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Юридическая подготовка медицинских работников и отрасль медицинского права

Н.А. Скребнева, Н.Е. Добровольская

198

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности

Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко

202

CONTENTS

Number 3, 2024

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

Korovin Evgeny Alexandrovich: opening up the horizons of International Law
A.N. Savenkov 7

Legal protection of the environment and rational use of natural resources:
implementation of O.S. Kolbasov's ideas
V.V. Ustyukova 15

PHILOSOPHY OF LAW

Legal identity: postclassical measurement
I.L. Chestnov 28

JUDICIAL POWER

On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct:
law enforcement practice, general approaches
Part 1. Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional
innovations of 2020 – constitutional or disciplinary responsibility?
M.I. Kleandrov 39

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

Arbitration as a procedural form of protection of public interests
E.V. Mikhailova 60

DISCUSSIONS AND DEBATES

The fundamentals of Criminal Law: a new direction of research (on the pages of the book
by I.M. Ragimov "Crime and punishment in world religions. Historical, religious, legal
and philosophical aspects. St. Petersburg: Association "Law Center", 2023. – 303 pp.")
A.N. Savenkov 69

Problems of philosophical and ethical understanding of criminal acts of a person
A.D. Kerimov 81

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Ethnological expertise: formats and prospects of institutionalization in Russian law
N.A. Filippova 87

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Legal approaches to vindication of real estate by public legal entities
A.V. Pushkina 97

ENVIRONMENTAL LAW

Legal issues of permafrost protection
N.S. Kudelkin 106

MILITARY LAW

Features of hybrid threats to the security of the Russian Federation:
theoretical and legal analysis

O.G. Bobrova 117

LAW AND ECONOMICS

Ensuring free competition and its protection: criminal law and other means. Part 1
(Bidding and cartels)

A.V. Ovcharov 129

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Crime: criminal law concept

A.A. Turyshchikov 137

Youth neo-Nazi online communities with rhetoric of political hatred: problems of legal
assessment and counteraction

V.I. Krasikov, E.V. Fomenko, B.V. Yatsenko 147

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Formation of the will in making family decisions by spouses

M.V. Ulyanova 157

DOMESTIC LAWYERS – SCIENTISTS AND EDUCATORS

On the scientific heritage of Professor, judge of the Constitutional Court
of the Russian Federation V.O. Luchin

N.A. Bobrova 167

IN THE COUNTRIES – MEMBERS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Essence and significance of conviction of deceased Nazi's for crimes not subject to statutory limitations

Yu. F. Kamenetskiy 176

ABROAD

The Constitution of India yesterday and today (on the 75th anniversary of the adoption
of the Constitution of India)

A.S. Avtonomov 185

PAGES OF HISTORY

Abuse of power with selfish motivation of officials in the estates of the Peasant Bank
at the turn of the XIX–XX centuries (historical and legal aspect)

S.A. Frolov 193

SCIENTIFIC REPORTS

Legal training of medical professionals and the branch of Medical Law

N.A. Skrebneva, N.E. Dobrovol'skaya 198

SCIENTIFIC LIFE

Legal science in Russia as a factor of social transformations of modernity

N.S. Nizhnik, L.A. Nudnenko 202

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 3 2024 March

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of State and Law of the RAS, 2024
© Editorial Board of “State and Law”, 2024

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

УДК 34.08

КОРОВИН ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ:
ОТКРЫВАЯ ГОРИЗОНТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

© 2024 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.02.2024 г.

Аннотация. Евгений Александрович Коровин был продолжателем российской науки международного права, деятели которой — Мартенс, Каченовский, Незабитовский — в конце XIX в. заложили основы современного мироустройства. Е.А. Коровин, будучи профессором МГУ и директором (1948–1952) Института права Академии наук СССР, положил начало советской науке международного права. К его заслугам относится также организация в Академии наук подразделения международного космического права и издание первых в мире трудов по данной дисциплине. Всего же ученым написано более 30 книг и 200 статей, переведенных на 12 языков. Е.А. Коровин неоднократно читал лекции по международному праву в Гагской академии международного права и в различных университетах мира.

Ключевые слова: международное право, основы советского международного права, международное космическое право, современное мироустройство.

Цитирование: Савенков А.Н. Коровин Евгений Александрович: открывая горизонты международного права // Государство и право. 2024. № 3. С. 7–14.

DOI: 10.31857/S1026945224030016

KOROVIN EVGENY ALEXANDROVICH: OPENING UP THE HORIZONS OF INTERNATIONAL LAW

© 2024 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@yandex.ru

Received 07.02.2024

Abstract. Evgeny Alexandrovich Korovin was the successor of the Russian science of International Law, whose figures — Martens, Kachenovsky, Nezabitovsky — at the end of the XIX century laid the foundations of the modern world order. E.A. Korovin, as a Professor at Moscow State University and director (1948–1952) of the Institute of State and Law, laid the foundation of the Soviet science of International Law. His achievements also include the organization of a division of International Space Law at the Academy of Sciences and the publication of the world's first works on this discipline. In total, scientists have written more than 30 books and 200 articles translated into 12 languages. E.A. Korovin repeatedly lectured on International Law at The Hague Academy of International Law and at various universities around the world.

Key words: International Law, fundamentals of Soviet International Law, International Space Law, modern world order.

For citation: Savenkov, A.N. (2024). Korovin Evgeny Alexandrovich: opening up the horizons of International Law // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No 3, pp. 7–14.

Евгений Александрович Коровин относится к первому поколению советских ученых-международников. В 1910 г. окончил 7-ю Московскую гимназию, в 1915 г. — юридический факультет Московского университета. Его жизнь была чрезвычайно разнообразной. Напряженную научную деятельность он совмещал с дипломатической, преподавательской и организационной.

С 1918 по 1927 г. — секретарь ЦК русского общества Красного Креста и глава его внешнеполитического подразделения. В 1929 и 1945 гг. — советский эксперт на конференции по воздушному праву в Париже. В 1945 г. — эксперт делегации СССР в Подготовительной комиссии Организации Объединенных Наций, в 1945–1946 гг. — эксперт в заседаниях Совета Министров иностранных дел в Лондоне и Париже. В 1956–1961 гг. представлял СССР в различных комитетах ЮНЕСКО.

Е.А. Коровин был членом Постоянной палаты Третейского суда и арбитром Морской арбитражной комиссии СССР, руководителем юридического отдела Всесоюзного общества по культурным связям с зарубежными странами.

В 1935 г. был избран членом Академии политических наук (Нью-Йорк), читал лекции в Парижском университете и в Гаагской академии международного права. В 1936 г. стал членом Американского общества международного права. В 1946 г. Е.А. Коровин был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Входил в состав редколлегии журналов «Международная жизнь», «Советский ежегодник международного права». Принимал также участие в деятельности таких организаций, как Советская ассоциация содействия ООН, Общество по распространению политических и научных знаний, Общество дружбы между СССР и Францией. За выдающиеся научные и учебные заслуги, а также заслуги в дипломатической деятельности Е.А. Коровин был награжден высокими государственными наградами Советского Союза: орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета»¹.

С 1947 по 1952 г. Е.А. Коровин был директором Института права Академии наук — основной научно-исследовательской организации страны в области права.

Труды Е.А. Коровина, посвященные разнообразным, но всегда основополагающим

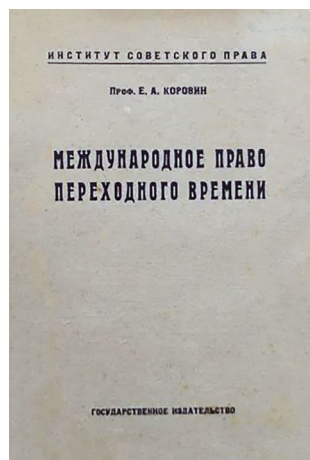
¹ См. об этом подр.: *Верещетин В. С., Жуков Г. П.* 120 лет со дня рождения Евгения Александровича Коровина (12.10.1892–3.11.1964) // *Московский журнал междунар. права*. 2012. № 3. С. 177–182.

и актуальным проблемам международного права и международных отношений, многочисленны. Им написано более 30 книг и брошюр и свыше 200 статей, опубликованных на 12 языках.

Проследивание работ ученого во времени показывает определенную трансформацию их содержания. Если после Великой Октябрьской социалистической революции книги Е.А. Коровина были нацелены на анализ исключительно правовых идей, то в период сталинской диктатуры очень заметно стремление показать величие вождя на фоне всей научной общественности страны. В последних его работах не находится ссылок ни на кого, кроме Сталина и нескольких на Ленина.

Может быть, именно из-за отсутствия идеологической свободы Е.А. Коровин стал уделять основное внимание международному космическому праву — наименее идеологизированной отрасли международного права.

I

Первая монография Е.А. Коровина «Международное право переходного периода»², вышедшая в 1923 г., стала основополагающей для всех его последующих работ. На фоне нехватки квалифицированных кадров юристов она была так популярна, что уже в следующем году в свет вышло второе издание под названием «Международное право переходного

времени»³. Этими книгами фактически начинается советская наука международного права.

Е.А. Коровин начинает с постановки коренного вопроса: возможно ли совместное существование двух миров, когда наряду с буржуазным миром возникает и укрепляется государство нового типа — государство рабочих и крестьян? В то время в научной, и особенно в публицистической, литературе были распространены два противоположных мнения. Сторонники одного из них настаивали на том, что существующие методы правового регулирования непригодны для отношений между Советской Россией и буржуазными государствами.

² Коровин Е.А. Международное право переходного периода. М., 1923.

³ Коровин Е.А. Международное право переходного времени. 2-е изд., доп. М. — Пг., 1924.

Сторонники другого мнения настаивали на том, что государство — это всегда юридическое понятие, поэтому юридические методы могут правомерно использоваться для регулирования его отношений с другими субъектами. Е.А. Коровин наглядно показывает возможность сосуществования социалистической и буржуазной государственности в пределах переходного периода, причем формы этого сосуществования обладают рядом особенностей.

Свою аргументацию автор строит с помощью исторического опыта. В истории народов, пишет он, уже не раз случались переходы от одного строя к другому, во всю историю от античной автаркии и до империалистического «мирового государства». Общие принципы международной политики РСФСР показывают готовность нашей страны идти на важные соглашения. Выстраивание отношений между разными странами обусловливается экономическими интересами, причем эти отношения могут быть двух типов: а) международные сношения технического типа. Их распространение — это результат социалистического строительства в хозяйственном плане; б) международные сношения по поводу разграничения материальных интересов с социально-правовым содержанием. Возникает неизменность международного общения при изменении государственных форм.

Несомненный интерес вызывает идея Е.А. Коровина об изменении спектра источников международного права переходного времени. Господствующим, полагает он, становятся договор и обычай как обратная эволюция форм международного права буржуазных демократий.

Проблему суверенитета Е.А. Коровин рассматривает с точки зрения соотношения его с основными принципами международного права в историческом развитии из доктрин экономического и политического либерализма: запретом интервенции, невмешательством.

Важной сферой отношений между государствами разных социальных систем являются такие организационные формы, как посольское и консульское право. Несмотря на все различия, статус дипломатических агентов дает им в целом равные объемы внегосударственности (внегосударственности, по выражению автора).

Остановившись на важнейшей форме международных соглашений, Е.А. Коровин предлагает, по его мнению, самую взвешенную их классификацию, которая применяется и в наше время: мирные договоры, экономические договоры. Интересный класс договоров, предлагаемый им, ныне не в ходу — это соглашения филантропические, которые мы теперь называем соглашениями о взаимной помощи.

Учитывая недавние к тому времени военные действия и напряженную обстановку в мире, Е.А. Коровин оценивает основные положения права войны (Гаагского конвенционного кодекса, как он его называет), потерпевшие кризис при столкновении с действительностью. Однако он делает довольно смелый для его времени вывод о том, что война — это одна из форм взаимоотношения государств, важной частью которой является проблема комбатантов и пленных; кроме того, нового, более эффективного регулирования требует проблема военной оккупации и нейтралитета.

Таким образом, Е.А. Коровин прослеживает две основные линии в развитии международного права переходного времени: переоформление старых и творчество новых правовых форм.

Высказанные в первых работах идеи Е.А. Коровин развивает в последующих монографиях. Так, в работе «Основные проблемы современных международных отношений»⁴ автор, не оставляя прежних идейных позиций, делает акцент на новых проблемах: мирное сосуществование как основа современных международных отношений и международного права; пролетарский интернационализм в международных отношениях; о методах современного колониализма; роль народных масс в развитии международных отношений.

Движение масс и различных идейных течений занимало Е.А. Коровина, что видно из его крупной работы «Католицизм как фактор мировой политики»⁵. Обладая огромным запасом материала по истории не только католицизма, но и других религий, автор ограничился исключительно периодом империализма. Со стороны содержания книга ограничена изучением роли католицизма как фактора современной мировой политики по трем соображениям: во-первых, потому, что именно на этом поприще монополистический капитал особенно интенсивно использует церковное оружие и маску; во-вторых, эта сторона церковной деятельности менее всего известна широким массам не только за границей, но и в СССР; в-третьих, именно в этой области (от католического шпионажа и до подготовки «крестовых» интервенций включительно) Советскому Союзу приходилось ежедневно сталкиваться с международными организациями современного католицизма. Сознвая возможную неполноту отдельных частей своего труда и объективную трудность их восполнить, поскольку католическая церковь не принадлежит к числу предприятий, обязанных публичной

отчетностью, автор не считал возможным задерживать издание настоящей книги. Он видит в ней мощный «ответ римскому папе» советской науки и общественности, внося свою долю в оборону советской страны и осуществляемого ею социалистического строительства».

II

В преддверии надвигающейся Второй мировой войны Е.А. Коровин пишет статью «Французская буржуазная революция 1789 г. и законы и обычаи войны»⁶, в которой объясняет причины войн классовой враждой.

Автор цитирует В.И. Ленина: «Великие революции, даже когда они начинались мирно, как Великая Французская революция, кончались бешеными войнами, которые открывала контрреволюционная буржуазия. Иначе и быть не может, если на этот вопрос смотреть с точки зрения классовой борьбы»⁷. Далее он применяет этот тезис к наполеоновским войнам: с 1791 г. полуфеодальные правительства Европы — Австрия, Пруссия, Россия, Швеция, Испания — сообща с контрреволюционной французской эмиграцией вовне (Кобленц) и внутри страны мобилизуют силы для удушения Французской революции, для ограбления Франции и реставрации в ней феодально-абсолютистского режима. Коалиция опасалась, по выражению русского посла в Париже И.М. Симолина, что «революционная зараза распространится на другие государства Европы, если принципы французской конституции не будут вырваны с корнем...»⁸. К монархической коалиции присоединяется в 1793 г. Англия лендлордов и Сити, борясь за захват французских колоний в Америке, за господство над Голландией и Амстердамским банком и выполняя попутно свою задачу злостного душителя народных революций.

Коалиция вела против французского народа войну несправедливую, контрреволюционную и грабительскую. Военное насилие противники Франции применяли к ней в виде то открытой войны, то интервенции (ср., например, декларацию Пруссии и манифест герцога Брауншвейгского от 25 июля 1792 г.). На фактическом положении вещей это различие отражалось в том только смысле,

⁶ Коровин Е.А. Французская буржуазная революция 1789 г. и законы и обычаи войны // Вопросы государства и права во Французской буржуазной революции XVIII в.: сб. ст., посвященных 150-летию Французской революции / ред. С.Ф. Кечекьян. М., 1940. С. 127–150 (Ученые труды ВИЮН; вып. 2).

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. XXIV. С. 297.

⁸ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина // Литературное наследство [Русская культура и Франция. I] / пригот. к печ. С.А. Макашин. М., 1937. Т. 29/30. С. 343–524.

⁴ Коровин Е.А. Основные проблемы современных международных отношений. М., 1959.

⁵ Коровин Е.А. Католицизм как фактор современной мировой политики. М.; Л., 1931.

что контрреволюционная интервенция применяла к французскому населению такие формы насилия, которые в обычной войне считались недопустимыми: сопротивление населения квалифицировалось как «мятеж», агенты революционной власти подвергались аресту и расправе как преступники и т.п. Вооруженный отпор подобного рода действиям, отражение контрреволюционной и захватнической войны были со стороны Франции и французского народа законной самообороной, ведением войны революционной и справедливой.

Таким образом, данная статья и докторская диссертация Е.А. Коровина стали развитием тезиса о войнах справедливых и несправедливых. Продолжая свой тезис о войне как форме продолжения межгосударственных отношений, в 1940 г. он пишет «Правовое положение военных атташе»⁹. Поскольку Е.А. Коровин критиковал Гаагские конвенции о законах и обычаях войны 1899–1907 гг., в 1944 г. выходит его книга «Право войны»¹⁰, в которой он дал эффективное толкование действующих положений военного права.

В 1920-х годах в преддверии всемирной конференции по разоружению Советский Союз внес в Лигу Наций проект международной конвенции о разоружении. Другие государства также внесли свои предложения. Но всех их отличали фрагментарность. Только Советский Союз предоставлял каждому государству право определять свой уровень вооружений в зависимости от безопасности страны, от ее международных обязательств и географического положения. В 1930 г. вышел справочник о том, как Лига Наций организовывала борьбу за разоружение в интересах империалистических государств¹¹. Благодаря этому справочному изданию читатель мог сам составить правильное впечатление о деятельности этой международной организации.

Весьма выразительно обрисовал Е.А. Коровин позицию Советского Союза относительно такого варварского вида оружия, как химическое¹². Он писал, что принципиальная позиция Советского государства в вопросах химической войны менее всего объясняется, как это пытаются делать некоторые наши заграничные критики, относительной слабостью химической промышленности Союза ССР. Не подлежит сомнению, что, даже обладая мощными химическими ресурсами, СССР

отверг бы столь же категорически химические методы ведения войны, руководствуясь классовым подходом к проблемам военного права. Действительно, химическая война более всякого другого средства нападения не поддается по самой своей природе классовой дифференциации и ложится всею тяжестью своего бремени на пролетарские и полупролетарские слои населения — на сегодняшних и завтрашних союзников Советского государства. И положение это в равной мере справедливо как при применении отравляющих газов на боевых полях фронта, так и в глубоком тылу населенных районов.

III

После Второй мировой войны, когда на фоне Устава ООН создавалось современное международное право, Е.А. Коровиным был задуман большой проект о всемирной истории международного права. К сожалению, удалось издать только первый выпуск, относившийся к древности¹³.

Но последовала серия работ, трактовавших отдельные вопросы международного права. Это статья о суверенитете¹⁴, где автор настаивал на твердокаменной идее об абсолютном суверенитете: не существует ответственности физических и юридических лиц; в стране, где нет частной собственности, а есть только государственная собственность, вся эта собственность должна обладать таким же иммунитетом, как государство и его органы.

Военная угроза нависла над нашей страной не только с Запада, но и с Востока, и в 1936 г. выходит книга Е.А. Коровина о милитаристской Японии¹⁵. Издание несколько напоминает справочник, потому что его содержание состоит из подборки документов, наглядно демонстрирующих международно-правовую теорию и практику господствующих классов Японии того времени. Книга наглядно показывает, что Япония в нарушение норм международного права осуществляла захватническую политику соседних государств. В работе Е.А. Коровина приводится немало наглядных примеров того, как избирательно правительство Японии подходит к юридическим положениям, утверждая те, которые считает выгодными для своей сиюминутной политики и отвергая все остальные.

⁹ Коровин Е.А. Правовое положение военных атташе. М., 1940.

¹⁰ Коровин Е.А. Краткий курс международного права. Ч. 2. Право войны. М., 1944.

¹¹ См. подр.: Коровин Е.А., Егорьев В.В. «Разоружение». Проблема разоружения в международном праве. Лига наций в фактах и документах (1920–1929) / со вступ. ст. Б.Е. Шт-на. М.; Л., 1930.

¹² См.: Коровин Е.А. Химическая война и международное право // Сов. право. 1928. № 2. С. 3–23.

¹³ См.: Коровин Е.А. История международного права. Вып. 1. От древности и до конца XVIII века / пособие к лекциям. М., 1946.

¹⁴ См.: Коровин Е.А. Борьба СССР за суверенитет: СССР и проблемы международного права // Ученые записки Академии общественных наук: СССР и проблемы международного права. М., 1947. Вып. 1. С. 3–46.

¹⁵ См.: Коровин Е.А. Япония и международное право / предисл. Н. Игнатьев. М., 1936.

IV

Е.А. Коровин считается «основоположником российской науки космического права, в чьем зарождении он играет особую роль»¹⁶. В 1933 г. на совещании специалистов по воздушному праву в Ленинграде Е.А. Коровин выступил с лекцией о новых правовых проблемах, возникающих в связи с перспективами полетов человека в высоких слоях воздушного пространства (стратосфере). Год спустя его статья на ту же тему была опубликована во французском журнале «Revue General de Droit International Public»¹⁷.

В 1958 г. работа Е.А. Коровина была оценена Международным фондом Гуго Гроция в Германии «как большой вклад в создание международного космического права», он был награжден медалью «За большие заслуги в установлении права»¹⁸. В 1959 г. Е.А. Коровин опубликовал статью о международном статусе космического пространства в советском журнале «Международная жизнь»¹⁹. Это была первая попытка в отечественной литературе комплексного решения некоторых ключевых вопросов космического права.

В 1959 г. по инициативе Е.А. Коровина в Академии наук СССР была создана Комиссия по правовым вопросам межпланетного пространства, которая состояла из научных сотрудников Института государства и права АН СССР (Е.Г. Василевской, Г.П. Жукова, Г.П. Задорожного, П.И. Лукина), представителей Министерства иностранных дел СССР (Ф.Н. Ковалева, Г.А. Осницкой, И.С. Чепрова) и сотрудников из штата Президиума Академии наук СССР (В.С. Верещетин). Е.А. Коровин был назначен председателем Комиссии, в состав которой входили также компетентные технические специалисты²⁰.

В 1961 г. в Институте государства и права АН СССР была создана специальная рабочая группа Комиссии по изучению актуальных вопросов космического права. Среди вопросов, рассматриваемых Комиссией, можно отметить правовую основу для установления границы между воздушным и космическим пространством на высоте 100–110 км над уровнем моря. Позднее эта позиция была использована при подготовке официального предложения советской делегации в 1979 и 1983 гг.

Комиссия также приняла участие в процессе разработки советских предложений об основных принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, которые были представлены СССР 10 сентября 1962 г. и 16 апреля 1963 г. в Юридический подкомитет Комитета ООН по космосу.

Под руководством и редакцией Е.А. Коровина было подготовлено три сборника статей по космическому праву²¹. На одном из них («Космос и международное право») первый в мире космонавт Юрий Гагарин сделал следующую надпись: «Теоретикам с пожеланием разработать самые справедливые правовые положения в космосе. Практик Юрий Гагарин. 12/07/62».

По инициативе Е.А. Коровина в 1962 г. группа советских юристов, включая и его, приняла участие в международном коллоквиуме по космическому праву, организованном в рамках Международного конгресса по астронавтике в Варне. В своих трудах и лекциях Е.А. Коровин подчеркивал, что ни одно государство не имеет права угрожать безопасности другого государства или нанести ущерб ее гражданам или их имуществу. Эти элементарные правила современного международного права должны применяться одинаково на суше, на море, в воздухе и в космическом пространстве.

После смерти Е.А. Коровина в 1964 г. Комиссия АН СССР по правовым вопросам межпланетного пространства практически перестала функционировать. Формально она закончила свою работу в октябре 1973 г., когда Президиум Академии наук СССР получил письмо от заместителя Министра иностранных дел СССР С.П. Козырева — руководителя вновь созданного органа в Министерстве иностранных дел СССР. В письме говорилось, что в связи с созданием в Министерстве межведомственной комиссии по политическим и юридическим вопросам, касающимся исследования и использования космического пространства, Министерство иностранных дел считает нецелесообразным существование параллельной организации в Академии наук СССР. В то же время по решению АН СССР координация научных исследований в области космического права осталась в ведении академического Института государства и права.

¹⁶ Верещетин В.С., Жуков Г.П. Указ. соч. С. 177.

¹⁷ Korovine E. La conquête de la stratosphère et le droit international. Revue générale de Droit International Public. Paris, 1934. T. XLI. Pp. 675–686.

¹⁸ Савенков А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 13. DOI: 10.31857/S013207690008680-0

¹⁹ Коровин Е.А. О международном режиме космического пространства // Междунар. жизнь. 1959. № 1.

²⁰ См.: Верещетин В.С., Жуков Г.П. Указ. соч. С. 178.

²¹ См.: Проблемы космического права: сб. ст.: [Переводы] / ред. коллегия: Е.А. Коровин (пред.) и др.; предисл. Е. Коровина. М., 1961; Космос и международное право: сб. ст. / отв. ред. Е.А. Коровин. М., 1962; Современные проблемы космического права: сб. ст. / вступ. ст. Е.А. Коровина, Г.П. Жукова; редкол.: Е.А. Коровин, Э.Г. Василевская, Г.П. Жуков; ред. А.Л. Ларионов. М., 1963.

V

Таким образом, Е.А. Коровин представляет собой пример профессионального, грамотного и эффективного подхода к самым сложным проблемам международного права. В своих научных произведениях, лекциях, докладах им ставились самые сложные теоретические проблемы, такие как понятие международного права, содержание и сущность суверенитета, проблемы формирования и применения социалистического международного права, идеологическое и интеллектуальное содержание международного права, динамика развития основных принципов международного права и многие другие.

И всегда, во все времена, во главе всех его размышлений стояло международное право и поиски тех путей, которыми это международное право может послужить интересам его родной страны. Е.А. Коровин по праву считается одним из первых деятелей советской науки международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верещетин В.С., Жуков Г.П.* 120 лет со дня рождения Евгения Александровича Коровина (12.10.1892–3.11.1964) // Московский журнал междунар. права. 2012. № 3. С. 177–182.
2. *Коровин Е.А.* Борьба СССР за суверенитет: СССР и проблемы международного права // Ученые записки Академии общественных наук: СССР и проблемы международного права. М., 1947. Вып. 1. С. 3–46.
3. *Коровин Е.А.* История международного права. Вып. 1. От древности и до конца XVIII века / пособие к лекциям. М., 1946.
4. *Коровин Е.А.* Католицизм как фактор современной мировой политики. М. – Л., 1931.
5. *Коровин Е.А.* Краткий курс международного права. Ч. 2. Право войны. М., 1944.
6. *Коровин Е.А.* Международное право переходного времени. 2-е изд., доп. М. – Пг., 1924.
7. *Коровин Е.А.* Международное право переходного периода. М., 1923.
8. *Коровин Е.А.* О международном режиме космического пространства // Междунар. жизнь. 1959. № 1.
9. *Коровин Е.А.* Основные проблемы современных международных отношений. М., 1959.
10. *Коровин Е.А.* Правовое положение военных атташе. М., 1940.
11. *Коровин Е.А.* Французская буржуазная революция 1789 г. и законы и обычаи войны // Вопросы государства и права во Французской буржуазной революции XVIII в.: сб. ст., посвященных 150-летию Французской революции / ред. С.Ф. Кечекьян. М., 1940. С. 127–150 (Ученые труды ВИЮН; вып. 2).
12. *Коровин Е.А.* Химическая война и международное право // Сов. право. 1928. № 2. С. 3–23.
13. *Коровин Е.А.* Япония и международное право / предисл. Н. Игнатъев. М., 1936.
14. *Коровин Е.А., Егорьев В.В.* «Разоружение». Проблема разоружения в международном праве. Лига наций в фактах и документах (1920–1929) / со вступ. ст. Б.Е. Шт-на. М. – Л., 1930.
15. *Космос и международное право: сб. ст. / отв. ред. Е.А. Коровин. М., 1962.*
16. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. XXIV. С. 297.
17. *Проблемы космического права: сб. ст.: [Переводы] / ред. коллегия: Е.А. Коровин (пред.) и др.; предисл. Е. Коровина. М., 1961.*
18. *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 13. DOI: 10.31857/S013207690008680-0
19. *Современные проблемы космического права: сб. ст. / вступ. ст. Е.А. Коровина, Г.П. Жукова; редкол.: Е.А. Коровин, Э.Г. Василевская, Г.П. Жуков; ред. А.Л. Ларионов. М., 1963.*
20. *Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина // Литературное наследство [Русская культура и Франция. I] / пригот. к печ. С.А. Макашин. М., 1937. Т. 29/30. С. 343–524.*
21. *Korovine E.* La conquête de la stratosphère et le droit international. Revue générale de Droit International Public. Paris, 1934. T. XLI. Pp. 675–686.

REFERENCES

1. *Vereshchetin V.S., Zhukov G.P.* 120 years since the birth of Evgeny Alexandrovich Korovin (12.10.1892–11.3.1964) // Moscow Journal International Law. 2012. No. 3. Pp. 177–182 (in Russ.).
2. *Korovin E.A.* The struggle of the USSR for sovereignty: the USSR and problems of International Law // Scientific notes of the Academy of Social Sciences: the USSR and problems of International Law. M., 1947. Iss. 1. Pp. 3–46 (in Russ.).
3. *Korovin E.A.* History of International Law. Iss. 1. From antiquity to the end of the XVIII century / handbook for lectures. M., 1946 (in Russ.).
4. *Korovin E.A.* Catholicism as a factor in modern world politics. M. – L., 1931 (in Russ.).
5. *Korovin E.A.* A short course in International Law. Part 2. The law of war. M., 1944 (in Russ.).
6. *Korovin E.A.* International Law of transitional time. 2nd ed., add. M. – Petrograd, 1924 (in Russ.).
7. *Korovin E.A.* International Law of the transitional period. M., 1923 (in Russ.).
8. *Korovin E.A.* On the international regime of outer space // International life. 1959. No. 1 (in Russ.).
9. *Korovin E.A.* The main problems of modern international relations. M., 1959 (in Russ.).
10. *Korovin E.A.* The legal status of military attaches. M., 1940 (in Russ.).
11. *Korovin E.A.* The French bourgeois Revolution of 1789 and the laws and customs of war // Questions of state and law in the French bourgeois Revolution of the XVIII century:

- collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the French Revolution / ed. S.F. Kechekyan. M., 1940. Pp. 127–150 (Scientific works of VIYUN; iss. 2) (in Russ.).
12. *Korovin E.A.* Chemical warfare and International Law // Soviet law. 1928. No. 2. Pp. 3–23 (in Russ.).
 13. *Korovin E.A.* Japan and International Law / preface by N. Ignatiev. M., 1936 (in Russ.).
 14. *Korovin E.A., Egoriev V.V.* “Disarmament”. The problem of disarmament in International Law. The League of Nations in facts and documents (1920–1929) / with an intro. by B.E. Sht-n. M. – L., 1930 (in Russ.).
 15. Space and International Law: collection of articles / ed. by E.A. Korovin. M., 1962 (in Russ.).
 16. *Lenin V.I.* The Complete Works. Vol. XXIV. P. 297 (in Russ.).
 17. Problems of Space Law: collection of articles: [Translations] / editorial board: E.A. Korovin (prev.) et al; preface by E. Korovin. M., 1961 (in Russ.).
 18. *Savenkov A.N.* The State. Law. Institute: 95 years of history in persons // State and Law. 2020. No. 3. P. 13. DOI: 10.31857/S013207690008680-0 (in Russ.).
 19. Modern problems of Space Law: collection of articles / intro. by E.A. Korovin, G.P. Zhukov; editorial board: E.A. Korovin, E.G. Vasilevskaya, G.P. Zhukov; ed. A.L. Larionov. M., 1963 (in Russ.).
 20. The French Revolution of 1789 in the dispatches of the Russian ambassador in Paris I.M. Simolin // Literary heritage [Russian Culture and France. I] / preparation for printing S.A. Makashin. M., 1937. Vol. 29/30. Pp. 343–524 (in Russ.).
 21. *Korovine E.* La conquête de la stratosphère et le droit international. Revue générale de Droit International Public. Paris, 1934. T. XLI. Pp. 675–686.

Сведения об авторе

САБЕНКОВ Александр Николаевич —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист РФ,
 директор Института государства и права
 Российской академии наук,
 главный редактор журнала
 «Государство и право» РАН;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. —
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Honored Lawyer of the Russian Federation,
 Director of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences,
 Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 349.6

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ О.С. КОЛБАСОВА

© 2024 г. В. В. Устюкова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: ecolaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 13.03.2024

Аннотация. В статье анализируется научное наследие члена-корреспондента РАН Олега Степановича Колбасова, который был одним из основателей новой отрасли — экологического права и внес весомый вклад в становление и развитие правовой охраны окружающей среды в нашей стране. Развивая отечественную науку в стенах Института государства и права РАН, сотрудником которого он являлся в течение 35 лет до момента своего преждевременного ухода, О.С. Колбасов создал научную школу экологического и водного права, представители которой сегодня работают в различных научных и образовательных учреждениях по всей стране. За прошедшие десятилетия многие из его научных идей ни в малейшей степени не потеряли актуальности, наоборот, их значение для дальнейшего совершенствования правового регулирования охраны окружающей среды и природопользования, в том числе и в части поиска баланса между экономическими, социальными и природоохранными интересами в обществе, сложно переоценить. Именно умение смотреть далеко вперед, обладание прогностическим взглядом и широтой научной мысли и ставит О.С. Колбасова в один ряд с ведущими правоведами нашей страны.

Ключевые слова: система права, отрасль права, экологическое право, природоресурсное право, земельное право, завещание эколога, правовая охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, водное право, сельское хозяйство, лесомелиорация.

Цитирование: Устюкова В.В. Правовая охрана окружающей среды и рациональное природопользование: реализация идей О.С. Колбасова // Государство и право. 2024. № 3. С. 15–27.

Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс». Используемые в статье нормативные правовые акты приводятся по данным этой справочно-поисковой системы.

DOI: 10.31857/S1026945224030029

LEGAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT AND RATIONAL USE OF NATURAL RESOURCES: IMPLEMENTATION OF O.S. KOLBASOV'S IDEAS

© 2024 V. V. Ustyukova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: ecolaw@igpran.ru

Received 13.03.2024

Abstract. The article analyzes the scientific legacy of corresponding member of the Russian Academy of Sciences Oleg Stepanovich Kolbasov, who was one of the founders of a new branch of law – Environmental Law and made a significant contribution to the formation and development of legal environmental protection in our country. Developing domestic science within the walls of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, of which he was an employee for 35 years until his premature departure, O.S. Kolbasov created a scientific school of Environmental and Water Law, whose representatives now work in various scientific and educational institutions throughout the country. Over the past decades, many of his scientific ideas have not lost their relevance in the slightest, on the contrary, their importance for further improving the legal regulation of environmental protection and rational use of nature resources, including in terms of finding a balance between economic, social and environmental interests in society, is difficult to overestimate. It is the ability to look far ahead, having a prognostic view and breadth of scientific thought that puts O.S. Kolbasov on a par with the leading jurists of our country.

Key words: legal system, branch of law, Environmental Law, natural resource law, Land Law, bequest to environmentalists, legal environmental protection, rational use of natural resources, Water Law, agriculture, forestry.

For citation: *Ustyukova, V.V. (2024). Legal protection of the environment and rational use of natural resources: implementation of O.S. Kolbasov's ideas // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, Pp. 15–27.*

The article was prepared with the information support of the SPS “ConsultantPlus”. The normative legal acts used in the article are given according to the data of this reference and search engine.

Олег Степанович Колбасов является одним из выдающихся ученых-юристов, чьи труды внесли значимый вклад в становление и развитие правовой охраны окружающей среды в Российской Федерации. По прошествии нескольких десятилетий многие из его идей реализованы в отраслевом законодательстве и имеют важное значение для его практического применения.

Другие же, касающиеся различных до сих пор актуальных проблем охраны природы, еще нуждаются в переосмыслении и реализации. О.С. Колбасов вместе с известным ученым В.В. Петровым¹

стоял у истоков формирования новой отрасли права – экологического. Их новаторский подход заключался в переходе от охраны отдельных природных компонентов к охране окружающей среды как единого объекта, при этом никак не умалялась необходимость совершенствования механизмов охраны и отдельных ее составляющих.

На протяжении всей научной карьеры О.С. Колбасов шел по пути теоретического осмысления закономерностей характера и принципов взаимодействия общества и природы, что в итоге позволило ему создать целостную и стройную теорию экологического права².

Олег Степанович Колбасов родился в 1927 г. в Чувашии, в г. Чебоксары. В 1952 г. закончил Вильнюсский филиал Всесоюзного юридического

юридических наук (1971), профессор (1972) и заведующий кафедрой земельного и колхозного права юридического факультета МГУ (1984–1995), лауреат премии им. М.В. Ломоносова (1977), заслуженный деятель науки РСФСР (1990).

¹ Владислав Васильевич Петров (1929–1995) – советский и российский юрист, специалист по советскому колхозному, российскому земельному и экологическому праву, доктор

² См.: *Краснова И.О.* Роль О.С. Колбасова в формировании современного экологического права // *Экологическое право*. 2007. № 3. С. 42.

заочного института и поступил в аспирантуру Ленинградского государственного университета, где в 1955 г. под руководством проф. Л.И. Дембо защитил кандидатскую диссертацию³. Свою первую работу, посвященную проблемам охраны окружающей среды, он опубликовал в 1957 г.⁴ Переехав в Москву, с 1961 по 1965 г. работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства (ВНИИСЗ)⁵, где вместе с Г.Н. Полянской⁶ провел первую научно-практическую конференцию по проблемам охраны природы в СССР⁷.

В 1965 г. О.С. Колбасов перешел на работу в Институт государства и права АН СССР⁸, где в 1968 г. защитил докторскую диссертацию⁹, а в 1976 г. получил звание профессора. В Институте занимал должности старшего научного сотрудника, заведующего образованным в 1972 г. по его инициативе сектором правовых проблем охраны окружающей среды, заместителя директора, главного научного сотрудника Центра экологического права и трудился здесь вплоть до своей смерти в 2000 г., с коротким перерывом на работу в должности заместителя Министра охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ с 1991 по 1994 гг.

В ИГП РАН О.С. Колбасов совместно с сотрудниками своего сектора проводил научные исследования по таким направлениям, как правовая охрана окружающей среды в СССР, международно-правовая охрана окружающей среды и сравнительно-правовые исследования, управление охраной окружающей среды. Активно участвовал в международном научном сотрудничестве: был участником Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1990) и I конгресса охраны природы МСОП (Канада, октябрь 1996), участвовал в подготовке таких международных соглашений, как Конвенция ООН

«О биологическом разнообразии»¹⁰ и Конвенция ЕЭК «О трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния»¹¹, занимал должность заместителя председателя Комиссии по экологическому праву (праву окружающей среды) Международного союза охраны природы и природных ресурсов (с 1966), в начале 90-х годов был членом Международного экологического суда примирения и согласия. Как отмечает И.О. Краснова, научные заслуги О.С. Колбасова находят официальное признание: в 1991 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, в 1994 г. — действительным членом Академии водного хозяйства, в 1996 г. — Российской академии естественных наук. В 1998 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РФ¹². В последние годы жизни О.С. Колбасов участвовал в подготовке проекта Водного кодекса РФ, совместно с Комитетом Государственной Думы РФ и Федеральной службой лесного хозяйства участвовал в разработке концепции государственной собственности на лесные ресурсы¹³.

Олег Степанович пользовался большим уважением со стороны коллег по цеху, с которыми он долгие годы работал бок о бок, очно и на страницах научных изданий вступал в дискуссии, встречался на различных научных мероприятиях и обсуждал актуальные проблемы охраны окружающей среды в России и в мире. Как отмечает С.А. Боголюбов, О.С. Колбасову были присущи широта кругозора, работоспособность, упорство в достижении целей, сосредоточенность на четком формулировании теоретических положений, а также умение доходчиво доносить содержание своих научных идей до любой аудитории¹⁴. По словам Г.Е. Быстрова, «высокий профессионализм, эрудиция, отзывчивость, беспристрастность, принципиальность, справедливость позволили О.С. Колбасову снискать глубокое уважение и авторитет не только в Российской Федерации, но и далеко за ее пределами»¹⁵. А.К. Голиченков считает, что величина таланта О.С. Колбасова, «его вклад в юридическую науку, влияние этого гражданина своей страны на формирование экологического мировоззрения

³ См.: Колбасов О.С. Правовое регулирование деятельности МТС по организации колхозного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955.

⁴ См.: Краснова И.О. Воспоминания об отце // Колбасов О.С. Избранное / сост. О.И. Краснова, Г.А. Мисник. М., 2017. С. 9.

⁵ Ныне — Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

⁶ Гертруда Николаевна Полянская (1906—1981) — советский юрист, доктор юридических наук, один из ведущих специалистов в сфере лесного права, научный сотрудник ВНИИСЗ (ИЗиСП при Правительстве РФ).

⁷ См.: Кичигин Н.В. Научная школа экологического права // Журнал рос. права. 2015. № 9 (225). С. 104.

⁸ Ныне — Институт государства и права Российской академии наук.

⁹ См.: Колбасов О.С. Проблемы совершенствования советского водного законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968.

¹⁰ См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 20.12.2023).

¹¹ См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml (дата обращения: 20.12.2023).

¹² См.: Краснова И.О. Воспоминания об отце. С. 10.

¹³ См.: Быстров Г.Е. Олег Степанович Колбасов — выдающийся ученый XX века международного уровня // Аграрное и земельное право. 2017. № 5 (149). С. 128.

¹⁴ См.: Боголюбов С.А. О.С. Колбасову — 90 лет // Колбасов О.С. Избранное / сост. О.И. Краснова, Г.А. Мисник. С. 12.

¹⁵ Быстров Г.Е. Олег Степанович Колбасов — выдающийся ученый XX века // Там же. С. 13.

в обществе, значение его как учителя не одного поколения юристов-экологов с течением времени становятся все более зримыми»¹⁶. О.Л. Дубовик, которая долгие годы работала под его руководством в ИГП РАН, говорила о том, что О.С. Колбасов был «первым из отечественных специалистов, который в полной мере осознал значение проблемы охраны окружающей среды и роль права в ее решении, в чем проявилась мощь его научного предвидения и гражданской позиции»¹⁷. Нами приведены цитаты из статей, опубликованных этими ведущими учеными отрасли экологического права в предисловии к приуроченному к 90-летию юбилею О.С. Колбасова изданию его избранных трудов¹⁸. Примечательно, что яркие впечатления от общения и совместной работы с О.С. Колбасовым оставались живыми в их памяти в течение десятилетий.

Из всего разнообразия проблем охраны окружающей среды О.С. Колбасов умел выбирать наиболее актуальные и сосредоточивался на них, превращая их в объект внимания научного сообщества и практических работников. В научной деятельности он часто прибегал к анализу теоретического и практического опыта по исследуемой им проблеме, накопленного как отечественными, так и зарубежными специалистами, подвергая его вдумчивой и критичной оценке¹⁹.

За свою научную карьеру О.С. Колбасов опубликовал более 400 научных работ по самому широкому спектру проблем развития российского и международного экологического права, а также национального экологического права зарубежных стран. Многие из этих трудов были переведены и изданы на иностранных языках. До сих пор он является одним из наиболее часто цитируемых авторов в отрасли²⁰. И по прошествии десятилетий с ним ведутся заочные научные дискуссии в поисках правильных направлений развития правовой охраны окружающей среды²¹.

Анализ научного наследия О.С. Колбасова хотелось бы начать не с первых научных трудов, как

это обычно принято, а с его последней необычной по форме короткой научной работы в виде эссе, которую он написал за месяц до смерти, уже будучи тяжело больным. Эта работа была опубликована после его ухода. В эколого-правовой среде она широко известна и носит условное название «Завещание экологам»²². До последнего вздоха ученый был обеспокоен проблемой противостояния экономических корыстных интересов человека, являющихся основным приоритетом в сознании людей и защищаемых традиционными отраслями права, и интересов сохранения благоприятной природной среды, которые, по его мнению, на тот момент не были по-настоящему значимыми. Для продвижения вперед в деле охраны окружающей среды люди должны изменить образ мышления и систему ценностей. В свою очередь, как завещал О.С. Колбасов, экологическое право должно было стать своеобразным противовесом другим отраслям права.

Уже более 20 лет прошло с момента опубликования этого прощального послания. В эколого-правовой доктрине все чаще звучат призывы к тому, что человечество должно изменить антропоцентрический подход к охране природы, признать ее право на самостоятельное существование вне зависимости от интересов человеческого общества, при этом задачей природоохранной деятельности должно являться обеспечение или восстановление благоприятного состояния природы, а не только лишь обеспечение права человека на благоприятную окружающую среду²³, значение которого для каждого индивидуума и общества в целом также велико. Возможность практической реализации нового подхода к охране окружающей среды требует коренного переворота в системе человеческих ценностей: человек в ущерб своим экономическим и социальным потребностям должен повернуться лицом к природе²⁴.

В последнее десятилетие угрозы и вызовы, с которыми приходится сталкиваться человечеству, приобрели настолько сильный и системный характер, что создают реальную опасность для современной цивилизации²⁵. Проблемы, связанные с глобальным ухудшением состояния окружающей среды, утраты биологического разнообразия

¹⁶ Голиченков А. К. Олег Степанович Колбасов — ученый, гражданин, учитель // Колбасов О. С. Избранное / сост. О. И. Краснова, Г. А. Мисник. С. 14.

¹⁷ Дубовик О. Л. Одним словом — эколог // Там же. С. 16.

¹⁸ См.: Колбасов О. С. Избранное / сост. О. И. Краснова, Г. А. Мисник.

¹⁹ См.: Дубовик О. Л. Формирование экологической политики: история, достижения, тенденции и задачи (анализ теоретического наследия О. С. Колбасова) // Экологическое право. 2007. № 6. С. 23.

²⁰ См.: Быстров Г. Е. Олег Степанович Колбасов — выдающийся ученый XX века международного уровня. С. 127.

²¹ См.: Бринчук М. М. Экологическое право должно стать противовесом всего остального права... // Экологическое право. 2019. № 3. С. 3—11.

²² Колбасов О. С. Завещание экологам // Журнал рос. права. 2000. № 5/6. С. 89—90; *Его же*. Завещание экологам // Экологическое право. 2001. № 3. С. 13.

²³ См.: Бринчук М. М. Экологическая политика: природа и человек как общественная ценность // Экологическое право. 2016. № 3. С. 8.

²⁴ См.: Редникова Т. В. Биологическое разнообразие как объект правовой охраны // Вестник Университета им. О. Е. Кулафина. 2019. № 1 (53). С. 122.

²⁵ См.: Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 7.

и деградации экосистем, безусловно, относятся к числу одних из самых серьезных угроз.

О.С. Колбасов говорил о том, что право никогда не воспринимало природу всесторонне, в полной и полезной ценности, в полном объеме, в ее целостности²⁶, хотя, как представляется, именно такой комплексный подход к ее охране может быть единственно эффективным. Постепенно, далеко не сразу, шаг за шагом общественное сознание в XXI в. начало меняться в нужном для обеспечения целей охраны окружающей среды направлении. Представляется, что причина таких перемен не только в пропаганде соответствующих целей и распространении экологических знаний, но и в растущей обеспокоенности людей возможностью выживания в условиях негативного для их здоровья состояния окружающей среды. Однако и значение экологического образования и просвещения не следует принижать. За последнее десятилетие в развитии системы экологического образования произошли существенные сдвиги: соответствующие курсы внедрены в стандарты всех образовательных уровней основного и дополнительного образования — от дошкольного до вузовского, которые реализуются как государственными, так и частными образовательными учреждениями. При участии общественных организаций на регулярной основе по всей стране проходят экологические акции, в ходе которых волонтеры очищают территории и водные объекты от мусора²⁷. Волонтеры участвуют и в ликвидации объектов накопленного экологического вреда в Арктике²⁸.

Государство уделяет особое внимание экологическому образованию граждан страны, что проявляется в том числе и в совершенствовании правового регулирования в указанной сфере. Среди поправок к Конституции РФ 2020 года, одобренных всенародным голосованием, было наделение Правительства РФ функцией создания условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры (п.е.6 ст. 114 Конституции РФ). Целью развития системы экологического образования и воспитания экологической культуры граждан нашей страны является формирование в обществе стремления к максимально бережному отношению к природной среде и ее компонентам, рациональному и неистощительному использованию природных

ресурсов, минимизации возможного уровня потребления и снижению объемов образования отходов, а также более грамотному с экологической точки зрения обращению с ними. С помощью развития системы экологического образования и пропаганды экологически значимых знаний необходимо обеспечить наличие внутренней потребности к бережному отношению к окружающей среде у каждого человека. Только вклад в дело охраны окружающей среды и сохранения ее в благоприятном состоянии для нынешнего и будущих поколений, вносимый ежедневно всеми людьми и каждым человеком в отдельности, поможет достичь целей устойчивого развития общества. Повышение уровня экологической культуры в обществе должно также положительно повлиять на принятие значимых решений в процессе осуществления хозяйственно-экономической деятельности, потенциально опасной для окружающей среды, способствовать достижению оптимального баланса экологических и экономических интересов.

Можно с уверенностью сказать, что экологическое образование и просвещение, начало которому положили научные труды и деятельность О.С. Колбасова по внедрению курсов правовой охраны окружающей среды в систему образования²⁹, уже дает свои плоды. Молодое поколение как россиян, так и граждан других стран в большинстве своем не просто восприняло идею необходимости охраны окружающей среды, но и сделало эколого-дружелюбное поведение нормой своей повседневной жизни. Экономия ресурсов, снижение потребления, отказ от использования пластика и одноразовой упаковки, сдача вторичных ресурсов на переработку, участие в создании инновационных экологических методов и технологий, а также многое другое — вот то, чем ежедневно заняты миллионы молодых людей на всей планете³⁰.

Угроза существованию человечества по причине все ухудшающегося состояния окружающей среды осознается уже на уровне руководства многих государств. В Российской Федерации природоохранные цели включены в большинство политических и стратегических документов³¹, приобретающих все больший вес в российской правовой

²⁶ См.: Колбасов О.С. Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 10. С. 27.

²⁷ См., напр.: Гаджиджаев М.З. Экологический вектор в устойчивом развитии Дагестана // Юг России: экология, развитие. 2021. Т. 16. № 4 (61). С. 221.

²⁸ См., напр.: URL: <https://eco-tourism.expert/ru/arctic/bolee-80-tonn-istoricheski-nakoplenno-musora-ubrali-volontery-na-yamale/> (дата обращения: 20.12.2023).

²⁹ См.: Дубовик О.Л. Одним словом — эколог. С. 17.

³⁰ Показателен пример 11-летнего мальчика из Башкирии, который не только занимается сбором мусора, но и вдохновил на данную деятельность членов своей семьи, соседей и представителей местной администрации, в результате чего вокруг поселения, в котором он проживает, исчезли стихийные свалки (см.: URL: <https://ufa1.ru/text/ecology/2020/09/03/69452603/?ysclid=lsaqwl30wo145358619> (дата обращения: 12.01.2024)).

³¹ См., напр.: Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

системе³², а задача обеспечения экологической безопасности — одна из основных в системе обеспечения безопасности страны³³. Однако представляется, что на данном этапе общественного развития экологическое право не стало, а впрочем, возможно, и не должно было стать своеобразным и единственным противовесом другим отраслям, а стремится стимулировать развитие правового регулирования различных сфер человеческой деятельности в направлении обеспечения устойчивого развития для достижения на данном этапе хотя бы баланса экономических, социальных и экологических интересов, если не приоритета целей охраны окружающей среды в идеале.

Переходя к более подробному освещению научных взглядов О.С. Колбасова на природу и окружающую среду как объекты правовой охраны, следует отметить, что при оценке результатов взаимодействия природы и общества становится понятно, что «проблема охраны природы является реальной, жизненно важной и совершенно неотложной проблемой человечества», данная проблема не является надуманной и «представляет историческую необходимость для людей... а необходимость поддержания гармонии между развитием общества и природной средой остается вечной. <...> Охрана природы необходима во всех случаях, когда происходит воздействие общества на природу»³⁴. Принцип научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды, закрепленный в ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», фактически был раскрыт О.С. Колбасовым еще в 1972 г., когда он писал: «Сохранение и непрерывное поддержание природной среды в таком качественном состоянии, которое гарантирует продолжение жизни на Земле и благополучие человечества, обладает приоритетом по отношению к любым видам экономической выгоды, которую могут получить живущие поколения людей путем промышленной эксплуатации природных ресурсов или иного использования окружающей природы. Данный принцип является исключительно важным и прогрессивным он

не противоречит по своей сущности требованиям экономического развития, роста производительных сил общества и дает возможность достаточно четко выразить природоохранительную функцию социалистического государства, раскрыть ее содержание, основные направления и способы ее осуществления»³⁵. Этот принцип он последовательно отстаивал до последних дней своей жизни.

В конце XX в. в российской доктрине правовой охраны окружающей среды О.С. Колбасовым был сформулирован тезис о неизбежности негативного воздействия хозяйственной деятельности на природу, и главную роль в регулировании общественных отношений с целью его минимизации он отводил новой, по его выражению, суперотрасли — экологическому праву.

Как отмечала О.Л. Дубовик, в 70–80-е годы в научной среде ведущими учеными, в сферу интересов которых входило правовое регулирование охраны природы, велись оживленные и весьма острые дискуссии, в ходе которых основные точки противостояния определялись по отношению к вопросам разграничения экологического и природоресурсного права, выявления круга охраняемых новой отраслью благ/ценностей, поиск специфических методов правового регулирования, определение принадлежности источников права к той или иной отрасли, формулирования наиболее подходящего для обозначения новой отрасли названия, формирования направлений научных исследований³⁶. В итоге научное и профессиональное юридическое сообщество пришло к консенсусу по вопросу существования новой отрасли: экологическое право существует, обладает всеми признаками самостоятельной комплексной отрасли и нуждается в интенсивной разработке; экологическое право потенциально обладает высокой эффективностью не только для достижения целей охраны природы, но и защиты здоровья людей, поддержания экономики и правопорядка³⁷. При этом поиск специфических методов правового регулирования в данной отрасли за годы ее существования так и не увенчался успехом ввиду ее комплексного характера.

В научных дискуссиях немало копий было сломано по вопросу формулирования названия, которое в большей степени подходило бы для обозначения новой отрасли: экологическое право или же право окружающей среды. Сторонники каждой из позиций приводили массу весомых

³² См.: *Игнатьева И.А.* Документы стратегического планирования и вопросы определения их места в регулировании экологических отношений // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2021. № 3. С. 3–26.

³³ См.: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

³⁴ *Колбасов О.С.* Экология: политика — право. Правовая охрана природы в СССР. М., 1976. С. 26, 27.

³⁵ Там же. С. 91.

³⁶ См.: *Дубовик О.Л.* Экологическое право: реальность и попытки ревизионизма // Труды ИГП РАН. 2010. № 2. С. 9.

³⁷ См.: там же. С. 10.

аргументов³⁸. Анализ и оценка их содержания и сегодня — спустя несколько десятилетий существования отрасли — представляет научный интерес. За это время мир сильно изменился: изменилась политическая и экономическая ситуация в стране, а с нею и характер общественных отношений в вопросах охраны окружающей среды, многие аргументы с обеих сторон прошли испытание временем, во многих из них содержится рациональное зерно, другие же кажутся второстепенными. Однако по прошествии времени название отрасли уже устоялось, а ее понятийный аппарат по-прежнему находится в процессе развития и крайне далек от совершенства. Отдельные понятия, закрепленные в отраслевом законодательстве, несовершенны, другие и вовсе отсутствуют, что в значительной степени затрудняет развитие правового регулирования как охраны окружающей среды, так и природопользования.

О.С. Колбасов в своей научной деятельности большое внимание уделял международному сотрудничеству в сфере охраны окружающей среды. Как уже было отмечено выше, он был непосредственным участником крупных международных форумов под эгидой ООН, где закладывалась основа современных подходов к охране природы, среди которых важное значение имеет нацеленность на ее комплексную оценку как объекта и акцент на необходимости реализации экосистемного подхода. Как отмечает О.С. Колбасов во введении к опубликованной им в 1982 г. монографии, посвященной проблемам международно-правовой охраны окружающей среды³⁹, во внутренней и внешней политике СССР уже в те годы большое внимание уделялось задачам охраны окружающей среды, а задача сохранения природы Земли для настоящего и будущих поколений была актуальна для нашего государства наравне с активной борьбой за мир. Именно в силу гуманистической сущности данной задачи, как указывалось в письме Министра иностранных дел СССР Генеральному секретарю ООН, «все помыслы человечества должны быть направлены на то, чтобы сберечь нашу Землю, передать ее молодому поколению во всем богатстве и красоте»⁴⁰.

В 90-х годах эта задача стала одной из ключевых в одобренной большинством стран концепции

устойчивого развития⁴¹ на конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992)⁴², которая на современном этапе является доминирующей. Она представляет собой такую модель цивилизационного развития, при которой обеспечивается достижение баланса между решением социальных, экономических проблем и сохранением окружающей среды⁴³. Данная концепция является новой парадигмой перспективного и прогрессивного развития всего общества и цивилизации, которая на сегодняшний день не имеет разумной альтернативы, а претворение в жизнь ее идей предполагает реализацию новых подходов к формированию не только экологического, но и всех отраслей права, обеспечивающих соответствующие сферы развития⁴⁴.

С того момента, как на конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) была принята Повестка дня на XXI век, прошло уже более 30 лет. Устойчивое развитие, экосистемный подход к охране окружающей среды, охрана климата, оценка воздействия на окружающую среду на протяжении всего жизненного цикла товаров и услуг и многие другие современные подходы в совершенствовании охраны окружающей среды путем консолидации усилий всех стран не только стали предметом широкого круга международных соглашений, но за последние десятилетия были внедрены в ткань национального законодательства большинства государств. В ходе их реализации были продемонстрированы определенные успехи, но остается также ряд нерешенных проблем⁴⁵. Причины сдерживания развития международного природоохранного сотрудничества, как отмечал О.С. Колбасов, заключаются в конфликте интересов охраны окружающей среды и «товарного

⁴¹ Термин «устойчивое развитие» впервые был использован в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» в 1987 г. (доклад Брундтланд) (см.: URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 10.01.2024)).

⁴² См.: Повестка дня на XXI век (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 20.01.2024).

⁴³ См.: Редникова Т.В. Идеи устойчивого развития в правовой охране окружающей среды XXI века: реалии и перспективы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2021. № 3. С. 13.

⁴⁴ См.: Бринчук М.М., Ма С. Концепция устойчивого развития как методологическая основа предупреждения экологического вреда // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф. г. Минск, 26–27 апреля 2018 г. Минск, 2018. С. 18.

⁴⁵ См.: Редникова Т.В. Актуальные проблемы формирования экологически значимого поведения людей на международном и национальном уровнях // Междунар. право и междунар. организации. 2023. № 4. С. 1.

³⁸ См.: Васильева М.В. Предмет и система экологического права // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 1996. № 1. С. 15–18; Бринчук М.М. О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. 1998. № 9. С. 20–28; Колбасов О.С. Терминологические блуждания в экологии. С. 27–37.

³⁹ См.: Колбасов О.С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М., 1982.

⁴⁰ Там же. С. 3.

производства, особенно в условиях капиталистической экономики, а также в агрессивной политике империалистических кругов, нагнетающих напряженность... и сеющих недоверие в отношениях между народами»⁴⁶.

Еще несколько лет назад трудно, практически невозможно было бы представить, насколько актуальными окажутся слова О.С. Колбасова о взаимосвязи проблем предотвращения войны и охраны окружающей среды в наши дни. Другим фактором сдерживания развития правовой охраны природы ученый справедливо считал дороговизну природоохранной деятельности, которая нуждается не только в крупных капитальных вложениях, но и в большом объеме текущих расходов, что требует от государств перераспределения значительного количества финансовых ресурсов, которые в противном случае были бы направлены на цели экономического и социального развития, производящих отраслей промышленности, науки и технологии⁴⁷. В первую очередь в общественном сознании, а вслед за этим и в праве во многих сферах общественных отношений необходимо реализовывать гуманный баланс между частным и публичным⁴⁸.

Как отмечал О.С. Колбасов, право «обладает совокупностью достоинств, позволяющих успешно использовать его в области взаимодействия общества и окружающей природы. Право хорошо ассимилирует новейшие достижения науки, имеющие значение для данной области отношений. Трансформируя научно обоснованные выводы, вытекающие из познанных объективных законов природы, право превращает их в экологические правовые требования и само обогащается некоторой экологической сущностью, становится носителем экологической информации»⁴⁹.

Заслуги О.С. Колбасова в формировании и развитии российского и международного экологического права неоспоримы. Однако стоит напомнить, что кандидатскую диссертацию он защитил по колхозному праву, а докторскую — по водному. И впоследствии, будучи уже глубоко погруженным в решение актуальных проблем охраны окружающей среды, О.С. Колбасов неоднократно обращался к этим проблемам из смежных отраслей.

⁴⁶ Колбасов О.С. Международно-правовая охрана окружающей среды. С. 17.

⁴⁷ См.: там же. С. 18.

⁴⁸ См.: Савенков А.Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 72.

⁴⁹ См.: Колбасов О.С. Международно-правовая охрана окружающей среды. С. 221.

Он был одним из первых, кто поставил вопрос о тесной взаимосвязи природопользования и охраны окружающей среды, т.е. о необходимости соблюдения принципов охраны окружающей среды в процессе природопользования.

Наиболее интенсивно использование природных ресурсов, особенно земли, идет в сфере сельскохозяйственного производства, поэтому в коллективной монографии «Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве»⁵⁰ О.С. Колбасов не только выступил ответственным редактором книги, но и написал для нее (помимо введения и заключения) несколько параграфов. В частности, гл. 3 практически полностью написана им (за исключением § 7) и посвящена различным аспектам мелиорации земель, анализу «правовых и организационных средств, необходимых для реализации путей восстановления сельского хозяйства в числе друзей природы»⁵¹.

Раскрывая значение мелиорации как одного из трех китов, на которых держится современное сельское хозяйство, он показал, что при наличии легко допускаемых технических ошибок и безответственных действий со стороны мелиораторов мелиорация из природоохранного мероприятия превращается в свою противоположность и становится экологически опасной⁵². Им отмечено, что «дальнейшее развитие мелиорации земель подошло к своего рода экологическим пределам: все меньше остается земель, пригодных для нового мелиоративного освоения, все труднее и дороже решаются задачи совмещения мелиорации с поддержанием природных условий в благоприятном состоянии, все более опасными становятся отдаленные экологические последствия мелиоративных мероприятий. В этих условиях необходимо проявлять сдержанность в расширении площади мелиорируемых земель, проводить более глубокие научные исследования с целью максимально полного выявления вредных экологических последствий мелиорации каждого земельного массива, заранее планировать и осуществлять достаточные природоохранные меры, выявлять и учитывать общественное мнение по поводу предстоящих мелиоративных работ»⁵³.

Следует напомнить, что до принятия Федерального закона от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» (далее — Закон о мелиорации земель) отношения в сфере мелиорации регулировались различного рода подзаконными актами. В указанном Законе, в частности, был преодолен

⁵⁰ Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве / отв. ред. О.С. Колбасов. М., 1989.

⁵¹ Там же. С. 4.

⁵² См.: там же. С. 44.

⁵³ Там же. С. 46.

недостаток в подходах к мелиорации, на который обращал внимание О.С. Колбасов, когда писал, что при наличии многочисленных видов и типов мелиорации на практике все сводилось лишь к орошению и осушению, т.е. к гидротехническим мелиоративным мероприятиям. Закон (ст. 5) наряду с гидромелиорацией закрепил также такие типы мелиорации земель, как агролесомелиорация, культуртехническая мелиорация, химическая мелиорация. В названной статье также указывалось, что в составе отдельных типов мелиорации земель настоящим Федеральным законом устанавливаются виды мелиорации земель.

Ученый подчеркивал особое значение для охраны природы лесомелиорации, показывал различные подходы на местах к ее осуществлению и к самой необходимости проведения данных мероприятий, отмечал нерешенность многих проблем эксплуатации защитных лесных насаждений⁵⁴. К сожалению, и спустя 35 лет ситуация в этой сфере изменилась незначительно. Конечно, этот тип мелиорации был закреплен в Законе о мелиорации земель и конкретизирован в ст. 7, в которую в 2019 и 2023 гг. вносились изменения (последние вступили в силу с 01.03.2024 г.). Однако следует признать, что статья достаточно декларативна, она лишь дает определение агролесомелиорации и ее видов (противоэрозионной, полезащитной и пастбищезащитной). Внесенные изменения носят в основном уточняющий (редакционный) характер. Соответственно, эта статья требует конкретизации в системе подзаконных актов, которая только начинает формироваться⁵⁵.

Е.С. Пышьева, обстоятельно проанализировавшая правовые проблемы, касающиеся использования и охраны защитных лесных насаждений, пришла к выводу, что законодательство в данной сфере прошло путь от природоресурсного к природоохранному. Причем региональный законодатель, видя проблемы на местах, учитывая природно-климатические и иные особенности регионов, в решении большинства вопросов опережает федерального законодателя. На наш взгляд, заслуживает внимания предложение Е.С. Пышевой

о целесообразности закрепления на федеральном уровне перечня мер экономического стимулирования деятельности в сфере агролесомелиорации⁵⁶, поскольку она достаточно затратна.

Следует отметить, что Закон о мелиорации земель дополнен ст. 7.1, посвященной агрофитомелиорации, которая вступила в силу также с 1 марта 2024 г. Согласно названной статье агрофитомелиорация земель состоит в проведении комплекса мелиоративных мероприятий в целях улучшения свойств земель, в том числе воспроизводства плодородия земель, посредством использования полезных функций агрофитомелиоративных насаждений.

Перечень видов агрофитомелиоративных насаждений устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере агропромышленного комплекса, включая мелиорацию земель. В настоящее время подготовлен соответствующий проект приказа Минсельхоза России⁵⁷.

Будем надеяться, что указанные изменения и дополнения Закона о мелиорации земель, а также принятые в развитие его норм подзаконные акты будут способствовать улучшению положения дел в данной сфере, которой О.С. Колбасов придавал такое большое значение.

В юридической литературе высказано мнение, что улучшению ситуации с определением правового режима защитных лесных насаждений могло бы способствовать принятие федерального закона «О растительном мире», о необходимости которого уже давно ведется дискуссия⁵⁸. О.С. Колбасов стоял у истоков этой дискуссии, так как 45 лет назад он ставил вопрос о целесообразности законодательного закрепления понятия «флора» для регулирования отношений, складывающихся по поводу растительности вне лесов⁵⁹.

Нельзя также не напомнить, что О.С. Колбасова не без оснований считают основоположником

⁵⁴ См.: Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве / отв. ред. О.С. Колбасов. С. 57, 58.

⁵⁵ См.: приказы Минсельхоза России: от 02.04.2020 № 175 «Об утверждении Порядка приемки в эксплуатацию мелиоративных систем, отдельно расположенных гидротехнических сооружений и защитных лесных насаждений»; от 30.06.2020 № 367 «Об утверждении Правил содержания мелиоративных защитных лесных насаждений и особенностей проведения мероприятий по их сохранению»; от 14.08.2020 № 485 «Об утверждении Порядка осуществления учета мелиоративных защитных лесных насаждений, предоставления сведений, подлежащих такому учету, их состав и форма предоставления» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ См.: Пышьева Е.С. Государственно-правовое регулирование использования и охраны защитных лесных насаждений в сельском хозяйстве // Актуальные проблемы рос. права. 2022. № 5. С. 214–231.

⁵⁷ См.: проект приказа Минсельхоза России (доработанный текст) «Об утверждении Перечня видов агрофитомелиоративных насаждений» (по состоянию на 29.01.2024) (подготовлен Минсельхозом России, ID проекта 02/08/11-23/00143989) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁸ См.: Пышьева Е.С. Указ. соч. С. 214–231.

⁵⁹ См.: Колбасов О.С. Основные направления правотворчества в области охраны окружающей природной среды // Сов. государство и право. 1980. № 3. С. 72–77.

не только экологического, но и водного права⁶⁰, ведущим специалистом⁶¹, лидером в этой отрасли права и сегодня⁶². По оценкам ученых, О.С. Колбасов создал стройную публично-правовую теорию водного права, разработал его основные институты, такие как право исключительной государственной собственности на воды, право водопользования, охрана вод, предупреждение вредного воздействия на воды, государственное управление делом использования и охраны вод, ответственность за нарушение водного законодательства⁶³.

Разработав сложную классификацию видов водопользования, О.С. Колбасов отразил в ней все многообразие реальных факторов, которые сопутствуют эксплуатации водных ресурсов для удовлетворения огромного числа разнообразных потребностей населения и народного хозяйства. Тем самым были выявлены необходимые условия к переходу к договорным отношениям водопользования, т.е. частноправовым началам в водных отношениях при обеспечении гармоничного баланса публичных и частных интересов, учитывая роль воды в природе и обществе⁶⁴.

Раскрывая содержание института государственного управления использованием и охраной вод, ученый доказал, что управление в данной сфере имеет свою специфику, обусловленную характером водных отношений. Многие специалисты едины во мнении, что он, по сути, является основоположником бассейнового принципа управления использованием и охраной вод, согласно которому воды не поддаются делению по административно-территориальному признаку, а образуют водные бассейны независимо от границ республик, краев, областей, районов⁶⁵.

Многие из теоретических выводов О.С. Колбасова получили отражение в Основах водного законодательства Союза ССР и союзных республик 1970 г. и Водного кодекса РСФСР 1972 г., в подготовке которых он принимал активное участие, и сохраняются в действующем Водном кодексе РФ 2006 г.

⁶⁰ См.: *Анисимов А.П.* Творческое наследие О.С. Колбасова и его влияние на современное развитие теории экологического права // Применение принципов и норм экологического, природоресурсного и земельного права: проблемы и решения: сб. науч. ст. М., 2009. С. 48.

⁶¹ См.: *Сиваков Д.О.* Подземные воды защитить договором // Законодательство и экономика. 2005. № 6. С. 80.

⁶² См.: *Краснова И.О.* От Земельного кодекса РСФСР 1922 года до теории экологического права: из научного наследия О.С. Колбасова // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 4. С. 969.

⁶³ См.: *Калиниченко Т.Г.* Теоретическое наследие О.С. Колбасова и современное развитие водного права // Экологическое право. 2007. № 6. С. 34.

⁶⁴ См.: там же.

⁶⁵ См.: там же. С. 35; *Анисимов А.П.* Указ. соч. С. 48.

* * *

Таким образом, мало найдется в современном экологическом и природоресурсном праве проблем, которые в большей или меньшей степени не были бы затронуты в трудах О.С. Колбасова. Одни из его идей уже реализованы в российском законодательстве. Так, мысль О.С. Колбасова о том, что граждане одновременно являются и управомоченными, и обязанными субъектами в экологических правоотношениях, впоследствии нашла свое отражение в Конституции РФ, закрепляющей не только право граждан на благоприятную окружающую среду (ст. 42), но и обязанность каждого охранять природу (ст. 58). Он одним из первых заговорил об экологической функции государства, о профилактике экологических правонарушений, о возмещении экологического вреда и многих других проблемах, анализ которых останется за рамками данной статьи.

Проходят десятилетия, меняются экономическая и политическая ситуация в мире и в отдельных странах, характер международных отношений, а благоприятное состояние окружающей среды и природа как основа существования по-прежнему остаются истинными ценностями для человека. При этом важное значение имеет соблюдение экологических требований в процессе осуществления хозяйственной деятельности, в том числе в сфере аграрного производства. Много лет назад О.С. Колбасов писал о том, что в сельском хозяйстве «применяются такие технические средства и приемы... которые создают повышенную опасность для естественных производительных сил самого сельского хозяйства, качества окружающей среды и здоровья населения в целом»⁶⁶. С тех пор ситуация стала еще более сложной: в сельском хозяйстве стали применяться биотехнологии, генномодифицированные организмы, цифровые технологии и т.п. Поэтому по-прежнему актуально звучат слова О.С. Колбасова о том, что ведение сельского хозяйства «немыслимо без высокой экологической культуры, включающей эффективное правовое регулирование, строгое соблюдение законодательных требований по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов в производственном процессе»⁶⁷. Этот вывод актуален и для иных сфер экономической деятельности.

Современное поколение юристов-экологов, продолжая научные традиции своих учителей, должно прикладывать максимальные усилия к созданию надежной и эффективной системы

⁶⁶ Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве / отв. ред. О.С. Колбасов. С. 184.

⁶⁷ Там же.

правового регулирования охраны окружающей среды в целях сохранения жизни на Земле. И конечно же, наибольшего успеха в этом можно достичь путем вовлечения в междисциплинарную научную дискуссию максимально широкого круга специалистов в области как права, так и естественных наук, поскольку именно в споре рождается истина. А научное наследие таких выдающихся ученых, каким был О.С. Колбасов, — надежное подспорье на этом непростом пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимов А.П.* Творческое наследие О.С. Колбасова и его влияние на современное развитие теории экологического права // Применение принципов и норм экологического, природоресурсного и земельного права: проблемы и решения: сб. науч. ст. М., 2009. С. 48.
2. *Боголюбов С.А.* О.С. Колбасову — 90 лет // Колбасов О.С. Избранное / сост. О.И. Краснова, Г.А. Мисник. М., 2017. С. 12.
3. *Бринчук М.М.* О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. 1998. № 9. С. 20—28.
4. *Бринчук М.М.* Экологическая политика: природа и человек как общественная ценность // Экологическое право. 2016. № 3. С. 8.
5. *Бринчук М.М.* Экологическое право должно стать противовесом всего остального права... // Экологическое право. 2019. № 3. С. 3—11.
6. *Бринчук М.М., Ма С.* Концепция устойчивого развития как методологическая основа предупреждения экологического вреда // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф. г. Минск, 26—27 апреля 2018 г. Минск, 2018. С. 18.
7. *Быстров Г.Е.* Олег Степанович Колбасов — выдающийся ученый XX века // Колбасов О.С. Избранное / сост. О.И. Краснова, Г.А. Мисник. М., 2017. С. 13.
8. *Быстров Г.Е.* Олег Степанович Колбасов — выдающийся ученый XX века международного уровня // Аграрное и земельное право. 2017. № 5 (149). С. 127, 128.
9. *Васильева М.В.* Предмет и система экологического права // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 1996. № 1. С. 15—18.
10. *Гаджиджаев М.З.* Экологический вектор в устойчивом развитии Дагестана // Юг России: экология, развитие. 2021. Т. 16. № 4 (61). С. 221.
11. *Голиченков А.К.* Олег Степанович Колбасов — ученый, гражданин, учитель // Колбасов О.С. Избранное / сост. О.И. Краснова, Г.А. Мисник. М., 2017. С. 14.
12. *Дубовик О.Л.* Одним словом — эколог // Колбасов О.С. Избранное / сост. О.И. Краснова, Г.А. Мисник. М., 2017. С. 16, 17.
13. *Дубовик О.Л.* Формирование экологической политики: история, достижения, тенденции и задачи (анализ теоретического наследия О.С. Колбасова) // Экологическое право. 2007. № 6. С. 23.
14. *Дубовик О.Л.* Экологическое право: реальность и попытки ревизионизма // Труды ИГП РАН. 2010. № 2. С. 9, 10.
15. *Игнатьева И.А.* Документы стратегического планирования и вопросы определения их места в регулировании экологических отношений // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2021. № 3. С. 3—26.
16. *Калиниченко Т.Г.* Теоретическое наследие О.С. Колбасова и современное развитие водного права // Экологическое право. 2007. № 6. С. 34, 35.
17. *Кичигин Н.В.* Научная школа экологического права // Журнал рос. права. 2015. № 9 (225). С. 104.
18. *Колбасов О.С.* Завещание экологам // Журнал рос. права. 2000. № 5/6. С. 89—90.
19. *Колбасов О.С.* Завещание экологам // Экологическое право. 2001. № 3. С. 13.
20. *Колбасов О.С.* Избранное / сост. О.И. Краснова, Г.А. Мисник. М., 2017.
21. *Колбасов О.С.* Международно-правовая охрана окружающей среды. М., 1982. С. 3, 17, 18, 221.
22. *Колбасов О.С.* Основные направления правотворчества в области охраны окружающей природной среды // Сов. государство и право. 1980. № 3. С. 72—77.
23. *Колбасов О.С.* Правовое регулирование деятельности МТС по организации колхозного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955.
24. *Колбасов О.С.* Проблемы совершенствования советского водного законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968.
25. *Колбасов О.С.* Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 10. С. 27—37.
26. *Колбасов О.С.* Экология: политика — право. Правовая охрана природы в СССР. М., 1976. С. 26, 27, 91.
27. *Краснова И.О.* Воспоминания об отце // Колбасов О.С. Избранное / сост. О.И. Краснова, Г.А. Мисник. М., 2017. С. 9, 10.
28. *Краснова И.О.* От Земельного кодекса РСФСР 1922 года до теории экологического права: из научного наследия О.С. Колбасова // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 4. С. 969.
29. *Краснова И.О.* Роль О.С. Колбасова в формировании современного экологического права // Экологическое право. 2007. № 3. С. 42.
30. *Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве* / отв. ред. О.С. Колбасов. М., 1989. С. 4, 44, 46, 57, 58, 89, 90, 184.
31. *Пышьева Е.С.* Государственно-правовое регулирование использования и охраны защитных лесных насаждений в сельском хозяйстве // Актуальные проблемы рос. права. 2022. № 5. С. 214—231.
32. *Редникова Т.В.* Актуальные проблемы формирования экологически значимого поведения людей на международном и национальном уровнях // Междунар. право и междунар. организации. 2023. № 4. С. 1.
33. *Редникова Т.В.* Биологическое разнообразие как объект правовой охраны // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 1 (53). С. 122.

34. *Редникова Т.В.* Идеи устойчивого развития в правовой охране окружающей среды XXI века: реалии и перспективы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2021. № 3. С. 13.
35. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 7.
36. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 72.
37. *Сиваков Д.О.* Подземные воды защитить договором // Законодательство и экономика. 2005. № 6. С. 80.
1. *Anisimov A. P.* O.S. Kolbasov's creative heritage and its influence on the modern development of the theory of Environmental Law // Application of principles and norms of Environmental, natural resource and Land Law: problems and solutions: collection of scientific articles. M., 2009. P. 48 (in Russ.).
2. *Bogolyubov S.A.* O.S. Kolbasov – 90 years // Kolbasov O.S. Favorites / comp. O.I. Krasnova, G.A. Misnik. M., 2017. P. 12 (in Russ.).
3. *Brinchuk M.M.* On the conceptual apparatus of Environmental Law // State and Law. 1998. No. 9. Pp. 20–28 (in Russ.).
4. *Brinchuk M.M.* Environmental policy: nature and man as a social value // Environmental Law. 2016. No. 3. P. 8 (in Russ.).
5. *Brinchuk M.M.* Environmental Law should become a counterweight to all other law... // Environmental Law. 2019. No. 3. Pp. 3–11 (in Russ.).
6. *Brinchuk M.M., Ma S.* The concept of sustainable development as a methodological basis for preventing environmental harm // Influence of interstate integration processes on the development of Agrarian, Environmental, natural resource and Energy Law: abstracts of reports of the International Scientific and Practical Conference. Minsk, April 26–27, 2018. Minsk, 2018. P. 18 (in Russ.).
7. *Bystrov G.E.* Oleg Stepanovich Kolbasov – an outstanding scientist of the XX century // Kolbasov O.S. Favorites / comp. O.I. Krasnova, G.A. Misnik. M., 2017. P. 13 (in Russ.).
8. *Bystrov G.E.* Oleg Stepanovich Kolbasov – an outstanding scientist of the XX century of the international level // Agrarian and Land Law. 2017. No. 5 (149). Pp. 127, 128 (in Russ.).
9. *Vasilyeva M.V.* The subject and system of environmental law // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 1996. No. 1. Pp. 15–18 (in Russ.).
10. *Gadzhidadaev M.Z.* Ecological vector in the sustainable development of Dagestan // South of Russia: ecology, development. 2021. Vol. 16. No. 4 (61). P. 221 (in Russ.).
11. *Golichenkov A.K.* Oleg Stepanovich Kolbasov – scientist, citizen, teacher // Kolbasov O.S. Favorites / comp. O.I. Krasnova, G.A. Misnik. M., 2017. P. 14 (in Russ.).
12. *Dubovik O.L.* In a word, an ecologist // Kolbasov O.S. Favorites / comp. O.I. Krasnova, G.A. Misnik. M., 2017. Pp. 16, 17 (in Russ.).
13. *Dubovik O.L.* Formation of environmental policy: history, achievements, trends and tasks (analysis of the theoretical heritage of O.S. Kolbasov) // Environmental Law. 2007. No. 6. P. 23 (in Russ.).
14. *Dubovik O.L.* Environmental Law: reality and attempts of revisionism // Proceedings of the IGP RAS. 2010. No. 2. Pp. 9, 10 (in Russ.).
15. *Ignatieva I.A.* Documents of strategic planning and issues of determining their place in the regulation of environmental relations // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2021. No. 3. Pp. 3–26 (in Russ.).
16. *Kalinichenko T.G.* The theoretical legacy of O.S. Kolbasov and the modern development of Water Law // Environmental Law. 2007. No. 6. Pp. 34, 35 (in Russ.).
17. *Kichigin N.V.* Scientific School of Environmental Law // Journal of Russ. law. 2015. No. 9 (225). P. 104 (in Russ.).
18. *Kolbasov O.S.* Testament to ecologists // Journal of Russ. law. 2000. No. 5/6. Pp. 89–90 (in Russ.).
19. *Kolbasov O.S.* Testament to environmentalists // Environmental Law. 2001. No. 3. P. 13 (in Russ.).
20. *Kolbasov O.S.* Favorites / comp. O.I. Krasnova, G.A. Misnik. M., 2017 (in Russ.).
21. *Kolbasov O.S.* International legal protection of the environment. M., 1982. Pp. 3, 17, 18, 221 (in Russ.).
22. *Kolbasov O.S.* The main directions of law-making in the field of environmental protection // Soviet State and Law. 1980. No. 3. Pp. 72–77 (in Russ.).
23. *Kolbasov O.S.* Legal regulation of MTS activities for the organization of collective farm production: dis. ... PhD in Law. L., 1955 (in Russ.).
24. *Kolbasov O.S.* Problems of improving the Soviet water legislation: dis. ... Doctor of Law. M., 1968 (in Russ.).
25. *Kolbasov O.S.* Terminological wanderings in ecology // State and Law. 1999. No. 10. Pp. 27–37 (in Russ.).
26. *Kolbasov O.S.* Ecology: politics – law. Legal protection of nature in the USSR. M., 1976. Pp. 26, 27, 91 (in Russ.).
27. *Krasnova I.O.* Memories of her father // Kolbasov O.S. Favorites / comp. O.I. Krasnova, G.A. Misnik. M., 2017. Pp. 9, 10 (in Russ.).
28. *Krasnova I.O.* From the Land Code of the RSFSR of 1922 to the theory of Environmental Law: from the scientific heritage of O.S. Kolbasov // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26. No. 4. P. 969 (in Russ.).
29. *Krasnova I.O.* The role of O.S. Kolbasov in the formation of modern Environmental Law // Environmental Law. 2007. No. 3. P. 42 (in Russ.).
30. Legal protection of the environment in agriculture / res. ed. O.S. Kolbasov. M., 1989. Pp. 4, 44, 46, 57, 58, 89, 90, 184 (in Russ.).

31. *Pysheva E.S.* State legal regulation of the use and protection of protective forest plantations in agriculture // Actual problems of Russ. law. 2022. No. 5. Pp. 214–231 (in Russ.).
32. *Rednikova T.V.* Actual problems of formation of ecologically significant human behavior at the international and national levels // International Law and international relations organizations. 2023. No. 4. P. 1 (in Russ.).
33. *Rednikova T.V.* Biological diversity as an object of legal protection // Herald of Kutafin University. 2019. No. 1 (53). P. 122 (in Russ.).
34. *Rednikova T.V.* Ideas of sustainable development in the legal protection of the environment of the XXI century: realities and prospects // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4. State and law. 2021. No. 3. P. 13 (in Russ.).
35. *Savenkov A.N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 7 (in Russ.).
36. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law, legal thinking and global problems of modern civilization // Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy Sciences / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 72 (in Russ.).
37. *Sivakov D.O.* Underground waters to protect by contract // Legislation and economics. 2005. No. 6. P. 80 (in Russ.).

Сведения об авторе

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

USTYUKOVA Valentina V. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agrarian Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© 2024 г. И. Л. Честнов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

E-mail: ilchestnov@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.01.2023 г.

Аннотация. В статье излагается авторская концепция правовой идентичности. Проблема идентичности сегодня стала актуальной темой в социологии, политологии, антропологии. Формируется представление об актуальности изучения правовой идентичности. Наиболее адекватной методологией исследования правовой идентичности, по мнению автора, является постклассическая, которая акцентирует внимание на процессуальной динамике, а не на ее структуре или статике. Правовая идентичность, как обосновывается автором, — это не сами по себе нормы права, формулирующие правовые статусы, а их реализация в правовом порядке. При этом происходит опознание формального правового статуса, его принятие (соотнесение с личностной интенцией, интересами) и воспроизводство практиками.

Ключевые слова: идентичность, правовая идентичность, постклассическая методология права, правовой статус, реализация права.

Цитирование: Честнов И.Л. Правовая идентичность: постклассическое измерение // Государство и право. 2024. № 3. С. 28–38.

DOI: 10.31857/S1026945224030037

LEGAL IDENTITY: POSTCLASSICAL MEASUREMENT

© 2024 I. L. Chestnov

St. Petersburg Law Institute (Branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

E-mail: ilchestnov@yandex.ru

Received 17.01.2023

Abstract. The article presents the author's concept of legal identity. The problem of identity has become an urgent topic in sociology, political science, and anthropology today. An idea is being formed about the relevance of studying legal identity. According to the author, the most adequate methodology for the study of legal identity is postclassical, which focuses on procedural dynamics, rather than its structure or statics. Legal identity, as justified by the author, is not in itself the norms of law that formulate legal statuses, but their implementation in the rule of law. At the same time, the formal legal status is recognized, its acceptance (correlation with personal intention, interests) and reproduction by practices.

Key words: identity, legal identity, postclassical methodology of law, legal status, implementation of law.

For citation: Chestnov, I.L. (2024). Legal identity: postclassical measurement // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 28–38.

«Идентичность» — ключевой термин в общеупотребительной идиоме современной политики¹. Он если не вытесняет традиционное понятие «общественное сознание», то по крайней мере сосуществует с ним и следует признать, что сегодня стал гораздо более популярным. В чем причина этого? Полагаем, что изменения, происходящие в мире, способствуют переосмыслению старых понятий, описывающих социальное бытие и появление новых. Приживутся ли они — вопрос открытый. Одной из таких новых категорий как раз и является «идентичность», включающая правовой ее аспект.

На наш взгляд, перспективы изучения идентичности в социогуманитарном знании связаны прежде всего с антропологическим «поворотом», который произошел во второй половине XX в. и который акцентирует внимание на человекомерности социальных институтов и техники². Он не только привлек внимание к социальным группам, которые по какой-то причине ощущают свою политико-правовую ущемленность и в связи с этим заявляют претензии на свой особый статус и даже не только к требованиям уважения достоинства личности как правового притязания к другому, к государству и обществу³. Антропологический поворот утверждает, что идентичность — это содержательная характеристика личности, необходимое условие для существования морали, права, шире — любой нормативной системы. Всякая концепция нормативности неизбежно связана (и потому зависит от нее) с теорией идентичности, так как любая норма предполагает своего адресата. Реализация же нормы (в том числе правовой) — это соотнесение личностной интенции (интересов, потребностей, ожиданий), образующей идентичность, с информацией, сформулированной в норме. Более того, теория идентичности вписывается в механизмы восприятия мира и себя в нем, имеет прямое отношение к определению «нормальности» — т.е. правосубъектности (в юридической ее — «нормальности» — форме). А от определения так понимаемой «нормальности» зависит существование нормативности социального мира и правопорядка.

Идентичность, с другой стороны, — важнейшее условие интерсубъективности (заменяющей натуралистическую объективность) в науке. Исследователь обязан эксплицировать собственную позицию — идентифицировать ее или себя как автора, занимающего научную позицию, — по рассматриваемому вопросу, прежде чем приступать

к его исследованию. Не существует беспредпосылочного, или «чистого», познания и его результата — знания. Контекстуальные (исторические и социокультурные) предпосылки познания, их идентификация вместе с личностными научными идиосинক্রазиями — важнейшая задача научного исследования, дополняющая познание самого объекта исследования. Как писал П. Бурдьё, понимание, которое кажется нам «очевидным, понятным с первого взгляда», на деле всегда субъективно и зиждется на некоторых основаниях⁴. Выход выдающийся французский социолог видит в «двойной объективации»: объективировать процесс объективации — «объективировать собственную позицию» — для достижения научной состоятельности⁵.

Именно такая процедура рефлексивности позволяет дать конструктивный ответ на вызов постструктурализма, провозгласившего «смерть субъекта». Сразу же необходимо отметить, что данная метафора часто трактуется критиками постсовременности на основе предвзятых и недостоверных представлений об этом сложном феномене⁶. Провозглашение «смерти субъекта» — автора как исходной трансцендентальной сущности — производится Р. Бартом и М. Фуко, а также их последователями для того, чтобы показать роль структуры в производстве социальности и преодолеть структурное принуждение.

Следует заметить, что понятие идентичности — его содержание — является исторически изменчивым. Изначально, как утверждает В.С. Малахов, в античной и шире — классической метафизике — идентичность понимается как характеристика бытия, тождественного самому себе и всякому другому существу. Так, понимаемая идентичность исключает различие как «иное бытие», а вместе с ним и то, что выступает причиной инаковости — изменение⁷.

⁴ См.: Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социологос постмодернизма, 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований ИС РАН. М., 1996. С. 23. Тот, кто считает, что встречается с народом, пишет П. Бурдьё, на деле встречается с собственной идеей о нем (см.: там же. С. 25).

⁵ См.: там же.

⁶ Примером такого взгляда является позиция С.А. Бочкарёва. Не утруждая себя изучением существа вопроса, специалист в области философии уголовного права с порога отмечает «стирание (в оригинале текста опечатка почти по Фрейд — “старание”. — И.Ч.) автора в пользу форм, свойственных дискурсу» (см.: Бочкарёв С.А. Истоки постмодерна о подлинном смысле и предназначении постправа // Государство и право. 2021. № 11. С. 29). То, что именно дискурс (или дискурсивные практики) конструирует статус субъекта (в том числе субъекта права), С.А. Бочкарев почему-то оставляет без внимания.

⁷ Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001. С. 81. Только в конце 60-х годов XX в. постструктуралисты и неомарксисты начинают акцентировать внимание на различии в противовес тождеству.

¹ См.: Брубейкер Р. За пределами «идентичности» / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012. С. 62.

² См.: Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.

³ См.: Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М., 2019.

При этом со времен Д. Локка⁸ и вплоть до символического интеракционизма в лице Д. Мида и Ч. Кули термины «самость» и «идентичность» отождествляются⁹. Однако во второй половине XX в. термин «идентичность» приобретает самостоятельность и рассматривается в сложной взаимозависимости с понятиями «самость», «тождество» и «различие». Наиболее последовательную философскую разработку концепт «идентичность» получил в трудах П. Рикера. Для выдающегося французского философа, природа идентичности — диалектика самости и различия¹⁰. Она проявляется прежде всего в «разрыве между личностью как публичным единством и сознанием как единством частным...»¹¹. Соотнесение социальных статусов, в которых все мы живем и без приписывания которых невозможна идентичность (включая самописание человеком самого себя) с персональностью как уникальной интернализацией социальных свойств — главная антиномия идентичности (шире — личности как процесса ее формирования, социализации), которая, считаем, разрешается внутренним диалогом, воплощаемым в интеракциях.

Полагаем принципиально важным акцентировать внимание на то, что *идентичность — это диалог тождества и различия*. Размышление о любом объекте восприятия и о самом себе (рефлексируемом как объект) предполагает, во-первых, категоризацию и классификацию воспринимаемого¹² (при этом категоризация и классификация производятся вместе с восприятием, встроены в процесс перцепции). Во-вторых, идентичность включает поиск и демонстрацию различия

(или различия) воспринимаемого от типичного, что проявляется в специфике «самости» (в терминах П. Рикера). Но фиксация различия производится в типичных категориях и конструкциях, поэтому процесс категоризации и различия воспроизводится при обнаружении все новых и новых свойств описываемого. Описываемая проблема идентичности — противоречие между самостью (неповторимым и уникальным Я) и тождеством с группой. Можно ли обнаружить экзистенциальную сущность личности, не сводимую к социальным ролям — статусам? При любом самоописании (без чего невозможна личностная идентичность) происходит наделение себя ярлыками: я — мужчина, такого-то возраста, с таким-то образованием, специалист в том-то, любитель того-то и т.д. Можно «быть» только тем, статус кого существует (невозможно, например, стать римским патрицием, так как они остались в прошлом). С другой стороны, социальные статусы существуют только в том случае, если они воспроизводятся практиками людей — иначе роль, которую никто не играет перестает быть ролью. Поэтому социальные статусы зависят от их сконструированности (их создают все же люди, хотя и не по своему произвольному усмотрению) и практического воплощения. Да, мы живем в обстоятельствах, на которые отдельный человек не может повлиять, но эти обстоятельства тем не менее создаются, поддерживаются и изменяются нами. В любом случае любая личностная интенция — социальное измерение «личностного». Где же в таком случае ее уникальность? Полагаем — в неповторимой комбинации свойств, описываемых как типичные, общие, обнаруживаемые у любого человека: в уникальных «наших» контекстуальных и ситуативных потребностях и интересах в рамках типичных потребностей и интересов (представленных, например, «пирамидой» А. Маслоу). Такое описание («самонаратив») переводит личностное в интерсубъективное и шире — в социальное. А каждое (любое) социальное свойство имеет юридическое измерение (может быть наделено юридической значимостью). В общем и целом *диалог самости и социальной принадлежности, как представляется, составляет основу идентичности*.

Процесс идентификации, или идентичность в динамике, как следует из его диалогичности, всегда является интерсубъективным: только взаимное признание, которое можно считать содержанием диалога, есть основание идентичности¹³, хотя так понимаемый диалог и взаимное признание зачастую далеки от идиллии полного согласия, но может

⁸ Интересно, что для Д. Локка личность — это юридический термин, включающий как действие, так и его оценку (юридическую квалификацию, если говорить современным юридическим языком), и он может быть использован только применительно к вменяемым агентам, способным подчиняться закону (см.: *Dennett D. Brainstorms. Philosophical Essays in Mind and Psychology*. 2nd ed. London, 1986. P. 269).

⁹ Идентичность как тождественность самому себе, по Д. Локку, образует содержание идентичности (см. подр.: *Рикер П. Память, история, забвение* / пер. с франц. М., 2004. С. 144–152).

¹⁰ См.: *Рикер П. Я-сам как другой* / пер. с франц. М., 2008. С. 172.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Заметим, что после пионерских работ когнитивистов Э. Рош и Дж. Лакоффа такая категоризация — это не аристотелевское подведение под родовое понятие, но отождествление с образцом, задаваемым «прецедентным мышлением». На этом же настаивал П. Бурдьё, когда писал, что пора «порвать с интеллектуализмом неокантианской традиции и понять, что когнитивные структуры являются не формами сознания, а телесными предрасположенностями» (см.: *Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля* // *Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН*. М., СПб., 1999. С. 155).

¹³ Взаимное признание — сложный, противоречивый процесс, выражающийся в борьбе за признание, блестяще описанный П. Рикером в работе «Путь признания» (см.: *Рикер П. Путь признания: три очерка* / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовинной. М., 2010).

быть и «агональным» диалогом. Важно принятие позиции другого и взаимоотношение с ним собственных интенций и экспектаций. Такая взаимодополнительность обеспечивает совместность бытия и выступает основанием любой социальности.

Условиями идентичности как «личности», по мнению известного американского философа, лидера «философского натурализма» Д. Деннета, являются: рациональность личности, атрибутируемость ей сознательности или ментальных предикатов, отношение к актору как к личности, способность к вербальной коммуникации, наличие у личности самосознания¹⁴. При этом, как подчеркивает Д. Деннет, быть рациональным означает наличие интенциональности и установки на взаимность. Взаимность, в свою очередь, предполагает способность к вербальной коммуникации и наличие особого типа сознания — рефлексии¹⁵.

Проблема идентичности — ее множественность. В этой связи можно ли говорить об идентичности как таковой, или следует вести речь об *идентичностях*? Эта философская проблема воспроизводит спор реалистов и номиналистов. Идентичность как общее понятие — не более чем абстракция, всеобщее, проявляющееся в единичном: в конкретных идентичностях, приписываемых отдельным индивидам. В этой связи возникает еще одна философская проблема: существуют ли коллективные идентичности, и если да — то в каком виде или в какой форме? Согласимся с В.С. Малаховым, что нельзя проводить прямую аналогию между обществом и личностью. Следовательно, приписывать статус субъективности коллективному образованию означает реифицировать (или гипостазировать) абстрактное понятие. Поэтому ошибочно мыслить идентичность как «субстрат, субстанцию или, если угодно, как “субстанцию, которая есть еще и субъект”»¹⁶. Таким образом, всевозможные заявления о сущности народа или нации, об их свойствах, позволяющих проводить их идентичность — не более чем социальные представления, в которых предикат подменяется атрибутом. Конечно, они реально существуют как «воображаемые сообщества» в стереотипах обыденного сознания и достаточно распространены в публицистике. Однако научная добросовестность требует критической рефлексии над такого рода аберрациями — редукцией единичного в общее и их реификацией: наделением вещественным существованием, натурализацией. Таким образом, коллективные или групповые идентичности — это не более чем господствующие в определенной социальной группе представления

(стереотипы) о свойствах, приписываемых всем представителям, образующим это коллективное образование¹⁷. Очевидно, что такого рода стереотипы¹⁸ всегда огрубляют и искажают многообразие личностных свойств акторов, входящих в данный «коллектив», а также реифицируют их, наделяя статусом онтологического бытия. В то же время нельзя не согласиться с мнением С. Хантингтона о том, что «индивиды приобретают идентичность и могут изменять ее только в группах»¹⁹.

Не случайно Э. Эриксен, один из основоположников теории идентичности, именует ее личностной, хотя и подразделяет на «Я-идентичность» и групповую, а также социальную идентичность. Первая образуется осознанием собственной уникальности как физического и психического существа, наделенного индивидуальными способностями, отличающими каждого из нас от любого другого. Групповая же идентичность (как и социальная) — это принадлежность индивида к определенным социальным группам и общностям²⁰.

Идентичность не существует как готовая и статичная данность, а представляет собой процесс постоянного вос- и перепроизводства диалога тождества и самости. Идентичность — это не данность, а процесс²¹. «Идентичности в общем и целом, — писал

¹⁷ Групповая идентичность, по мнению выдающегося американского психолога Г. Тейджфела, — это образы и оценки, приписываемые человеком той или иной социальной группе (см.: *Tajfel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981. P. 63*).

¹⁸ Стереотип, с точки зрения одного из родоначальников его изучения в социальной психологии Г. Олпорта, представляет собой упрощенный и одновременно эмоционально окрашенный образ, устойчивый в данной группе предрассудок, гиперболизирующий, преувеличивающий ту или иную черту объекта (см.: *Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge (Mass.), 1954*).

¹⁹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004. С. 50, 51.

²⁰ См.: *Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. NY, 1968*.

²¹ В той связи возникает множество эпистемологических проблем, отмеченных Р. Брубейкером и Ф. Купером. «“Мягкий” конструктивизм позволяет мнимым “идентичностям” множиться. Но по мере их умножения сам этот термин утрачивает аналитическую ценность. Если идентичность находится везде, то ее нет нигде. Если она текуча, то как понять, каким образом самопонимания крепнут, твердеют и кристаллизуются? Если она сконструирована, то как можно понять принудительность внешних идентификаций? Если она множественна, то как понять ту ужасную единичность и единственность, которой часто жаждут и иногда достигают политики, желающие превратить простые категории в унитарные и включающие группы? Как мы можем понять силу и пафос политики идентичности?» (см.: *Брубейкер Р. Указ. соч. С. 62*). Является ли это основанием для отказа от конструктивистской научно-исследовательской программы при исследовании идентичности? Отнюдь! Тем более что сами авторы — Р. Брубейкер и Ф. Купер — анализируют идентичность как практическую категорию в духе П. Бурдьё, как категорию «повседневного

¹⁴ См.: *Dennett D. Op. cit. Pp. 271–273*.

¹⁵ См.: *ibid. P. 274*.

¹⁶ *Ibid. P. 89*.

С. Хантингтон, — представляют собой конструкторы. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению... Перефразируя Андерсона, идентичности — воображаемые сущности: то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся. Не считая культурной наследственности (от которой можно и отречься), пола (который можно и сменить) и возраста (который нельзя изменить, но с которым можно бороться), люди относительно свободны в определении собственной идентичности, пускай даже с практическим применением этого определения впоследствии возникают сложности»²². Выяснение того, как происходит конструирование идентичности, кто и почему участвует в этом процессе и как затем идентичность седиментируется и хабиитуализируется, превращаясь в само-собой разумеющийся феномен — важнейшая задача социальной науки. Только такой подход является адекватным исследованием идентичности — этого сложного явления.

Правовая идентичность в юридической науке

Зачем изучать правовую идентичность? Это связано, как ни странно, с вечным вопросом «кто я». От того, как определяет себя человек, отвечая на вопрос «кто я», зависит его фактическое (в том числе юридически значимое) поведение. Следовательно, изучение права в действии (в социологическом, а не позитивистском смысле этого слова) не может не оперировать понятием правовой идентичности. Станным в этой связи выглядит заявление Е.В. Резникова о том, что, поскольку «право оперирует лишь типичными, но не уникальными характеристиками человека» («неповторимые свойства человека неизбежно остаются за пределом внимания права»), правовым содержанием «обладает лишь социальная, но не личностная идентичность», которая основывается на правовом статусе как усредненной и обобщенной модели²³. Традиционный, классический подход, различающий по принципу бинарных оппозиций объективное и субъективное право (а по большому счету изымающий субъективное право из предмета изучения юриспруденции) ориентирован на такую типичность и усредненность. Однако субъективное право, понимаемое как фактические действия, наделенные юридическим значением и смыслом, не может не учитывать сложную диалогическую взаимообусловленность типичного

и индивидуального. Поэтому правовая идентичность не отчуждена от человека, так как носит формальный характер, о чем заявляет Е.В. Резников²⁴, но находится в постоянном процессе воспроизводства, в котором (как, например, и в правовой социализации личности) внешние, «отчужденные» факторы интериоризируются в правовую культуру (прежде всего в правосознание) человека, наполняются индивидуальным содержанием через соотнесение с личностными интенциями, и в этом качестве выступают мотивацией его поведения (правовой активности).

Н.В. Исаева дает более глубокую трактовку правовой идентичности, по сравнению с Е.В. Резниковым. По ее мнению, идентичность — «форма бытия человека, обусловленная его социальным включением», которая характеризуется тремя взаимосвязанными компонентами: самотождественностью, признанием личности социально значимым социальным окружением и уверенностью в стабильности идентичности²⁵. При этом важно не просто зафиксировать эти моменты правовой идентичности, но показать, как именно они взаимообуславливают друг друга. *Правовая идентичность — это соотнесение своей самости с правовым(ми) статусом(ми), что предполагает знание (не обязательно четкое) правовых статусов и того, кто я такой (знание собственной самости), легитимацию правового статуса, соотнесение с ним правовой интенции и экспектации (ожидания принятия моей правовой идентичности другим, адекватности его интенции и поведения в отношении меня) и воспроизводство в практиках, как ментальных, так и поведенческих.*

Наиболее адекватную, с нашей точки зрения, научно-исследовательскую программу анализа правовой идентичности дает постклассическая методология.

Постклассический подход к исследованию правовой идентичности

Постклассическая методология, задающая контуры постсовременной онтологии идентичности²⁶ (в зависимости от принятого и используемого

²⁴ См.: там же. С. 6.

²⁵ См.: Исаева Н.В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование). М., 2013. С. 14, 15.

²⁶ Хотим мы того или нет, признаем мы это или отрицаем (как это делает, например, С.А. Бочкарёв), но все мы с конца XX в. живем в эпоху, приходящую на смену модерну (современности). Ее можно именовать по-разному — как «высокий модерн», «поздний модерн» или «постмодерн» (но не постмодернизм!), но отрицать кардинальные изменения, которые произошли в нашей жизни — в социальной и технической реальности и ее восприятии, неотделимой от самой реальности — не в состоянии даже самый заскорузлый консерватор. То, что

социального опыта, развиваемую и употребляемую обычными социальными акторами, в отличие от категории, удаленной от опыта, которой пользуются социальные аналитики» (см.: Брубейкер Р. Указ. соч. С. 69).

²² Там же. С. 51, 52.

²³ См.: Резников Е.В. Правовая идентичность в личности: от теоретических основ формирования и развития к профессиональной идентичности судьбы. М., 2015. С. 217.

метода конструируется предмет научного исследования) предполагает ее сконструированность и контекстуальность, как историческую, так и социокультурную (включающую в том числе экономическое и политическое измерения). Правовая идентичность с позиций постклассической парадигмы — это не статичная данность, а постоянный процесс идентификации. Власть с помощью правовой политики и интерпелляции формирует юридические статусы, с которыми все мы вынуждены соотносить свои интенции, ожидания.

Таким образом, механизм конструирования правовой идентичности — это деятельность власти (элиты, представителей основных референтных групп) по созданию правовых статусов и наделение их юридической значимостью, по убеждению населения в их принятии (легитимации) а также воспроизводство правовых статусов практиками акторов — людей, выступающих носителями статуса субъектов права. Особую роль в конструировании правовой идентичности играет государство с помощью власти номинации, имманентной идеологии²⁷. Государство не просто фиксирует правовые статусы, классифицируя людей на соответствующие группы. Это мало: для обретения правовой идентичности и, соответственно, эффективного действия права, необходимо, чтобы правовые статус были интернализированы правосознанием людей — носителей статусов субъектов права. Только в таком случае законодательство не будет «мертворожденными» требованиями или благими пожеланиями, а станет воспроизводимой реальностью. Постсовременное государство не только производит номинацию социального мира (по терминологии П. Бурдьё), но и убеждает население в единственно возможной именно такой картине мира.

постсовременность включает жизненные миры современности и даже досовременности (традиционного общества), не отменяет очевидности глобальных трансформаций таких общественных отношений, как политика, экономика, законодательство, культура. Понимая, что в данной статье нет возможности обстоятельно изложить свою позицию по данному вопросу, отсылаю читателя к следующим работам (см.: *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012; Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016).

²⁷ По мнению П. Рикера, идеология искажает реальность, легитимирует систему власти и интегрирует мир в целое с помощью символических систем, имманентных действию. На самом глубинном уровне «феномен идеологии предстает в качестве конституирующего некую непреодолимую структуру действия, поскольку символическое посредничество порождает различие между мотивациями человеческого действия и následственными структурами генетически запрограммированных форм поведения» (см.: *Рикер П. С.* Память, история, забвение / пер. с франц. М., 2004. С. 121). Соглашаясь с концептуальной структурой идеологии, предлагаемой П. Рикером, нельзя не заметить, что, так как не существует реальности, не опосредованной идеологией (как бы к этому ни относиться), идеология не «искажает» реальность, но конструирует ее.

Наиболее важным аспектам социальных представлений государство приписывает юридическую значимость, превращая их в правовые нормы. При этом государство — не единственный субъект конструирования правовых идентичностей. Важную роль в этом процессе играет гражданское общество, референтные группы, население как объект идеологического воздействия (зачастую, особенно в постсовременном обществе массового консюмеризма — объектом манипулирования). Вырабатываемая государством во взаимодействии с основными социальными группами идеология как система господствующих в данном социуме представлений, обеспечивает легитимацию существующего общественного и правового устройства (общественного порядка и правопорядка)²⁸. Как писал Л. Альтюссер, школа не только обучает и приобщает детей к знаниям, но и к «правилам порядка», установленным, по его мнению, господствующим классом, обеспечивая тем самым установленный доминирующим классом порядок в обществе²⁹. При этом государство действует как идеологический аппарат, включающий, по мнению французского неомарксиста, не только школу, но и религию, семью, юриспруденцию, политическую систему, профсоюзы, информационные системы, культуру. Не важно, что такие институты могут быть и частными (например, школьные учреждения), а важно то, что они контролируются и направляются государственной властью и служат интересам государства, которое, в свою очередь, по мнению Л. Альтюссера, выражает интересы буржуазии³⁰. Такого рода воздействие значительно отличается от прямого (физического) принуждения и описывается в неомарксизме термином «гегемония». Со времен А. Грамши гегемония — это такое сочетание силы и согласия, которое исключает преобладание первого над вторым, это создание видимости того, будто сила опирается на согласие большинства через органы общественного мнения. Сегодня, как замечает П. Андерсон, гегемония означает

²⁸ Ныне идеология «воплощается в форматах, — отмечает А.В. Рубцов, — связанных с теневыми идеологическими институтами и латентной идеологией. Стандартными понятиями эти процессы не описываются или не опознаются вовсе. Отсюда потребность в расширенной трактовке идеологии, в том числе как системы институтов и практик, обеспечивающих особого рода диффузное, “проникающее” воздействие на сознание и идеологическое бессознательное. Одновременно понятие идеологии выходит за пределы узко понимаемой политики и в “предельном” расширении обнаруживается в самых разных сферах познания, культуры, экономики и повседневной жизни» (см.: *Рубцов А.В.* Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18–27).

²⁹ См.: *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3.

³⁰ См.: там же.

«согласие, которое правители добиваются от тех, кем правят, и в то же время применением принуждения с целью упрочить их правление»³¹. Важно то, что «определяющей функцией всякой идеологии является “конституирование” конкретных индивидуумов в субъектов. Именно в этом двойном процессе конституирования и осуществляется функционирование всякой идеологии»³².

Государство дисциплинирующими практиками, как показал М. Фуко, производит субъектов как таковых и, несомненно, субъектов права. Режим объективации преобразует человека в субъекта через превращение его в объект, разделяя безумца и человека в здравом уме, больного и здорового, преступника и законопослушного гражданина³³. Государство, используя такую форму власти, как «власть знания», распространяется непосредственно на повседневную жизнь, «классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов»³⁴.

Государство «интегрировало в новой политической форме старую технику власти, возникшую в христианских институтах. Назовем эту технику власти пастырской властью». «Это форма власти, которая заботится не только о сообществе как целом, но и о каждом конкретном индивиде на протяжении всей его жизни. Эта форма власти не может осуществляться без знания о том, что происходит в головах людей, без исследования их душ, без принуждения их к раскрытию своих наиболее интимных тайн. Она имеет в виду познание сознания (совести) и способность управлять им (ею)»³⁵. Таким образом, государство, пишет М. Фуко, характеризуется развитием индивидуализирующей «тактики», характерной для целого ряда разнообразных властей: семьи, медицины, психиатрии, воспитания, работодателей и т.д.³⁶

На наш взгляд, один из важнейших аспектов исследований М. Фуко состоит в демонстрации того, как организованное государством общество устанавливает критерии «нормальности»

(правосубъектности в юридическом смысле), на их основе классифицирует индивидов, легитимирует именно такое устройство общественного порядка и тем самым задает основания для правовой идентификации. Конечно, этот процесс осуществляется не только государственной властью, но широким кругом субъектов, образующих поле сил, конкурирующих за право официальной номинации социального (а значит — и юридического) мира.

П. Бурдьё, выдающийся французский социолог, сформулировал много важных идей, относящихся к данной теме. Прежде всего он обращает внимание на символическую власть официальной номинации, которой «учреждается» социальный мир. «Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая *гносеологический* порядок: непосредственное мироощущение (в особенности — чувство социального мира) предполагает то, что Дюркгейм назвал *логическим конформизмом*, т.е. “гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами”»³⁷. Эта символическая власть сосредоточена прежде всего в руках государства.

Государственная власть, утверждал П. Бурдьё, производит и навязывает «(в частности, через школу) категории мышления, которые мы согласны применять ко всему, что есть в мире, а также к самому государству»³⁸. С помощью законодательства и актов правоприменения, право через органы государственной власти «узаконивает сложившийся порядок, легитимируя видение этого порядка, которое обеспечивается Государством и представляет его точку зрения. Оно присваивает агентам гарантированную идентичность, гражданское состояние и главное социально признанные, а значит, продуктивные компетенции (или возможности) путем распределения прав на их использование — званий (учебных, профессиональных), свидетельств (о профпригодности, инвалидности, болезни), а также санкционирует все процессы, связанные с получением, увеличением, передачей или лишением этих прав»³⁹. В то же время П. Бур-

³¹ Аднерсон П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Краlechкина; под науч. ред. В. Софронова. М., 2018. С. 38, 39.

³² Альтюссер Л. Указ. соч.

³³ См.: Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. В.М. Скуратова под общ. ред. В.П. Большакова. М., 2006. Ч. 3. С. 161.

³⁴ Там же. С. 167, 168.

³⁵ Там же. С. 170, 171.

³⁶ См.: там же. С. 173.

³⁷ Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевод. Н.А. Шматко. М.; СПб, 2005. С. 89.

³⁸ Бурдьё П. Дух государства // Там же. С. 220. В другой работе он отмечает: «Через условия, которое государство навязывает практикам, оно учреждает и внедряет в головы общепринятые формы и категории восприятия и мышления: социальные рамки восприятия, понимания или запоминания, мыслительные структуры государственные формы классификации. Тем самым оно создаст обстоятельства как бы непосредственного согласования габитусов, являющегося основанием некоторого рода консенсуса по совокупности взаимопризнаваемых бесспорных истин, составляющих здравый смысл» (см.: Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. С. 154).

³⁹ Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдьё П. Социальное пространство: поля

дье подчеркивает, что, хотя государство, по М. Веберу, есть «держатель монополии на легитимное символическое насилие, точнее, арбитр, но очень могущественный, в борьбе за эту монополию». Однако «в борьбе за производство и навязывание легитимного видения социального мира обладатели бюрократической власти никогда не получают абсолютной монополии, даже когда добавляют авторитет науки (как, например, экономисты на службе у государства) к бюрократическому авторитету. В действительности в обществе всегда существует конфликт между разными символическими властями, стремящимися навязать свое видение легитимных делений, т.е. создавать группы. Символическая власть в этом смысле есть власть *worldmaking*. *Worldmaking* — конструирование мира, заключается, по Нельсону Гудмену, в том, чтобы “делить и объединять, часто одним и тем же действием”, производить декомпозицию, анализ и композицию, синтез, что часто совершается одним наклеиванием ярлыка. Социальные классификации, оперирующие главным образом (как, например, в архаических обществах) бинарными противопоставлениями: мужской-женский, высокий-низкий, сильный-слабый и т.п., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир»⁴⁰.

Именно право, по мнению П. Бурдьё, будучи «наивысшей формы символической власти официальной номинации», «создает социальный мир», вызывая реальные последствия⁴¹. Однако одного наименования — превращения социального в юридическое — недостаточно. Для реального (социального) действия права необходимо, чтобы оно стало легитимным. «Символическая власть, как известно, не может осуществляться без неосознанного или даже вынужденного согласия со стороны тех, кто ей подчиняется. Представляя собой высшую форму легитимного дискурса, право может быть

действительно лишь в той мере, в какой ему удастся получить признание; иначе говоря — при том условии, что остается в тени большая или меньшая часть произвола, лежащего в основе его функционирования. Постоянное воспроизводство веры в юридический порядок является одной из функций собственно юридической работы, заключающейся в кодификации этических представлений и практик и способствующей внушению профанам основ профессиональной идеологии юристов, т.е. веры в нейтральность и автономию права»⁴². Именно здесь — в процессе реализации (социального действия) права принципиально важную роль играет правовая идентичность.

Исследования П. Бурдьё относятся к тому, что ныне именуется постклассической наукой, прежде всего его концепция габитуса. Следует заметить, что теория габитуса, позволяющая «снять» важнейшую социальную антиномию — структуры и действия (агента)⁴³, разработанная П. Бурдьё в общесоциологическом плане, не получила у него разветвления применительно к полю права и политики⁴⁴, хотя активно используется при анализе экономики. Так, преимущества концепта «габитус» перед *homo*

⁴² Там же. С. 110, 111.

⁴³ В курсе лекций «Экономическая антропология» П. Бурдьё утверждал, что понятие габитуса позволяет «обойтись» без трех «вредных» и даже «смертельно опасных» оппозиций, «очень модных в американских дискуссиях и у социологов, и у экономистов»: индивидуальное и коллективное (индивидуальное действие против коллективного), механицизма и финализма (чем именно определяются человеческие поступки — причинами или доводами) и микро и макро (см.: Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / под ред. П. Шампаня, Ж. Дюваля при участии Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе; пер. с франц. Д. Кралечкина. М., 2019. С. 300, 301). Более того, габитус, с его точки зрения, — это «коллективное индивидуальное. Действительно, поскольку мы наделены габитусом (то есть устойчивыми, постоянными и относительно систематическими predispositionностями, к примеру вкусам), то в каком-то смысле являемся коллективизированными индивидами, поскольку социально сформированные predispositionности являются общими (в определенной степени и с индивидуальными отклонениями и вариациями) всем социальным агентам, находящимся в одних и тех же условиях и подчиненных одним и тем же детерминациям» (см.: там же. С. 301).

⁴⁴ Отдельные положения, конечно, можно найти в его работах. Например, он утверждал, что государство «создает обсто́ятельства как бы непосредственного согласования габитусов, являющегося основанием некоторого рода консенсуса по совокупности взаимопризнаваемых бесспорных истин, составляющих здравый смысл. <...> Подчинение установленному порядку есть результат соглашения между когнитивными структурами, которые коллективная история (филогенез) и индивидуальная история (онтогенез) воплотили в телах, объективными структурами мира, к которому они применяются. Бесспорность государственных предписаний заставляет признать себя с тем большей силой, что оно [государство] навязывает когнитивные структуры, в соответствии с которыми его нужно воспринимать» (см.: Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. С. 154, 155).

и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. С. — СПб., 2005. С. 104. В курсе лекций «О государстве» П. Бурдьё подчеркивал, что важнейшая и «одна из наиболее общих» функция государства — это «производство и канонизация социальных классификаций» (см.: Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; пер. с франц. Д. Кралечкина и И. Кушнareвой; предисл. А. Бикбова. М., 2016. С. 61). Делает это государство с помощью актов категоризации, превращающих «частное мнение в универсальное». Именно государство производит «принципы классификации» социальных процессов, структурирует социальный порядок, наши дела и мысли, обеспечивая «принятие доксы», производя «опыт социального мира как чего-то самоочевидного» (см.: там же. С. 354, 355).

⁴⁰ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. С. 83.

⁴¹ См.: Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля. С. 104.

economicus «состоит в том, что основанием экономических решений индивидов, домохозяйств, потребителей, а также предприятия является не рациональное сознание экономических агентов, а то, что я называю габитусом, то есть система predispositions... выступающая одновременно систематическим и практическим порождающим принципом конкретных актов предпочтения»⁴⁵.

Габитус как индивидуальная predisposition, схема интерпретации мира в правовом поле и есть правовая идентичность в действии права. Эта личностная predisposition предписывает актору идентифицировать себя так-то и так-то, с теми или другими референтными группами. Таким образом, габитус в юридической сфере действует через или посредством правовой идентичности. Так, норма права потенциально отсылает к адресату (если норма права — это правило поведения, а не принципы или дефиниции). Поэтому норма права фиксирует субъекта права (закрепляет правовой его статус), являясь тем самым основанием правовой идентичности. Реализуется же норма права в юридически значимых действиях людей — носителей статуса субъектов права через или с помощью идентификации ситуации и себя в ней. Здесь происходит восприятие ситуации на основе существующих (выработанных в процессе правовой социализации) в правосознании индивида юридических фреймов и скриптов, ее оценка (отчасти или в некоторых случаях — юридическая квалификация), соотнесение оценки с собственными намерениями, которые взаимосотнесены с намерениями и оценками (как предполагает субъект оценки) других участников интеракции (как правило, правоотношений) в данной ситуации. Тем самым диалогически взаимоувязывается внутренняя точка зрения с позицией «внешнего наблюдателя» (например, правоприменителя): как отреагируют на действия субъекта другие контрагенты.

Важной проблемой является соотношение правовой идентичности и правового статуса. Как представляется, это соотношение содержания и формы (если правовой статус понимается формально-юридически). Поэтому сами по себе нормы права (например, конституционные нормы), закрепляющие правовой статус, — это еще не правовая идентичность, но ее формальное основание. Сама же правовая идентичность представляет собой процесс соотнесения себя с ними (нормами права, в которых закрепляется правовой статус абстрактного субъекта права — адресата(ов)

нормы права), их принятие и воплощение в юридически значимых практиках (ментальных и поведенческих). Правовые нормы сами по себе — это еще не правовая (например, конституционная) идентичность⁴⁶, но ее важнейшая предпосылка. Правовая же идентичность возникает в процессе реализации норм права.

Таким образом, *правовая идентичность как процесс юридической идентификации — имманентный, важнейший аспект реализации права: опознание формального правового статуса, его принятие (соотнесение с личностной интенцией, интересами) и воспроизводство практиками*. С какими правовыми статусами отождествляют себя люди и в какой степени — от ответа на этот вопрос зависит содержание и состояние юридической практики. В этом же состоит практическая составляющая или измерение данной темы. При этом особой проблемой правовой идентичности является существование неформальных правовых институтов, обычного (неписаного) права. Дело в том, что все нормы права, как материального, так и процессуального, реализуются на практике через их конкретизацию в правовых обычаях — практиках, воплощающих навыки и умения субъектов права.

Остаются малоизученными и ждут своего исследования такие актуальные проблемы правовой идентичности, как количественное и качественное ее измерение, поиск показателей устойчивости и изменчивости, исследование основных референтных групп, задающих содержание и различие правовых идентичностей и многие другие. Полагаем, что за разработкой общетеоретических положений правовой идентичности обязательно последуют исследования ее конкретного воплощения в отдельных отраслях и институтах права (пример популярности изучения конституционной идентичности — тому наглядное подтверждение), в том числе, проблема злоупотребления правовой идентичностью, манипулирования правосознанием через идеологию, о чем применительно к идентичности как таковой с философской точки зрения писал П. Рикер⁴⁷. Так, тенденция, наблюдаемая со второй половины XX в. эволюции права в мире состоит в формировании все новых и новых норм (юридификации) и, соответственно, в росте дифференциации правовых статусов и идентичностей. На это противоречивое явление справедливо обращает внимание Ф. Фукуяма: происходит рост

⁴⁵ Бурдые П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / под ред. П. Шампаня, Ж. Дюваля при участии Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе; пер. с фр. Д. Кралечкина. С. 300.

⁴⁶ Так считает, например, Ю.Ю. Попова (см.: Попова Ю.Ю. Конституционная идентичность государства в условиях интернационализации конституционного права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 4. С. 34).

⁴⁷ См.: Рикер П. С. Память, история, забвение / пер. с франц.

претензий (правовых притязаний) на признание все новых и новых социальных групп, что приводит к фрустрации существующих «старых» групп и фрагментаризации идентичностей⁴⁸. Это создает конфликт идентичностей и усложняет выбор разумного их количества (невозможно приобрести все идентичности сразу — неизбежен выбор, но он то как раз и затруднен из-за чрезмерного их избытка). Отсюда проблема поиска оснований разрешения конфликтов правовых идентичностей, что свидетельствует об актуальности избранного нами предмета исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3.
2. *Андерсон П.* Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. В. Софронова. М., 2018. С. 38, 39.
3. *Бочкарёв С.А.* Истоки постмодерна о подлинном смысле и предназначении постправа // *Государство и право*. 2021. № 11. С. 29.
4. *Брубейкер Р.* За пределами «идентичности» / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012. С. 51, 52, 62, 69.
5. *Бурдые П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. С. — СПб., 2005. С. 104, 110, 111.
6. *Бурдые П.* Дух государства // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М. — СПб., 2005. С. 220.
7. *Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // *Поэтика и политика*. Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИС РАН. М. — СПб., 1999. С. 154, 155.
8. *Бурдые П.* За рационалистический историзм // *Социологос постмодернизма*, 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований ИС РАН. М., 1996. С. 23, 25.
9. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; пер. с франц. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. М., 2016. С. 61, 354, 355.
10. *Бурдые П.* О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005. С. 89.
11. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005. С. 83.
12. *Бурдые П.* Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / под ред. П. Шампаня, Ж. Дюваля при участии Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе; пер. с франц. Д. Кралечкина. М., 2019. С. 300, 301.
13. *Исаева Н.В.* Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование). М., 2013. С. 14, 15.
14. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // *Скромное обаяние расизма и другие статьи*. М., 2001. С. 81.
15. *Попова Ю.Ю.* Конституционная идентичность государства в условиях интернационализации конституционного права // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2018. № 4. С. 34.
16. *Постклассическая онтология права* / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
17. *Резников Е.В.* Правовая идентичность в личности: от теоретических основ формирования и развития к профессиональной идентичности судьи. М., 2015. С. 6, 217.
18. *Рикер П.* Память, история, забвение / пер. с франц. М., 2004. С. 121, 144–152.
19. *Рикер П.* Путь признания: три очерка / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М., 2010.
20. *Рикер П.* Я-сам как другой / пер. с франц. М., 2008. С. 52, 172.
21. *Рубцов А.В.* Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 18–27.
22. *Социокультурная антропология права* / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.
23. *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М., 2019. С. 204.
24. *Фуко М.* Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. В.М. Скуратова под общ. ред. В.П. Большакова. М., 2006. Ч. 3. С. 161, 167, 168, 170, 171, 173.
25. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004. С. 50, 51.
26. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.
27. *Allport G.* The Nature of Prejudice. Cambridge (Mass.), 1954.
28. *Dennett D.* Brainstorms. Philosophical Essays in Mind and Psychology. 2nd ed. London, 1986. Pp. 89, 269, 271–274.
29. *Erikson E.H.* Identity: Youth and Crisis. NY, 1968.
30. *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981. P. 63.

REFERENCES

1. *Althusser L.* Ideology and ideological apparatuses of the state // *The inviolable reserve*. 2011. No. 3 (in Russ.).
2. *Anderson P.* The Vicissitudes of hegemony / transl. from English by D. Kralechkin; ed. by V. Sofronov. M., 2018. Pp. 38, 39 (in Russ.).
3. *Bochkarev S.A.* The origins of postmodernism about the true meaning and purpose of post-law // *State and Law*. 2021. No. 11. P. 29 (in Russ.).
4. *Brubaker R.* Beyond “identity” / transl. from English by I. Borisova. M., 2012. Pp. 51, 52, 62, 69 (in Russ.).

⁴⁸ См.: *Фукуяма Ф.* Указ. соч. С. 204.

5. *Bourdieu P.* The power of law: fundamentals of the sociology of the legal field // *Bourdieu P.* Social space: fields and practices / transl. from French; ed. of transl., comp. and afterword by N.A. Shmatko. S. — SPb., 2005. Pp. 104, 110, 111 (in Russ.).
6. *Bourdieu P.* The spirit of the state // *Bourdieu P.* Sociology of social space / transl. from French; ed. of translation by N.A. Shmatko. M. — SPb., 2005. P. 220 (in Russ.).
7. *Bourdieu P.* The Spirit of the State: the genesis and structure of the bureaucratic field // *Poetics and Politics. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the IS RAS.* M. — SPb., 1999. Pp. 154, 155 (in Russ.).
8. *Bourdieu P.* For rationalistic historicism // *Sociologos of postmodernism, 97. Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research IS RAS.* M., 1996. Pp. 23, 25 (in Russ.).
9. *Bourdieu P.* About the state: a course of lectures at the College de France (1989–1992) / ed.-comp. P. Champagne, R. Lenoir, F. Pupo, M.-K. Riviere; transl. from the French. D. Kralechkin and I. Kushnareva; preface by A. Bikbov. M., 2016. Pp. 61, 354, 355 (in Russ.).
10. *Bourdieu P.* On symbolic power // *Bourdieu P.* Sociology of social space / transl. from French; ed. of translation by N.A. Shmatko. M.; SPb., 2005. P. 89 (in Russ.).
11. *Bourdieu P.* Social space and symbolic power // *Bourdieu P.* Sociology of social space / transl. from French; ed. of translation by N.A. Shmatko. M. — SPb., 2005. P. 83 (in Russ.).
12. *Bourdieu P.* Economic anthropology: a course of lectures at the College de France (1992–1993) / ed. by P. Champagne, J. Duval with the participation of F. Pupo, M.-K. Riviere; afterword by R. Boyer; transl. from French by D. Kralechkin. M., 2019. Pp. 300, 301 (in Russ.).
13. *Isaeva N.V.* Legal identity (theoretical and legal research). M., 2013. Pp. 14, 15 (in Russ.).
14. *Malakhov V.S.* Inconveniences with identity // *The modest charm of racism and other articles.* M., 2001. P. 81 (in Russ.).
15. *Popova Yu. Yu.* Constitutional identity of the state in the context of internationalization of constitutional law // *Asia-Pacific region: economics, politics, law.* 2018. No. 4. P. 34 (in Russ.).
16. *Postclassical ontology of law* / ed. by I.L. Chestnov. SPb., 2016 (in Russ.).
17. *Reznikov E.V.* Legal identity in personality: from the theoretical foundations of formation and development to the professional identity of a judge. M., 2015. Pp. 6, 217 (in Russ.).
18. *Riker P.* Memory, history, oblivion / transl. from French. M., 2004. Pp. 121, 144–152 (in Russ.).
19. *Riker P.* The path of recognition: three essays / transl. from French I.I. Blauberg, I.S. Vdovina. M., 2010 (in Russ.).
20. *Riker P.* I am myself as another / transl. with French. M., 2008. Pp. 52, 172 (in Russ.).
21. *Rubtsov A.V.* Transformations of ideology. The concept of the ideological in the “ultimate” expansion // *Questions of philosophy.* 2018. No. 7. Pp. 18–27 (in Russ.).
22. *Sociocultural anthropology of law* / ed. by N.A. Isaev, I.L. Chestnov. SPb., 2015 (in Russ.).
23. *Fukuyama F.* Identity: The desire for recognition and the politics of rejection / transl. from English. M., 2019. P. 204 (in Russ.).
24. *Foucault M.* Subject and power // *Foucault M.* Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews / transl. from French by V.M. Skuratov under the general editorship of V.P. Bolshakov. M., 2006. Part 3. Pp. 161, 167, 168, 170, 171, 173 (in Russ.).
25. *Huntingdon S.* Who are we? Challenges of American national identity / transl. from English by A. Bashkirov. M., 2004. Pp. 50, 51 (in Russ.).
26. *Chestnov I.L.* Postclassical theory of law. SPb., 2012 (in Russ.).
27. *Allport G.* The Nature of Prejudice. Cambridge (Mass.), 1954.
28. *Dennett D.* Brainstorms. Philosophical Essays in Mind and Psychology. 2nd ed. London, 1986. Pp. 89, 269, 271–274.
29. *Erikson E.H.* Identity: Youth and Crisis. NY, 1968.
30. *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981. P. 63.

Сведения об авторе

ЧЕСТНОВ Илья Львович —

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации;
191104 г. Санкт-Петербург,
Литейный проспект, д. 44
ORCID: 0000-0003-2083-5876

Authors' information

CHESTNOV Ilya L. —

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law
of the St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
44 Liteiny Ave., 191104 St. Petersburg, Russia

УДК 342.56

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Часть 1. ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЬИ ЗА ТЯЖКОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОВОВВЕДЕНИЙ 2020 года – КОНСТИТУЦИОННАЯ ИЛИ ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 10.01.2024 г.

Аннотация. В статье критикуется сложившееся законодательно положение, при котором грубый дисциплинарный проступок судьи, влекущий досрочное прекращение его судейских полномочий, рассматривается в качестве меры дисциплинарной ответственности. Обосновывается вывод, что досрочное прекращение полномочий судьи за грубый проступок должно влечь меру не дисциплинарной, а конституционной ответственности. Механизм конституционной ответственности судьи частично предусмотрен конституционными нововведениями 2020 года лишь для двух с небольшим тысяч судей, и применять его может Совет Федерации, что законодательному органу несвойственно и чем разрушается единство статуса судей. Обоснование его разработки должно базироваться насылке, согласно которой грубый проступок судьи, заслуживающий досрочного прекращения его полномочий, есть прежде всего нарушение присяги судьи, что в настоящее время действующим законодательством и корпоративным регулированием вообще никаких последствий не предусматривает. Вносятся соответствующие предложения с необходимыми их обоснованиями.

Ключевые слова: судья, грубый проступок судьи, досрочное прекращение полномочий судьи, дисциплинарная ответственность судьи, конституционная ответственность судьи.

Цитирование: Клеандров М. И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы

Часть 1. Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 года – конституционная или дисциплинарная ответственность? // Государство и право. 2023. № 3. С. 39–59.

DOI: 10.31857/S1026945224030044

ON MODERN PROBLEMS OF THE MECHANISM OF JUDGES' RESPONSIBILITY FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT: LAW ENFORCEMENT PRACTICE, GENERAL APPROACHES

Part 1. TERMINATION OF THE POWERS OF A JUDGE FOR A SERIOUS OFFENSE AFTER THE CONSTITUTIONAL INNOVATIONS OF 2020 – CONSTITUTIONAL OR DISCIPLINARY RESPONSIBILITY?

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mklean@bk.ru

Received 10.01.2024

Abstract. The article criticizes the current situation regulated by law, in which a gross disciplinary misconduct of a judge, entailing the early termination of his judicial powers, is considered as a measure of disciplinary responsibility. The conclusion is substantiated that the early termination of the powers of a judge for gross misconduct should entail a measure of not disciplinary, but constitutional responsibility. The mechanism of constitutional responsibility of a judge is partially provided for by the constitutional innovations of 2020 only for a little over two thousand judges, and the Federation Council can apply it, which is not typical for a legislative body, and which destroys the unity of the status of judges. The rationale for its development should be based on the premise that a judge's gross misconduct, which deserves early termination of his powers, is primarily a violation of the judge's oath, which currently does not provide for any consequences under current legislation and corporate regulation. Appropriate proposals are made with the necessary justifications.

Key words: judge, gross misconduct of a judge, early termination of the powers of a judge, disciplinary responsibility of a judge, constitutional responsibility of a judge.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct; law enforcement practice, general approaches
Part 1. Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 – constitutional or disciplinary responsibility? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 39–59.

Институт дисциплинарной ответственности судей в России имеет давнюю историю¹. Но ни на одном из отрезков времени о конституционной ответственности судей в законодательстве речи не было, хотя иные виды их ответственности были широко представлены в действующем – соответствующем времени – законодательстве и, разумеется, правоприменительной практике. Это прежде всего: дисциплинарная ответственность с широкой шкалой их видов, которая часто изменялась; уголовная ответственность; гражданская ответственность; внедисциплинарная ответственность (за предосудительные проступки неслужебного характера); а в советский период – и партийная ответственность (как же без неё, при этом она была из всех видов ответственности самой тяжкой, определяющей дальнейшую судьбу судьи) и т.д.

Имелись и соответствующие механизмы применения различных видов ответственности судей, также различающиеся от времени.

Контуры нынешнего режима дисциплинарной ответственности судей были обозначены еще в советский период истории: в Законе СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР»² (в его ст. 6 «Неприкосновенность судей и народных заседателей»), а также в специальном акте – Положении о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов СССР, утвержденное постановлением Верховного Совета СССР от 2 ноября 1989 г.³ (в названном Законе СССР, в частности, устанавливался – в ст. 14 и 15 – порядок формирования квалификационных коллегий судей и их полномочия).

¹ Автором этих строк он в хронологическом плане детально рассматривался (см.: Клеандров М.И. Ответственность судьи. М., 2011. С. 69–233).

² См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 9, ст. 223.

³ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 22, ст. 423.

Позднее в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, одобренной постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР»⁴, предусматривалось, что вопросы возбуждения дисциплинарного производства в отношении судей, постановка вопроса об их освобождении от должности и об их перемещении (? — М.К.) должны быть прерогативами судейской корпорации.

Но в принятом Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132 «О статусе судей в Российской Федерации»⁵ (далее — Закон о статусе судей) дисциплинарной ответственности судей не предусматривалось. Правда, предусматривалось досрочное прекращение полномочий судьи за те или иные серьезные проступки, но это не квалифицировалось в качестве меры дисциплинарной ответственности.

Вместе с тем многие, как отмечается в литературе, оценивали установленную в отношении судей систему гарантий неприкосновенности как необоснованную: «Особенно настойчиво звучали призывы предусмотреть в Законе о статусе судей дисциплинарную ответственность, которая ранее имела место в законодательстве»⁶. Да и на практике квалификационные коллегии судей (далее — ККС) фактически ежегодно прекращали досрочно полномочия нескольких десятков судей арбитражных судов и судов общей юрисдикции с формулировкой типа «за совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи», т.е. фактически применяли крайнюю меру дисциплинарной ответственности, равную в обыденном сознании увольнению с должности.

Характерной в этом вопросе представляется реакция Совета судей РФ на обращения с предложением ввести дисциплинарную ответственность для судей, нашедшая отражение в постановлении от 4 апреля 1997 г. «О нецелесообразности введения дисциплинарной ответственности судей в законодательном порядке». В нем было сказано, что Совет судей РФ считает нецелесообразным внесение изменений такого рода в действующее законодательство ввиду его неэффективности. В качестве обоснования такого подхода называлась практика ККС и региональных советов судей, свидетельствовавшая о том, что органы судейского сообщества рассматривали жалобы на действия и поведение судей и при отсутствии оснований к прекращению полномочий судьи, по обнаружении недостатков в работе судьи и ненадлежащего его

поведения реагировали на это путем вынесения неформальных предупреждений, обращали внимание судей и председателей судов на необходимость устранения недостатков в его работе и личном поведении⁷.

Тем не менее федеральный законодатель решил все-таки ввести дисциплинарную ответственность для судей. Сделано это было путем включения Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ в Закон о статусе судей новой ст. 12¹, которая так и была названа: «Дисциплинарная ответственность судей».

Этой статьей было установлено: «За совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: предупреждения; досрочного прекращения полномочий судьи». И предусматривалось, что решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания принимается ККС, к компетенции которой относится рассмотрение вопроса о прекращении полномочий этого судьи на момент принятия решения. Решение соответствующей ККС о досрочном прекращении полномочий судьи может быть обжаловано в Дисциплинарное судебное присутствие в соответствии с федеральным конституционным законом (это положение — в ред. Федерального закона от 09.11.2009 № 246-ФЗ).

Однако в ст. 14 Закона о статусе судей, именуемой «Прекращение полномочий судьи», содержащей большое число пунктов, типа: по письменному заявлению судьи об отставке, избрание судьи Президентом РФ, депутатом Государственной Думы и т.д., такого основания, как совершение дисциплинарного проступка, не было, хотя и было «занятие деятельностью, несовместимое с должностью судьи». Что свидетельствует о некоторой несинхронизированности вновь вводимой ст. 12¹ с действующей тогда ст. 14 Закона о статусе судей.

Правда, в обе статьи впоследствии было введено немало изменений и дополнений (а в сам Закон о статусе судей их было введено свыше 50 и некоторые из них весьма объемны и содержательны, в том числе в части дисциплинарной ответственности судей).

И при этом формула дисциплинарного проступка судьи изначально содержала принципиальный дефект, сохранившийся, по существу, и по настоящее время. Абзац 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей в первоначальной редакции провозглашал: «За

⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

⁶ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История, документы: в 6 т. Т. VI. Российская Федерация / отв. ред. Л.Б. Алексеева. М., 2003. С. 36.

⁷ См.: Сборник постановлений Всероссийских съездов судей и постановлений (обращений) Совета судей Российской Федерации (1991–2012 годы). М., 2012. Т. 1. С. 246.

совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: предупреждения; досрочного прекращения полномочий судьи». А в абз. 2 этого пункта указывалось: «Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания принимается квалификационной коллегией судей... Решение соответствующей квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи может быть обжаловано в Дисциплинарное судебное присутствие в соответствии с федеральным конституционным законом» (в ред. от 09.11.2009 № 246) — был тогда такой орган, состоящий из равного числа судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но он в качестве квазисуда первой инстанции не работал, рассматривал жалобы лишь на решения ККС. Этот опыт представляется весьма познавательным.

Редакция ст. 12¹ Закона о статусе судей, как сказано выше, прошла с момента ее введения множество изменений и дополнений, в ней теперь девять пунктов, а дисциплинарные взыскания теперь предусмотрены четырех видов: замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе, досрочное прекращение полномочий судьи. Но принципиальный дефект формулы дисциплинарного проступка судьи, по существу, сохранился. Сегодня эта формула закреплена в следующей редакции абз. 1 п. 1 ст. 12¹: «За совершение дисциплинарного проступка, то есть за совершение виновного действия (за виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса, на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде...» То есть и в изначальной редакции формулы дисциплинарного проступка судьи, и в ее современной редакции дисциплинарный проступок судьи — это как нарушение закона, так и нарушение закона совместно с нарушением Кодекса судейской этики, а также отдельно нарушение только положения Кодекса судейской этики.

Но ведь очевидно, что нарушение закона должно влечь юридическую ответственность, а нарушение Кодекса судейской этики — этическую ответственность. И тот факт, что норм этической ответственности судьи нет (была неудачная попытка

введения в Кодекс судейской этики раздела «Этическая ответственность судьи», но, поскольку она практически полностью дублировала положение п. 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей, ее исключили из этого Кодекса). Вот так: кодекс судейской этики есть, нарушения тех или иных его положений также имеют место, а самой этической ответственности судей нет. И на практике есть, и немало, случаев привлечения судей к дисциплинарной ответственности исключительно лишь за нарушение положений кодекса судейской этики, а отождествление юридической ответственности с этической (не юридической) недопустимо. Необходимо радикальное решение этого вопроса: и автор этих строк сделал здесь определенный шаг⁸.

При этом следует отметить, что на этическое регулирование поведения людей серьезно влияет научно-технический прогресс. К примеру, на заседании Совета судей РФ в начале декабря 2023 г. обсуждались разработанные Комиссией Совета судей РФ по этике рекомендации по стандартам поведения судей в сети Интернет, которые должны стать составной частью Кодекса судейской этики. В этих рекомендациях содержатся этические стандарты поведения судей в социальных сетях и мессенджерах, в частности — разрешается судьям регистрироваться в соцсетях под псевдонимом (что не освободит их от необходимости соблюдать многочисленные ограничения), а значит — псевдоним не может быть использован для сокрытия неэтического поведения. Более того, судья должен воздерживаться от выступлений от лица судебной власти, если специально на это не уполномочен, не следует ему также указывать служебный адрес в личной переписке и т.д. Предусмотрено в этих рекомендациях, что судья несет ответственность за содержание своего аккаунта, даже если доступ к нему прекращен, например, из-за утраты пароля⁹. Правда, непонятно, какую именно ответственность в этом случае, как и за нарушение иных положений названных рекомендаций будет нести судья — ведь этическая ответственность в Кодексе судейской этики так и не предусмотрена. А сам этот Кодекс принимает и изменяет исключительно Всероссийский съезд судей, который собирается раз в пять лет, и прошел он в декабре 2022 г., т.е. надо ждать еще четыре года.

Как сказано, прекратить досрочно полномочия судьи можно и за нарушение положений только лишь Кодекса судейской этики. Что недопустимо и потому, что расходится с правовой позицией

⁸ См.: Клеандров М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2017.

⁹ См.: Корня А. Этика судейской жизни. Служители Фемиды получают рекомендации по правильному поведению в интернете // Коммерсантъ. 2023. 6 дек.

Конституционного Суда РФ, сформулированной в Постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П, где, в частности, сказано: «Между тем корпоративные акты судейского сообщества, каковыми являются названные кодексы, формулируя правила поведения судьи, не могут исходить из расширительного истолкования составов дисциплинарных проступков, как они определены Федеральным законом “О статусе судей в Российской Федерации”. Соответственно, неисполнение приведенных корпоративных норм само по себе не может служить основанием для досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом рассматриваются как не совместимые по своему характеру с высоким званием судьи»¹⁰.

При этом важно отметить, что квалификационные коллегии судей (как федеральная, так и субъектов Российской Федерации), наделенные в дисциплинарном производстве в отношении судей исключительными полномочиями, включая досрочное прекращение полномочий судьи, осуществляют это производство «попутно», наряду с осуществлением ряда не менее значимых полномочий; между тем дисциплинарное производство — это решение судьбы судьи и требует целевого, занимающего больше внимания, сил и времени, производства.

Отдельное возражение вызывает и введение Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ такого вида дисциплинарного взыскания, как «понижение в квалификационном классе». Дело в том, что п. 1 ст. 20² «Квалификационная аттестация судей», введенный в Закон о статусе судей Федеральным законом от 25 декабря 2012 г. № 269-ФЗ, гласит: «Квалификационной аттестацией судьи признается оценка уровня его профессиональных знаний и умения применять их при осуществлении правосудия, результатов судебной деятельности, деловых и нравственных качеств судьи и соответствия его требованиям, предъявляемым настоящим Законом и кодексом судейской этики». И по результатам квалификационной аттестации (а она периодическая и строго обязательная — в п. 7 этой статьи Закона жестко закреплено: «Судья не вправе отказаться от прохождения квалификационной аттестации»), соответствующая квалификационная коллегия судей, как это установлено в п. 13 данной статьи Закона, принимает одно из следующих решений: «1) о присвоении судье очередного (внеочередного) квалификационного класса; 2) об оставлении судьи в ранее присвоенном ему квалификационном классе».

Но разве оставление в ранее присвоенном квалификационном классе для судьи — не мера

дисциплинарной ответственности, не вид дисциплинарного взыскания? По сути, он здесь не прошел аттестацию, не показал, что уровень профессионализма судьи за время с предыдущей аттестации у него не повысился. Но если оставление в ранее присвоенном квалификационном классе судьи рассматривать не в качестве вида дисциплинарного взыскания, то что это? В любом случае это наказание, пусть и не за конкретный дисциплинарный проступок.

С другой стороны, понижение в квалификационном классе для судьи должно означать не наказание за совершенный им дисциплинарный проступок, а признание оценки уровня его профессиональных знаний и умения применять их при осуществлении правосудия ниже уровня, обусловленного имеющимся у него квалификационным классом. Не иначе. Таковы суть и смысл квалификационной аттестации судьи. И понижать этот класс за конкретный дисциплинарный проступок означает искажать суть и смысл самой квалификационной аттестации судьи, закрепленных в ст. 20.2 Закона о статусе судей. Положение не спасает введенный Федеральным законом от 20 июля 2018 г. № 243 п. 4¹ в ст. 12¹ Закона о статусе судей, в соответствии с которым дисциплинарное взыскание в виде понижения в квалификационном классе может налагаться на судью за существенное нарушение положений настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики, если судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию. При этом понижение судьи в квалификационном классе осуществляется квалификационной коллегией судей путем принятия решения о понижении квалификационного класса судьи до квалификационного класса, непосредственно предшествующего квалификационному классу, имеющемуся у такого судьи на момент принятия указанного решения.

Статистика показывает, что квалификационную аттестацию за период с 2017 г. по девять месяцев 2022 г. прошли 54761 судья, из них около 1% — 770 судьям было отказано в присвоении очередных квалификационных классов¹¹. Нет сомнений, что для этих 770 судей это было серьезным наказанием, прежде всего — в морально-психологическом плане (может быть, не для всех, но для большинства — это точно). Да и авторитету этим судьям был нанесен немалый урон.

Конечно, «ассортимент» видов дисциплинарных взысканий судьи должен быть шире, чем был до включения в него «понижения в квалификационном классе», но не за счет же такого его

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2008. № 10 (ч. II), ст. 976.

¹¹ См.: Отчетный доклад Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Н.В. Тимошина X Всероссийскому съезду судей от 29 ноября 2022 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2023. № 1 (87). С. 29.

несоответствия сути дисциплинарной ответственности. Вполне можно было бы включить в этот «ассортимент» такие виды дисциплинарных взысканий, как выговор, строгий выговор, строгий выговор с последним предупреждением, указание на неполное служебное соответствие и т.д.

Но главным в рассматриваемой в настоящей работе видом дисциплинарного наказания является крайняя мера — досрочное прекращение полномочий судьи. Пунктом 5 ст. 12¹ Закона о статусе судей, введенным в этот Закон Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ, было установлено: «дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и (или) процессуального законодательства, настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия только при наличии жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи, ранее подвергавшегося дисциплинарному взысканию, если допущенные судьей нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов судопроизводства, свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлены вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок».

Всего же за период с начала 2017 г. по сентябрь 2022 г. к дисциплинарной ответственности были привлечены 1080 судей, из них получили дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий — 128 судей¹². Вроде бы цифра небольшая, но ведь это — судьи, которые, с одной стороны, вершат судьбами людей в силу своих должностных обязанностей, а с другой — их судейский иммунитет должен быть безусловно обеспечен государством, поскольку от этого зависит, напрямую, независимость судьи и справедливость осуществляемого им правосудия. И вообще — состояние обеспечения прав человека в стране нужно оценивать в зависимости от отношения системы к соблюдению прав одного человека.

Таким образом, можно сказать: и до конституционных нововведений 2020 г. (о чем — ниже) досрочное прекращение полномочий судьи было крайним, самым суровым видом юридической ответственности. И она, эта ответственность, предусматривалась не только п/п. 4 п. 1 ст. 12¹ Закона о статусе судей, но и введенным в п. 1 ст. 14 данного Закона Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 179 нового п/п. 13, в соответствии с которым полномочия судьи прекращаются вследствие совершения «судьей дисциплинарного проступка, за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи».

Но это лишь означает, что речь идет именно о квалификации досрочного прекращения полномочий судьи в качестве юридической ответственности. А она, как известно, имеет много видов, и в данном случае, учитывая значимость судьи как непосредственного носителя судебной власти, которая, в свою очередь, является одним из опорных каркасов фундамента устоев государства, позволяет ставить принципиальный вопрос — данная юридическая ответственность есть дисциплинарная или конституционная? И ответ на него не прост.

Что такое вообще — конституционная ответственность? В отечественной юридической науке проблематика конституционной (и конституционно-правовой) ответственности не обойдена вниманием. Только за последнее время, уже в XXI в. публикуются монографии¹³, сборники научных работ¹⁴, защищаются диссертации¹⁵, количество же научных статей исчисляется десятками¹⁶.

¹³ См., напр.: *Серков П. П.* Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика. М., 2014; *Кондрашев А. А.* Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М., 2006; *Колосова Н. М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000.

¹⁴ См., напр.: Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С. А. Авакьяна. М., 2001.

¹⁵ См., напр.: *Сергеев А. Л.* Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Авдеенкова М. П.* Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Матросов С. Н.* Теоретико-правовые основы конституционной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; *Никифорова Н. В.* Конституционно-правовая ответственность в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы реализации и развития: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009.

¹⁶ Определенный их обзор приведен Н. М. Добрыниным (см.: *Добрынин Н. М.* К вопросу о конституционной ответственности // Государство и право. 2010. № 10. С. 17–25) и Г. А. Трофимовой (см.: *Трофимова Г. А.* Понятие

¹² См.: Отчетный доклад Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Н. В. Тимошина X Всероссийскому съезду судей от 29 ноября 2022 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. С. 30.

Нельзя не отметить серьезную динамику взглядов на понимание конституционной ответственности. Если в 1970-х годах её считали разновидностью ответственности политической¹⁷ либо отмечали ее политико-правовой характер¹⁸, то в начале XXI в. эти понятия жестко разводили. О.Е. Кутафин, в частности, указывал: «Политическая ответственность и юридическая ответственность, одним из видов которой является конституционно-правовая ответственность, — разные понятия. В отличие от политической юридическая ответственность всегда связана с нарушением каких-либо юридических норм, без чего невозможно ее применение, т.е. использование соответствующей меры принуждения, реализация санкции определенной правовой нормы»¹⁹.

Правда, динамика эта не всегда была последовательной. Например, уже в 2009 г. Н.В. Витрук писал: «Основанием конституционной ответственности высших должностных лиц государства, депутатов, судей могут быть их аморальные проступки, недостойное поведение, порочащее честь и достоинство, умаляющее престиж власти, которую они представляют, только при условии указания на это в самой Конституции или ином источнике конституционного права, не противоречащим Конституции»²⁰.

Но ведь сами по себе аморальные проступки, недостойное поведение и т.п., не содержащие признаков правонарушений, должны влечь, как и в случае указанного выше «аполитичного» проступка, не юридическую, значит, не конституционную, а — в данном случае — этическую ответственность. При этом, само собой разумеется, что «как граждане при реализации своих прав и обязанностей, так и органы государственной власти и должностные лица при осуществлении своих полномочий в сфере конституционно-правовых отношений должны не только соблюдать закон, но и уважать

моральные принципы общества и нормы политической этики»²¹.

Но в целом же названная динамика в XXI в. выдерживалась, чему свидетельствуют ниже приведенные высказывания ученых на природу, содержание и иные аспекты конституционной ответственности.

При этом делались попытки размежевания «конституционная ответственность» и «конституционно-правовая ответственность». Относительно первой указывалось, что она реализуется только на основе норм Конституции и конституционных законов, тогда как в качестве комплексного института отрасли конституционного права ответственность устанавливается и другими его источниками, в том числе законами и подзаконными актами, и ее следует именовать конституционно-правовой ответственностью. Обособление конституционной ответственности обусловлено спецификой конституционного статуса социальных субъектов, особенностями юридической природы неправомерного поведения — конституционных деликтов, характером конституционных предписаний, на основе которых возникает ответственность, особой процедурой ее реализации²². Тем не менее, считает М.О. Сапунова, такая ответственность не может быть отличной от конституционно-правовой, конституционную ответственность следует рассматривать только как составную часть, разновидность конституционно-правовой ответственности²³.

По мнению Н.М. Добрынина, конституционная ответственность — это, во-первых, форма государственного реагирования на поведение субъектов конституционных правоотношений, выражающаяся в применении санкций; во-вторых, закрепленная конституционно-правовыми нормами обязанность субъекта конституционно-правовых отношений отвечать на несоответствие своего юридически значимого поведения тому, которое предписано ему этими нормами, обеспечиваемая возможностью применения мер государственного (или приравненного к нему) воздействия²⁴.

конституционно-правовой ответственности как отраслевого вида юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 3—8).

¹⁷ См.: Пискотин М.И. Политическая ответственность работников аппарата государственного управления в социалистических странах // Доклад на Международной научной конференции на тему «Ответственность сотрудника государственной администрации». Варшава, 1975 (на рус. яз.).

¹⁸ См.: Авакьян С.А. Санкции в советском государственном праве // Сов. государство и право. 1973. № 11. С. 30, 31.

¹⁹ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 396.

²⁰ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

²¹ Алиев Т.Т. Конституционная ответственность как особый вид юридической ответственности // Современное право. 2010. № 11. С. 33.

²² См.: Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж, 1985. С. 69, 70; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 278, 279.

²³ См.: Сапунова М.О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 79.

²⁴ См.: Добрынин Н.М. Указ. соч. С. 18.

В. В. Гошуляк²⁵ «в первом приближении» называет следующие специфические черты конституционно-правовой ответственности: 1) она не только строится на запрете определенного поведения, но и вызывает к жизни позитивную ответственность, требует от субъектов права активного поведения для достижения общественно полезных целей; 2) субъектами конституционной ответственности выступают как физические лица, так и коллективные образования. В уголовном праве, например, только физические лица; 3) на первый план в конституционно-правовой ответственности выходит правовосстановительная функция. Если, например, в гражданском праве правоприменительная функция означает возвращение субъектов права в первоначальное состояние, то в конституционном праве — это устранение нарушений закона и принятие мер по нормальному функционированию государственного аппарата, по осуществлению конституционных прав, свобод и обязанностей граждан и т.п.; 4) санкции в конституционно-правовой ответственности сами по себе не носят ни карательного, в понимании уголовного права, ни компенсирующего характера; 5) применение к виновному лицу другого вида ответственности нередко влечет применение мер и конституционно-правовой ответственности. Например, применение мер уголовной ответственности к депутату или высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации влечет применение к этим лицам и такой конституционно-правовой ответственности, как лишение депутатской неприкосновенности, отрешение от должности; 6) конституционно-правовая ответственность часто носит ярко выраженный политический характер, например, отставка правительства за ненадлежащее исполнение своих обязанностей может быть и мерой политической, когда правительство отправляется в отставку с целью разрешения политического кризиса.

Есть в литературе и иные определения понятия «конституционная ответственность». Так, С. Н. Матросов полагает, что «под конституционной ответственностью следует понимать меры конституционного принуждения, применяемые в рамках особого (конституционного) правового режима специальными субъектами права к специальным субъектам права за нарушение ими конституционно-правовых норм»²⁶. А. Л. Сергеев определяет ее как «наступление неблагоприятных последствий конституционно-правового характера (реализацию

конституционно-правовой санкции) для субъекта, нарушившего конституционно-правовые установления»²⁷. М. О. Сапунова считает, что конституционную ответственность можно определить как обусловленную нормами Конституции и конституционных законов необходимость соответствующих субъектов отвечать за свое юридически значимое поведение в установленном порядке и действовать в соответствии с возложенными на них обязанностями, а в случае отклонения — претерпевать определенные лишения»²⁸. В. О. Лучин полагает, что «конституционная ответственность представляет собой обусловленную нормами Основного Закона необходимость соответствующих субъектов отвечать за свое юридически значимое поведение в установленном порядке и действовать в соответствии с возложенными на них обязанностями, а в случае отклонения — претерпевать определенные лишения»²⁹.

Конституционную ответственность также рассматривают в узком (ограничительном) и в широком (расширительном) смыслах. В основе такого разграничения лежит ответ на вопрос — только ли нарушение норм непосредственно Конституции РФ и федеральных конституционных законов влечет за собой конституционную ответственность, либо эта ответственность определяется положениями и иных отраслей законодательства, которые в то же время базируются на фундаменте Конституции РФ.

Понимаемая в узком значении конституционная ответственность существует независимо от других видов ответственности, имеет свой круг субъектов ответственности, свой круг государственных органов, применяющих ее, и свой арсенал мер ответственности; другими словами, она не поглощает иные виды юридической ответственности.

Понимаемая же в широком смысле конституционная ответственность поглощает иные виды юридической ответственности. По мнению В. О. Лучина³⁰, в ее основе лежит деликт³¹, в понятие которого входит любое нарушение как самой Конституции РФ, так и конституционного законодательства. То есть в состав

²⁷ Сергеев А. Л. Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 29.

²⁸ Сапунова М. О. Указ. соч. С. 84.

²⁹ Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 283.

³⁰ См.: Лучин В. О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1. С. 12–19.

³¹ В литературе (см.: Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24) отмечается, что «первым в современной российской науке конституционного права теорию конституционного деликта разработал В. О. Лучин» (см.: там же).

²⁵ См.: Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24.

²⁶ Матросов С. Н. Теоретико-правовые основы конституционной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 48.

конституционной ответственности включают-ся как чисто конституционно-правовые санкции (как, например, отмена незаконных актов либо отставка правительства по российскому праву), так и санкции иных отраслей права, прежде всего уголовно-правовые, значит, при любом нарушении конституционно-правовых установлений наступающая конституционная ответственность будет поглощать собой иные предусмотренные законодательством меры ответственности. При таком подходе любая правовая санкция (административная, уголовная, гражданско-правовая, дисциплинарная) будет рассматриваться и как санкция конституционно-правовая.

Еще более расширил широкое понимание конституционной ответственности Ф.С. Скифский, указав, что «в широком смысле конституционная ретроспективная ответственность — любая негативная ответственность за совершение всякого правонарушения. Таким образом, любая ретроспективная ответственность за совершение любого правонарушения есть конституционная ответственность». То есть, по его мнению, любое нарушение любого нормативного акта становится основанием конституционной ответственности³².

Применительно же к ответственности в системе механизма судебной власти в литературе высказан взгляд, согласно которому «субъектами конституционно-правовых отношений можно называть именно суды, а не судей. Судья должен быть субъектом конституционно-правовой ответственности по поводу того или иного принятого им решения в отношениях между судом и гражданином или судом и другими органами власти, между судами разных видов судебных органов»³³.

Мотивируется этот взгляд тем, что высшие судебные инстанции принимают решение коллегиально. Но следует отметить, что коллегиальное рассмотрение судебных дел не исключает возможность привлечения судей даже по ст. 305 УК РФ к уголовной ответственности. К тому же даже конституционная ответственность федеральных судов не исключает конституционную ответственность судей. И наконец, сложно представить себе действенной меру конституционной ответственности именно суда, а не судьи, как и основание такой ответственности — судит то судья, а не суд, в составе которого остальные судьи просто не причастны к действиям того судьи, который совершил конкретный конституционный проступок.

³² См.: Скифский Ф.С. Ответственность за конституционные правонарушения: автореф. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1998. С. 4.

³³ Трофимова Г.А. Конституционно-правовая ответственность федеральных судов // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11.

Обратимся к Конституции РФ о судьях, уже в редакциях после нововведений 2020 г. Из содержания положений ст. 10, ч. 1 ст. 11 и гл. 7 однозначно следует, что судья в нашей стране — конституционно значимое лицо. В ст. 119 Конституции РФ, основательно расширенной в результате нововведений 2020 года, провозглашены конституционные требования к судьям: «Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации».

Эти положения тщательно, с неоднократными изменениями и дополнениями, детализированы в ст. 4 «Требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи» и в ст. 3 «Требования, предъявляемые к судье» (почему такая последовательность, непонятно, ведь судей отбирают из кандидатов в судьи, а не наоборот) Закона о статусе судей, и многие из них следует рассматривать как развивающиеся последнее предложение ст. 119 Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ в Определениях от 8 июня 2004 г. № 214-О и от 2 февраля 2006 г. № 37-О³⁴ сформулировал правовую позицию, согласно которой конституционный термин «дополнительные требования» означает, что законодательству предоставлена возможность закреплять как требования, в Конституции не упоминаемые (как это сделано, например, в ст. 8 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), так и требования, повышенные по сравнению с установленными непосредственно Конституцией РФ. Это относится к судьям как федеральных судов, так и судов субъектов Российской Федерации (сейчас осталась лишь мировая юстиция). Действующее федеральное законодательство закрепляет дополнительные требования в обоих смыслах.

Есть дополнительные требования и к различным ветвям судебной власти и звеньям судебных

³⁴ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6; 2006. № 3.

систем. Так, судьей Конституционного Суда РФ может быть назначен гражданин Российской Федерации, достигший ко дню назначения возраста не менее 40 лет, с безупречной репутацией, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет, обладающий признанной высокой квалификацией в области права (ст. 8 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Конституция РФ также устанавливает, кто наделяет судей судебскими полномочиями. Статья 128 Конституции РФ гласит: «Судьи Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации, а судьи других федеральных судов назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом».

Таким образом, определение того, кто может быть в России судьей (по квалифицирующим признакам), а также — кто наделяет гражданина, желающего стать судьей и соответствующего установленным для должности судьи требованиям — прямое регулирование самой Конституции РФ. Само по себе наделение судьи судебскими полномочиями — конституционно закрепленные, конституционно значимые действия.

Означает ли, что прекращение полномочий судьи, механизм которого не закреплен в Конституции РФ, не является конституционно значимым действием? Отнюдь, это противоречило бы — принципиально — представлениям общества о единстве статуса судей. Прекращение полномочий судьи — это такое же конституционно значимое действие, как и наделение его полномочиями судьи.

Подтверждением чему служит ч. 2 ст. 121 Конституции РФ (в изначальной, неизменной редакции): «Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом». Но этого общего конституционного положения недостаточно, здесь нет необходимой конкретики.

Отсюда безусловный вывод — совершение судьей серьезного проступка при нынешнем правовом регулировании, квалифицируемое как тяжкий дисциплинарный проступок, караемой на основании ст. 12¹ Закона о статусе судей дисциплинарным наказанием в виде досрочного прекращения его судебных полномочий, должно квалифицироваться не в режиме дисциплинарной, а в режиме конституционной ответственности.

По сути, придерживается такого подхода и Конституционный Суд РФ. Так, в Определении

Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 59-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литвинова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав подпунктом 8 пункта 13 Положения о квалификационных коллегиях судей и положениями статьи 21, пункта 1 статьи 22 и абзаца второго пункта 2 статьи 26 Федерального Закона “Об органах судейского сообщества в Российской Федерации”» сформулирована следующая правовая позиция: «Статус судьи в Российской Федерации определяется Конституцией РФ, ее статьями 119, 120, 121, 122 и 124 с тем, чтобы гарантировать осуществление правосудия независимым и беспристрастным судом, и подлежит конституционно-правовой защите. Предусматривая, в то же время, возможность досрочного прекращения полномочий судьи, Конституция РФ (ст. 121, ч. 2) устанавливает, по сути, основы конституционной ответственности судьи, конкретные основания и порядок привлечения к которой регламентируются федеральным законом. Особенности возникающих при этом правоотношений, связанных с оценкой поступков и деятельности, несовместимых с должностью судьи, позорящих его честь и достоинство или умаляющих авторитет судебной власти, предопределяют и особенности процедуры отрешения судьи от должности. Данная процедура предусматривает и ряд прав судьи, в отношении которого начато производство: право знакомиться с имеющимися в ККС материалами и представить свои возражения и замечания; право быть своевременно извещенным о времени и месте проведения заседания коллегии; право письменно обратиться в коллегию с просьбой об ознакомлении с протоколом заседания коллегии, ознакомиться с ним и подать свои замечания, которые подлежат приобщению к протоколу; право обжаловать решение коллегии в суд (пункты 2 и 3 ст. 21, п. 2 ст. 24 и п. 2 ст. 26 ФЗ “Об органах судейского сообщества”»).

Таким образом, производству в ККС присущи определенные признаки состязательности — принципа, который Конституция РФ (ст. 123 ч. 3) связывает с осуществлением судопроизводства.

В качестве некоторых, промежуточных, итогов рассмотренного выше можно сделать следующие выводы: 1) введение дисциплинарной ответственности судьи (за исключением такого ее вида, как досрочное прекращение полномочий судьи) путем включения в Закон о статусе судей ст. 12¹, постоянно развивающейся и детализирующейся, был, без сомнений, шаг в правильном направлении; 2) обобщенность включения в число видов дисциплинарной ответственности судей, досрочного прекращения их полномочий, установленных ст. 12¹ Закона о статусе судей, вызывает серьезные сомнения, поскольку этот вид наказания должен быть отнесен

не к дисциплинарной, а к конституционной ответственности; 3) поскольку формула дисциплинарного проступка судьи, закрепленного в ст. 12¹ Закона о статусе судей (по сути, в неизменной редакции), ядром которого является «нарушение положений настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики...», охватывает все виды дисциплинарных взысканий, включая досрочное прекращение полномочий судьи, можно рассматривать этот вид наказания и за самостоятельное — не юридическое — нарушение, а за отдельное, самостоятельное, не юридическое нарушение норм этики, закрепленное в Кодексе судейской этики. Что неприемлемо, а любая аналогия здесь явно неуместна; 4) существовавший до конституционных нововведений 2020 года организационно-правовой механизм ответственности судей (в том числе уголовной, административной, гражданской) в целом был, за исключением отмеченных выше отдельных, больше — в теоретическом плане — недостатков, эффективен и обеспечивал единство статуса судьи; 5) изначально и по настоящее время речь все равно идет (и это — законодательное регулирование, а не теоретические рассуждения) о судьях; 6) как быть, если судья совершил не один дисциплинарный проступок, а их целую серию, к тому же различных по тяжести и растянутых по времени? К примеру, комиссия начала проверку относительно одного дисциплинарного проступка судьи, а в ходе проведения этой проверки вскрылось такое...

Всё это в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы представляется исключительно важным.

Теперь о проблематике статуса судьи. Юридической энциклопедической литературой статус судей определяется как «совокупность норм, которые закреплены в федеральном законе и определяют правовое положение судей как носителей судебной власти. Статус судей включает: порядок наделения полномочиями, основания приостановления и прекращения полномочий, принципы их деятельности, материальное обеспечение судей и меры социальной защиты»³⁵. По мнению автора этих строк, статус судьи, это совокупность прав, обязанностей и ответственности (правовой компонент), а также морально-нравственно-этический и психофизиологический компоненты³⁶. В юридической литературе верно отмечается, что статус судьи формируется и складывается не одномоментно, это категория историческая, и высокий статус судьи есть только в тех государствах, где пройден определенный исторический путь, сложились

традиции формирования судейского корпуса и управления правосудия³⁷.

Безусловно, судья — конституционно значимая фигура — и в нашей стране, и в любом ином государстве. Конституционно-правовой статус судей (в Российской Федерации он провозглашен ст. 10, 199–122, 124, 128 Конституции РФ) предопределяется тем, что судьи осуществляют публично-правовые задачи судебной власти, представителями которой они являются. В России судья призван осуществлять полномочия независимо от чьих-либо пристрастий и посторонних влияний, и в этих целях Конституция РФ закрепляет специальные требования, предъявляемые к кандидатам на должности судей и порядку их назначения, гарантирует независимость, неприкосновенность и несменяемость судей, чем обеспечивается самостоятельность судебной власти. Наличие такой регламентации на конституционном уровне, как указал Конституционный Суд РФ в п. 2 Постановления от 7 марта 1996 г. № 6-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 16 Закона о статусе судей в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша, отличает правовой статус судей от статуса граждан и тех должностных лиц, которые, согласно ст. 91 и 98 Конституции РФ, обладают неприкосновенностью. А в Постановлении от 19 февраля 2002 г. № 5-П Конституционный Суд РФ отметил: конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, призван обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

Важными представляются следующие аспекты рассматриваемой здесь проблемы: 1) конституционно-правовой статус судьи является стержнем правовых актов, определяющих статус судьи (и, естественно, стержнем для моральных, нравственных, этических, психофизиологических и иных характеристик общего статуса судьи); 2) как историческая категория правовые основы статуса судьи в каждом развитом государстве индивидуальны и постоянно развиваются; 3) основными составляющими правовых основ статуса судьи в Российской Федерации на нынешнем этапе развития общества являются независимость судей, их несменяемость и их неприкосновенность как гарантии при применении к ним соответствующих мер ответственности. И прежде всего, учитывая конституционные основы статуса судьи, мер конституционной ответственности.

Вообще то учеными-конституционалистами высказываются различные взгляды на непосредственные меры конституционной ответственности. В советский период Т.Д. Зражевская и Н.А. Боброва такими мерами называли меры числом от пяти

³⁵ Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 567.

³⁶ См. подр.: Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М., 2008.

³⁷ См.: Яковлев В.Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 11. С. 5.

до девяти³⁸, в постсоветское время В.О. Лучин и Л.В. Забровская — шесть, но уже в ином «ассортименте»³⁹; Е.И. Колюшин — 19⁴⁰; В.А. Виноградов — 11⁴¹, а А.А. Кондрашов — 42⁴², и по критерию, учитывающему тип субъекта, в отношении которого применяются меры ответственности, он выделяет: 1) ответственность государственных образований (изменение статуса субъекта Федерации или автономной единицы); 2) ответственность государственных органов и должностных лиц (импичмент президенту, роспуск правительства или досрочное прекращение полномочий состава представительного органа субъекта РФ, смещение с должности губернатора); 3) ответственность общественных объединений (отказ в регистрации общественного объединения, запрет деятельности партии); 4) ответственность физических лиц (отказ в предоставлении гражданства, лишение статуса беженца или вынужденного переселенца); 5) ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (роспуск представительного органа, отрешение от должности главы местного самоуправления).

Представляется, что при всем разнообразии взглядов на непосредственные меры конституционной ответственности, такой субъект конституционной ответственности, как судья, с единственной для него мерой конституционной ответственности — досрочным прекращением полномочий, должен занять свою нишу. Вообще же среди звеньев механизма конституционной ответственности судьи важное место занимает звено, определяющее субъект этой ответственности. Далеко не все ученые под этим субъектом подразумевают действующего судью. Например, Т.Д. Зражевская на круглом столе, посвященном теме «Проблемы правовой ответственности государства, его органов

и служащих»⁴³, назвала среди субъектов, обладающих конституционной деликтоспособностью, высшие звенья судебной системы и Конституционный Суд РФ; по сути, все три (тогда их было столько) высших суда страны, т.е. обозначила субъектом конституционной ответственности коллективные субъекты в судебной системе.

А среди судей как индивидуальных субъектов конституционной ответственности — не все авторы под такими субъектами подразумевают всех действующих судей. Например, Д.А. Липинский⁴⁴ и М.О. Сапунова⁴⁵ к таковым относят лишь судей Конституционного Суда РФ, аргументируя свою позицию тем, что только в отношении их в полной мере действует федеральный конституционный закон — о Конституционном Суде РФ, и хотя в отношении судей Высшего Арбитражного Суда РФ (тогда был такой орган) также действует Федеральный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», но в ч. 3 ст. 8 этого Закона указано, что прекращение полномочий судьи допускается только по решению соответствующей ККС, при этом основания прекращения полномочий судей арбитражных судов конституционным законом не предусматриваются. Таким образом, отмечает М.О. Сапунова, отсутствует надлежащее правовое предписание, являющееся обязательным условием применения мер конституционной ответственности к судьям Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и судьям иных федеральных судов всех уровней, за исключением судей Конституционного Суда РФ, правовое положение и юридическая ответственность которых установлены соответствующими федеральным конституционным законом. В силу изложенного на данном этапе развития законодательства, указывает она, лишь судей Конституционного Суда РФ следует включить в круг индивидуальных субъектов конституционной ответственности, обладающих конституционной деликтоспособностью.

Однако исключительно важным, базовым, корневым для нашей судебной системы, для всего механизма современного российского правосудия является положение о том, что все (все!) судьи в Российской Федерации обладают единым статусом. Из ст. 2 Закона о статусе судей, так и именуемой «Единство статуса судей», вытекает, что особенности правового положения судей в нашей стране, обладающих единым статусом, определяют федеральным конституционным законом (относительно судей Конституционного Суда РФ),

³⁸ См.: Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж, 1985. С. 57, 58; Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 91–114; Ответственность как средство укрепления законности в государственно-правовых отношениях // Юридические гарантии и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977. С. 55.

³⁹ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 359, 360; Лучин В.О., Забровская Л.В. Юридическая природа конституционных деликтов // Право и гражданское общество в современной России: сб. науч. ст. М., 2003. С. 297.

⁴⁰ См.: Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 23–26.

⁴¹ См.: Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. С. 78–99.

⁴² См.: Кондрашов А.А. Меры конституционно-правовой ответственности в современном конституционном праве: основания классификации и виды санкций // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 48–50.

⁴³ Государство и право. 2000. № 3. С. 27.

⁴⁴ См.: Липинский Д.А. Регулятивная функция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 4. С. 27.

⁴⁵ См.: Сапунова М.О. Указ. соч. С. 84.

федеральными законами (относительно всех других категорий судей, включая судей военных судов) и законами субъектов Российской Федерации (в случаях, предусмотренных федеральными законами), и присвоение судье квалификационного класса не означает изменения его статуса относительно других судей в Российской Федерации. Больше того, то же положение закреплено и в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», ст. 12 которого, также именуемая «Единство статуса судей», гласит: «Все судьи Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией. Особенности правового положения отдельных категорий судей определяются федеральными законами, и в случаях, ими предусмотренных, — также и законами субъектов Российской Федерации».

К тому же отнесение регулирования тех или иных общественных отношений, вопросов, положений, включая сегмент ответственности судьи в Российской Федерации, к федеральному или федеральному конституционному законодательству не всегда носит системный характер, и может определяться свойствами или предпочтениями законодательской техники. Если все российское законодательство о судах и судьях будет кодифицировано (об этом — разговор отдельный), не факт, что законодатель предпочтет такой кодекс принять в форме федерального конституционного закона.

Исключительно важным в названном механизме является звено, определяющее основания конституционной ответственности судьи. В литературе вопросу оснований конституционной ответственности (в целом, а не только судей) высказано немало точек зрения. Так, О.И. Ярошенко выделяет три основания конституционно-правовой ответственности: нормативное, фактическое и процессуальное⁴⁶. Поскольку в целом эта ответственность — применительно к судье — наступает (должна наступать) за совершение конституционного проступка (правонарушения), состав которого, как иное правонарушение, состоит, что общеизвестно, из объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, то объектом конституционного проступка судьи является правосудие, конституционному провозглашению осуществления которого посвящены соответствующие положения Конституции РФ, законодательных и иных актов, включая судебные акты и акты органов судейского сообщества, а также присягу судьи, нормы этики, морали, нравственности и пр. Объективная сторона конституционного проступка судьи раскрывает само содержание

данного конкретного проступка и его отрицательные последствия, в том числе недолжное поведение судьи в виде умаления достоинства судьи, умаления достоинства судебной власти, появления обоснованных сомнений в объективности, справедливости и беспристрастности судьи. Субъектом этого проступка является, естественно, судья. А субъективная сторона — психологическое отношение судьи к своим противоправным и/или аморальным действиям, поведению, бездействию и пр.

При этом следует согласиться с точкой зрения В.В. Гошуляка, согласно которой «в российском праве нет отраслей, где бы юридическая ответственность возлагалась на субъекты права без учета их вины. В конституционном праве вина не может быть сведена к традиционному пониманию психического отношения субъекта права к деянию, не соответствующему должному поведению и его последствиям. Она ассоциируется с наличием у субъекта возможности надлежащим образом исполнять конституционные обязанности и непризнанием им всех необходимых мер для того, чтобы не допустить конституционного правонарушения. Именно в этом состоит суть конституционной ответственности как ответственности за виновное причинение вреда»⁴⁷.

Но важная проблема здесь — в определении оснований конституционной ответственности судьи за совершенный им конституционный проступок — это ответ на вопрос: включается ли в понятие конституционного проступка судьи совершенная им судебная ошибка? Эта проблема встает при взгляде на сущность дисциплинарного проступка судьи, влекущего (или не влекущего) дисциплинарную его ответственность, но здесь понятие проступка — шире. Здесь к судебной ошибке следует подходить объективно, с конституционно значимых позиций. По словам бывшего губернатора Калифорнии Арнольда Шварценеггера, «ошибки совершаются в каждом деле. Почему же ядерное оружие должно считаться исключением?» Речь идет в качестве наглядной иллюстрации этого высказывания об эпизоде, произошедшем 29–30 августа 2007 г. с шестью крылатыми ракетами с ядерными боеголовками (вместо учебных!), погруженными на борт стратегического бомбардировщика, который совершил перелет с ними через всю страну. В течение 36 часов никто не знал, где находятся эти боеголовки и даже о самом факте их отсутствия⁴⁸. Перефразируя это заявление А. Шварценеггера, можно спросить: почему же все судебные решения всех судей (как совокупное — каждое у каждого)

⁴⁶ См. подр.: Ярошенко Н.И. Основания конституционно-правовой ответственности в сфере нормоконтроля // Журнал рос. права. 2014. № 1. С. 102.

⁴⁷ Гошуляк В.В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 24.

⁴⁸ См.: Независимая газ. 2008. 21 янв.

должны считаться исключением из утверждения, согласно которому «ошибки совершаются в каждом деле» (в рамках рассматриваемой здесь проблемы — в сфере существования правосудия)?

Но важным здесь является наличие судейского иммунитета, гарантирующего не привлечение судьи к какой-либо ответственности за правосудную деятельность, во всяком случае — стремящегося к этому.

Звено механизма конституционной ответственности судьи, посвященное судейскому иммунитету, прямо опирается на ст. 122 Конституции РФ, которая гласит: «Судьи неприкосновенны. Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом». Эта статья Конституции РФ, как и ряд других, содержательно провозглашают важную гарантию независимого правосудия в Российской Федерации — неприкосновенность судей, выступающей в качестве принципа, исходя из которого решаются конкретные взаимосвязанные и взаимозависимые вопросы и неприкосновенности судей, и их ответственности. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 7 марта 1996 г. № 6-П, судейская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, прежде всего, интересов правосудия; следует также учитывать особый режим судейской работы, повышенный профессиональный риск, наличие различных процессуальных и организационных средств контроля за законностью действий и решений суда.

Судейский иммунитет обеспечивается особыми основаниями и порядком приостановления и прекращения полномочий судьи, при условии, что эти основания и порядок установлены федеральным законом, т.е. установлен конституционный запрет на приостановление или прекращение полномочий судьи по иным основаниям и/или в ином порядке, чем это урегулировано в федеральном законе. И речь идет как о федеральном — о статусе судей (ст. 13, 14), так и о федеральном конституционном — о Конституционном Суде РФ (ст. 17, 18) — законах.

Конституционно значимой гарантией необоснованного привлечения судьи к ответственности — в рамках звена судейского иммунитета механизма ответственности судьи, является то, что любое решение ККС в отношении судьи, нарушающим, по его мнению, его права (в том числе приостановившие или прекратившие его полномочия), может быть им обжаловано в суд. Еще в Постановлении от 7 марта 1996 г. № 6-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 16 Закона о статусе судей Конституционный Суд РФ указал, что положения данного закона не могут быть истолкованы как

исключающие возможность обжалования в судебном порядке решения ККС и препятствующие осуществлению гражданами их прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба; законодательство Российской Федерации не допускает никаких исключений из конституционного принципа, согласно которому действия и решения государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, в результате которых нарушены права и свободы граждан или созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод, могут быть обжалованы в суд.

Важна здесь и Рекомендация № R (94) 12 о независимости, эффективности работы и роли судей Комитета Министров государствам — членам Совета Европы (Принцип 1.2 d), согласно которой «судьи должны иметь ничем не ограниченную свободу решать дела беспристрастно, в согласии со своей совестью и в соответствии со своим толкованием фактов и руководствуясь преобладающими правовыми нормами».

Можно уверенно предположить, что введение даже самой минимальной из возможных видов, тем паче конституционной, ответственности судей за судебную ошибку, даже при условии, что ее наличие обязательно будет подтверждено судебным актом вышестоящей судебной инстанции, способно если не полностью парализовать, то как минимум серьезно затормозить нормальный ход осуществляемого каждым судьей правосудия. Ведь судья, рассматривая каждое дело (в среднем десятки в месяц) и опасаясь, что вынесенное им по этому делу решение в случае его отмены (изменения) вышестоящей судебной инстанцией будет квалифицировано в качестве судебной ошибки, вынужден будет во многих случаях «консультироваться» со многими судьями всех могущих по этому делу стать вышестоящих судебных инстанций, причем — в процедуре внепроцессуальных связей, устанавливая с ними личные контакты и т.п., что поставит крест на независимости судей.

Сказанное означает — необходима выработка формулы конституционного проступка судьи, причем отличная от закрепленного в действующей редакции п. 5 ст. 12.1 (в ред. Федерального закона от 29.07.2018 № 243-ФЗ) Закона о статусе судей основания дисциплинарной ответственности судьи, который предусматривает досрочное прекращение полномочий судьи. Там сказано: «Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, в том числе за нарушение указанных

положений при осуществлении правосудия, если такое нарушение повлекло искажение принципов судопроизводства, грубое нарушение прав участников процесса, свидетельствует о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлено вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок».

Следует обратить внимание на следующее немаловажное обстоятельство. Принято считать: новое — это хорошо забытое старое. Хорошо забытым старым в данном вопросе служит то, что созданным у нас в 1989–1990 гг. Положением о порядке выборов и организации деятельности квалификационных коллегий судей судов РСФСР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 декабря 1989 г.⁴⁹, и Положением о дисциплинарной ответственности судей и народных заседателей судов РСФСР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 февраля 1990 г.⁵⁰, механизм ответственности судьи не рассматривал ни отзыв судьи, ни досрочное освобождение судьи от исполнения своих обязанностей в качестве меры дисциплинарных взысканий (дисциплинарными взысканиями, налагаемыми ККС на судью, тогда были: а) замечание; б) выговор; в) строгий выговор). Решение об отзыве судей и об их досрочном освобождении от исполнения обязанностей решался — не в режиме дисциплинарного производства — соответствующими Советами (представительными органами), их избравшими в должность судьи. Правда, тогда этот отзыв и досрочное освобождение от должности судьи не именовался мерой конституционной ответственности. Отчасти и потому, что действовавшая тогда Конституция не была актом прямого действия.

Оптимальной формулой конституционного проступка судьи, краткой, но всеобъемлющей и предусматривающей лишь одну ответственность — досрочное прекращение полномочий судьи (и то нужно будет исключить те основания досрочного прекращения полномочий, которые не являются следствием совершения проступка: смерть судьи, собственное желание и т.д.), может служить формула: «нарушение присяги судьи». Ныне же нарушение присяги судьи нигде, никем и никак не фиксируется и никакой ответственности для нарушителя за это никакими нормами не предусмотрено. А ведь принесение присяги судьей делает его настоящим судьей (и для него самого, и в глазах

общества), и в морально-этическом плане исключительно значимо, как значимо для врачей, военнослужащих и иных категорий.

Правда, текст нынешней присяги судьи представляется крайне, недопустимо лаконичным. В Законе о статусе судей сказано, что судья, впервые избранный на должность, принимает в торжественной обстановке присягу следующего содержания: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняться только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть». Ещё более лаконична формула присяги судьи Конституционного Суда РФ: «Клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, подчиняясь при этом Конституции Российской Федерации, ничему и никому более».

Для сравнения: в ст. 11 гл. 4 Судебного кодекса Королевства Швеция от 18 июля 1942 г. (в ред. от 15.06.2017)⁵¹ провозглашена присяга судьи в такой редакции: «Я клянусь своей честью и совестью, что я буду беспристрастно, по отношению как к богатым, так и бедным, честно и справедливо осуществлять правосудие по всем делам и судить только в соответствии с законами Королевства Швеции; клянусь, что никогда не буду злоупотреблять законом или использовать его из родственных, супружеских, дружественных чувств, а также зависти, недоброжелательности или страха, или в связи с подкупом, подарками; и я никогда не признаю невиновного виновным и наоборот. Все вышесказанное, как честный и праведный судья, я обязательно буду соблюдать».

Так же для сравнения: таковым был текст присяги российского судьи 150 лет назад, закреплён он был в законах судебной реформы 1864 г. Тогда сам механизм приведения к присяге был более значим и торжествен. В ст. 225 Учреждения судебных установлений — с приложением — провозглашалось: «225. Каждый, назначенный в первый раз в должность судьи, приводится к особой на звание присяге, духовным лицом своего вероисповедания, в публичном заседании всех департаментов или отделений суда, в который поступает, по прилагаемой у сего Форме.

На основании Высочайше утвержденного 21 октября 1857 г. мнения Государственного Совета присяга на верность службы приносится только при первоначальном вступлении в оную и при поступлении в службу вновь из отставки; при производстве же в чины и при назначении на новые места, или в другие должности, присяга не повторяется. Правило это не распространяется на те должности

⁴⁹ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 50, ст. 1480.

⁵⁰ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 10, ст. 288.

⁵¹ См.: Сборник законов Швеции tum. SFS2017: 542.

и звания, для коих законом положительно установлены особые клятвенные обещания (...). Обязанности судьи, и по специальности своей, и по особенной, присвоиваемой этому званию важности, непременно требуют и особого ручательства в добросовестном исполнении оных. Обязанности судьи, вступившего в первый раз в это звание, столь различны от всех предшедших его занятий, что было бы неудобно и едва ли осторожно допускать в эту должность без торжественного обряда присяги на оную (...).

I. Форма присяги на должность судьи (к ст. 225).

«Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и животворящим крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять свято законы Империи, творить суд по чистой совести, без всякого в чью-либо пользу, лицепрятия и поступать во всем соответственно званию, мною принимаемому, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде Его. В удостоверение сего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»⁵².

Помимо сложностей с выработкой текста присяги судьи, нарушение которой должно повлечь конституционную ответственность в виде досрочного прекращения полномочий судьи, исключительно важным и еще более сложным является вопрос: а кто, какой орган должен применять эту меру ответственности?

Возложение этой функции на квалификационные коллегии судей, как и на иные органы судейского сообщества, должно быть исключено — конституционно значимую функцию должны выполнять конституционные органы. И частично это произошло конституционными нововведениями 2020 года. Можно сказать — тогда (и в результате) произошла радикальная реформа ответственности части судейского корпуса за грубейшие дисциплинарные нарушения, влекущие ответственность в виде досрочного прекращения полномочий судьи. Старт им дало ежегодное Послание Президента РФ В.В. Путина от 15 января 2020 г.⁵³ В нем, в частности, было сказано: «И наконец, седьмое: ключевую роль в обеспечении законности и прав граждан играет судебная

система — Конституционный и Верховный Суды. Подчеркну, безусловным должен быть не только профессионализм судей, но и доверие к ним. Справедливость и моральное право принимать решения, затрагивающие судьбы людей, всегда в России имели первостепенное значение. Основной закон должен закреплять и защищать независимость судей, принцип их подчинения только Конституции и федеральному законодательству. При этом считаю необходимым предусмотреть в Конституции полномочия Совета Федерации по представлению Президента России отрешать от должности судей Конституционного и Верховного Судов в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи. Это предложение делается исходя из сложившейся практики. Этого явно сегодня не хватает».

Видимо, у Президента РФ были причины для внесения таких нововведений в действующую Конституцию РФ. Хотя официального их обоснования автору этих строк найти не удалось. Не похоже, что существующий до этого организационно-правовой механизм досрочного прекращения полномочий судей Конституционного Суда РФ (по решению самого Конституционного Суда РФ — в силу ст. 18 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») и судей Верховного Суда РФ (Высшей квалификационной коллегией судей РФ) не мог законно и справедливо с этим справиться. Но, что важно: а) самих судей Конституционного Суда РФ по штату 11, судей Верховного Суда РФ — по штату 170; б) и судьи этих судов — высокопрофессиональные и чрезвычайно маловероятно способные совершить названный в Послании Президента РФ проступок.

Однако сказанное Президентом РФ о предлагаемых им изменениях и дополнений в Конституцию РФ в его ежегодном Послании 2020 г. приобрело — в нововведениях в Конституцию РФ 2020 года — существенное расширение. Эти реальные нововведения заключаются в том, что:

в ст. 83 «Президент Российской Федерации» был добавлен п. «е.3», провозгласивший, что Президент РФ «вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации».

⁵² Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рас- суждений, на коих они основаны. Часть третья. СПб., 1866. С. 138, 139 (цит. по: *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семи- гин Г. Ю.* Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. М., 2003. Т. III. С. 469).

⁵³ См.: Послание Президента РФ от 15.01.2020 г. 6/н Фе- деральному Собранию (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государ- ства) // Росс. газ. 2020. 16 янв.

Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»;

соответствующими корреспондирующими полномочиями был наделен Совет Федерации — в Конституцию РФ был включен п. «л» ч. 1 ст. 102, в соответствии с которым Совет Федерации «прекращает по представлению Президента Российской Федерации...» — и далее по тексту указанных чуть выше новых полномочий Президента РФ.

Разница между предложением Президента РФ, содержащемся в его ежегодном Послании 2020 г., и его реализованном, закреплённом конституционными нововведениями 2020 года, весьма существенна, поскольку к судьям Конституционного и Верховного судов РФ были добавлены судьи апелляционных и кассационных судов. А их — немало: на X Всероссийском съезде судей (в конце ноября 2022 г.) было объявлено, что в Российской Федерации по состоянию на 1 октября 2022 г. числится — в судах общей юрисдикции: в кассационных судах — 862 ставки судей (из них 22% должностей вакантны), в апелляционных судах — 173 ставки судей (из них 18% вакантны); в военных судах; в апелляционном — 16 ставок судей; в кассационном — 25 ставок судей; в арбитражных судах — округов (кассационных) — 443 ставки судей (из них 14% вакантных), апелляционных судах — 682 ставки судей (из них 14,7% вакантные).

Таким образом, по состоянию на указанную дату в Российской Федерации значилась в совокупности 2201 ставка судей кассационных и апелляционных судов. И все они теперь вошли — при соответствующих условиях — в юрисдикцию Совета Федерации ФС РФ. Но вышли ли они при этом из юрисдикции ВККС РФ?

Представляется исключительно важным и то обстоятельство, что вхождение желающих войти в состав судейского корпуса базируется — фундаментально — на Конституции РФ, ее ст. 119 и 128, включенных в специальную гл. 7 «Судебная власть и прокуратура». А выход из судейского корпуса — в случае совершения судьей грубого правонарушения, повлекшего досрочного прекращения его полномочий — Конституцией РФ до конституционных нововведений 2020 года вообще не предусматривался, и такая же ситуация сохранилась для основной массы судей и после этих нововведений. А для указанного выше 2201 судьи после этих нововведений хотя и предусмотрена, но положения об этом закреплёны не в гл. 7 Конституции РФ, посвященной судебной власти, а в гл. 4 «Президент

Российской Федерации» и 5 «Федеральное Собрание». Почему?

Естественно, названное нововведение повлекло за собой соответствующую корректировку и иных законодательно-нормативных актов — Регламента Совета Федерации ФС РФ, ст. 15 Федерального конституционного закона о судебной системе Российской Федерации, Закона о статусе судей (в который Федеральным законом от 08.12.2020 № 426-ФЗ была вмонтирована специальная ст. 14.1 «Прекращение полномочий отдельных категорий судей Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»).

Получается, что конституционными нововведениями 2020 года был создан организационно-правовой механизм конституционной ответственности 2201 судьи за совершение ими грубейшего дисциплинарного проступка в виде досрочного прекращения судейских полномочий Советом Федерации по представлению Президента РФ.

Однако ни разу с тех пор, насколько автору данных строк известно, он не был задействован. Может быть, конечно, и потому, что ни один из названных 2201 судьи не совершил с тех пор грубого проступка, который должен был повлечь досрочное прекращение полномочий судьи.

Но вот пример для размышления: ВККС РФ Решением от 3 февраля 2023 г. установила: судья Арбитражного суда одного из округов К., «находясь в состоянии алкогольного опьянения, осуществлял действия, оскорбляющие человеческое достоинство и общественную нравственность; нарушал общественный порядок, выражая неуважение к гостям и охране бара, находящегося по адресу... С прибывшими сотрудниками полиции вел себя агрессивно, использовал нецензурную брань, на замечания не реагировал, в связи с этим к судье К. были применены физические сила и специальные средства»⁵⁴.

Это — разовое, но грубейшее правонарушение одного из 2201 названного судьи, и состав этого правонарушения вписывается, безусловно, в состав правонарушения, провозглашенный п. «е» ст. 83 обновленной в 2020 г. Конституции РФ: «в случае совершения поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных, предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий».

А вот пример неоднократных правонарушений: на заседании ВККС РФ 20–24 ноября 2023 г. было отказано в продлении полномочий главы

⁵⁴ Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2021. № 5 (79). С. 23.

апелляционного арбитражного суда («из-за многочисленных претензий»⁵⁵). Кстати, сам факт отказа в продлении полномочий судьи можно рассматривать (и целесообразно официализировать) как вид дисциплинарной, а в отдельных случаях (рассмотренных выше) и конституционной ответственности судьи.

Таким образом можно с осторожностью предположить, вариантно: 1) либо Совет Федерации не рассмотрел за эти последние три года со дня наделения его соответствующими полномочиями ни одного представления Президента РФ в рамках своих новых полномочий о судьях из-за отсутствия таких представлений; б) либо рассмотрел, но — в засекреченном режиме (что крайне маловероятно).

Но главное — а вообще дело ли это Совета Федерации как федерального законодательного органа? Была ли необходимость наделять его функцией квазисудебного органа — ведь квалификационные коллегии судей, рассматривая вопрос о грубом проступке судьи, могущим повлечь в качестве наказания досрочное прекращение его полномочий, проводят, предварительно, целое расследование, устанавливающее обстоятельства проступка, вину судьи и проч. Зачастую опрашиваются люди, истребуются документы, в заседании на стороне проштрафившегося судьи участвует адвокат... рассмотрение дела неоднократно переносится. И что важно — состав квалификационной коллегии судей состоит более чем наполовину из действующих судей, не понаслышке знающих, кто это за люди — судьи и в чём опасность их проступков. И эта коллегия при рассмотрении дела о проступке судьи делает два дела, органически присущие судебному процессу: устанавливает, что там было, и дает этому установленному «что было» правовую оценку. Может ли Совет Федерации при его загруженности законотворческой работой выступать в роли ВККС РФ как органа судейского сообщества либо как квазисудебного органа? А вынесенное квалификационной коллегией судей решение, хоть положительное, хоть отрицательное, может быть обжаловано, причем неоднократно, по инстанциям (в Дисциплинарную коллегия Верховного Суда РФ, в Апелляционную коллегия Верховного Суда РФ; а ситуации со вновь открывшимися обстоятельствами?). И можно ли обжаловать в судебном порядке решение Совета Федерации о досрочном прекращении полномочий судьи? Хоть по существу, хоть по форме? Равно — можно ли обжаловать Представление Президента РФ в Совет Федерации ФС РФ по этому вопросу?

Кроме того, по мнению автора этих строк, принципиальное разделение органов, наделяющих

судью полномочиями, и лишающих судью судейских полномочий — величайшее достижение переломной юридической мысли в нашей стране (из личного общения автора данных строк с членом-корр. РАН В.Ф. Яковлевым).

* * *

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить:

проступок судьи, за который он подлежит наказанию в виде досрочного прекращения судейских полномочий — это конституционное правонарушение, а досрочное прекращение этих полномочий — мера конституционной ответственности;

указанные выше конституционные нововведения привели к разрушению единства статуса судей (поскольку статус судьи органически включает и ответственность судьи), причем в двояком смысле: 1) для 2201 судьи (по штату) в случае совершения названного проступка наступает конституционная ответственность в виде досрочного полномочия судей, налагаемого, в соответствии с Конституцией РФ (в ред. 2020 г.) Советом Федерации, а для остальных 27 836 наступает дисциплинарная ответственность, налагаемая квалификационными коллегиями судей; 2) для указанных 2201 судьи за названный проступок наступает конституционная ответственность, но если проступок будет не столь грубым, и за него мерой ответственности будет не досрочное прекращение судейских полномочий, а более мягкая, то уже ответственность будет для судьи из числа 2201 не конституционной, а дисциплинарной и применять ее будет не Совет Федерации, а соответствующая квалификационная коллегия судей;

конституционная ответственность в виде досрочного прекращения полномочий судей за названный проступок должна применяться в отношении всех без исключения судей, чем будет обеспечено единство статуса судей;

ситуация, в которой Совет Федерации ФС РФ, рассматривая проступок судьи (в соответствии со своей компетенцией), может установить, что этот проступок не столь уж тяжкий и заслуживает более мягкий вид ответственности, чем досрочное прекращение его полномочий, вообще крайне туманна; ведь это означает, что происходит перевод ответственности из конституционной в дисциплинарную. И такое — пока теоретически — весьма вероятно, ибо ст. 14¹ Закона о статусе судей, введенная в этот Закон ФЗ от 8 декабря 2020 г. № 426-ФЗ, установила, что полномочия названной категории судей могут быть прекращены Советом Федерации по представлению Президента РФ в следующих случаях: 1) совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи; 2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ

⁵⁵ Барсуков В. Фемида усиливает борьбу с коррупцией. Высшая квалификационная коллегия судей продолжает обновление судебной системы // Независимая газ. 2023. 20 нояб.

«О противодействии коррупции»»; 3) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; 4) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; 5) занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи; 6) в иных случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами. Ведь очевидно, что случаи 1 и 5 — оценочные, а в случае 4 судья элементарно может не знать что названный поступок совершила супруга (супруг) и (или?) несовершеннолетние дети, и в чем здесь вина судьи?

органом, применяющим конституционную ответственность судьи в виде досрочного прекращения судейских полномочий, должен быть — для всех судей — Верховного Суда РФ, кассационных и апелляционных (но не для судей Конституционного Суда РФ — там свой порядок) — не Совет Федерации ФС РФ и не квалификационные коллегии судей. Это должен быть принципиально новый государственно-властный орган, провозглашенный в Конституции РФ, олицетворяющий судебную власть (типа Федеральное Собрание для власти законодательной и Правительства РФ для власти исполнительной), но не являющийся судебным органом. Подобный орган есть и эффективно действует в доброй половине государств мира, дважды (в 1993 и в 2001 гг.) он мог реально появиться и в Российской Федерации⁵⁶;

место такому органу в главе Конституции РФ, посвященной судебной власти. Но, поскольку он должен быть провозглашен и в ч. 1 ст. 11 ныне действующей Конституции РФ (т.е. в ее гл. 1) и, не исключено — некоторых статьях ее главы второй, необходима проработка и принятие новой Конституции РФ. На встрече Президента РФ В.В. Путина с Председателем Конституционного Суда В.Д. Зорькиным 12 декабря 2023 г. звучало: «может быть, наступают времена, когда нужно сменить Конституцию... Но прежде, чем заняться такими вещами, к которым призывают иногда очень часто, нужно задуматься над тем, а для чего это нужно»⁵⁷.

⁵⁶ Обоснованию необходимости такого органа и его контурам посвящена работа автора данной статьи (см.: *Клеандров М.И.* О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016).

⁵⁷ Цит. по: *Колесников А.* Конституция — дело поправимое. Об этом рассказали Валерий Зорькин и Владимир Путин // *Коммерсантъ*. 2023. 13 дек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Санкции в советском государственном праве // *Сов. государство и право*. 1973. № 11. С. 30, 31.
2. *Авдеенкова М.П.* Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. *Алиев Т.Т.* Конституционная ответственность как особый вид юридической ответственности // *Современное право*. 2010. № 11. С. 33.
4. *Барсуков В.* Фемида усиливает борьбу с коррупцией. Высшая квалификационная коллегия судей продолжает обновление судебной системы // *Независимая газ.* 2023. 20 нояб.
5. *Боброва Н.А., Зражевская Т.Д.* Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж, 1985. С. 57, 58, 69, 70.
6. Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 567.
7. Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2021. № 5 (79). С. 23.
8. *Виноградов В.А.* Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. С. 78–99.
9. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исп. и доп. М., 2009.
10. *Государство и право*. 2000. № 3. С. 27.
11. *Гоцуляк В.В.* Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности // *Конституционное и муниципальное право*. 2009. № 24.
12. *Добрынин Н.М.* К вопросу о конституционной ответственности // *Государство и право*. 2010. № 10. С. 17–25.
13. *Зражевская Т.Д.* Ответственность как средство укрепления законности в государственно-правовых отношениях // *Юридические гарантии и режим социалистической законности в СССР*. Ярославль, 1977. С. 55.
14. *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 91–114.
15. *Клеандров М.И.* Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2017.
16. *Клеандров М.И.* О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016.
17. *Клеандров М.И.* Ответственность судьи. М., 2011. С. 69–233.
18. *Клеандров М.И.* Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М., 2008.
19. *Колесников А.* Конституция — дело поправимое. Об этом рассказали Валерий Зорькин и Владимир Путин // *Коммерсантъ*. 2023. 13 дек.
20. *Колосова Н.М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000.
21. *Колюшин Е.И.* Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 23–26.

22. *Кондрашев А.А.* Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М., 2006.
23. *Кондрашов А.А.* Меры конституционно-правовой ответственности в современном конституционном праве: основания классификации и виды санкций // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 48–50.
24. Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2001.
25. *Корня А.* Этика судейской жизни. Служители Фемиды получают рекомендации по правильному поведению в интернете // Коммерсантъ. 2023. 6 дек.
26. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 396.
27. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. История, документы: в 6 т. М., 2003. Т. III. С. 469; т. VI. Российская Федерация / отв. ред. Л.Б. Алексеева. С. 36.
28. *Липинский Д.А.* Регулятивная функция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 4. С. 27.
29. *Лучин В.О.* Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1. С. 12–19.
30. *Лучин В.О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 278, 279, 283, 359, 360.
31. *Лучин В.О., Забровская Л.В.* Юридическая природа конституционных деликтов // Право и гражданское общество в современной России: сб. науч. ст. М., 2003. С. 297.
32. *Матросов С.Н.* Теоретико-правовые основы конституционной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 48.
33. *Никифорова Н.В.* Конституционно-правовая ответственность в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы реализации и развития: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009.
34. Отчетный доклад Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Н.В. Тимошина X Всероссийскому съезду судей от 29 ноября 2022 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2023. № 1 (87). С. 29.
35. *Пискотин М.И.* Политическая ответственность работников аппарата государственного управления в социалистических странах // Доклад на Международной научной конференции на тему «Ответственность сотрудника государственной администрации». Варшава, 1975 (на рус. яз.).
36. *Сапунова М.О.* Юридическая ответственность судей в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 79, 84.
37. *Сергеев А.Л.* Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 29.
38. *Серков П.П.* Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика. М., 2014.
39. *Скифский Ф.С.* Ответственность за конституционные правонарушения: автореф. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1998. С. 4.
40. *Трофимова Г.А.* Конституционно-правовая ответственность федеральных судов // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11.
41. *Трофимова Г.А.* Понятие конституционно-правовой ответственности как отраслевого вида юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 3–8.
42. *Яковлев В.Ф.* Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 11. С. 5.
43. *Ярошенко Н.И.* Основания конституционно-правовой ответственности в сфере нормоконтроля // Журнал рос. права. 2014. № 1. С. 102.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Sanctions in Soviet State Law // Soviet State and Law. 1973. No. 11. Pp. 30, 31 (in Russ.).
2. *Avdeenkova M.P.* Constitutional and legal responsibility in Russia: problems of formation and implementation: dis. ... PhD in Law. M., 2003 (in Russ.).
3. *Aliev T.T.* Constitutional responsibility as a special type of legal responsibility // Modern law. 2010. No. 11. P. 33 (in Russ.).
4. *Barsukov V.* Themis strengthens the fight against corruption. The Higher Qualification Board of Judges continues to update the judicial system // Nezavisimaya gas. 2023. 20 Nov. (in Russ.).
5. *Bobrova N.A., Zrazhevskaya T.D.* Responsibility in the system of guarantees of constitutional norms. Voronezh, 1985. Pp. 57, 58, 69, 70 (in Russ.).
6. The Great Legal Encyclopedia. M., 2005. P. 567 (in Russ.).
7. Bulletin of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation. 2021. No. 5 (79). P. 23 (in Russ.).
8. *Vinogradov V.A.* Constitutional responsibility: issues of theory and legal regulation. M., 2000. Pp. 78–99 (in Russ.).
9. *Vitruk N.V.* General theory of legal responsibility. 2nd ed., rev. and add. M., 2009.
10. State and Law. 2000. No. 3. P. 27 (in Russ.).
11. *Goshulyak V.V.* Theoretical and legal problems of constitutional and legal responsibility // Constitutional and Municipal Law. 2009. No. 24 (in Russ.).
12. *Dobrynin N.M.* On the issue of constitutional responsibility // State and Law. 2010. No. 10. Pp. 17–25 (in Russ.).
13. *Zrazhevskaya T.D.* Responsibility as a means of strengthening legality in state-legal relations // Legal guarantees and the regime of socialist legality in the USSR. Yaroslavl, 1977. P. 55 (in Russ.).
14. *Zrazhevskaya T.D.* Responsibility under Soviet State Law. Voronezh, 1980. Pp. 91–114 (in Russ.).
15. *Kleandrov M.I.* The mechanism of ethical responsibility of a judge: problems of formation. M., 2017 (in Russ.).
16. *Kleandrov M.I.* On the Council of Judicial power of the Russian Federation. M., 2016 (in Russ.).

17. *Kleandrov M. I.* Responsibility of a judge. M., 2011. Pp. 69–233 (in Russ.).
18. *Kleandrov M. I.* Status of a judge: legal and related components. M., 2008 (in Russ.).
19. *Kolesnikov A.* The Constitution is a fixable matter. This was told by Valery Zorkin and Vladimir Putin // *Kommersant*. 2023. 13 Dec. (in Russ.).
20. *Kolosova N. M.* Constitutional responsibility in the Russian Federation: Responsibility of state authorities and other subjects of law for violation of the constitutional legislation of the Russian Federation. M., 2000 (in Russ.).
21. *Kolyushin E. I.* Constitutional (State) Law of Russia. M., 1999. Pp. 23–26 (in Russ.).
22. *Kondrashev A. A.* Constitutional and legal responsibility in the Russian Federation: theory and practice. M., 2006 (in Russ.).
23. *Kondrashov A. A.* Measures of constitutional and legal responsibility in modern Constitutional Law: grounds for classification and types of sanctions // *Constitutional and Municipal Law*. 2010. No. 7. Pp. 48–50 (in Russ.).
24. Constitutional and legal responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries / ed. by S. A. Avakyan. M., 2001 (in Russ.).
25. *Kornya A.* Ethics of judicial life. The servants of Themis will receive recommendations on proper behavior on the Internet // *Kommersant*. 2023. 6 Dec. (in Russ.).
26. *Kutafin O. E.* The subject of Constitutional Law. M., 2001. P. 396 (in Russ.).
27. *Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. Yu.* Judicial power in Russia. History, documents: in 6 vols. M., 2003. Vol. III. P. 469; vol. VI. The Russian Federation / res. ed. L. B. Alekseeva. P. 36 (in Russ.).
28. *Lipinsky D. A.* The regulatory function of constitutional responsibility // *Constitutional and Municipal Law*. 2003. No. 4. P. 27 (in Russ.).
29. *Luchin V. O.* Constitutional torts // *State and Law*. 2000. No. 1. Pp. 12–19 (in Russ.).
30. *Luchin V. O.* Constitution of the Russian Federation. Problems of implementation. M., 2002. Pp. 278, 279, 283, 359, 360 (in Russ.).
31. *Luchin V. O., Zabrovskaya L. V.* The legal nature of constitutional torts // *Law and civil society in modern Russia: collection of scientific articles*. M., 2003. P. 297 (in Russ.).
32. *Matrosov S. N.* Theoretical and legal foundations of constitutional responsibility: dis. ... PhD in Law. M., 2002. P. 48 (in Russ.).
33. *Nikiforova N. V.* Constitutional and legal responsibility in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: problems of implementation and development: dis. ... PhD in Law. Tyumen, 2009 (in Russ.).
34. The report of the Chairman of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation N. V. Timoshin to the X All-Russian Congress of Judges dated November 29, 2022 // *Bulletin of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation*. 2023. No. 1 (87). P. 29 (in Russ.).
35. *Piskotin M. I.* Political responsibility of employees of the public administration apparatus in socialist countries // Report at the International Scientific Conference on the topic “Responsibility of an employee of public administration”. Warsaw, 1975 (in Russ.).
36. *Sapunova M. O.* The legal responsibility of judges in the Russian Federation: theoretical and legal analysis: dis. ... PhD in Law. M., 2000. Pp. 79, 84 (in Russ.).
37. *Sergeev A. L.* Constitutional responsibility of federal state authorities of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. M., 2006. P. 29 (in Russ.).
38. *Serkov P. P.* Constitutional responsibility in the Russian Federation: modern theory and practice. M., 2014 (in Russ.).
39. *Scifsky F. S.* Responsibility for constitutional offenses: abstract ... PhD in Law. Tyumen, 1998. P. 4 (in Russ.).
40. *Trofimova G. A.* Constitutional and legal responsibility of federal courts // *Constitutional and Municipal Law*. 2011. No. 11 (in Russ.).
41. *Trofimova G. A.* The concept of constitutional and legal responsibility as a branch type of legal responsibility // *Constitutional and Municipal Law*. 2016. No. 7. Pp. 3–8 (in Russ.).
42. *Yakovlev V. F.* The status of a judge is the status of power // *State and Law*. 2004. No. 11. P. 5 (in Russ.).
43. *Yaroshenko N. I.* The foundations of constitutional and legal responsibility in the field of norm control // *Journal of Russ.* 2014. No. 1. P. 102 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 главный научный сотрудник
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Chief Researcher, Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 34 (075.8)

ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

© 2024 г. Е. В. Михайлова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 02.11.2023 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема защиты публичных интересов в третейском суде (арбитраже). Третейское разбирательство является самостоятельным элементом российской системы защиты гражданских прав, свобод и законных интересов; выступает альтернативой государственному судопроизводству. При этом, согласно традиции, третейское разбирательство рассматривается как негосударственная процессуальная форма защиты частных прав. Показано, что при рассмотрении третейскими судами дел с участием государства защите подлежит не только частный, но и публичный (государственный) интерес. Это обстоятельство должно оказывать влияние на третейскую процессуальную форму, но процессуальные особенности дел с участием государства в третейском разбирательстве не регулируются ни законодательством, ни на уровне позиций высших судебных инстанций. Предложен критерий определения арбитрабельности гражданско-правовых дел, аргументировано предложение закрепить участие в третейском разбирательстве прокурора.

Ключевые слова: третейский суд (арбитраж), третейское разбирательство, частный интерес, публичный интерес, гражданское дело, государство, прокурор.

Цитирование: Михайлова Е. В. Третейское разбирательство как процессуальная форма защиты публичных интересов // Государство и право. 2024. № 3. С. 60–68.

DOI: 10.31857/S1026945224030054

ARBITRATION AS A PROCEDURAL FORM OF PROTECTION OF PUBLIC INTERESTS

© 2024 E. V. Mikhailova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: e.v.mikhailova@bk.ru

Received 02.11.2023

Abstract. The article deals with the problem of protecting public interests in an arbitration court (arbitration). Arbitration is an independent element of the Russian system of protection of civil rights, freedoms and legitimate interests; acts as an alternative to state justice. At the same time, according to the established tradition, arbitration is considered as a non-state procedural form of protection of private rights. It is shown that when considering cases with the participation of the state by arbitration courts, not only private, but also public (state) interest is subject to protection. This circumstance should have a strong influence on the arbitration procedural form, but up to the present time, the procedural features of cases involving the state in arbitration proceedings are not regulated either by law or at the level of the positions of the highest judicial instances. The criterion for determining the arbitrability of civil law cases is proposed, the proposal to fix the participation of the prosecutor in the arbitration proceedings is argued.

Key words: arbitration court, arbitration proceeding, private interest, public interest, civil case, state, prosecutor.

For citation: *Mikhailova, E.V. (2024). Arbitration as a procedural form of protection of public interests // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 60–68.*

Введение. Третейское разбирательство (арбитраж) как способ защиты права

Третейское разбирательство — древнейший способ защиты прав. Наряду с государственной (судебной) защитой оно включается в отечественную систему защиты гражданских прав, свобод и законных интересов. Третейский суд, как и суд государственный, в силу прямого указания в Гражданском кодексе РФ (ст. 11) осуществляет защиту прав и законных интересов по делам, отнесенным к его компетенции.

Е.В. Васильковский писал, что третейский суд — это частное лицо (или лица), избранные сторонами правового конфликта по обоюдному согласию для разрешения их спора. От государственного суда третейский суд отличается по следующим признакам: третейские судьи не назначаются, а избираются сторонами самостоятельно; избираются третейские судьи для разрешения одного конкретного спора; споры третейские судьи разбирают не по закону, а по совести, не руководствуясь при этом установленными судопроизводственными правилами¹.

А.Х. Гольмстен утверждал, что, поскольку гражданские права направлены на реализацию частных, индивидуальных интересов, то государству безразлично, будут ли споры, возникающие из них, переданы государственному (коронному) суду; если

спорящие стороны больше доверяют частному лицу, то им должно быть предоставлено право обратиться за разрешением спора к нему, заключив при этом соответствующее соглашение².

Таким образом, третейское разбирательство — это частноправовой способ защиты прав, свобод и законных интересов в сфере гражданской юрисдикции. Основной его особенностью является частноправовой статус третейского судьи (арбитра), разрешающего правовой спор. Как и государственная защита права — правосудие — третейское разбирательство реализуется в рамках собственной процессуальной формы, представляющей собой совокупность правил рассмотрения и разрешения третейским судом дел. Эта процессуальная форма органически связана с природой защищаемого права или законного интереса.

Вместе с тем третейское разбирательство — единственный после государственного самостоятельный способ защиты гражданских прав и законных интересов. Как и решение государственного суда, третейское решение обеспечено исполнительной силой — в случае, если одна из сторон откажется исполнить его добровольно, по заявлению другой стороны оно может быть исполнено в принудительном порядке, на основании исполнительного листа, выданного государственным компетентным судом.

¹ См.: Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 371.

² См.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., исп. и доп. СПб., 1913. С. 154.

Помимо этого третейское разбирательство является альтернативой государственному судопроизводству, в отличие от всех прочих частноправовых форм разрешения и урегулирования конфликтов. Наличие ставшего обязательным для сторон решения третейского суда по тому же предмету есть основание для отказа в принятии искового заявления государственным судом.

Проблема отнесения гражданских дел к ведению третейского суда (арбитража) – арбитрабельность спора

Основной «водораздел» между государственными и третейскими судами ученым всегда виделся в проблемах их компетенции.

Например, исследователь проблем третейского разбирательства в Российской Империи А.И. Вицын писал, что третейский суд — это «суд частного лица», следовательно, законодатель не допустит его по делам, в которых имеется государственная заинтересованность. По этой причине не подлежат разрешению третейскими судами дела уголовные³.

Е.А. Нефедьев тоже не допускал возможность рассмотрения третейскими судами дел публично-правовой природы. Он указывал, что любые споры, которые рассматриваются гражданским коронным судом, могут передаваться третейским судам, за несколькими изъятиями: невозможно третейское разбирательство по делам о правах состояния; по делам о правах малолетних и лиц, находящихся под опекой; и по делам, связанным с правами казенных управлений или земских, городских и сельских обществ. Кроме этого ученый исключал из компетенции третейских судов дела о преступлениях (т.е. уголовные дела), а также дела о недвижимом имуществе — когда в них участвуют лица, ограниченные по закону в этих правах⁴.

В СССР деятельность третейских судов регламентировалась Положением № 3, которое являлось приложением к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР 1964 г. В ст. 1 данного нормативного акта было закреплено, что граждане вправе передать третейскому суду любой возникший между ними спор, за исключением дел, вытекающих из трудовых и семейных отношений⁵.

Современные авторы разделяют это мнение и, например, пишут, что необходимость защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц

обуславливает отсутствие у третейских судов права разрешать публично-правовые конфликты⁶.

Таким образом, основной подход заключается в том, что третейские суды рассматривают только частноправовые споры и «обслуживают» частные интересы. Однако представляется, что это не совсем верно.

Согласно общепризнанной позиции, обладателями частных интересов являются субъекты частного права — физические и юридические лица.

Между тем государство также является субъектом гражданского (частного) права, выступая при этом «на равных» с другими участниками гражданского оборота.

Н.М. Коркунов считал, что, если государство использует свою власть над чем-либо ради общего блага — это право публичное (например, право государства на дороги общего пользования). Если же право используется государством только для пользы правительства — это право частное (к примеру, право государства на имущество, доходы от которого идут на нужды государственного аппарата)⁷.

Правовой статус государства как участника гражданских (частноправовых) отношений прямо закреплён в ст. 124, 125 ГК РФ.

Российская судебная практика единообразно толкует эти нормы. Например, в решении Арбитражного суда Свердловской области от 6 апреля 2022 г. по делу № А60–10319/2022 закреплено, что в силу п. 1 ст. 124 ГК РФ Минобороны России в рамках возникшего с его участием обязательственного гражданского правоотношения действует на равных с противоположной стороной спора и вправе произвести зачет встречного однородного требования. Суд при этом исходит из принципа равенства всех перед законом, а также предусмотренным ст. 1 ГК РФ принципом равенства участников гражданских правоотношений и недопустимости ограничения их прав⁸.

Согласно правовой позиции, высказанной Верховным Судом РФ, публично-правовые дела характеризуются отсутствием равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. В их рамках один из участников правоотношения реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению

³ См.: Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое разсуждение. М., 1856. С. 15, 16.

⁴ См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 343.

⁵ См.: Научно-практический комментарий ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 572.

⁶ См.: Кажлаев С.А. Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах // Журнал рос. права. 2016. № 4. С. 119–124.

⁷ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 226, 227.

⁸ См.: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qqXGRTIY1Fgl/> (дата обращения: 11.10.2023).

нормативных правовых актов по отношению к другому участнику⁹.

Такие публично-правовые отношения складываются в ряде земельных отношений (изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд, купля-продажа земельных участков и т.д.), в налоговой сфере, пенсионной и в сфере социального обеспечения.

Пленум Верховного Суда РФ указывает, что что дела публично-правовой природы не могут быть разрешены в порядке третейского разбирательства. Конкретизируется, что третейскими судами не могут рассматриваться споры по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок; дела, связанные с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, например, в сфере эмиссии ценных бумаг; по делам, возникающим из налоговых, таможенных, бюджетных правоотношений. Пленум Верховного Суда РФ также отмечает, что не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда споры по договорам, заключенным форекс-дилерами с физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями. В целом указано, что федеральным законом могут быть предусмотрены все случаи недопустимости третейского разбирательства по конкретным спорам¹⁰.

При этом ни вышеуказанное постановление, ни законодательство о третейском разбирательстве не содержат четкого критерия арбитрабельности спора, т.е. его потенциальной относимости к компетенции третейского суда (арбитража).

При этом необходимо иметь в виду, что ряд дел исключен Пленумом Верховного Суда РФ из категории публично-правовых. Это служебные споры, в том числе связанные с государственной и муниципальной службой; споры по делам о назначении и выплате пенсий; дела, связанные с реализацией гражданами социальных прав, в том числе с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда.

⁹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Росс. газ. 2016. 3 окт.

¹⁰ См.: пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Росс. газ. 2019. 25 дек.

Не подлежат рассмотрению по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ не связанные с реализацией публичных полномочий дела по внутрикорпоративным спорам, возникающим между адвокатами и адвокатскими палатами, нотариусами и нотариальными палатами, медиаторами и постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации медиаторов, а также между членами и органами управления иных саморегулируемых организаций, которые подлежат разрешению в исковом порядке¹¹.

Таким образом, исключение вышеуказанных дел из сферы действия законодательства об административном судопроизводстве означает, что они должны рассматриваться и разрешаться в гражданском или арбитражном судопроизводстве, по правилам искового производства.

В свою очередь, это означает, что все названные категории дел могут быть переданы на рассмотрение третейского суда.

Однако даже на интуитивном уровне юристу понятно, что это неправильно. Например, трудовые правоотношения, характеризующиеся преобладанием публично-правовых норм в их регулировании, не могут разрешаться третейскими судами.

Следует признать, что публично-правовые конфликты, складывающиеся в сфере действия административных и иных публичных правоотношений, в результате реализации одним субъектом властных полномочий по отношению к другому, не могут быть переданы третейским судам — субъектам частного права.

Однако это не означает, что третейские суды не выполняют функцию защиты публичных прав. Дело в том, что публичные права и интересы реализуются не только в рамках публично-правовых отношений.

Начнем с того, что в основе публичного права лежит, соответственно, публичный интерес. Однако, в чем он заключается?

Так, некоторые авторы, например, пишут, что публичный интерес реализуется посредством мер государственного контроля¹². Следует согласиться с мнением, высказанным В.В. Альхименко, Н.Г. Салищевой, А.А. Гришковцом. Они отмечают, что публичные интересы — это общие, усредненные групповые интересы. В сущности, публичный интерес — это интерес

¹¹ См.: пункты 1, 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Росс. газ. 2016. 3 окт.

¹² См.: Жестовская Д.А., Тузов А.Г. От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 46–51.

общественный, без удовлетворения которого невозможна реализация частных интересов¹³.

Таким образом, публичные интересы, обладателем которых является государство, представляют собой закрепленные в законодательстве общественные интересы — совокупность частных, общих для неопределенного круга лиц, интересов.

Вопрос о том, имеются ли у государства частные, «эгоистические» интересы, является спорным. То обстоятельство, что действующее гражданское законодательство предусматривает участие государства в гражданских правоотношениях, не является свидетельством того, что в этих правоотношениях государство реализует свои частные интересы. Речь идет именно об отсутствии у государства в рамках гражданских правоотношений обычной для него возможности принуждать противоположную сторону к совершению определенных действий, или, напротив, к воздержанию от совершения конкретных действий. Субъект частного права не обязан обслуживать хозяйственные нужды государства — к примеру, ремонтировать школы, дороги и т.д. Поэтому его нельзя к этому принудить — можно лишь вступить с ним в отношения партнерства, договориться.

Иными словами, государство в гражданско-правовой сфере лишается своих властных полномочий и выстраивает отношения с другими субъектами на основании равенства. Однако интерес, который при этом реализует государство, все равно остается публичным.

Это очевидно прежде всего потому, что частный интерес всегда предполагает свободное распоряжение им со стороны его обладателя. В отношении государства это утверждение утрачивает справедливость. Как писал А.С. Алексеев, «власть, предоставленная должностному лицу, есть полномочие, данное ему законом; он обязан пользоваться ею поэтому только в пределах законов. Никто из служащих не должен простирает власти своей за пределы, предназначенные оной законом»¹⁴. Согласно особому мнению К.В. Арановского, государство должно праву подчиниться¹⁵.

Таким образом, государство распоряжается своими интересами отнюдь не свободно, а в пределах законов, следовательно, у него не имеется частных интересов в том их понимании, в каком они есть

у субъектов частного права. Это, в свою очередь, означает, что, даже участвуя в частноправовом отношении, государство реализует публичный интерес.

Иначе говоря, не следует отождествлять категории «частноправовое отношение» и «частный интерес». В аспекте участия в частноправовом отношении государства можно говорить о том, что это правоотношение направлено на реализацию как частного (со стороны частноправового субъекта), так и публичного (со стороны государства) интереса.

Исходя из этого, публично-правовые конфликты, основанные на отношениях власти и подчинения, связывающих его участников, не могут передаваться на рассмотрение третейских судов (арбитражей).

Однако частноправовые конфликты, даже с участием государства, арбитрабельны и могут по соглашению сторон быть переданы в арбитраж (третейский суд). В литературе высказаны верные суждения по данному вопросу, например, авторы справедливо отмечают, что в настоящее время наметилась тенденция к увеличению числа тех споров, которые могут передаваться третейским судам, в том числе с публичным элементом¹⁶.

При этом в случае передачи третейскому суду частноправового конфликта, в котором одной из сторон является государство, объектом третейского разбирательства будет выступать в том числе публичный интерес. Безусловно, этот факт должен оказывать существенное влияние на третейскую процессуальную форму.

Тем не менее вопрос об арбитрабельности споров с участием государства остается одним из самых дискуссионных в юридической науке. Как отмечают авторы, проблема заключается в том, что у третейского суда отсутствуют полномочия, необходимые для истребования у государства как стороны спорного правоотношения доказательств¹⁷.

Проблема арбитрабельности споров с участием государства остро стоит и в судебной практике.

Верховный Суд РФ обратился с запросом в Конституционный Суд РФ. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала на отсутствие единообразия в правоприменительной практике арбитражных судов при решении вопроса об отнесении споров, вытекающих из закупок товаров, работ, услуг к компетенции третейских судов. Однако Конституционный Суд РФ указал, что

¹³ См.: *Альхименко В.В., Салищева Н.Г., Гришковец А.А.* Публичный интерес в административном праве // Труды ИГП РАН. 2011. № 4. С. 98–129.

¹⁴ *Алексеев А.С.* Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 578.

¹⁵ См.: Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁶ См.: *Грубцова С.П.* Участие государства в арбитраже: теоретико-прикладной аспект // Росс. право: образование, практика, наука. 2020. № 2. С. 31–36.

¹⁷ См.: *Кукина Т.Е.* Арбитрабельность споров, связанных с залогом имущественных прав, содержащихся в государственном (муниципальном) контракте // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 156–160.

разъяснения по вопросам единообразия судебной практики должны предоставляться самим Верховным Судом РФ, и не принял данный вопрос к рассмотрению¹⁸. Тем самым поставленный вопрос остался без ответа.

Ранее перед Конституционным Судом РФ был поставлен другой вопрос, также связанный с проблемой арбитрабельности публично-правовых споров. Речь шла о праве третейских судов рассматривать и разрешать дела по спорам, возникающим из сделок с недвижимым имуществом.

На этот вопрос был дан следующий ответ. С одной стороны, Конституционный Суд РФ указал, что «в системе действующего правового регулирования не допускается передача на рассмотрение третейского суда споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также дел, рассматриваемых в порядке особого производства, не отвечающих традиционным признакам споров о праве (дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и др.)». С другой стороны, сформулирован вывод о том, что «публично-правовой характер споров, предопределяющий невозможность их передачи на рассмотрение третейского суда, обуславливается не видом имущества (движимого или недвижимого), а спецификой правоотношений, из которых возникает спор относительно данного имущества, и составом участвующих в споре лиц. Требование же государственной регистрации недвижимого имущества не связано ни со сторонами спора, ни с характером правоотношения, по поводу которого он возник, — определяющим является природа объекта данного имущественного правоотношения». Иными словами, Конституционный Суд РФ признал право третейских судов рассматривать споры, возникающие из сделок с недвижимым имуществом¹⁹.

Нетрудно заметить, что позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ по вопросу

понятия публичного правоотношения приходят в противоречие друг с другом. Если Верховный Суд РФ исходит из того, что основным признаком административного и иного публично-правового отношения является «вертикальное», неравноправное положение его субъектов, то Конституционный Суд РФ исходит из природы объекта правоотношения.

Статья 33 Арбитражного процессуального кодекса РФ содержит указание на споры, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, а также на споры, которые, напротив, не могут быть переданы в третейский суд. Помимо указания на недопустимость третейского разбирательства дел публично-правового характера из сферы действия третейских судов выведены споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о приватизации государственного и муниципального имущества; споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; споры, возникающие из отношений, связанных с возмещением вреда, причиненного окружающей среде.

Как видно, из компетенции третейских судов исключены правоотношения, хоть и регулируемые нормами гражданского законодательства, но имеющие при этом «вертикальный характер». В целом перечень не закрыт, содержится указание на то, что федеральным законом могут предусматриваться иные случаи недопустимости обращения к третейскому суду.

Представляется, что действующее российское законодательство все же должно содержать конкретный критерий арбитрабельности дел. Этот критерий должен быть основан на взаимном положении участвующих в споре лиц: если они равноправны, обладают равными правовыми статусами, то спор, даже в случае, если одной из его сторон является государство, может быть передан в третейский суд — на основании добровольного волеизъявления обеих его сторон.

При этом участие в правовом конфликте государства, даже в том случае, если оно выступает «на равных» с противоположной стороной, свидетельствует о том, что объектом защиты является публичный интерес.

Понимание этого требует критически взглянуть на процедуру третейского разбирательства.

Особенности третейского разбирательства гражданских дел с участием государства

Начнем с того, что основанием для принятия третейским судом дела к своему рассмотрению является наличие арбитражного соглашения. Закон требует, чтобы оно было заключено в письменной форме; нотариального удостоверения по общему правилу

¹⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2018 № 865-О «По запросу Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», «О третейских судах в Российской Федерации» и «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 23, ст. 3356.

не требуется (ст. 7 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»²⁰). Между тем было бы целесообразно закрепить нотариальную форму арбитражного соглашения. Это позволит снизить количество отмен решений третейских судов по мотиву неарбитрабельности спора и недействительности третейского соглашения.

Что касается правовых конфликтов с участием государства, то должностное лицо, подписывающее арбитражное соглашение, должно иметь на то специальные полномочия. Будет правильно регламентировать процедуру согласования по данному вопросу, как, например, это делается по вопросу заключения мировых соглашений в налоговой сфере. Так, Федеральная налоговая служба России требует, чтобы проекты мировых соглашений проходили процедуру согласования с ее Правовым управлением. В случае отсутствия согласования мировые соглашения не заключаются. Ответственность за исполнение настоящего поручения возложена на руководителей управлений ФНС России по субъектам Российской Федерации и начальников Межрегиональных инспекций по крупнейшим налогоплательщикам Российской Федерации²¹.

Далее, лицами, участвующими в третейском разбирательстве, являются истец и ответчик. Хотя отдельной статьи, посвященной составу участников третейского разбирательства, в законе нет, тем не менее участие прокурора в третейском разбирательстве не предусматривается. Очевидно, это связывается с тем, что третейские суды разрешают исключительно частноправовые конфликты.

Однако в случае участия государства в частноправовом конфликте от его лица как в государственном судопроизводстве, так и в третейском разбирательстве могут и должны выступать соответствующие уполномоченные должностные лица. Поскольку государство — правовая фикция, правовой институт (по аналогии с юридическим лицом), то его действиями и решениями считаются решения и действия его органов и должностных лиц. Поэтому участие прокурора как законного представителя государства в третейском разбирательстве является обоснованным.

Кроме того, учитывая подтвержденное Конституционным Судом РФ право третейских судов на рассмотрение и разрешение споров с недвижимым имуществом, участие прокурора в этих делах видится необходимым условием соблюдения законности.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I), ст. 2.

²¹ См.: письмо ФНС России от 02.10.2013 № СА-4-7/17648 «О практике заключения мировых соглашений налоговыми органами с налогоплательщиками в судах» // В официальных источниках опубликовано не было.

Как известно, недвижимое имущество имеет особый правовой статус и исключительное значение в жизни подавляющего большинства граждан, многие из которых владеют единственной недвижимостью — квартирой. Распоряжение недвижимостью и передача спора, возникшего из этого распоряжения, третейскому суду создает большие риски как для самого собственника недвижимого имущества, так и для государства, чей публичный интерес заключается в поддержании законности, в том числе, в жилищной сфере. Поэтому прокурорский надзор за соблюдением законности должен распространяться и на сферу третейского разбирательства — при условии, что объектом деятельности третейского суда является публичный интерес²². При этом прокурор в споре по поводу недвижимого имущества, сторонами которого выступают частные лица, должен занимать статус не стороны в деле, а представителя государства, с правом представления третейскому суду мотивированного заключения по делу.

Задачей участвующего в «чужом деле» прокурора должна быть защита публичного порядка Российской Федерации, под которым, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, следует понимать фундаментальные правовые начала, являющиеся основой построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации²³.

Государство как сторона третейского разбирательства, как и все прочие субъекты, имеет юридическую заинтересованность в деле. Причем эта заинтересованность напрямую связана с реализуемым государством интересом и всегда имеет публично-правовой характер.

Правовое значение юридической заинтересованности государства в деле заключается в том, что ее наличие указывает на государство как на сторону спорного правоотношения.

Если заинтересованность истца или ответчика имеет частноправовой характер и вынесенное решение по делу не окажет влияния на общественный (публичный) интерес, то государство является ненадлежащей стороной в деле, и в иске должно быть отказано.

Важнейшая особенность решения третейского суда — добровольность его исполнения. В случае участия в третейском разбирательстве государства как стороны рассматриваемого дела это правило

²² См.: Михайлова Е.В. Функции прокурора в сфере гражданской юрисдикции нужно усилить // Законность. 2021. № 8 (1042). С. 27–34.

²³ См.: пункт 51 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Росс газ. 2019. 25 дек.

не меняется. Если частноправового субъекта можно принудить к исполнению третейского решения, обратившись в государственный компетентный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа, то и в отношении государства это можно сделать. Несмотря на то что решать данный вопрос будет государственный суд, т.е. другой орган того же государства, что является стороной в деле, препятствий к этому нет. В конце концов рассматривают же государственные суды публично-правовые конфликты²⁴. Хотя, конечно, принцип «никто не может быть стороной в собственном деле» известен юриспруденции достаточно давно²⁵.

Выводы

Итак, третейское разбирательство гражданских дел (арбитраж) — это древнейший, самостоятельный, альтернативный способ защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов²⁶.

Согласно общепризнанному подходу, третейские суды обладают ограниченной, в сравнении с государственными судами, компетенцией — они вправе рассматривать и разрешать только гражданские (частноправовые конфликты). Это обычно связывают с природой третейского суда, который является негосударственным юрисдикционным органом.

Однако понятие «гражданское дело» охватывает как частноправовые, так и публично-правовые конфликты. Нормами гражданского законодательства регулируются отношения как равных друг другу субъектов (частноправовые отношения), так и неравноправных лиц («вертикальные» правоотношения).

Анализ действующего российского законодательства, правовых позиций высших органов судебной власти в Российской Федерации и материалов судебной практики показывает, что в сфере гражданской юрисдикции складывается целый ряд правоотношений, одной из сторон которых выступает государство — Российская Федерация.

Эти правоотношения имеют либо частноправовой характер, когда Российская Федерация выступает «на равных» с противоположной стороной,

либо публично-правовой характер, когда Российская Федерация в рамках гражданского правоотношения реализует по отношению к другой стороне властные полномочия.

В законодательстве отсутствует четкий критерий арбитрабельности гражданского дела, т.е. его потенциальной относимости к компетенции третейского суда (арбитража). Это порождает проблему противоречия позиций судебных органов в решении вопросов о возможности передачи в третейское разбирательство конкретных категорий гражданских дел.

Предлагается закрепить такой критерий и исходить из того, что частноправовые конфликты, основанные на юридическом равенстве спорящих сторон, могут передаваться по их усмотрению в третейские суды. В том числе арбитрабельными следует признать частноправовые конфликты с участием государства.

Напротив, публично-правовые конфликты, в которых одна сторона (государство) реализует по отношению к другой стороне властные полномочия, не могут быть переданы в третейский суд.

Рассмотрение и разрешение частноправовых споров с участием государства посредством третейского разбирательства должно производиться с учетом того, что объектом защиты в этих делах выступает государственный, т.е. публичный интерес. До сих пор это обстоятельство не учтено ни законодателем, ни на уровне судебной правоприменительной практики.

Между тем защита публичного интереса при рассмотрении третейскими судами правовых конфликтов с участием государства предполагает участие в качестве стороны третейского разбирательства уполномоченных органов государственной власти, должностных лиц или прокурора.

Участие прокурора в третейском разбирательстве видится необходимым и при рассмотрении третейскими судами споров о недвижимом имуществе, а также во всех случаях, когда в деле имеется публичный интерес.

Участие прокурора в третейском разбирательстве при рассмотрении спора с участием государства делает его «полноценной» стороной в деле; участие прокурора при рассмотрении третейским судом «чужого» спора (например, о недвижимом имуществе) предполагает дачу прокурором заключения по делу.

Третейскому суду, рассматривающему и разрешающему частноправовой конфликт с участием государства, следует иметь в виду, что для признания государства надлежащей стороной в деле требуется легитимация его заинтересованности в деле, которая всегда имеет публично-правовой характер.

²⁴ См.: Михайлова Е. В. Проблемы реализации принципа независимости судей при рассмотрении дел публично-правового характера // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 6. С. 49–53.

²⁵ См.: Казанцев А. О. Право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ (в контексте принципа «никто не может быть судьей в собственном деле») // Lex russica. 2017. № 2 (123). С. 26–30.

²⁶ См.: Михайлова Е. В. Третейский суд (арбитраж) // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». 2022. № 7, порядковый номер 13. DOI: 10.54972/00000013_2022_7_13

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.С.* Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 578.
2. *Алхименко В.В., Салищева Н.Г., Гришковец А.А.* Публичный интерес в административном праве // Труды ИГП РАН. 2011. № 4. С. 98–129.
3. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 371.
4. *Вицын А.И.* Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое разсуждение. М., 1856. С. 15, 16.
5. *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., исп. и доп. СПб., 1913. С. 154.
6. *Грубова С.П.* Участие государства в арбитраже: теоретико-прикладной аспект // Росс. право: образование, практика, наука. 2020. № 2. С. 31–36.
7. *Жестовская Д.А., Тузов А.Г.* От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 46–51.
8. *Кажлаев С.А.* Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах // Журнал рос. права. 2016. № 4. С. 119–124.
9. *Казанцев А.О.* Право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ (в контексте принципа «никто не может быть судьей в собственном деле») // Lex russica. 2017. № 2 (123). С. 26–30.
10. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 226, 227.
11. *Кукина Т.Е.* Арбитрабельность споров, связанных с залогом имущественных прав, содержащихся в государственном (муниципальном) контракте // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 156–160.
12. *Михайлова Е.В.* Проблемы реализации принципа независимости судей при рассмотрении дел публично-правового характера // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 6. С. 49–53.
13. *Михайлова Е.В.* Третейский суд (арбитраж) // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». 2022. № 7, порядковый номер 13. DOI: 10.54972/00000013_2022_7_13
14. *Михайлова Е.В.* Функции прокурора в сфере гражданской юрисдикции нужно усилить // Законность. 2021. № 8 (1042). С. 27–34.
15. Научно-практический комментарий ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 572.
16. *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 343.

Сведения об авторах

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна — доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующей сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. *Alekseev A.S.* Russian state law. Lecture notes. 4th ed. M., 1897. P. 578 (in Russ.).
2. *Alkhimenko V.V., Salishcheva N.G., Grishkovets A.A.* Public interest in Administrative Law // Proceedings of the IGP RAS. 2011. No. 4. Pp. 98–129 (in Russ.).
3. *Vaskovsky E.V.* Textbook of civil procedure. M., 2003. P. 371 (in Russ.).
4. *Vitsyn A.I.* The Arbitration Court of Russian Law, historical and dogmatic reasoning. M., 1856. Pp. 15, 16 (in Russ.).
5. *Golmsten A. Kh.* Textbook of Russian Civil Procedure. 5th ed., corr. and add. St. Petersburg, 1913. P. 154 (in Russ.).
6. *Grubtsova S.P.* State participation in arbitration: theoretical and applied aspect // Russ. law: education, practice, science. 2020. No. 2. Pp. 31–36 (in Russ.).
7. *Zhestovskaya D.A., Tuzov A.G.* From protection of public interest to protection of the victim's interest // Criminal Justice. 2018. No. 11. Pp. 46–51 (in Russ.).
8. *Kazhlaev S.A.* Achieving a balance of private and public interest in arbitration disputes // Journal of Russ. law. 2016. No. 4. Pp. 119–124 (in Russ.).
9. *Kazantsev A.O.* The right of legislative initiative of the Constitutional Court of the Russian Federation (in the context of the principle “no one can be a judge in their own case”) // Lex russica. 2017. No. 2 (123). Pp. 26–30 (in Russ.).
10. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. Pp. 226, 227 (in Russ.).
11. *Kukina T.E.* Arbitrability of disputes related to the pledge of property rights contained in a state (municipal) contract // Herald of the Volgograd State University. Ser. 5. Jurisprudence. 2015. No. 3 (28). Pp. 156–160 (in Russ.).
12. *Mikhailova E.V.* Problems of implementing the principle of independence of judges when considering cases of a public legal nature // Arbitration and Civil Procedure. 2021. No. 6. Pp. 49–53 (in Russ.).
13. *Mikhailova E.V.* Arbitration Court (arbitration) // Nationwide interactive encyclopedic portal “Knowledge”. 2022. No. 7, serial number 13. DOI: 10.54972/00000013_2022_7_13 (in Russ.).
14. *Mikhailova E.V.* The functions of the prosecutor in the sphere of civil jurisdiction need to be strengthened // Legality. 2021. No. 8 (1042). Pp. 27–34 (in Russ.).
15. Scientific and practical commentary of the CPC of the RSFSR / ed. by R.F. Kallistratova, L.F. Lesnitskaya, V.K. Puchinsky. M., 1976. P. 572 (in Russ.).
16. *Nefediev E.A.* Textbook of Russian Civil Procedure. 3rd ed. M., 1908. P. 343 (in Russ.).

Authors' information

MIKHAILOVA Ekaterina V. — Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Sector of Procedural Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343

**ПЕРВООСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА:
НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ
(по страницам книги И.М. Рагимова
«Преступление и наказание в мировых религиях.
Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты.
СПб.: Ассоциация “Юридический центр”, 2023. — 303 с.»)**

© 2024 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.03.2024 г.

Аннотация. В статье раскрываются взгляды известного российского и азербайджанского ученого-правоведа И.М. Рагимова о роли и значении религии в становлении и эволюции уголовно-правовых институтов преступления и наказания как первоосновы уголовного права, правовых, исторических, религиозных и философских аспектах противоправного поведения людей, причинах преступления и преступности, сущности и социальной роли наказания в мировых религиях.

Ключевые слова: уголовное право, первоосновы, И.М. Рагимов, иудаизм, христианство, ислам, индуизм, конфуцианство, преступление, наказание.

Цитирование: Савенков А. Н. Первоосновы уголовного права: новое направление исследований (по страницам книги И.М. Рагимова «Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб.: Ассоциация “Юридический центр”, 2023. — 303 с.») // Государство и право. 2024. № 3. С. 69–80.

DOI: 10.31857/S1026945224030067

**THE FUNDAMENTALS OF CRIMINAL LAW:
A NEW DIRECTION OF RESEARCH
(on the pages of the book by I.M. Ragimov
“Crime and punishment in world religions.
Historical, religious, legal and philosophical aspects.
St. Petersburg: Association “Law Center”, 2023. — 303 pp.”)**

© 2024 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@yandex.ru

Received 18.03.2024

Abstract. The article reveals the views of the famous Russian and Azerbaijani legal scholar I.M. Ragimov on the role and importance of religion in the formation and evolution of the legal institutions of crime and punishment as the fundamental principles of Criminal Law, legal, historical, religious and philosophical aspects of illegal behavior of people, the causes of crime and criminality, the essence and social role punishments in world religions.

Key words: Criminal Law, fundamentals, I.M. Ragimov, Judaism, Christianity, Islam, Hinduism, Confucianism, crime, punishment.

For citation: Savenkov, A.N. (2024). The fundamentals of Criminal Law: a new direction of research (on the pages of the book by I.M. Ragimov “Crime and punishment in world religions. Historical, religious, legal and philosophical aspects. St. Petersburg: Association “Law Center”, 2023. — 303 pp.”) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 69–80.

Перу доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Азербайджан, иностранного члена Российской академии наук Ильгама Мамедгасан оглы Рагимова принадлежит ряд фундаментальных исследований центральных институтов уголовного права — преступления и наказания, получивших высокую оценку юридической общественности как на родине автора, так и в России¹. К ним, в частности, относятся: «Философия наказания и проблемы его назначения» (Баку, 1998);

«Философия преступления и наказания» (СПб., 2015); «О нравственности наказания» (СПб., 2016); «Бессмертная смертная казнь» (СПб., 2017); «Преступность и наказание» (СПб., 2018) и др.

Некоторые работы ученого переведены на азербайджанский, турецкий, английский, итальянский языки и иврит.

Монография И.М. Рагимова «Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты», по сути, является продолжением размышлений ученого о роли и значении религии в эволюции понятий институтов преступления и наказания, изложенных в ряде ранее изданных работ автора².

Нельзя сказать, что проблема отражения уголовного права в религии до сих пор не была предметом

¹ См., напр.: Бастрыкин А.И. Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. — 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4; Его же. Фундаментальное философское и уголовно-правовое исследование (рецензия на монографию: Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб., 2016. — 224 с.) // Юрид. наука в Китае и России. 2017. № 1; Голик Ю.В., Грачева Ю.В. Наказание как нравственная, философская и правовая категория (по материалам круглого стола, посвященного обсуждению работ об актуальных проблемах наказания доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Азербайджанской Республики Ильгама Мамедгасана оглы Рагимова) // Lex russica. 2016. № 5 (114); Непомнящая Т.В. Рецензия на монографию И.М. Рагимова «О нравственности наказания» (СПб.: Юридический Центр-пресс, 2016. — 224 с.) // Lex russica. 2016. № 5 (114); Шестаков Д.А. Вера и кара. В связи с книгой И.М. Рагимова «О нравственности наказания» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38) (статья была подготовлена по рукописи монографии).

² См.: Рагимов И.М. Религия и наказание. СПб., 2020; Его же. Религиозные основы уголовного права // Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. 1: Введение в уголовное право. Гносеологические основы уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021; Его же. Религиозно-нравственные основы уголовного права в религиях, не основанных на Божественных посланиях // Там же; Его же. Первоосновы уголовного права // Уголовное право Российской Федерации. Проблемный курс для магистров и аспирантов / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2022; и др.

исследований. К ней обращались как дореволюционные русские криминалисты³, так и современные ученые⁴. Однако монография И.М. Рагимова выгодно отличается от предыдущих исследований по ряду моментов. Во-первых, широтой охвата фактического материала, включающего иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм и конфуцианство. Как представляется, до сих пор ни в одной из имеющихся работ по уголовному праву проблемы отражения преступления и наказания в мировых религиях в целом не рассматривались. Автор пишет, что для этого он вступил в «диалог с иудаизмом о значении Пятикнижия как первого послания в эволюции института преступления и наказания, о преступлении как греха и сущности наказания как равного возмездия, о сути “жестокovidности” наказания в иудаизме; в христианский диалог о причинах противоречия Пятикнижия и учения Иисуса Христа относительно сущности и значения наказания в противодействии злу, преступлению; в исламский диалог о нравственно-религиозных и правовых основаниях института преступления и наказания и его источниках; в индуистский диалог о логике кармы и перерождения, чтобы понять причины преступного поведения человека, по индуизму, и средство противодействия этим явлениям; и наконец, представляет интерес философия буддизма, считающая преступление болезнью человека, а учение Будды — лекарством» (с. 299, 300).

Таким образом, исследование носит комплексный диахронный характер, что позволяет наглядно показать сходство и различие в восприятии и трактовке как преступления, так и наказания в каждой из представленных мировых религий.

Во-вторых, работа основана на системном подходе к проблеме отражения преступления и наказания в религиозных источниках в их диалектической связке. Свою задачу автор, как

представляется, видит не в односторонней характеристике рассматриваемых проблем (религиозной и уголовно-правовой), а в многообразии их трактовок, имеющих в теологии, истории, философии и праве, привлекая для анализа обширный круг соответствующей литературы. При этом заметим, что И.М. Рагимов не обходит «острые углы», высказывая свои суждения по ним, которые обстоятельно аргументируются.

В-третьих, в монографии на основе учения о свободе воли представлен анализ человеческого поведения, признаваемого противоречащим религиозным, нравственным началам. «Подход к этим философским вопросам связан с противоположным пониманием науки и религии в сотворении человека. Религия считает человека творением Бога. Следовательно, должен существовать Творец. Ничто не происходит из ничего. Должно быть нечто, давшее начало всему. Исходя из этой логики должно быть что-то в человеке, дающее начало любому его деянию — хорошему и плохому, добру и злу» (с. 6).

В-четвертых, в книге зарождение и эволюция религиозной идеи институтов преступления и наказания тесно связаны с народными воззрениями на эти понятия, что также свидетельствует о всесторонности и глубине проведенного исследования.

Монография содержит *шесть глав*: 1. Иудаизм: преступление — грех; наказание — равное возмездие; 2. Христианство: преступление — грех; наказание — не возмездие; 3. Ислам: преступление — грех; наказание — справедливое возмездие; 4. Индуизм: преступление — опасное деяние, грех; наказание — возмездие; 5. Философия буддизма: преступление — болезнь, наказание — зло; 6. Конфуцианство: философия или религия?

В *гл. I* представлен анализ нескольких проблем: во-первых, эволюции институтов преступления и наказания в иудаизме; во-вторых, Закона Моисея и восточных уголовных кодексов; в-третьих, возмездия как сущности наказания Пятикнижия.

В истории развития указанных институтов автор выделяет пять этапов:

первый этап: XVI—XV вв. до н.э. Право в целом было прецедентным; уголовное законодательство имело много общего с законодательством соседних народов;

второй этап: XIII в. до н.э. (период Исхода). Предположительно в это время возникло ядро первого законодательного свода — Декалог, у евреев сложилась первая судебная система;

третий этап: XII—XI вв. до н.э. (т.н. период судей). Характеризуется появлением трех групп уголовных законодательных актов: а) законов,

³ См.: Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб., 1904; Лопухин А. П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея, с прил. трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. СПб., 1882; и др.

⁴ См.: Баренбойм П. Д. Библейский момент философии права // Философия права Пятикнижия / под ред. А. А. Гусейнова, Е. Б. Рашковского. М., 2012; Беспалько В. Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017; Графский В. Г. Пятикнижие Моисея в истории права и правоведении // Философия права Пятикнижия / под ред. А. А. Гусейнова, Е. Б. Рашковского; Гусейнов А. А. Десятизаконие Моисея: канон справедливости // Там же; Никонов В. А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень, 2000; Тер-Акопов А. Законодательство Моисея: общая характеристика // Росс. юстиция. 2003. № 9; Федосова Н. С. Уголовное право и религия: проблемы взаимовлияния и взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003; Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К. В. Харabet, А. А. Толкаченко. М., 2009; и др.

относящихся к преступлениям, наказываемым смертной казнью; б) законов, относящихся к преступлениям, караемым проклятием; в) законов, применяемых к вступающим в табуированные формы сексуальных отношений;

четвертый этап: XI–VI вв. до н.э. Отмечается развитие уголовного права (наряду с другими отраслями);

пятый этап: VI–IV вв. до н.э. Формируется представление, в основе которого лежит закон, кодифицированный в Писании, признанном Священным. Закон получил название Талмуда (Торы)⁵. По мнению евреев – приверженцев традиций, Пятикнижие было даровано Моисею в Божественном откровении и записано им как единый текст. В литературе высказано предположение, согласно которому Пятикнижие скорее всего получило окончательное оформление лишь во времена Ездры⁶.

Характеризуя преступление, И.М. Рагимов подчеркивает, что все нормы уголовного закона Моисея переплетены с нравственными и религиозными предписаниями. Он пишет: «Всевышний ни в одном из своих Священных посланий, в том числе и в Ветхом Завете, не определяет понятия преступления и наказания. Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в этих книгах позволяет... уяснить то, что Он вкладывает в их содержание и как велит... понимать сущность этих понятий. Иудаизм, как все другие религии, исходит из того, что преступление есть в то же время и грех, т.е. понятие “греховность” в религии отождествляется с понятием “преступление”. Теологи утверждают, что, поскольку религиозные нормы – нормы от Бога, постольку они не подлежат никакой критике, как и изменению» (с. 41).

Наказание рассматривается как устрашение; Господь Бог посредством его применения желает держать народ Израиля в страхе. Мотивом правопослушного поведения признается именно страх наказания, который сильнее жажды награды. По сути, наказание в этом случае является карой. Однако между ними проводится и различие: за ряд

преступлений кара по степени тяжести, по своим свойствам может превосходить наказание.

Следует подчеркнуть существенную деталь, являющуюся в пенологии дискуссионной на протяжении ряда веков: одной из целей наказания, выражаясь современным языком, была провозглашена общая превенция.

На наш взгляд, интересной представляется оценка автором общеизвестной библейской ситуации – греха Адама и Евы. От него многие ученые ведут отсчет зарождения и последующей эволюции Божьего наказания и Его отношения к понятию преступления. Грехопадение Адама рассматривается как прообраз конкретного уголовно наказуемого деяния – посягательства на всякую законную власть (В.Г. Беспалько); как нарушение собственности Бога (Б. Зальцман; пер. с нем.); как безответственность (Г.П. Чистяков); как торжество воли к власти (А. Мень); и др.

Оценивая эти и другие трактовки поведения Адама и Евы, И.М. Рагимов не видит в этом ни прообраза преступления как такового, ни первого преступления, совершенного человеком. По его мнению, Бог дал понять Адаму, что тот будет наказан за непослушание – «смертью умрешь», что означает закончить жизнь на грешной земле. В высказывании Всевышнего нет угрозы, тем более наказания, а имеется только предупреждение о неизбежных для человека неблагоприятных последствиях, уничтожающих его. «Суть Божьего наказания в отношении Адама, – пишет автор, – следует понимать как переход от бессмертия в смертную жизнь. Особенность же выражения “смертью умрешь” заключается не в том, что это понятие изначально, самое первое, а в сущности и порядке исполнения лишения жизни Адама. <...> Религий... понятие “жизнь” воспринимается гораздо шире – как полноценное духовное бытие, основанное на твердой вере в Создателя мира, покорности ему, пребывании в постоянном внутреннем диалоге с ним. Поэтому выражение “смертью умрешь”... обозначает духовную, а не физическую смерть от Бога и рассматривается как “смерть для Бога”, как “духовный разрыв человека” с Богом, лишение благодати Божьей и не имеет собственно наказательной основы» (с. 19). Таким образом, указанное словосочетание есть не что иное, как предупреждение о неизбежных последствиях.

По мнению И.М. Рагимова, наказание, назначенное Каину, убившего своего брата Авеля (второе преступление, признаваемое религией), также не может восприниматься уголовно-правовым; по своей сути оно выступает в качестве религиозного, духовного, морального воздействия.

Формирование религиозных основ преступления и наказания отражено в четырех из пяти книг

⁵ Для его обозначения используется несколько наименований: Закон Моисея, Пять книг Моисея, Пятикнижие Моисеево (по числу книг, входящих в Тору: Бытие, Исход, Левит, Числа, Моисеево).

⁶ Ездра (V в. до н.э.) – ветхозаветный священник, книжник и законоучитель, организатор послевоенной иудейской общины. Сведения о его жизни и деятельности содержатся в 1-й книге Ездры (гл. 7, 10) и в Книге Неемии (гл. 8, 12). Древнееврейский историк и военачальник Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (I в., в 20 т.) указывает, что Ездра умер в преклонном возрасте и похоронен в Иерусалиме; согласно же более поздним преданиям, он похоронен в дер. Узер близ г. Басра (современный Ирак) (см.: Большая российская энциклопедия (bigenc.ru)).

Ветхого Завета: Исходе, Левите, Числах и Второзаконии. По утверждению автора, преступление стало рассматриваться как оскорбление божества, а наказание — как примирение с Богом, очищение от греха, искупление вины. Согласно Исходу все виды наказаний являются абсолютно определенными и безальтернативными; аналогичным образом они изложены и в Левите. В Книге Числа впервые появляется указание на города-убежища, в которых могут укрыться преступники. Книга Второзаконие закрепляет формулу талиона.

В монографии показано влияние Закона Моисея на становление уголовного законодательства ряда других стран: Армении — Судебник Мхитара Гоша (примерно 1185) и Судебник Смбата Спарапета (1265); Киевской Руси — Русская правда (1016; по другим сведениям — 1030), Грузии, Сербии и др.; обстоятельно представлены проблемы соотношения Закона Моисея и т.н. восточных уголовных кодексов.

Особое внимание в книге уделено анализу возмездия как сущности наказания Пятикнижия. Автор, подробно рассматривая изначальную его форму — кровную месть, отмечает ее существование еще до Священного Послания Бога Яхве, поэтому ее «не следует считать установлением Всевышнего, хотя и Он не воспрепятствовал этому принципу, ибо полагал, что за зло, причиненное кому-либо, должно быть непременно воздано также злом» (с. 73). Всевышний требует, чтобы кровная месть была справедливой, т.е. выступала воздаянием (возмездием), равным совершенному деянию, выражала нравственную, общественную оценку зла. Оно должно быть таковым не потому, что это веление Его Самого, а потому, что это желание и одобрение живущих в сообществе. Справедливость есть нравственное начало сущности возмездия.

По утверждению И. М. Рагимова, именно с этого момента ведет начало эволюция институтов преступления и наказания в религии, определенного Самим Богом в Пятикнижии и развитого в последующих Его посланиях.

Глава II монографии посвящена характеристике преступления и наказания в христианстве, в частности проанализированы учение Иисуса Христа как основы новой идеи эволюции указанных уголовно-правовых категорий, сущность наказания, преступление и его причины.

Анализу учения Христа автор предпосылает имеющиеся на первый взгляд противоречия между его сутью, отражающим закон любви, в котором все статьи Писания считаются ниспосланными Богом, и рядом возникающих вопросов — например, есть ли место принуждению, как охранять установления Божеского Писания, чем считать безбожие, богохульство, ересь — грехом или преступлением,

не приведут ли отрицание наказания как меры противодействия преступным проявлениям, утверждение принципа «не противься злему» к коллизии с правом вообще и уголовным правом в том числе и др. «Учению Христа, естественно, пришлось столкнуться с проблемами при решении этих вопросов..., все начиналось с признания либо отрицания установленных государственной властью правовых норм, в частности уголовно-правовых, в качестве противостояния преступным явлениям» (с. 94).

С нравственной точки зрения учение Иисуса Христа коренным образом отличается от Закона Моисея. Новый Завет основан на вере и духовном росте без какого-либо принуждения. Христианство рассматривает наказание не как воздаяние, а как нравственную категорию. Таким образом, кардинальное отличие христианства от иудаизма заключается в определении сущности наказания. Христос не отрицал наказание как таковое; более того, Он указал преступления, за совершение которых наказание выступает лучшим исходом для виновного.

На протяжении ряда веков богословы, философы, юристы, социологи, психологи пытаются ответить на принципиальный вопрос: допустимо ли существование наказания, коль скоро его применением нельзя искоренить преступность? Именно в связи с этим обстоятельством некоторые предлагают вообще отказаться от него. «О бесполезности наказания, — пишет И. М. Рагимов, — следует говорить только после того, как решим вопрос относительно причин того явления, против которого направлено наказание. О степени эффективности этого средства можно рассуждать с учетом объективных возможностей наказания» (с. 112).

Вероятно, с момента появления смертной казни как вида наказания не утихают споры вокруг правомерности ее применения. При этом многие ссылаются на то, что она не соответствует учению Христа, а также Евангельским заповедям (А. А. Артемьев, Фома Аквинский, К. Г. Лангер, И. В. Лопухин, Н. С. Мордвинов, Р. А. Папаян, Н. С. Таганцев, Л. Н. Толстой и др.)⁷. По Рагимову, из тек-

⁷ См. об этом подр.: Грачева Ю. В., Евдокимов А. А. Смертная казнь: взгляды русских криминалистов (обзор уголовно-правовой литературы XIX в.) // Lex russica. 2016. № 12 (121).

А. Ф. Бернер писал: «Каким образом могла совместиться смертная казнь в уме того, кто не загашал тлеющей свечки, не сламливал надломленной тростинки? Как может защищать смертную казнь христианин, когда казнь Спасителя должна служить поводом к вечному и громкогласному протесту против смертной казни...

Против смертной казни постоянно раздавались в христианском мире почтенные голоса, начиная с отдаленных времен и доходя до Шлейермахера и Эмил. Людвиг Рихтера... Правда, мы были свидетелями и того, что христианское духовенство с особенной ревностью являлось и поборником смертной казни» (см.: Бернер А. Ф. О смертной казни / пер. с нем.; под ред. О. А. Филиппова. СПб., 1865. С. 13–15).

ста Нового Завета нельзя сделать вывод о том, что Иисус Христос никогда ничего против смертной казни не говорил. Это опровергается известным случаем с наказанием женщины, обвиненной в прелюбодеянии (часто цитируются Его слова: «Пусть первым бросит в нее камень тот, кто чувствует себя безгрешным»). Однако данное обстоятельство не может характеризовать ни отношение Христа к наказанию в целом, ни к смертной казни в частности, поскольку оно свидетельствует совершенно о другом — искажении Закона Моисея, который не предусматривал побивание камнями блудницы.

Христианские религиозные деятели, отмечает автор, очень скоро стали игнорировать заповеди Христа «не противься злу», «не будь побежден злом, но побеждай зло добром» из Нагорной проповеди, дух христианства, забыли распятого Христа, Его последнюю беседу с учениками, Его заветы о милосердии, призывы к любви, а стали одобрять насилие, жестокость, смертную казнь за инакомыслие. «Одним словом, христианство пошло не по пути учения, и на практике насилием и принуждением обращали в новую христианскую религию “любви”... Христианство забыло..., что Евангелие сильнее само по себе всех мер государственного принуждения... Христианство исходило из того, что власть, установленная Богом, сама стоит в известном отношении к Божественному закону и как таковая облечена важной задачей хранения христианских заповедей. <...> А из этого вытекает непосредственно и обязанность власти наказывать тех, кто их нарушает... На государственной власти лежит обязанность защищать христианство по Писанию при помощи меча, который дан Богом» (с. 117–119).

Говоря о сущности наказания в христианстве, автор, естественно, не мог обойти вниманием заповедь Христа из Нагорной проповеди «не противься злу». Существуют различные теории относительно сказанного Всевышним. Между тем его значение не ограничивается нравственно-религиозной сферой, как иногда представляется в литературе, оно в полной мере относится и к философско-правовой сфере, поскольку речь идет о сущности преступления как зла и наказания как средства противодействия ему⁸.

⁸ На этот вопрос пытались ответить философы (см.: Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. Берлин, 1925; Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899), писатели и общественные деятели (см.: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 2007; Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви. О пути, об истине, о жизни. М., 2004), юристы (см.: Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания / пер. с нем. И. И. Власова; под ред. А. А. Рождественского; пред. П. И. Новгородцева. М., 2010; Мировые религии о преступлении и наказании. М., 2013), богословы (см.: Святитель Тихон Задонский. Собрание творений: в 5 т. М., 2017) и др.

По Рагимову, в заповеди отражены два аспекта: определяются, во-первых, отношения между конкретными людьми (значение личного характера); во-вторых, деятельность государства по применению силы против зла (общественное значение заповеди). Иными словами, речь идет о применении силы против зла со стороны как отдельной личности (например, отражение посягательства при необходимой обороне), так и государства как субъекта принуждения преступника, в том числе путем назначения наказания. «Принцип “не противься злу” означает, что христиане ставят заповедь — учение Христа выше законов государства, так как “должно Богу повиноваться более чем людям”, и Сам Христос был казнен за то, что “повиновался воле Своего Отца, а не закону иудеев”» (с. 131).

Согласно Священным Писаниям, сопротивление преступлению, насилию силой не признается грехом. Иисус Христос никогда не осуждал наказание и принуждение со стороны государства. Суть проблемы, как представляется, совсем в другом: она заключается в том, чтобы государство, применяя наказание в связи с совершением преступления, придерживалось определенных принципов, исключающих причинение виновному большего вреда, чем он заслужил. В связи с этим следует обратить внимание еще на один момент, который необходимо иметь в виду при оценке применения силы против зла: возмездие как сущность наказания и возмездие как государственная политика. Первое выступает связующим звеном между конкретным преступлением и деятельностью государства по поводу противоправного поведения конкретного лица; второе означает реакцию государства в виде отплаты на определенные события, состояния, признаваемую объективным фактором истории, проявляющуюся в совершенно другой плоскости, через побочные процессы, казалось бы, не имеющие никакого отношения к первоначальному злу (например, государственная политика до XVIII в., основанная на постулате, согласно которому преступные деяния искореняются тем быстрее, чем беспощаднее кара).

И. М. Рагимов предпринял попытку начертить абрис принципиальной схемы сопротивления злу силой, вытекающей из формулы «равенство в свободе по всеобщему закону». «Идея возмездия, в какой бы форме она ни осуществлялась, требует определенного размера, она противится тому, чтобы нарушитель (преступник) претерпел больше зла, чем то, которое он заслужил. А из этого следует, что если суть зла (преступления) заключается в покушении на свободу и жизнь человека, то сила сопротивления состоит в угрозе лишения свободы и жизни покушавшегося... Если тяжесть зла (преступления) измеряется степенью насилия над свободой другого человека, то тяжесть силы

сопротивления — сроком лишения свободы...» (с. 138).

Вторая Божья заповедь «если ударят тебя в правую щеку, то подставь обидчику и левую» автором трактуется следующим образом. По его мнению, она призывает терпеть обиду, поскольку последняя есть великая добродетель, великая ценность. Терпение нужно для того, чтобы победить зло и уготовить Царство Божие. Однако надо иметь в виду, что речь идет не о пассивном воздержании в ответ на зло, а любовное действенное терпение.

Евангелие не содержит понятия преступления, его признаки можно определить по некоторым установлениям Писания («кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит ниже, тот вор и разбойник...»; «вор приходит для того, чтобы украсть, убить и погубить...» и др.). При оценке преступности деяния, как считает И. М. Рагимов, следует исходить из философии учения Иисуса Христа о том, что христианское общество, живя в целом по Закону Божьему, особо не нуждается в человеческом законе. Внутренний закон совести как гласа Божьего в сердце человека гораздо требовательнее закона человеческого.

Преступное поведение, его причины непосредственно связаны с философской категорией свободы воли. В связи с этим в монографии рассматривается особый срез проблемы, ранее, как представляется, не подвергавшийся научному анализу: трактовка свободы воли в христианстве.

В самом общем виде свобода воли подразумевает, что желание и выбор человека могут сосуществовать с божественным всеведением. Религиозное понятие предопределения поставило достаточно сложный вопрос, суть которого заключается в объяснении причин преступного поведения со свободой воли человека. Виднейшие представители христианства пытались решить его путем разделения предвидения и предопределения: Бог все знает наперед, но не все предопределяет. Отсюда следует вывод: преступление — выбор самого человека. «Христианская религия объясняет причину совершаемых человеком насилий, зол, убийств как результат перманентного соблазна человека дьяволом, следствие первородного греха, благодаря которому свободный выбор воли стал отпавшим от Бога и направлен на добровольное совершение преступлений (грехов), хотя человек при этом продолжал иметь способность сделать выбор в сторону Бога» (с. 150).

В гл. III монографии представлена характеристика преступления и наказания в исламе. Автор выделяет два периода возникновения и эволюции рассматриваемых институтов: ал-джахилийя (эра неведения) и исламский период. В эру неведения арабийские племена не знали пророков и не имели

Священного Писания на собственном языке. Единственным средством поддержания социального порядка выступала кровная месть. Арабы не приняли единобожия евреев, проживающих в Аравии, хотя следует признать, что религия, приверженцем которой они стали, созданная Пророком Мухаммадом на основе Божественного Корана, более близка к иудаизму, чем к христианству. В связи с этим И. М. Рагимов замечает, что «даже в выборе религии Бог дал свободу воли человеку, т.е. Он создал его свободным во всех его действиях и размышлениях. Слово Божье впервые прозвучало на арабском языке и стало той властью, которую со временем запишут и назовут ал-куран — “чтение вслух”» (с. 150).

Автор выделяет три источника исламского периода становления рассматриваемых институтов:

Коран — служит основой как религиозного, так и гражданского законодательства;

Сунну — сборник адатов, традиций, касающихся действий и высказываний Пророка Мухаммада;

Иджму — заключения древних правоведов, знатоков ислама.

Кроме того, для исламских богословов важными источниками, направлениями, материалами для уточнения и толкования положений Корана были хадисы — устные предания о жизни и деятельности Пророка, воспоминания о беседах с ним, о его мнении и изречениях по тому или иному поводу, т.е. обстоятельные поучения со ссылкой на авторитет Мухаммада. Они существенно обогащают представления об эволюции мусульманского уголовного права. Автор считает, что если пренебречь суннами или хадисами, то останутся незавершенными знания о рассматриваемых уголовно-правовых институтах. «Арабы, но потом и весь мусульманский мир будут жить не только и не столько по Корану, сколько по суннам и хадисам Пророка. Следовательно, их можно считать Законами Мухаммада. Вообще следует иметь в виду, что с точки зрения закона Коран и Сунна являются неразрывным целым. Поэтому ни одна отрасль мусульманского права, в особенности уголовное право, невозможно создать, а потом еще и совершенствовать только на основе Корана как источника права без Сунны Пророка» (с. 164, 165).

До конца XV в. одним из источников, устанавливающих систему наказаний за преступления и регулирующих порядок их применения, являлась доктрина мусульманского уголовного права. К середине XX в. многие страны отказались от фикха — науки о правилах поведения людей и оценках любых явлений, имеющих внешнее выражение, а также комплекса самих указанных правил

и оценок⁹, стали формировать свое законодательство по образцу одной из правовых систем — романо-германской и англосаксонской. Это привело к новому этапу развития уголовного права.

В работе представлена и обоснована классификация современных систем указанной отрасли права исходя из их существенных особенностей. Автор выделяет четыре их группы:

1) уголовно-правовая система Саудовской Аравии и Ирана, в которой максимально широко представлено мусульманское уголовное право;

2) уголовно-правовая система Ливии, Пакистана, Судана и Йемена; в ней сфера действия мусульманского уголовного права менее значительна, чем в первой, но в последнее десятилетие наблюдается тенденция к ее расширению;

3) уголовно-правовая система (самостоятельная) ряда стран Персидского залива: ОАЭ, Бахрейн, Кувейт, Бруней; в их кодексах за ряд деяний предусмотрены виды наказаний, не соответствующие собственно мусульманскому уголовному праву;

4) уголовно-правовая система Египта, Сирии, Ирака, Ливана, Марокко, Иордании, Алжира, Мавритании, Нигерии, Афганистана.

Характеризуя институты преступления и наказания в исламе, И.М. Рагимов особое внимание уделяет их нравственно-религиозным и правовым основам, суть которых перекликается с учением Иисуса Христа: при сопротивлении злу, преступлению нельзя нравственно опускаться до уровня преступника; ведя борьбу с преступностью, надо исходить из принципа справедливости, добра, а в определенных случаях и милосердия. Коран устанавливает правило, согласно которому прощения уместны, если они способны восстановить мир и пойдут на благо самому преступнику, поскольку целью наказания является его исправление.

В период зарождения мусульманского уголовного права в основе институтов преступления и наказания лежала цель уничтожения греха как такового. Ислам греховность отождествляет с преступностью деяния. Однако, как отмечает автор, по Корану практически невозможно отличить грех от преступного поведения. Исламское законодательство тяжесть преступления определяет суровостью (карательными свойствами) наказания, а не наоборот, как в настоящее время имеет место в светском уголовном праве.

Коран не содержит дефиниции преступления. При его характеристике часто используется

словосочетание «преступить границы дозволенного». Виды преступлений в Коране в целом ранжированы по их тяжести. Первым из них называется многобожие (ширк), означающее великую непочтительность и неуважение к Аллаху, создавшему всю вселенную. Это деяние влечет за собой самое суровое наказание. Следующим после неповиновения родителям тяжким преступлением признается убийство детей. И.М. Рагимов отмечает, что «Аллах в Коране строг и непреклонен в отношении всего того, что дурманит и травит ум, а также пристрастия к азартным играм, влекущего за собой деградацию личности. Резко отрицательное отношение к употреблению спиртных напитков и наркотических веществ... объясняется тем, что такие действия посягают на интеллект, который представляет собой одну из защищаемых исламом ценностей и без которого немислима вера в Аллаха» (с. 204).

Коран не содержит наказания за употребление спиртного, мера воздействия на виновного отражена в Сунне. Пророк требует подвергать за нарушение этого постановления Аллаха телесному наказанию и даже применять смертную казнь, если преступление совершено в четвертый раз.

В монографии дан анализ обусловленности криминализации и пенализации и таких деяний, как воровство, взятка, ложь, ростовщичество и др.

По исламу все преступления, как указывает автор, делятся на три группы:

1) худуд (буквально — предел, границы) — охватывает затрагивающие права Аллаха преступления, наказание за их совершение точно описано в Коране или Сунне Пророка;

2) кisas (буквально — возмездие, расплата, отпущение) — интегрирует преступления, нарушающие права других лиц; за их совершение, как и за худуд, наказание установлено в шариате;

3) тазир (буквально — взыскание, назидание, исправление) — объединяет все остальные деяния, признанные преступлением; Коран и Сунна за их совершение не предусматривают наказания.

Наказание в исламе связывается с идеей возмездия. По мнению И.М. Рагимова, сущность возмездия в этом случае имеет специфический характер: во-первых, возмездие должно быть равноценным; во-вторых, оно направлено на спасение жизни многих людей и их удержание от совершения преступлений; в-третьих, Аллах выступает за мирное разрешение конфликта, если это возможно, Он поощряет тех, кто может простить другого; в-четвертых, Коран, как и другие Священные Писания, предупреждает людей о возмездии (воздаянии) не только в этой, но и загробной жизни.

⁹ См.: Большая российская энциклопедия (bigenc.ru).

В работе дан перечень видов наказаний: четвертование, отсечение руки, бичевание (удары плетью), членовредительские наказания, дийа (вира), лишение свободы, штраф. Наряду с основными выделяются дополнительные виды наказаний: ссылка, лишение определенных гражданских и публичных прав, лишение права управления транспортным средством.

Обращаясь к философским вопросам преступления и наказания в исламе, автор особо подчеркивает, что предопределение («аль-када ва аль-кадир») — один из столпов исламской веры. Проблеме соотношения предопределения со свободой воли в исламе рассматривают с мутазилийских или мутакаллимских позиций¹⁰. Приверженцы первого подхода исходят из принципа неограниченной свободы воли человека; приверженцы второго считают, что абсолютно свободной волей наделен лишь Аллах, человек же не обладает ею, хотя и ответствен за свои поступки. И.М. Рагимов подчеркивает, что «достаточно сложным и спорным, как в самом Коране, так и в религии ислама является вопрос согласования предопределения со свободой воли человека в связи с проблемой ответственности и наказания» (с. 232, 233).

Актуальными и интересными представляются высказывания автора о джихаде и его философии.

В гл. IV монографии представлены преступление и наказание в индуизме. Анализу подвергнуты два источника:

Веды (с *санскр.* веда — знание, видение, премудрость) — 1) в широком смысле — собрание древнеиндийских священных текстов, почитаемое как божественное откровение; индусские священные книги, принадлежащие к древнейшим литературным памятникам, отражающим самые ранние человеческие воззрения на мир, окружающую среду и явления природы; 2) в узком смысле — четыре сборника на ведийском санскрите: Ригведа — собрание гимнов; Самавед — собрание напевов; Яджурведа — собрание жертвенных формул; Атхарваведа — собрание заклинаний и заговоров¹¹;

Дхармашастры (с *санскр.* — наставление в дхарме) — древнеиндийские тексты, содержащие различные нормы поведения (правовые, религиозные, морально-этические), а также древние законы; выработаны из ведийских дхармасутр (VI–V вв. до н.э.) с использованием положений грхясутр (руководств по организации домашней

жизни), обычного права и т.д. До нашего времени дошли (целиком или в отрывках) более 20 дхармашастр. Наиболее известными из них являются «Ману-смрити» («Законы Ману»), «Нарада-смрити» и «Яджнавалкья-смрити»¹².

Законы Ману производят разграничение преступления как общественно опасного деяния и греха. Ряд одновременно совершенных грехов может признаваться преступлением. «Поэтому складывается впечатление, — пишет И.М. Рагимов, — что невозможно усмотреть различия между сферами светского и духовного...» (с. 260).

Ману делит все деяния человека на три вида исходя из источника его возникновения: происходящие от мысли, от речи и от тела. Преступлением признается всякое насилие, всякое сексуальное запрещенное поведение, оскорбление словом и делом и др. Автор особо выделяет преступления в сексуальной сфере. «Многогранно и системно охраняются семейные устои посредством объявления многих сексуальных деяний преступлениями» (с. 260). В работе не только представлен анализ ряда таких деяний, дана характеристика их наказуемости, но и описан порядок исполнения назначенного наказания (например, травля блудницы собакой, сжигание мужчины на раскаленном железном ложе и др.).

И.М. Рагимов обращает внимание еще на одну особенность Законов Ману, относящуюся к несомненным достоинствам их законодательных предписаний — описание признаков ряда преступлений, в целом сохранивших свое значение до настоящего времени. Так, грабеж представлен как деяние, совершенное в присутствии собственника и сопровождавшееся насилием; кража — как деяние, совершенное в отсутствие собственника имущества, и т.д.

По Законам Ману наказание признается основным средством в противодействии преступлениям, выступает воплощением естественного закона (дхармы). Справедливое наказание, назначенное должным образом, радует весь народ, а несправедливое наказание губит все.

В работе подчеркивается возмездная сущность наказания по Законам Ману и его избирательный, сословный характер, имеющий принципиальную особенность. «Тяжесть... ответственности представителя той или иной варны»¹³... прямо противоположна тяжести, предусмотренной для данного сословного представителя уголовного наказания. Грех более высокий и тяжелый для тех, кто

¹⁰ Мутазилиды (с *араб.* аль-мутазила — обособившиеся) — в исламе исторически первая крупная школа калама, существовавшая в VIII–XIII вв.; мутакаллимы — приверженцы мусульманского схоластического богословия — калама // Большая российская энциклопедия (bigenc.ru).

¹¹ См.: Большая российская энциклопедия (bigenc.ru)

¹² Там же.

¹³ Термин, обозначающий четыре основных сословия древнеиндийского общества: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры (см.: Большая российская энциклопедия (bigenc.ru)).

более просвещен и знающ, чем простой люд. Логика простая: представители каждой варны (сословия) в духовно-нравственном развитии отличаются друг от друга. Следовательно, средства воздействия на них, т.е. наказания в случае совершения преступления, будут эффективными, если учитывать духовно-нравственное развитие членов данной варны» (с. 266).

Система наказаний в Законах Ману выстроена следующим образом: замечание, выговор, штраф и телесное наказание. Все они могут быть применены и одновременно.

Смертная казнь предусмотрена за похищение родовитых людей, и особенно женщин, а также за кражу драгоценных камней.

Давая в целом оценку Законам Ману, автор пишет, что их можно «охарактеризовать следующим образом: 1) отсутствие четкого перечня преступлений и четкой системы наказаний; 2) особая жестокость и дикость сути наказания» (с. 271).

Дхармашастры Нарады в отличие от Законов Ману содержит более детальные перечни преступлений и видов наказаний. Главное же заключается в том, что Нарада собственно правовые положения отделяет от религиозно-этических наставлений, тем самым отделяет преступление от греха.

Яджнавалкья — более поздний акт по отношению к Законам Ману, в нем треть книги (100 статей) содержит уголовно-правовые нормы.

И.М. Рагимов подчеркивает, что все предписания в Дхармашастрах изложены таким образом, что создается впечатление об их необязательном характере. «Поэтому складывается впечатление, что данные законы — не свод действующего законодательства, а только сборник поучений в добродетели. Однако... в Древней Индии обеспечительной силой правовой нормы обладали групповая солидарность и внедренный в сознание масс закон кармы¹⁴, побуждающий нарушителя нормы поведения к раскаянию в целях очищения от грехов и соответствующего перерождения в новом облике после земной жизни» (с. 275).

Философия преступления и наказания в буддизме зиждется на пяти главных заповедях морально-правового кодекса Будды: 1) не убивать живых существ; 2) не красть; 3) не вести порочный образ жизни; 4) не лгать; 5) не употреблять опьяняющих напитков. Учение о наказании в буддизме в целом совпадает с учением Иисуса Христа. Оно основывается на следующих рассуждениях: преступление — акт воли человека, не дошедшего до совершенства; наказанием нельзя исправить

это. Наказание само выступает злом, беспечной формой борьбы с насилием. По мнению И.М. Рагимова, учение Будды не имело акцентированной социальной направленности, оно задавало сугубо духовную программу человеческой деятельности и новую религиозно-нравственную и законодательную основу единения людей.

Заканчивается исследование преступления и наказания в мировых религиях обращением к конфуцианству. При этом автор небезосновательно задается принципиальным вопросом: конфуцианство — это философия или религия?

Учение Конфуция исходит из того, что первоначально люди все одинаковы, лишь с течением времени появляются различия. Человек не рождается преступником, именно поэтому ответственность за нарушение общественных законов, в том числе уголовно-правовых норм, должны нести отец семейства и государство.

* * *

В заключение отметим: каков бы ни был объем обзора книги И.М. Рагимова, он не может передать ни глубину исследования, осуществленного автором, ни специфики стилистики работы. Вероятно, как и в любой другой монографии, есть некие недосказанности, дискуссионные моменты. Но одно бесспорно: автором не только раскрыты первоосновы уголовного права, но и заложен теоретический и методологический фундамент нового направления исследования дихотомической связки «преступление — наказание».

Ученые-криминалисты получили интересное и полезное издание, которое может стать настольной книгой как для всех тех, кто профессионально обращается к указанным институтам уголовного права, так и для тех, кто интересуется вопросами философии, теологии, истории и т.д., относящимися к одной из наиболее сложных проблем человечества на протяжении всей истории его развития — преступления и наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб., 1904.
2. Баренбойм П.Д. Библейский момент философии права // Философия права Пятикнижия / под ред. А.А. Гусейнова, Е.Б. Рашковского. М., 2012.
3. Бастрыкин А.И. Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. — 217 с.) // Государство и право. 2021. № 4.
4. Бастрыкин А.И. Фундаментальное философское и уголовно-правовое исследование (рецензия на монографию: Рагимов И.М. О нравственности наказания.

¹⁴ Закон кармы (с санскр. карма — действие) означает, что каждое наше деяние имеет соответствующие последствия.

- СПб., 2016. — 224 с.) // Юрид. наука в Китае и России. 2017. № 1.
5. Бернер А.Ф. О смертной казни / пер. с нем.; под ред. О.А. Филиппова. СПб., 1865. С. 13–15.
 6. Беспалько В.Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
 7. Большая российская энциклопедия (bigenc.ru).
 8. Голик Ю.В., Грачева Ю.В. Наказание как нравственная, философская и правовая категория (по материалам круглого стола, посвященного обсуждению работ об актуальных проблемах наказания доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Азербайджанской Республики Ильгана Мамедгасана оглы Рагимова) // Lex russica. 2016. № 5 (114).
 9. Графский В.Г. Пятикнижие Моисея в истории права и правоведении // Философия права Пятикнижия / под ред. А.А. Гусейнова, Е.Б. Рашковского. М., 2012.
 10. Грачева Ю.В., Евдокимов А.А. Смертная казнь: взгляды русских криминалистов (обзор уголовно-правовой литературы XIX в.) // Lex russica. 2016. № 12 (121).
 11. Гусейнов А.А. Десятисловие Моисея: канон справедливости // Философия права Пятикнижия / под ред. А.А. Гусейнова, Е.Б. Рашковского. М., 2012.
 12. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 2007.
 13. Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания / пер. с нем. И.И. Власова; под ред. А.А. Рождественского; пред. П.И. Новгородцева. М., 2010.
 14. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Берлин, 1925.
 15. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея, с прил. трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. СПб., 1882.
 16. Мировые религии о преступлении и наказании. М., 2013.
 17. Непомнящая Т.В. Рецензия на монографию И.М. Рагимова «О нравственности наказания» (СПб.: Юридический Центр-пресс, 2016. — 224 с.) // Lex russica. 2016. № 5 (114).
 18. Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень, 2000.
 19. Рагимов И.М. Первоосновы уголовного права // Уголовное право Российской Федерации. Проблемный курс для магистров и аспирантов / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2022.
 20. Рагимов И.М. Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. СПб., 2023. С. 6, 19, 41, 73, 94, 112, 117–119, 131, 138, 150, 164, 165, 232, 233, 260, 266, 271, 275, 299, 300.
 21. Рагимов И.М. Религиозно-нравственные основы уголовного права в религиях, не основанных на Божественных посланиях // Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. 1: Введение в уголовное право. Гносеологические основы уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021.
 22. Рагимов И.М. Религиозные основы уголовного права // Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. 1: Введение в уголовное право. Гносеологические основы уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021.
 23. Рагимов И.М. Религия и наказание. СПб., 2020.
 24. Святитель Тихон Задонский. Собрание творений: в 5 т. М., 2017.
 25. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899.
 26. Тер-Акопов А. Законодательство Моисея: общая характеристика // Росс. юстиция. 2003. № 9.
 27. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. О пути, об истине, о жизни. М., 2004.
 28. Федосова Н.С. Уголовное право и религия: проблемы взаимодействия и взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003.
 29. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харabet, А.А. Толкаченко. М., 2009.
 30. Шестаков Д.А. Вера и кара. В связи с книгой И.М. Рагимова «О нравственности наказания» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38).

REFERENCES

1. Aksenov P. Moses criminal law. St. Petersburg, 1904 (in Russ.).
2. Barenboim P.D. The Biblical moment of Philosophy of Law // Philosophy of Law Pentateuch / ed. by A.A. Huseynov, E.B. Rashkovsky. M., 2012 (in Russ.).
3. Bastykin A.I. Review of the book by Professor I.M. Ragimov "Religion and punishment" (St. Petersburg, 2020. — 217 pp.) // State and Law. 2021. No. 4 (in Russ.).
4. Bastykin A.I. Fundamental philosophical and criminal law research (review of the monograph: Ragimov I.M. On the morality of punishment. St. Petersburg, 2016. — 224 pp.) // Legal science in China and Russia. 2017. No. 1 (in Russ.).
5. Berner A.F. On the death penalty / transl. from German; ed. by O.A. Filippov. St. Petersburg, 1865. Pp. 13–15 (in Russ.).
6. Bepalko V.G. The doctrine of crime and punishment in the Pentateuch of Moses: dis. ... Doctor of Law. M., 2017 (in Russ.).
7. The Great Russian Encyclopedia (bigenc.ru) (in Russ.).
8. Golik Yu. V., Gracheva Yu. V. Punishment as a moral, philosophical and legal category (according to the materials of the Round Table devoted to the discussion of works on topical issues of punishment by Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Azerbaijan Ilgam Mamedgasam ogly Ragimov) // Lex russica. 2016. No. 5 (114) (in Russ.).
9. Grafsky V.G. The Pentateuch of Moses in the history of law and jurisprudence // Philosophy of the Law of the Pentateuch / ed. by A.A. Guseinov, E.B. Rashkovsky. M., 2012 (in Russ.).
10. Gracheva Yu. V., Evdokimov A.A. The death penalty: views of Russian criminalists (review of criminal law literature of the XIX century) // Lex russica. 2016. No. 12 (121) (in Russ.).

11. *Guseinov A.A.* The Decalogue of Moses: the canon of Justice // *Philosophy of Law of the Pentateuch* / ed. by A.A. Guseinov, E.B. Rashkovsky. M., 2012 (in Russ.).
12. *Dostoevsky F.M.* Brothers Karamazov. M., 2007 (in Russ.).
13. *Yellinek G.* The socio-ethical significance of law, injustice and punishment / transl. from German by I.I. Vlasov; ed. by A.A. Rozhdestvensky; preface by P.I. Novgorodtsev. M., 2010 (in Russ.).
14. *Ilyin I.A.* On resistance to evil by force. Berlin, 1925 (in Russ.).
15. *Lopukhin A.P.* The Legislation of Moses. A study on the family, socio-economic and state laws of Moses, from the appendix of the treatise: The Trial of Jesus Christ, viewed from a legal point of view. St. Petersburg, 1882 (in Russ.).
16. World religions on crime and punishment. M., 2013 (in Russ.).
17. *Nepomnyashchaya T.V.* Review of I.M. Ragimov's monograph "On the morality of punishment" (St. Petersburg: Law Center-press, 2016. – 224 pp.) // *Lex russica*. 2016. No. 5 (114) (in Russ.).
18. *Nikonov V.A.* Criminal punishment. The search for truth. Tyumen, 2000 (in Russ.).
19. *Ragimov I.M.* The fundamentals of Criminal Law // *Criminal Law of the Russian Federation. A problem course for masters and postgraduates* / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2022 (in Russ.).
20. *Ragimov I.M.* Crime and punishment in world religions. Historical, religious, legal and philosophical aspects. SPb., 2023. Pp. 6, 19, 41, 73, 94, 112, 117–119, 131, 138, 150, 164, 165, 232, 233, 260, 266, 271, 275, 299, 300 (in Russ.).
21. *Ragimov I.M.* Religious and moral foundations of Criminal Law in religions not based on Divine messages // *The complete course of Criminal Law: in 10 vols. Vol. 1: Introduction to Criminal Law. Epistemological foundations of Criminal Law* / ed. by A.I. Korobeev. SPb., 2021 (in Russ.).
22. *Ragimov I.M.* Religious foundations of Criminal Law // *The complete course of Criminal Law: in 10 vols. Vol. 1: Introduction to Criminal Law. Epistemological foundations of Criminal Law* / ed. by A.I. Korobeev. SPb., 2021 (in Russ.).
23. *Ragimov I.M.* Religion and punishment. SPb., 2020 (in Russ.).
24. *St. Tikhon of Zadonsk.* Collection of creations: in 5 vols. M., 2017 (in Russ.).
25. *Solovyov V.S.* Law and morality. Essays from applied ethics. St. Petersburg, 1899 (in Russ.).
26. *Ter-Akopov A.* The legislation of Moses: general characteristics // *Russ. Justice*. 2003. No. 9 (in Russ.).
27. *Tolstoy L.N.* The law of violence and the law of love. On the way, on the truth, on life. M., 2004 (in Russ.).
28. *Fedosova N.S.* Criminal Law and religion: problems of mutual influence and interaction: dis. ... PhD in Law. Vladivostok, 2003 (in Russ.).
29. The Christian doctrine of crime and punishment / scientific ed. K.V. Kharabet, A.A. Tolkachenko. M., 2009 (in Russ.).
30. *Shestakov D.A.* Faith and punishment. In connection with the book by I.M. Ragimov "On the morality of punishment" // *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2015. No. 3 (38) (in Russ.).

Сведения об авторе

САБЕНКОВ Александр Николаевич —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист РФ,
 директор Института государства и права
 Российской академии наук,
 главный редактор журнала
 «Государство и право» РАН;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. —
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Honored Lawyer of the Russian Federation,
 Director of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences,
 Editor-in-Chief of the Journal "State and Law"
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340.12; 343

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ ЛИЧНОСТИ

© 2024 г. А. Д. Керимов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 8017498@mail.ru

Поступила в редакцию 05.02.2024 г.

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые вопросы философии права (в частности, уголовного), в особенности те, которые затрагиваются в статье И. М. Рагимова, А. Н. Савенкова и Х. Д. Аликперова «Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему». Автор определяет критерии научности, ратует за максимально возможно широкое использование в исследовательском процессе междисциплинарного подхода, высоко оценивает положения и выводы, содержащиеся в названной статье, призывает ученое сообщество к их дальнейшему обсуждению. Вместе с тем он выражает сомнения относительно обоснованности тезиса о неизбежности прижизненной расплаты за совершенные злодеяния.

Ключевые слова: наука, междисциплинарный подход, творческие усилия, преступление, наказание, добро, зло, возмездие, совесть, вина.

Цитирование: Керимов А. Д. Проблемы философско-этического осмысления преступных деяний личности // Государство и право. 2024. № 3. С. 81–86.

DOI: 10.31857/S1026945224030077

PROBLEMS OF PHILOSOPHICAL AND ETHICAL UNDERSTANDING OF CRIMINAL ACTS OF A PERSON

© 2024 A. D. Kerimov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 8017498@mail.ru

Received 05.02.2024

Abstract. The work examines some issues of the Philosophy of Law (in particular criminal), especially those raised in the article: I.M. Ragimov, A.N. Savenkov, Kh. J. Alikperov “Etiology of individual criminal behavior: looking at the problem from a different angle”. The author defines the criteria for being scientific, advocates for the widest possible use of an interdisciplinary approach in the research process, highly appreciates the provisions and conclusions contained in this article, and calls on the scientific community for their further discussion. At the same time, he expresses doubts about the validity of the thesis about the inevitability of lifetime retribution for the atrocities committed.

Key words: science, interdisciplinary approach, creative efforts, crime, punishment, good, evil, retribution, conscience, guilt.

For citation: Kerimov, A.D. (2024). Problems of philosophical and ethical understanding of criminal acts of a person // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 81–86.

Не погрешу против истины, если скажу, что очень многим моим коллегам — обществоведам и гуманитариям: философам, историкам, культурологам, психологам, политологам и др., — изыскания (равно выступления и рассуждения) юристов зачастую представляются невыносимо скучными, тягуче однообразными, чрезмерно сухими, притом переполненными разными казуистическими тонкостями и софизмами. Более того, они кажутся им еще и недостаточно глубокими, крайне поверхностными.

Не скрою, для меня такое восприятие весьма обидно, ибо лично я немалый период своей жизни посвятил изучению проблем права и государства и уже давно отчасти осознанно, отчасти непроизвольно приобрел, полагаю, полезную и вообще хорошую привычку с пристальным вниманием и искренним уважением относиться к данной сфере научного творчества и к людям, в ней работающим. Посему могу ответственно свидетельствовать: некоторые из исследователей правовой материи, в том числе и мои современники, достигли высочайших вершин в этом благородном и трудном деле.

Между тем вынужден признать, что подобное описанное выше негативное впечатление, складывающееся у многих ученых иных отраслей знания от публикаций нынешних легистов, в существенной степени оправдано, поскольку подавляющее большинство из них (иногда намеренно, чаще, конечно же, невольно) искусственно ограничивают свое видение социального бытия, затуманено, взирая на мир

исключительно через, условно говоря, «юридические очки»¹. В результате его мысленный образ оказывается удручающе неполным и неточным, предстает в искаженном свете, в облике явно деформированном; его идея непоправимо утрачивает свою естественную органическую целостность.

Оценивая с позиций взыскательного, даже придирчивого читателя рассматриваемую работу², можно с уверенностью заявить, что она выгодно отличается от множества работ последних лет. Статья получилась фундаментальной, насыщенной и интересной.

I

Итак, прежде о ее достоинствах. Позволю себе их назвать и кратко прокомментировать.

¹ Это видение, уместно напомнить, и без того сильно ограничено: Homo sapiens в принципе не в состоянии ни чувственно воспринять, ни рационально объяснить бытие во всем его неисчерпаемом богатстве, всей его сложности и многоликости. Такое положение вещей обусловлено, с одной стороны, бесконечностью вселенной, а следовательно, и процесса познания, с другой — ограниченностью самого человеческого разума, который сам по себе на каждом новом этапе развития науки неизменно ставит пределы на пути извечного ни на секунду не останавливающегося интеллектуально-творческого освоения действительности. Воодушевляет то, что усилиями воли лучших представителей последовательно сменяющихся поколений эти пределы постоянно и неуклонно раздвигаются.

² См.: Рагимов И. М., Савенков А. Н., Аликперов Х. Д. Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему // Государство и право. 2023. № 9. С. 112–125. DOI: 10.31857/S102694520027657-3

1. Мне и раньше доводилось высказываться относительно критериев научности. Их — несколько. В данном случае поименую только два, пожалуй, наиболее важные из них. Думается, во-первых, что настоящая, истинная наука начинается там и тогда, где и когда индивиду, заслуженно претендующему на высокое звание ученого, удастся возвыситься до теоретического, желательного, философского уровня осмысления сложных, общезначимых проблем бытия и тревожных, суровых вызовов времени, предложив при этом адекватные решения и ответы. Во-вторых, научная деятельность, может считаться таковой, если в ходе ее и по ее итогам перманентно генерируются новые, передовые, оригинальные и дерзновенные идеи. Лауреат Нобелевской премии по физике (1918), член Прусской академии наук (1894) М.К. Планк, безусловно, прав, отмечая, что «лишь идеи делают экспериментатора — физиком, хронолога — историком, исследователя рукописей — филологом»³. Именно они — плодотворные, перспективные идеи позволяют нам осваивать вселенную; на их основе возможно позитивное преобразование, улучшение, гуманизация грядущего жизнеустройства.

Скрупулезно изучив представленное на суд читателей эссе, не возникло никаких сомнений в том, что оно в полной мере соответствует изложенным критериям. Очевидно, что перед нами добротная научная работа.

2. Она к тому же проведена на стыке ряда дисциплин: как минимум философии, психологии, социологии, уголовного права, криминологии и др. А это с точки зрения обеспечения оптимальной результативности, предельной эффективности познавательного процесса чрезвычайно ценно. Ведь Мир — един. Лишь в нашем обыденном, убого-утилитарном восприятии он безнадежно фрагментарен. Так, вычленив отдельные его компоненты, концентрируясь на деталях и частностях, нам гораздо легче, удобнее его понимать. Но в реальности он не такой. На самом деле он целостен, взаимосвязан и взаимозависим, принципиально неразделим. Любое его абстрактное, умозрительное деление, дробление на составляющие части, крупные или малые, есть не более чем вынужденная, посему досадная и в чем-то по сути своей неестественная условность (хотя и бесспорно необходимая для осуществления анализа и последующего синтеза). Интеллектуальное постижение космоса, субстанциальности всех социальных и природных предметов и процессов объективно предполагает максимальную всесторонность и многогранность. Именно поэтому всегда и всюду ратую за широкое использование междисциплинарного подхода.

³ Антология мудрости / сост. В.Ю. Шойхер. М., 2007. С. 593.

Совершенно уверен в том, что четко и ясно сформулировать по-настоящему стоящие, яркие и смелые идеи, выдвинуть стройные, внутренне сбалансированные, фундаментального уровня и порядка теоретические конструкции, воодушевляющие и увлекающие людей, предложить концептуально оформленные, новаторские, провоцирующие острые, оживленные дискуссии гипотезы как в области общественно-гуманитарной, так и в сфере технико-технологической и естествознания, невероятно трудно. Авторам рассматриваемой статьи это в значительной степени удалось. И в первую очередь, по-видимому, потому, что они изначально весьма резонно вознамерились, сразу же вполне обоснованно задались целью работать непременно на стыке нескольких наук. Они отнюдь не пытались, как это до сих пор, к сожалению, делают многие, с ожесточением слепого и явно неуместного здесь фанатизма во что бы то ни стало сохранить и защитить неверно истолкованную чистоту своей дисциплины (криминологии), не стремились оградить ее от какого-либо вторжения извне. Напротив, они упорно расширяли диапазон своих изысканий, своих творческих усилий посредством масштабного и активного привлечения инструментов, приемов и способов, применяемых и используемых в других отраслях научной деятельности, а также полученных и аккумулированных в них достижений, результатов и выводов исследований.

3. Необходимо подчеркнуть, что представленную публикацию интересно читать. Она подвигает к раздумью долгим и неторопливым, притом серьезным и сосредоточенным; она побуждает к размышлениям спокойным и неспешным, но вместе с тем тщательным и напряженным. К размышлениям по конкретно-юридическим, но главное, по абстрактным, философско-правовым вопросам мировоззренческого характера, что, полагаю, особенно ценно и лично для меня весьма привлекательно.

Работа написана профессионально, квалифицированно, со знанием дела. Ощущается глубокое проникновение авторов в самую суть анализируемых проблем. Это неудивительно, учитывая то обстоятельство, что каждый из них в течение нескольких десятков лет трудился на ниве юриспруденции, как в практической плоскости, так и в плане теоретическом: ключевые этапы их жизненного пути хорошо известны.

Наконец, обращает на себя внимание чистый, свободный слог, академическая и убедительная манера изложения, явственно выдающая умение правильно, ярко и четко выражать свои мысли, что в последние годы, увы, становится редкостью.

II

Теперь, согласно логике повествования, следовало бы перейти к недостаткам изучаемой статьи. Однако я предпочел бы посвятить вторую часть своего очерка не изобличению ее несомненно имеющих мелких изъянов и огрехов, а рассмотрению лишь одного-единственного, но чрезвычайно важного пассажа, вызвавшего замешательство, неподдельный скептицизм и, соответственно, соображения критического характера.

Этот фрагмент является таковым, т.е. исключительно значимым, прежде всего потому, что в нем речь идет о позиции классика русской и мировой литературы Ф.М. Достоевского, чье влияние на развитие философии в планетарном масштабе поистине огромно. Позволю себе привести данный отрывок. «Сегодня, как и несколько веков назад, в уголовном праве и уголовном процессе утверждается, что наказание за совершенное преступление всегда и везде назначается судом на основе обвинительного приговора, в котором определяется как его вид, так и сроки (размеры). Между тем этот постулат был опровергнут еще в 1866 г. Ф.М. Достоевским в его бестселлере “Преступление и наказание”, в котором он показал, что эту карательную функцию выполняет не только и не всегда суд. В частности, в своем знаменитом романе писатель более чем убедительно показывает, что в социуме не существует преступления без наказания, так как кара *de facto* настигает виновного и при его уклонении от правосудия, и при латентных преступлениях, и при неустановлении лица, совершившего преступление, и т.д.

Но это — кара особого свойства, ее нет ни в одном уголовном кодексе. Но она реально существует и применяется не на основе вердикта суда, а налагается на виновного его внутренним “Я” (“синдром Раскольникова”). Иными словами, неминуемость кары за совершенное зло — не только прерогатива суда, но и имманентное свойство повседневного бытия социальной среды, как, впрочем, и промысл Всевышнего, как это утверждают богословы» (с. 115).

Оставляю в стороне достаточно вольное, не вполне корректное, я бы сказал, ограничительное толкование смысла гениального произведения Ф.М. Достоевского⁴. Ведь в контексте рассуждений моих коллег это не столь уж важно. К тому же они и не преследовали цель прокомментировать содержание замечательного сочинения. Принципиально другое. Возникает предельно конкретный и вместе с тем, по сути, экзистенциальный вопрос.

⁴ Точнее — смыслов, ибо его труд поразительно многогранен и многослоен, затрагивает духовные субстанции разных уровней и порядков.

Правы ли они (по-своему интерпретируя Ф.М. Достоевского, ссылаясь на его непререкаемый авторитет и, безусловно, соглашаясь с ним, скорее даже не с ним, а с собственной аргументацией воззрений писателя), когда настаивают на том, что в любом сообществе за преступным деянием неизбежно следует расплата, возмездие неотвратимо настигает согрешившего не после кончины, а обязательно в продолжение отведенной ему земной жизни, а наше, человеческое бытие во все времена устроено так, что злодей, конечно же, оказывается наказан, если не соотечественниками или соплеменниками, то, по их выражению, внутренним «Я», т.е., насколько понимаю, своей совестью?

Да, страдания, которые испытывают люди, терзаемые угрызениями совести, тягостными душевными переживаниями, нестерпимыми муками по поводу ранее содеянного, и вправду бывают ужасны, порою безмерны. Недаром Л.Н. Толстой в своей великой историософской эпопее «Война и мир» вложил в уста князя Андрея Болконского изречение, сделавшееся сразу же широко известным. Напомню, полемизируя с Пьером Безуховым, князь безапелляционно заявил: “Je ne connais dans la vie que maux bien réels: c’est le remord et la maladie. Il n’est de bien que l’absence de ces maux”⁵. На долю смертных, разумеется, выпадают и другие жгучие горести, горькие беды. Но названные, пожалуй, одни из наихудших, самых страшных.

Вернемся, однако, к поставленному выше вопросу. Все же полагаю, что мои коллеги здесь заблуждаются: они скорее выдают желаемое за реальность, нежели объективно, безыллюзорно и беспристрастно оценивают настоящее, подлинное состояние страждущих душ. В душах этих беспрестанно идет драматическое, яростное, невидимое праздному взгляду сражение добра со злом, света с тьмой, праведности с порочностью и т.п. Всплывает в памяти фраза из последнего романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» произнесенная Дмитрием Федоровичем в разговоре с Алексеем Федоровичем: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей»⁶. И в этой извечной, бескомпромиссной схватке зачастую побеждают темные, демонические силы. Отсюда огромное количество негодяев всевозможных типов и мастей, несметное число потрясающих крайней жестокостью, садистской изощренностью, неумной жадностью, откровенным цинизмом преступлений, в которых каким-то

⁵ «Я знаю в жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол» (см.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Серия первая. Произведения. М., 1938. Т. 10. С. 110).

⁶ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 20 т. Т. 13. Братья Карамазовы: роман: в 4 ч. с эпилогом. Ч. 1, 2 / прим. А. Батюто, В. Ветловской, Г. Фридлендера и др. М., 1998. С. 113.

невероятным образом проявляются все или почти все низменные, омерзительные свойства, черты человеческой натуры⁷.

Но дело не только в этом. Помимо людей плохих, злых, испорченных во все эпохи и у всех этносов, при любых социально-экономических формациях и в любых цивилизациях в изобилии были, есть и, похоже, до скончания веков будут и такие, для которых проблема морального выбора вообще никогда не встает. Для подобных персонажей ее не существует в принципе. Это объясняется тем заурядным обстоятельством, что у них банально нет совести или в лучшем случае она находится в рудиментарном состоянии. Они в определенном смысле духовно неполноценны, безнадежно ущербны. В них почему-то отсутствует столь необходимая, вроде бы органическая, неотъемлемая часть собственно человеческого.

Если бы все и всегда глубоко, искренне и деятельно раскаивались в своих былых неблагоприятных проступках и непростительных преступлениях и тем самым несли за них тяжкое, но заслуженное бремя наказания, более того, прилагали бы усилия к тому, чтобы исправить ситуацию, избавить социум от негативных последствий своих прошлых провинностей и прегрешений, то мы продвигались бы по пути созидания нравственного, справедливого общества и государства феноменально успешно и стремительно. Но этого, к сожалению, не наблюдаем. Не имеющим совести не дано мучиться от ее угрызений и, соответственно, раскаиваться.

Уместно, как представляется, привести здесь умозаключения видного философа Л.И. Шестова из его книги «*Potestas clavium. Власть ключей*»⁸. Рассуждая о творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, он фокусирует внимание читателя на том, что оба писателя (замечу, и очень многие

интеллектуалы — литераторы, ученые России и Европы того времени) не единожды предавались напряженным и продолжительным раздумьям о Наполеоне I Бонапарте, о его мыслях и поступках, победах и поражениях, о существовании его личности. Они непременно хотели понять, почему Наполеон, безбоязненно и добровольно возложив на себя тягчайшую, казалось бы, невыносимую ответственность за несчастья и страдания, обрушившиеся в результате его деяний на миллионы сограждан и подданных других государств, ее как будто бы не чувствовал, абсолютно не мучался угрызениями совести.

Постичь это и впрямь нелегко, особенно если по примеру двух величайших русских моралистов не обинуясь полагать, что все сыны Адама в основном устроены одинаково. С точки зрения Л.И. Шестова, и Ф.М. Достоевский, и Л.Н. Толстой считали, что коль скоро их самих на всем их жизненном пути совесть ни на минуту не оставляла в покое, то она тем более должна была ни на миг не утихая, неимоверно сильно терзать и Наполеона. Однако этого, как видно, не происходило, что обусловлено тривиальным фактом: люди, по мнению философа, устроены вовсе не одинаково, и совесть имеется далеко не у всех, а посему для Наполеона и проблема ответственности не возникала в принципе.

Талантливый французский политик и полководец, пишет далее Л.И. Шестов, действовал, если угодно, «согласно природе», как того настоятельно требовали стоики. В связи с этим ученый напоминает рассказанную Емельяном Пугачевым в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» притчу про орла и ворона: орел, питаясь свежим мясом, разрывая еще дышащих животных, живет тридцать лет, а ворон, поедая падаль, — триста. И им никогда не сойтись, не столкнуться, ни за что не понять друг друга⁹. По точному замечанию Л.И. Шестова, человеку, верящему, что «ответственность есть сознание нравственного начала, живущее в сердце каждого, не дано “понять” Наполеона, который хотя и знал это слово, но либо не понимал его, либо понимал так, что оно, в представлении, скажем, Достоевского, больше бы выразилось совсем иным словом, примерно “безответственностью”»¹⁰.

С учетом изложенного утверждение моих коллег о неотвратимости прижизненной расплаты индивида за грехи и преступления кажется слишком категоричным. Практика с отрезвляющей холодностью неумолимо и красноречиво свидетельствует

⁷ Интересным, важным и, к сожалению, по-настоящему пугающим кажется пессимистическое наблюдение проф. А.И. Александрова, согласно которому скрупулезное и вдумчивое изучение многотысячелетней общественной истории неуклонно приводит к осознанию того ужасного факта, что ее с полным на то основанием правомерно рассматривать в том числе и как историю перманентно совершаемых, бесконечно воспроизводящихся давно известных и постоянно возникающих все новых и новых видов преступлений. «В борьбе добра со злом, — уже оптимистично продолжает далее исследователь, — складывается нелогичная внешне ситуация: зло всегда сильнее, организованнее, сосредоточеннее, хитрее, а иногда умнее, но в итоге оно уступает добру. Может быть, не сразу, но в исторической перспективе добро стабильно побеждает» (см.: Александров А.И. *Философия зла и философия преступности* (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2020. С. 9). Выраженная в данной цитате однозначно жизнеутверждающая позиция небесспорна, но в нее хочется верить, она придает силы, воодушевляет, вселяет надежду. И в этом ее несомненная ценность.

⁸ Шестов Л.И. Соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 129–131.

⁹ См.: Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Романы. Повести / прим. С. Петрова. М., 1997. С. 314.

¹⁰ Шестов Л.И. Указ. соч. Т. 1. С. 130.

о том, что в реальности (и этого не могут не видеть авторы рассматриваемой статьи) зачастую все происходит по-другому, по сути, противоположным образом. Злодеи нередко не несут никакого наказания, а их жертвы остаются навек незаслуженно неотомщенными.

Если вина законоотступника не очевидна и не доказана, он не изобличен, не схвачен и не арестован по приговору суда, а совесть у него полностью отсутствует, т.е. если в итоге он не страдает ни в каком смысле, ни в физическом, ни в морально-психологическом, то тогда какие же в самом деле имеются основания считать, что в будущем его непременно настигнет кара? Где здесь место для ее предполагаемой неминуемости и в чем, собственно, она должна состоять? Может быть, провозглашаемой неизбежности попросту нет, по крайней мере на этом свете? Не существует ли благородная, но, на мой взгляд, все же несколько наивная идея всегдашней неотвратимости наказания преступника именно на бренной земле, а не в Царстве потусторонних сил (напомню, неминуемость кары за совершенное зло, по мнению И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова и Х.Д. Алиперова, есть в том числе «имманентное свойство повседневного бытия социальной среды» (с. 115)), лишь в отвлечении, лишь в воспаленном сознании, присущем, как правило, провозвестникам всех времен и народов грядущего, конечно, обязательно безупречно справедливого общественного устройства?

* * *

Высказанные искренние сомнения, отдельные соображения критического и бесспорно весьма дискуссионного характера ни коим образом не влияют на высокую оценку анализируемой статьи. Я не только рекомендую ее всем интересующимся философскими, этическими проблемами права, в частности уголовного права, но и приглашаю ученых и практиков к обсуждению поставленных в ней вопросов.

Сведения об авторе

КЕРИМОВ Александр Джангирович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров А.И.* Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2020. С. 9.
2. Антология мудрости / сост. В.Ю. Шойхер. М., 2007. С. 593.
3. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 13. Братья Карамазовы: роман: в 4 ч. с эпилогом. Ч. 1, 2 / прим. А. Батюто, В. Ветловской, Г. Фридлендера и др. М., 1998. С. 113.
4. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Романы. Повести / прим. С. Петрова. М., 1997. С. 314.
5. *Рагимов И.М., Савенков А.Н., Алиперов Х.Д.* Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему // Государство и право. 2023. № 9. С. 112–125. DOI: 10.31857/S102694520027657-3
6. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Серия первая. Произведения. М., 1938. Т. 10. С. 110.
7. *Шестов Л.И.* Соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 129–131.

REFERENCES

1. *Aleksandrov A.I.* Philosophy of evil and philosophy of crime (issues of Philosophy of Law, criminal policy and criminal procedure). 2nd ed., reprint and add. SPb., 2020. P. 9 (in Russ.).
2. Anthology of wisdom / comp. V. Yu. Shoikher. M., 2007. P. 593 (in Russ.).
3. *Dostoevsky F.M.* Collected works: in 20 vols. Vol. 13. Brothers Karamazov: novel: in 4 hours with an epilogue. Ch. 1, 2 / approx. A. Batyuto, V. Vetlovskaya, G. Friedlander et al. M., 1998. P. 113 (in Russ.).
4. *Pushkin A.S.* Collected works: in 10 vols. Vol. 5. Novels. Novellas / note by S. Petrov. M., 1997. P. 314 (in Russ.).
5. *Ragimov I.M., Savenkov A.N., Alikperov Kh. J.* Etiology of individual criminal behavior: looking at the problem from a different angle // State and Law. 2023. No. 9. Pp. 112–125. DOI: 10.31857/S102694520027657-3 (in Russ.).
6. *Tolstoy L.N.* Complete collection of works. The first episode. Works. M., 1938. Vol. 10. P. 110 (in Russ.).
7. *Shestov L.I.* Writings: in 2 vols. M., 1993. Vol. 1. Pp. 129–131 (in Russ.).

Authors' information

KERIMOV Alexander D. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 349.6

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ФОРМАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

© 2024 г. Н. А. Филиппова

Сургутский государственный университет

E-mail: filippova_na@surgu.ru

Поступила в редакцию 14.12.2023 г.

Аннотация. Автором выявлены и систематизированы существенные признаки двух форматов институционализации этнологической экспертизы в России: в качестве корпоративной экспертизы (частное право) и государственной экспертизы (публичное право). Материалом исследования стали практики организации и правового регулирования этнологической экспертизы за два последних десятилетия; сложившиеся в российской антропологии и юриспруденции подходы к пониманию этнологической экспертизы. Обосновано, что выбор формата институционализации предопределяет порядок проведения экспертизы и последствия ее проведения. Корпоративная этнологическая экспертиза является факультативной, ее результаты не имеют формы публичного юридического документа, возмещение убытков субъектам традиционного природопользования не зависит от факта проведения экспертизы и имеет исключительно монетарный характер, добровольно принимаемые стандарты социальной корпоративной ответственности предполагают участие бизнеса в содействии развитию коренных народов, которые вовлекаются в этот процесс в соответствии с принципом СПОС и в формах делиберативной демократии. Государственная этнологическая экспертиза является обязательной, реализуется как государственная услуга, результаты которой имеют форму публичного юридического документа, компенсационные меры предопределены результатами комплексной этнологической экспертизы и не ограничены возмещением убытков, участие коренных жителей гарантировано в формах партисипаторной демократии.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, этнологическая экспертиза, принцип свободного, предварительного и осознанного согласия (СПОС) коренных народов, программы содействия развитию коренных малочисленных народов.

Цитирование: Филиппова Н.А. Этнологическая экспертиза: форматы и перспективы институционализации в российском праве // Государство и право. 2024. № 3. С. 87–96.

DOI: 10.31857/S1026945224030081

ETHNOLOGICAL EXPERTISE: FORMATS AND PROSPECTS OF INSTITUTIONALIZATION IN RUSSIAN LAW

© 2024 г. N. A. Filippova

Surgut State University

E-mail: filippova_na@surgu.ru

Received 14.12.2023

Abstract. The article is devoted to the essential and systemic features of the formats of ethnological expertise institutionalization in Russia: as a corporate expertise (private law) and state expertise (public law). The research material is the practice of organizing and legal regulation of ethnological expertise over the past two decades; approaches to understanding ethnological expertise that have developed in Russian anthropology and jurisprudence. It is proved that the choice of the institutionalization format, determines the procedure for conducting an examination and the consequences of its conduct. Corporate ethnological expertise is optional; its results do not have the form of a public legal document. Compensation for losses to the subjects of traditional nature management does not depend on the fact of conducting the expertise and is exclusively monetary in nature. Voluntarily adopted standards of social corporate responsibility assume the participation of business in promoting the development of indigenous peoples who are involved in this process in accordance with the principle of FPIC and forms of deliberative democracy. State ethnological expertise is mandatory, it is realized as a public service, the results of which have the form of a public legal document. Compensation measures are predetermined by the results of a comprehensive ethnological expertise and are not limited to the compensation for losses. The participation of indigenous peoples is guaranteed in the forms of participatory democracy.

Key words: Indigenous peoples, ethnological expertise, free, prior and informed consent (FPIC) of indigenous peoples, programs to promote the development of small indigenous peoples.

For citation: *Filippova, N.A. (2024). Ethnological expertise: formats and prospects of institutionalization in Russian law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 87–96.*

Введение

Регулирование этнологической экспертизы остается камнем преткновения для правоведов. Трижды (с 2004 по 2006 г.) с инициативой принятия федерального закона выступали законодательные органы субъектов Российской Федерации (Сахалинской области, Ненецкого автономного округа и Ямало-Ненецкого автономного округа). В 2014 г. Комитетом Государственной Думы по делам национальностей был внесен проект федерального закона «Об оценке воздействия на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и традиционное природопользование коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹. Он уточнял представления об этнологической экспертизе, но федеральным законом не стал². В 2016 г. Президент РФ поручил органам исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов разработать предложения о нормативном закреплении процедуры этнологической экспертизы³. К январю 2018 г. проект федерального закона об этнологической экспертизе был разработан и предложен для общественного обсуждения Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН)⁴, а в декабре того же года ФАДН инициировало поправки

в Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 82-ФЗ)⁵.

Но задача была решена частично: специальный федеральный закон не был поддержан в Общественной палате РФ; поправки затронули лишь порядок возмещения убытков, причиняемых в результате нанесения ущерба традиционному природопользованию⁶. По этой причине этнологическая экспертиза, проведенная после техногенной аварии на Таймыре (2020 г.), помимо оценки ее последствий для коренных сообществ должна была стать основой «для подготовки общего регламента этнологической экспертизы в России»⁷. Порядок ее проведения стал отправной точкой при разработке нового (в общей сложности уже седьмого) проекта федерального закона об этнологической экспертизе. В 2021 г. он был разработан группой юристов Тюменского государственного университета.

Работа Экспертного центра Проектного офиса развития Арктики в 2023 г.⁸ указывает на то, что

¹ См.: Государственная Дума Российской Федерации. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/436457-6?ysclid=lo72mai1w467213514> (дата обращения: 27.10.2023).

² См.: Новикова Н. И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник уrogenения. 2016. № 3. С. 131.

³ См.: Перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // <https://regulation.gov.ru/p/77915> (дата обращения: 27.10.2023).

⁵ См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=86735> (дата обращения: 27.10.2023).

⁶ См.: Федеральный закон от 26.07.2019 № 234-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 8 Федерального закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2019. № 30, ст. 4136.

⁷ Головнев А. В., Колова Е. А. Этноэкспертиза: таймырский дискурс // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 160.

⁸ См.: Федеральный исследовательский центр РАН Кольский научный центр. Официальный сайт // <https://www.ksc.ru/press-sluzhba/novosti/novosti-nauki/eksperty-laboratorii-ustoychivogo-razvitiya-pora-obsudili-etnologicheskuyu-ekspertizu/> (дата обращения: 27.10.2023).

позиции экспертов совпадают в трех принципиальных моментах: 1) федеральный закон об этнологической экспертизе необходим; 2) этнологическая экспертиза является инструментом согласования интересов государства, сообществ коренных народов, бизнеса и всего населения промышленно осваиваемых территорий; 3) должен быть определен стандарт участия сообществ коренных малочисленных народов в процессе проведения этнологической экспертизы. Вместе с тем предметом дискуссии остаются: юридическая дефиниция этнологической экспертизы, принцип обязательности ее проведения, предмет этнологической экспертизы, разграничение полномочий органов государственной власти в вопросах регулирования и проведения этнологической экспертизы. Так, советник руководителя ФАДН С. Тимошков подчеркнул, что конкурируют два подхода к пониманию предмета этнологической экспертизы: «Первый – научная оценка этносоциальных последствий для общих условий развития коренных малочисленных народов в результате управленческой деятельности. Второй – экспертиза воздействия конкретных промышленных проектов на местные сообщества коренных малочисленных народов, включая определение его степени, затрагиваемого круга лиц и территорий их проживания»⁹.

Достижение поставленной задачи (нормативное регулирование этнологической экспертизы) требует построения концепции будущего федерального закона на основании критического анализа ее организации как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на «надсубъектном» уровне (когда организаторами стали ФАДН, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, ЭЦ ПОРА), что характерно для новейших этнологических экспертиз в Арктической зоне Российской Федерации. Многочисленные исследования этнологической экспертизы не решали вопрос о юридической природе этого института: является он институтом частного (предпринимательского) или публичного права? Между тем ответ на этот вопрос предопределяет существенные элементы в концепции федерального закона об этнологической экспертизе. В связи с этим целью исследования является обоснование концепции федерального закона об этнологической экспертизе, учитывающее возможность легализации института этнологической экспертизы в двух (альтернативных) форматах: публично-правовом (государственная этнологическая экспертиза) и частноправовом (корпоративная

этнологическая экспертиза). Предметом исследования стали системные характеристики этих форматов, выявленные при проведении этнологической экспертизы в России. Наряду со стандартными (общенаучными и специальными) методами юридического научного исследования был использован метод правового моделирования.

Этнологическая экспертиза в историческом, антропологическом и юридическом дискурсах. Дефиниция этнологической экспертизы в Федеральном законе № 82-ФЗ отразила опыт проведения этно-экологических экспертиз специалистами Института этнологии и антропологии АН СССР во второй половине XX в. Развитие отечественной антропологии привело к ревизии прежнего понимания этнологической экспертизы и формированию различных взглядов на ее содержание. Наряду с этно-экологическим подходом сформировались социологический, системный, культурологический, международно-правовой подходы (последний определяют и как подход юридической антропологии)¹⁰. Цели, методы, объекты и способы организации этнологической экспертизы разнятся от региона к региону; сделаны только первые шаги к унификации порядка ее проведения. Индикатором кризисного состояния стала дискуссия об этнологической экспертизе на страницах журнала «Этнографическое обозрение»¹¹. И это вновь возвращает к дискуссии об адекватной юридической дефиниции этнологической экспертизы: это научное исследование или экспертная оценка? Логично, что в такой ситуации исследования ограничены анализом региональных подходов к законодательному регулированию¹² и результатам проведения этнологической экспертизы¹³, а также исследованием тех правоотношений, с которыми последняя сопряжена. Этнологическая экспертиза

¹⁰ См.: Данилова Е. Н. Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. С. 54–59.

¹¹ Функ Д. А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–79.

¹² См.: Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2018. № 1 (29). С. 125–135.

¹³ См.: Гладун Е. Ф., Задорин М. Ю., Горбунова А. И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 122–154; Самсонова И. В., Потравный И. М., Павлова М. Б., Семенова Л. А. Оценка убытков, причиненных коренным малочисленным народам Севера в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края вследствие разлива дизельного топлива на ТЭЦ-3 в Норильске // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 1. № 2. С. 254–265; Басов А. С., Ковальский С. О. Опыт применения международного подхода к оценке социального воздействия в рамках этнологической экспертизы на Западном Таймыре // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 171–198.

⁹ Проектный офис развития Арктики. Официальный сайт. URL: <https://goarctic.ru/society/sergey-timoshkov-v-on-neodnokratno-otmechali-polozhitelnyy-rossiyskiy-opyt-etnologicheskoy-eksperti/?ysclid=lo2s1vuc4y965984653> (дата обращения: 27.10.2023).

рассматривается в контексте правового регулирования взаимодействия коренных малочисленных народов и недропользователей¹⁴, стандартов корпоративной социальной ответственности бизнеса¹⁵, включая результаты СПОС (свободного, предварительного осознанного согласия на промышленное освоение мест традиционного природопользования)¹⁶. Такой дискурс необходим, но не достаточен для обоснования концепции федерального закона об этнологической экспертизе.

Этнологическая экспертиза как институт частного права (корпоративная этнологическая экспертиза). Институционализация этнологической экспертизы в частнопроводимом формате началась в России в конце XX в. Эта практика получила наибольшее распространение в субъектах Российской Федерации и отражена в юридических документах федерального уровня. Так, Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»¹⁷ предусмотрел, что содержание соглашения, сторонами которого являются Российская Федерация и инвестор, а предметом — исключительные права на поиски, разведку, добычу минерального сырья, должно учитывать интересы коренных малочисленных народов Российской Федерации в тех случаях, когда участок недр находится в пределах мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности таких народов. В интересах автохтонов в этом случае должен был действовать законодательный орган субъекта Российской Федерации. Так как федеральное законодательство допускало формирование в составе законодательного органа субъекта Российской Федерации группы депутатов, представляющих именно коренные сообщества, такое решение было логичным.

Формирование рыночных отношений в России стало предпосылкой широкого использования прямых договорных отношений с субъектами права традиционного природопользования. Изначально они сложились в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Для понимания природы таких договоров необходимо учесть, что в конце 90-х годов

XX в. действовало Положение о статусе родовых угодий (позже утратившее силу). Родовые угодья могли принадлежать общинам коренных малочисленных народов Севера или отдельным гражданам из числа коренных жителей (их семьям) на условиях бессрочного пользования (для общин) и пожизненного наследуемого владения (для отдельных коренных жителей). Их использование в иных экономических целях, кроме традиционного природопользования, без согласования с владельцами было невозможно. Юридической формой согласования стали *соглашения о компенсации убытков*, обусловленных ущербом традиционному природопользованию (далее — СоКУ). Соглашения имели характер гражданско-правовых договоров¹⁸.

С 2002 г. в Югре действовала Комиссия по вопросам территорий традиционного природопользования, которая обеспечивала согласование интересов недропользователей и субъектов права традиционного природопользования; теперь эти функции осуществляет межведомственная комиссия при Правительстве Ханты-Мансийском автономного округа — Югре по обеспечению развития коренных малочисленных народов Севера. Согласно Закону названного субъекта Российской Федерации «О недропользовании» правительством утверждено *модельное соглашение* недропользователей с субъектами права традиционного природопользования¹⁹. Документ не возлагает на недропользователей обязательства по проведению этнологической экспертизы, но предполагает, что участки хозяйственной деятельности компаний-недропользователей располагаются максимально удаленно от мест традиционного природопользования и объектов культуры коренных малочисленных народов. Для этого субъекты права традиционного природопользования сами предоставляют компаниям-недропользователям необходимую информацию (п. 2.2 модельного соглашения).

¹⁸ См.: Лалетина А. С. Заключение компенсационных договоров между хозяйствующим субъектами и представителями коренных малочисленных народов на примере Ханты-Мансийского автономного округа // Право и образование. 2009. № 4. С. 123.

¹⁹ См.: распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 05.10.2009 № 425-рп (с изм. и доп.) «Об утверждении Модельного соглашения недропользователей с субъектами права традиционного природопользования об использовании земель для целей недропользования в границах территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» // Департамент недропользования и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // <https://depprirod.admhmao.ru/pravovaya-informatsiya/pravovoe-prosveshchenie-grazhdan/2523418/rasporyazhenie-pravitelstva-khmao-yugry-ot-05-10-2009-n-425-rp-ob-utverzhenii-modelnogo-soglasheniya> (дата обращения: 27.10.2023).

¹⁴ См.: Остапович И. Ю. Коренное население Севера и промышленные компании: правовые проблемы взаимодействия в местах традиционного проживания // Евразийский юрид. журнал. 2020. № 11 (150). С. 109, 110.

¹⁵ См.: Назарова Н. Н., Слепцов А. Н. Корпоративная социальная ответственность недропользователей как условие устойчивого развития Арктики // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (30). С. 5–13.

¹⁶ См.: Руденко В. В. Реализация принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов: опыт стран Латинской Америки и возможность его адаптации в России // Вестник Сургутского гос. ун-та. 2021. № 1 (31). С. 101–107.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 18.

В Югре сложилась практика заключения долгосрочных (свыше трех лет), краткосрочных (от одного года до трех лет) и разовых СоКУ. Долгосрочные соглашения, помимо регулярных компенсационных выплат, предусматривают возложение на недропользователей обязательств по сохранению природных ресурсов. Участие органов государственной власти автономного округа в этой сфере ограничено общим регулированием отношений субъектов права традиционного природопользования и недропользователей и контролем за исполнением соглашений. Единичные обращения глав общин (семей) коренных малочисленных народов о проведении этнологической экспертизы в конфликтных ситуациях остаются без разрешения, поскольку проведение такой экспертизы — право, а не обязанность компаний-недропользователей. Исключением являются случаи, когда проведения государственной историко-культурной экспертизы требует Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»²⁰.

Похожие результаты этнологической экспертизы сложились в Ямало-Ненецком автономном округе, Ненецком автономном округе, Сахалинской области и других субъектах Российской Федерации. Различия заключаются, во-первых, в формате участников соглашений. Крупные международные компании предпочитают подписывать СоКУ с региональными общественными организациями коренных малочисленных народов, например с Ассоциациями коренных малочисленных народов регионального уровня (Сахалинская область). Во-вторых, может быть легализована общественная этнологическая экспертиза (Ненецкий автономный округ) или быть устойчивой практика проведения корпоративной этнологической экспертизы в ответ на общественный запрос коренных жителей (Ненецкий автономный округ). В-третьих (и это — наиболее важное отличие), частью социально-ответственной корпоративной политики могут стать принцип СПОС (свободного, предварительного и осознанного согласия) коренных малочисленных народов на осуществление хозяйственной деятельности, затрагивающей места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, и совместная с автохтонами разработка планов содействия их развитию. Например, компанией «Сахалин Энерджи» были разработаны и реализованы два таких пятилетних плана. Для разработки второго была сформирована рабочая группа, включающая представителей Регионального совета уполномоченных представителей коренных малочисленных народов

Севера Сахалинской области, компании «Сахалин Энерджи», Правительства Сахалинской области, Сахалинской областной Думы и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Затем была организована специальная конференция коренных малочисленных народов, участники которой согласились, что консультации относительно планов содействия их развитию имели свободный, предварительный, информированный характер.

Опыт Сахалинской области исключительно важен для эффективной реализации корпоративной этнологической экспертизы. Институт компенсации убытков органичен для экономических отношений, но заведомо не эффективен при решении задач сохранения традиционного образа жизни и культуры малочисленных народов. «Простое умножение выплат, без их обоснованности и проектной целесообразности, девальвирует их и приносит вред получателю, ориентируя его на изживенчество и сомнительного свойства “социальные технологии”». В этом случае компенсации несут не пользу, а вред», — отмечает А.В. Головнев²¹. Меры поддержки коренных малочисленных народов далеко не всегда предоставляются в формах, совместимых с самобытной культурой этих народов. Компенсировать этот дефект и призваны принцип СПОС и программы содействия развитию коренных малочисленных народов.

Итак, корпоративная этнологическая экспертиза характеризуется следующими чертами: 1) проведение этнологической экспертизы — факультативная процедура; исключение из этого правила — ситуации, когда имеются основания для проведения государственной историко-культурной экспертизы, составной частью которой является этнологическая экспертиза; 2) порядок проведения этнологической экспертизы и открытость ее результатов определяются усмотрением субъекта хозяйственной деятельности (участие коренных малочисленных народов в ее осуществлении и обнародование результатов этнологической экспертизы не обязательны); 3) обязателен и достаточен институт компенсации убытков, возмещаемых в договорном порядке; предмет компенсирующего соглашения ограничен возмещением причиняемого убытка; 4) стандарты социальной корпоративной ответственности предполагают государственно-частное партнерство в разработке программ содействия развитию коренных малочисленных народов и вовлечение последних в их разработку с учетом принципа СПОС; 5) возможны результаты общественной этнологической экспертизы и корпоративной

²⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 26, ст. 2519.

²¹ См.: Головнев А.В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Уральский исторический вестник. 2014. № 2. С. 152.

этнологической экспертизы, проводимой по общественному запросу.

В соответствии с частноправовой парадигмой понимания этнологической экспертизы сформулированы новый прядок возмещения убытков коренных малочисленных народов (Порядок возмещения убытков)²² и Стандарт ответственности резидентов Арктической зоны Российской Федерации во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами (Стандарт ответственности)²³.

Порядок возмещения убытков предполагает заключение соглашений между субъектами хозяйственной деятельности и советом представителей коренных малочисленных народов, созданным в качестве общественного совета при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Стороны соглашения вправе организовать проведение этнологической экспертизы, однако ее проведение не обязательно. Стандарт ответственности также упоминает о соглашениях, их сторонами документ называет органы публичной власти, резидентов Арктической зоны Российской Федерации и уполномоченные организации коренных малочисленных народов; документ рекомендует включить в содержание соглашений программы развития последних. Одним из принципов деятельности резидентов Арктической зоны Российской Федерации назван принцип содействия устойчивому развитию автохтонов, повышению качества их жизни и сохранению исконной среды обитания²⁴; в связи с этим Стандарт ответственности также рекомендует проведение этнологической экспертизы. Логичным завершением этого тренда стало принятие федеральной программы поддержки

традиционной хозяйственной деятельности автохтонов Арктической зоны Российской Федерации²⁵. Итак, можно признать, что институционализация этнологической экспертизы в формате частноправового регулирования — устойчивая тенденция в развитии российского права, охватывающая практику правотворчества и правоприменения федерального и регионального уровней.

Этнологическая экспертиза как институт публичного права (государственная этнологическая экспертиза). Институционализация этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) во втором десятилетии XXI в. остается единственным примером ее регулирования в формате публичного права. Солидарные оценки якутской модели этнологической экспертизы как исключительно успешной не привели к ее рецепции иными субъектами Российской Федерации. И это — парадокс, так как «якутский кейс» стал позитивным примером реализации права на опережающее правовое регулирование²⁶. Государственной этнологической экспертизе в Республике Саха (Якутия) посвящено значительное количество исследований, в том числе недавних²⁷. Это позволяет непосредственно перейти к существенным признакам этой модели.

1. Процедура этнологической экспертизы имеет обязательный характер; это государственная услуга, предоставляемая субъектом Российской Федерации и финансируемая за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации; законодательством субъекта Российской Федерации установлены меры административной ответственности за несоблюдение законодательства об этнологической экспертизе.

2. Порядок проведения этнологической экспертизы урегулирован в нормативных правовых актах; участие коренных малочисленных народов в ее осуществлении гарантировано в формах, установленных законодательством субъекта Российской Федерации; результаты этнологической экспертизы отражаются в заключении, которое утверждается распоряжением Правительства Республики и имеет характер

²² См.: постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1488 «Об утверждении Положения о порядке возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам Российской Федерации, объединениям коренных малочисленных народов Российской Федерации и лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами» // СЗ РФ. 2020. № 39, ст. 6065.

²³ См.: приказ Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики от 23.11.2020 № 181 «Об утверждении стандарта ответственности резидентов Арктической зоны Российской Федерации во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Российской Федерации, проживающими и (или) осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность в Арктической зоне Российской Федерации» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400199158/> (дата обращения: 27.10.2023).

²⁴ См.: Степанова А.Н., Иванова Т.С. Стандарт ответственности резидентов арктической зоны как мера государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. Сер.: История. Политология. Право. 2021. № 4 (24). С. 64.

²⁵ См.: распоряжение Правительства РФ от 15.04.2021 № 978-р «Об утверждении программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 17, ст. 3007.

²⁶ См.: Васильева Т.А. Республика Саха (Якутия): поиск новаторских решений в системе российских федеративных отношений // Роль Республики Саха (Якутия) в развитии российской федеративной государственности: сб. докладов. Казань, 2022. С. 36–40.

²⁷ См.: Бурцева Е.И., Слепцов А.Н., Бысынина А.Н. Промышленное освоение территорий Арктической зоны Якутии и этнологическая экспертиза инвестиционных проектов // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 52–72.

документа, обязательного для заказчика и доступного для неопределенного круга лиц.

3. Оценка размера убытков является существенным, но не единственным результатом этнологической экспертизы, эксперты оценивают и предлагаемую заказчиком программу устойчивого развития мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности. Этнологическая экспертиза имеет комплексный межотраслевой характер²⁸.

4. Возможно осуществление государственно-частного партнерства, разработка документов стратегического планирования, адресованных коренным малочисленным народам; обязательно осуществление этнологического мониторинга.

5. Одним из этапов процесса этнологической экспертизы является общественное обсуждение проекта соглашения о порядке возмещения убытков, что делает практику общественной этнологической экспертизы избыточной.

Можно назвать еще ряд характеристик технико-юридического характера, которые важны для регулирования государственной этнологической экспертизы, а именно: возможность начать процедуру этнологической экспертизы через портал «Госуслуги.ру»; повторное проведение этнологической экспертизы в случае отрицательного заключения и учета рекомендаций; проведение как предварительной, так и последующей этнологической экспертизы и др. Но особого внимания заслуживает системное регулирование государственной этнологической экспертизы. Специальный закон²⁹ определил юридическое содержание и механизм реализации этнологической экспертизы; Кодекс Республики Саха (Якутия) об административных правонарушениях³⁰ установил меры административно-правовой ответственности за отказ проводить такую экспертизу и за игнорирование ее результатов. Порядок проведения этнологической экспертизы урегулировало Постановление Правительства Республики³¹. Его дополнил адми-

нистративный регламент предоставления этой государственной услуги³². Корреспондирующие положения об этнологической экспертизе включены в иные нормативные правовые акты Республики.

Анализируя генезис государственной этнологической экспертизы, важно учесть два обстоятельства. Во-первых, ее регулирование по аналогии с экологической экспертизой (т.е. в категориях публичного права). Во-вторых, существенное изменение ее нормативного закрепления в результате анализа правоприменительной практики. Изначально авторский коллектив стремился «учесть интересы всех сторон: государства, бизнеса, малочисленных народов Севера, а во-вторых, перевести общественные отношения (отношения всех заинтересованных групп) из области публичного (административного) права в область частного права, где действует принцип равноправия сторон, где есть возможность использовать как обычаи делового оборота, так и положения корпоративной социальной ответственности»³³. Но в 2017 г. по итогам республиканских парламентских слушаний о ходе реализации Закона об этнологической экспертизе было принято решение об установлении административной ответственности за неисполнение требований этого Закона физическими и юридическими лицами³⁴. Иными словами, был сделан выбор в пользу публичного права.

Разграничение полномочий в вопросах правового регулирования и осуществления этнологической экспертизы. Формат институционализации этнологической экспертизы предопределяет порядок разграничения полномочий органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов. Если рассматривать этнологическую экспертизу как институт частного права, ее правовое

(вместе с «Положением о порядке организации и проведения этнологической экспертизы», «Положением об Экспертной комиссии этнологической экспертизы» // Якутские ведомости. 2011. 10 сент.

²⁸ В состав экспертной комиссии помимо экономистов включены биологи, гидрологи, социологи, юристы и т.д.

²⁹ См.: Закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2010. № 30.

³⁰ См.: Кодекс Республики Саха (Якутия) об административных правонарушениях от 14.10.2009 726-3 № 337-IV // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>, 18.07.2018 (дата обращения: 27.10.2023).

³¹ См.: постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 06.09.2011 № 428 (в посл. ред. от 25.06.2020) «О порядке организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов»

³² См.: приказ Министерства по развитию институтов гражданского общества Республики Саха (Якутия) от 19.09.2017 № 445-П «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2017. 21 дек.

³³ Слепцов А.Н. Правовые основы этнологической экспертизы // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 93.

³⁴ См.: Рекомендации парламентских слушаний на тему «О ходе реализации Закона Республики Саха (Якутия) “Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)”» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446588994> (дата обращения: 27.10.2023).

регулирование — исключительное ведение Российской Федерации. Публично-правовой формат предполагает признание вопросов этнологической экспертизы предметом совместного ведения и требует дальнейшего разграничения полномочий между органами государственной власти двух уровней. Некоторые предпосылки для этого есть. Федеральный закон № 82-ФЗ установил перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов, в том числе «право в пределах своих полномочий ограничивать хозяйственную деятельность организаций всех форм собственности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов» (п. 3 ст. 6). Тем не менее Закон не определил порядок проведения этнологической экспертизы и не разграничил полномочия в этом вопросе. Это требует решения вопроса о распределении «зон ответственности» непосредственно в федеральном законе об этнологической экспертизе. К полномочиям федеральных органов государственной власти, например, можно было бы отнести проведение этнологической экспертизы в отношении документов стратегического планирования федерального уровня, затрагивающих интересы коренных малочисленных народов Российской Федерации; проектов хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и реализуемых на территориях двух и более субъектов Российской Федерации, а также на федеральных территориях; инициативы включения этнических общностей в перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации; планы перспективного развития территорий и формирования опорных зон развития в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; проведение этнологической экспертизы вследствие техногенных катастроф, экологических бедствий. К полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации можно отнести проведение этнологической экспертизы в отношении документов стратегического планирования уровня субъектов Российской Федерации, проектов хозяйственной и иной деятельности, реализуемых в пределах территории субъекта Российской Федерации, если эти документы и решения (проекты) затрагивают интересы коренных малочисленных народов.

Выводы

Итак, в российском праве наметились два (альтернативных) формата институционализации этнологической экспертизы, при этом каждый характеризуется системой устойчивых признаков.

Корпоративная этнологическая экспертиза является факультативной, ее результаты не отражаются в форме публичного юридического документа, возмещение убытков субъектам права традиционного природопользования не зависит от факта проведения экспертизы и имеет исключительно монетарный характер. Добровольно принимаемые стандарты социальной корпоративной ответственности предполагают участие бизнеса в содействии развитию коренных малочисленных народов, которые вовлекаются в этот процесс в соответствии с принципом СПОС и формах консультативной демократии. Государственная этнологическая экспертиза является обязательной, реализуется как государственная услуга, результаты которой имеют форму публичного юридического документа, компенсационные меры предопределены результатами комплексной этнологической экспертизы и не ограничены возмещением убытков, участие коренных жителей гарантировано в формах демократии соучастия. Каждый из форматов имеет основания в системе российского права, что делает выбор концепции федерального закона частью правовой политики. При этом выбор любой концепции и принятие соответствующего федерального закона потребует иных системных изменений федерального законодательства, соответствующих этому выбору. При реализации формата корпоративной этнологической экспертизы будет необходимо интегрировать практики СПОС и долгосрочных программ (планов) содействия развитию коренных малочисленных народов, а также обновить законодательство о государственной историко-культурной экспертизе. Пока что последнее не учитывает, что атрибутом сакральных для автохтонов мест является их скрытость от посторонних глаз³⁵. Это не типичные объекты культурного достояния, а особые фрагменты ландшафта. О необходимости отражения в федеральном законодательстве понятий «культурное наследие коренных малочисленных народов», «объекты культурного наследия коренных малочисленных народов» аргументированно пишет Л. В. Андриченко³⁶. При реализации второго формата потребуются внесение изменений в федеральное законодательство об административных правонарушениях, поскольку дополнительные обязательства и меры ответственности, предписываемые субъектам предпринимательской,

³⁵ См.: Новикова Н. И. Защита культурного наследия коренных малочисленных народов Севера в контексте промышленного освоения // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. № 3. С. 99.

³⁶ См.: Андриченко Л. В. Проблемы правового обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов: международный и национальный аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4 (77). С. 25.

инвестиционной, иной экономической деятельности, могут быть установлены только федеральными нормативными правовыми актами.

Однако решение вопроса о юридической дефиниции этнологической экспертизы принадлежит правоведам. И здесь важно признать, что многообразие экспертиз не исчерпывается подвидами нормативных экспертиз. Экспертная деятельность может стать частью процесса выработки решения³⁷. С учетом сказанного этнологическую экспертизу можно было бы определить как выявление и описание факторов риска для устойчивого развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, обусловленных промышленным и иным освоением мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности таких народов, обоснование и/или оценку мер, направленных на компенсацию предполагаемых или наступивших негативных последствий, связанных с факторами риска, в том числе оценку совместимости предлагаемых мер с самобытной культурой коренных малочисленных народов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриченко Л. В. Проблемы правового обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов: международный и национальный аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4 (77). С. 25.
2. Басов А. С., Ковальский С. О. Опыт применения международного подхода к оценке социального воздействия в рамках этнологической экспертизы на Западном Таймыре // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 171–198.
3. Бурцева Е. И., Слепцов А. Н., Бысынина А. Н. Промышленное освоение территорий Арктической зоны Якутии и этнологическая экспертиза инвестиционных проектов // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 52–72.
4. Васильева Т. А. Республика Саха (Якутия): поиск новаторских решений в системе российских федеративных отношений // Роль Республики Саха (Якутия) в развитии российской федеративной государственности: сб. докладов. Казань, 2022. С. 36–40.
5. Гладун Е. Ф., Задорин М. Ю., Горбунова А. И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 122–154.
6. Головнев А. В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Уральский исторический вестник. 2014. № 2. С. 152.
7. Головнев А. В., Комова Е. А. Этноэкспертиза: таймырский дискурс // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 160.
8. Данилова Е. Н. Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. С. 54–59.
9. Лалетина А. С. Заключение компенсационных договоров между хозяйствующим субъектами и представителями коренных малочисленных народов на примере Ханты-Мансийского автономного округа // Право и образование. 2009. № 4. С. 123.
10. Назарова Н. Н., Слепцов А. Н. Корпоративная социальная ответственность недропользователей как условие устойчивого развития Арктики // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (30). С. 5–13.
11. Новикова Н. И. Защита культурного наследия коренных малочисленных народов Севера в контексте промышленного освоения // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. № 3. С. 99.
12. Новикова Н. И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник углубления. 2016. № 3. С. 131.
13. Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2018. № 1 (29). С. 125–135.
14. Остапович И. Ю. Коренное население Севера и промышленные компании: правовые проблемы взаимодействия в местах традиционного проживания // Евразийский юрид. журнал. 2020. № 11 (150). С. 109, 110.
15. Руденко В. В. Реализация принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов: опыт стран Латинской Америки и возможность его адаптации в России // Вестник Сургутского гос. ун-та. 2021. № 1 (31). С. 101–107.
16. Самсонова И. В., Потравный И. М., Павлова М. Б., Семенов Л. А. Оценка убытков, причиненных коренным малочисленным народам Севера в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края вследствие разлива дизельного топлива на ТЭЦ-3 в Норильске // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 1. № 2. С. 254–265.
17. Слепцов А. Н. Правовые основы этнологической экспертизы // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 93.
18. Степанова А. Н., Иванова Т. С. Стандарт ответственности резидентов арктической зоны как мера государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Сер.: История. Политология. Право. 2021. № 4 (24). С. 64.
19. Сунгуров А. Ю. Экспертные сообщества и власть. М., 2020. С. 197.
20. Функ Д. А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–79.

REFERENCES

1. Andrichenko L. V. Problems of legal support for the preservation of the cultural heritage of indigenous minorities: international and national aspects // Journal of

³⁷ См.: Сунгуров А. Ю. Экспертные сообщества и власть. М., 2020. С. 197.

- Foreign Legislation and Comparative Law. 2019. No. 4 (77). P. 25 (in Russ).
2. *Basov A.S., Kovalsky S.O.* The experience of applying an international approach to the assessment of social impact in the framework of ethnological expertise in the Western Taimyr // Siberian historical research. 2021. No. 3. Pp. 171–198 (in Russ).
 3. *Burtseva E.I., Slepcev A.N., Bysynina A.N.* Industrial development of the territories of the Arctic zone of Yakutia and ethnological expertise of investment projects // The Arctic and the North. 2023. No. 51. Pp. 52–72 (in Russ).
 4. *Vasilieva T.A.* Republic of Sakha (Yakutia): search for innovative solutions in the system of Russian federal relations // The role of the Republic of Sakha (Yakutia) in the development of the Russian Federal statehood: collection of articles. Kazan, 2022. Pp. 36–40 (in Russ).
 5. *Gladun E.F., Zadorin M. Yu., Gorbunova A.I.* Regional practices of protecting the rights of indigenous peoples of the Russian Arctic // Issues of state and municipal management. 2023. No. 3. Pp. 122–154 (in Russ).
 6. *Golovnev A.V.* Ethnological expertise in Yamal resource development scenarios // Ural Historical Bulletin. 2014. No. 2. P. 152 (in Russ).
 7. *Golovnev A.V., Komova E.A.* Ethnoexpertiza: Taimyr Discourse // Siberian historical research. 2022. No. 4. P. 160 (in Russ).
 8. *Danilov E.N.* Ethnological expertise in the theory and practice of modern Russian science: dis. ... Candidate of Historical Sciences. SPb., 2022. Pp. 54–59.
 9. *Laletina A.S.* Conclusion of compensation agreements between economic entities and representatives of indigenous minorities on the example of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug // Law and education. 2009. No. 4. P. 123 (in Russ).
 10. *Nazarova N.N., Sleptsov A.N.* Corporate social responsibility of subsoil users as a condition for sustainable development of the Arctic // The Arctic of the XXI century. Humanities. 2022. No. 4 (30). Pp. 5–13 (in Russ).
 11. *Novikova N.I.* Protection of the cultural heritage of the indigenous peoples of the North in the context of industrial development // Herald of Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2013. No. 3. P. 99 (in Russ).
 12. *Novikova N.I.* Oil, gas, indigenous peoples: who will write the rules? // Herald of ugrovedenie. 2016. No. 3. P. 131 (in Russ).
 13. *Novikova N.I.* Ethnological expertise in academic discourse and expectations of indigenous peoples // The Arctic: ecology and economics. 2018. No. 1 (29). Pp. 125–135 (in Russ).
 14. *Ostapovich I. Yu.* The indigenous population of the North and industrial companies: legal problems of interaction in places of traditional residence // Eurasian Law Journal. 2020. No. 11 (150). Pp. 109, 110 (in Russ).
 15. *Rudenko V.V.* Implementation of the principle of free, prior and informed consent of indigenous peoples: the experience of Latin American countries and the possibility of its adaptation in Russia // Herald of Surgut State University. 2021. No. 1 (31). Pp. 101–107 (in Russ).
 16. *Samsonova I.V., Potravnyy I.M., Pavlova M.B., Semenova L.A.* Assessment of losses caused to indigenous peoples of the North in the Taimyr Dolgan-Nenets district of the Krasnoyarsk Territory due to a diesel fuel spill at the CHP-3 in Norilsk // The Arctic: ecology and economics. 2021. Vol. 1. No. 2. Pp. 254–265 (in Russ).
 17. *Sleptsov A.N.* Legal basis of ethnological expertise // Ethnographic review. 2018. No. 6. P. 93 (in Russ).
 18. *Stepanova A.N., Ivanova T.S.* The Standard of Responsibility of Residents of the Arctic zone as a measure of state support for the traditional economic activities of the indigenous peoples of the North // Herald of Ammosov Northeastern Federal University. Series: History. Political science. Law. 2021. No. 4 (24). P. 64 (in Russ).
 19. *Sungurov A. Yu.* Expert communities and power. M., 2020. P. 197 (in Russ).
 20. *Funk D.A.* “Ethnological expertise”: Russian experience in assessing the social impact of industrial projects // Ethnographic review. 2018. No. 6. Pp. 66–79 (in Russ).

Сведения об авторе

ФИЛИППОВА Наталья Алексеевна — доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета; 628412 г. Сургут, проспект Ленина, д. 1; эксперт РАН
ORCID: 0000-0002-1643-8117

Authors' information

FILIPPOVA Natalya A. — Doctor of Law, Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University; 1 Lenin Ave., 628412, Surgut, Russia; expert of the Russian Academy of Sciences

УДК 347.2; 347.3

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ВИНДИКАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ

© 2024 г. А. В. Пушкина

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.07.2023

Аннотация. В статье дается характеристика эволюции подходов к виндикации недвижимости, находящейся в собственности публично-правового образования. Отмечается, что отсутствие единой концепции, определяющей правовой режим государственной недвижимости, приводит к появлению в законодательстве противоречий. Указывается, что существующие проблемы во многом связаны с правовым порядком в СССР, где было упразднено деление имущества на движимые и недвижимые. Однако советское право допускало принадлежность некоторых объектов, традиционно считающихся недвижимыми, физическим и юридическим лицам. При этом действовал принцип неограниченной виндикации государственного имущества. С переходом к рыночной экономике данный принцип был отменен и провозглашено равенство всех форм собственности. Однако в правоприменении все равно прослеживается тенденция приоритетной защиты публичной собственности. Чтобы нивелировать данный процесс, законодатель вводит ограничения для возможностей защиты права собственности на недвижимость публично-правовых образований. Формулируется вывод о том, что точечные корректировки законодательства в данной области не могут решить возникшую проблему. Прежде чем реформировать законодательство, необходимо провести комплексное научное исследование вопросов, связанных с особенностями защиты прав на недвижимое имущество, принадлежащее публично-правовому образованию.

Ключевые слова: публично-правовое образование, государство, виндикационный иск, недвижимое имущество, жилое помещение, единый государственный реестр недвижимости, принцип неограниченной виндикации государственного имущества, иск о признании права собственности, добросовестный приобретатель, исковая давность.

Цитирование: Пушкина А. В. Правовые подходы к виндикации недвижимости публично-правовыми образованиями // Государство и право. 2024. № 3. С. 97–105.

DOI: 10.31857/S1026945224030098

LEGAL APPROACHES TO VINDICATION OF REAL ESTATE BY PUBLIC LEGAL ENTITIES

© 2024 A. V. Pushkina

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Received 04.07.2023

Abstract. The article describes the evolution of approaches to the vindication of real estate owned by a public legal entity. In the study of this issue, the features of the object of law are superimposed on the specifics of the subject. It is noted that the lack of a unified concept that defines the legal regime of state real estate at the present time leads to the appearance of casuistic norms in the legislation. It is indicated that the problems that exist today are largely related to the Soviet past. In the USSR, the division of property into movable and immovable was abolished. However, Soviet law allowed the ownership of some objects, traditionally considered invisible, to individuals and legal entities. At the same time, the principle of unlimited vindication of state property was in effect. With the transition to a market economy, this principle was abolished and the equality of all forms of ownership was proclaimed. However, in law enforcement, there is still a trend of priority protection of public property. In order to level this process, the legislator introduces restrictions on the possibilities of protecting the right of ownership of real estate by public legal entities. It is concluded that point adjustments of legislation in this area cannot solve the problem. Before reforming the legislation, it is necessary to conduct a comprehensive scientific study of issues related to the peculiarities of protecting the rights to real estate owned by a public legal entity.

Key words: public legal entity, state, vindication claim, real estate, residential premises, unified state register of real estate, principle of unlimited vindication of state property, claim for recognition of ownership, bona fide purchaser, limitation period.

For citation: Pushkina, A.V. (2024). Legal approaches to vindication of real estate by public legal entities // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 3, pp. 97–105.

Введение

Виндикация является одним из известных способов защиты права собственности. Вместе с тем применение виндикации по отношению к недвижимости допускается не во всех правопорядках. Там, где это возможно, появляется множество спорных вопросов. Основная проблема заключается в необходимости принятия решения при столкновении равноценных правомерных интересов собственника имущества и добросовестного приобретателя. Необходимо ли при взвешивании таких интересов учитывать особенности субъектного состава спора или следует использовать единый подход к различным субъектам — будь то физическое лицо, публично-правовое образование или юридическое лицо?

Советское законодательство устанавливало приоритетное положение государства в такого рода спорах, что нашло выражение в закреплении возможности неограниченной виндикации государственного имущества. Законодательство Российской Федерации, напротив, провозглашает принцип равенства участников регулируемых гражданским законодательством отношений (ст. 1 ГК РФ). Однако в условиях фактического неравенства субъектов

в законодательстве постсоветских государств все чаще появляются исключения из данного принципа в целях защиты слабой стороны правоотношения¹. Так, с 2020 г. были введены определенные ограничения для возможностей защиты права собственности на жилые помещения публично-правовыми образованиями².

В связи с этим возникает необходимость выработки общего доктринального подхода к особенностям виндикации недвижимости публично-правовыми образованиями. Ограничения, введенные в 2020 г., касались только одного аспекта данной проблемы, но они дали толчок к ее научному

¹ См. об этом, напр.: Овчинникова Ю. С. Цифровизация страховых услуг: защита слабой стороны договора и частной жизни // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 73–81. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-3246-73-81; Шиктыбаев Т. Т. Мировоззренческая природа и социологическая сущность защиты слабой стороны в деликтных и иных правоотношениях // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 2. С. 53–60. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_65_2_53

² См.: Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 51 (ч. I), ст. 7482.

осмыслению. Представляется, что для решения данной проблемы следует выявить, с одной стороны, специфику недвижимого имущества как объекта виндикации, а с другой — особенности публично-правового образования как субъекта виндикации.

Особенности недвижимого имущества как объекта виндикации

Особый правовой режим недвижимого имущества связан с необходимостью государственной регистрации прав на него в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). В ст. 8¹ ГК РФ закреплены принципы ведения ЕГРН, к числу которых относится публичность и достоверность. Существует презумпция права собственности на недвижимость у лица, указанного в качестве такового в ЕГРН. В некоторых правовых системах публичная достоверность записи в реестре является абсолютной, а презумпция правообладания, из нее следующая — неопровержимой. Так, Д.В. Мурзин³ приводит германскую модель как пример бесповоротности прав на недвижимое имущество, зарегистрированных в реестре. В этом случае виндикация недвижимости не допускается.

В Российской Федерации согласно п. 6 ст. 8¹ ГК РФ указанная презумпция является опровержимой, а запись о праве собственности на недвижимость в ЕГРН можно оспорить. Из этого некоторые исследователи делают вывод, что публичная достоверность ЕГРН является слабой, а то и вовсе отсутствует⁴. Следовательно, в отечественном правовом порядке нет препятствий для виндикации недвижимости (п. 2 ст. 223 ГК РФ)⁵. Поэтому даже если добросовестный приобретатель при покупке квартиры полагался на данные ЕГРН, все равно остается риск ее виндикации в случае, когда данное жилое помещение выбыло из обладания собственника помимо его воли. Таким образом, операции с недвижимым имуществом на вторичном рынке таят в себе множество опасностей, и все чаще звучат предложения о введении обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью с целью переложить часть рисков с покупателя недвижимого имущества на нотариуса⁶.

Виндикационный иск может предъявить по общему правилу только собственник или иной титульный владелец. Если в ЕГРН добросовестный приобретатель недвижимости указан как правообладатель, то возникает проблема легитимации истца как собственника недвижимости. Е.А. Суханов⁷ полагает, что в такой ситуации необходимо предварять виндикационный иск требованием о признании права собственности на недвижимость или оспариванием записи в реестре. Представляется более удачной позиция К.И. Скловского по данному вопросу: «Если интерес истца заключается в получении владения, то нужно заявлять виндикационный иск, в котором спор о праве является лишь частью требования»⁸.

Суды допускают возможность защиты прав не владеющего собственника недвижимости против лица, зарегистрированного в ЕГРН в качестве собственника, как с помощью одного виндикационного иска, так и путем предварительного предъявления иска о признании права собственности⁹. Представляется, что иски о признании права только усложняют рассмотрение такого рода споров. Если не учитывать взаимосвязь требований о легитимации истца в качестве собственника и о виндикации недвижимости, могут возникнуть неразрешимые противоречия.

Например, в случае удовлетворения требования о признании права, но отказе в виндикационном иске у истца возникнет «голое право», а у ответчика останется фактическое владение. При этом ни истец, ни ответчик недвижимостью распорядиться не смогут. Учитывая положения абз. 2 п. 2 ст. 223 ГК РФ, подобная ситуация в отношении недвижимости не допускается. Поэтому при разрешении судами такого рода споров распространены следующие рассуждения: «Иск о признании права собственности на имущество в случае, когда истец лишен владения, по существу является одним из этапов защиты вещного права путем истребования имущества, предшествующим заявлению виндикационного требования. Таким образом, это требование подпадает под правовой режим виндикационного иска, в том числе по сроку исковой давности»¹⁰.

и законных интересов: тенденции и перспективы // Нотариальный вестник. 2021. № 12. С. 54. DOI: 10.53578/1819-6624_2021_12_49

⁷ См., напр.: Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017.

⁸ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М., 2010.

⁹ См. об этом, напр.: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.

¹⁰ См., напр.: постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2007 № 19АП-3684/2007 по делу № А35-10336/05-С6; постановление ФАС Уральского округа от 03.12.2009 № Ф09-9622/09-С6 по делу № А07-19594/2008-Г-ВЕР;

³ См.: Мурзин Д.В. Влияние публичной достоверности на виндикацию имущества // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 5. С. 10–20.

⁴ См., напр.: Рудоквас А.Д. О влиянии регистрационной системы на оборот недвижимости // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 45–58.

⁵ См., напр.: Стрельников П.А. Виндикационный иск как правовая мера защиты имущественных прав юридических лиц // Юрист. 2021. № 5. С. 49–55; Семенов В.В. Виндикация: вопросы теории и судебной практики // Росс. юстиция. 2016. № 2. С. 8–10.

⁶ См., напр.: Михайлова Е.В. Новеллизация законодательства в сфере нотариальной охраны и защиты гражданских прав

На практике часто предъявление иска о признании права вместо виндикационного происходит с целью обхода норм Гражданского кодекса РФ об исковой давности, а также для нивелирования значения добросовестности приобретателя¹¹. В доктрине выдвигаются предложения о «разработке виндикационной модели защиты всякого абсолютного права, элементами которой являются требование о признании права и требование о восстановлении легитимации правообладателя»¹². Представляется, в этом нет необходимости. Более соответствующей традиции видится позиция, согласно которой требование о признании права собственности в отношении недвижимости является надлежащим способом защиты только в том случае, когда собственник продолжает владеть вещью¹³. Если же владение утрачено, то представляется правильным предъявление виндикационного иска, при рассмотрении которого может быть решен и вопрос о легитимации истца в качестве правообладателя.

Однако государственная регистрация прав на недвижимое имущество введена в Российской Федерации относительно недавно, и до сих пор есть много случаев, когда момент возникновения прав на недвижимость не связан с их государственной регистрацией в ЕГРН. Пункт 2 ст. 8¹ ГК РФ, который приурочивает возникновение прав на недвижимое имущество ко времени их государственной регистрации (т.н. принцип внесения), допускает возможность установления законодательством иного момента возникновения права собственности. В доктрине такие случаи называют «исключениями из принципа внесения»¹⁴. С ними связано много практических проблем, корни которых лежат в прошлом.

постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2010 по делу № А36-6059/2009 // В официальных источниках опубликованы не были.

¹¹ См. об этом: *Егоров А. В., Ерохова М. А., Ширвиндт А. М.* Обобщение применения арбитражными судами норм ГК РФ о вещно-правовых способах защиты права // Вестник гражданского права. 2007. № 4.

¹² *Мурзин Д. В.* Виндикация недвижимости: этап построения общей виндикационной модели защиты нарушенных абсолютных прав // Юрид. наука и практика. 2021. Т. 17. № 3. С. 47–53. DOI: 10.25205/2542-0410-2021-17-3-47-53

¹³ См. об этом: *Латыпов Д. Н.* Особенности признания права как способа защиты гражданских прав // Журнал рос. права. 2013. № 9. С. 60–71.

¹⁴ *Бевзенко Р. С.* Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 11. С. 127–169; № 12. С. 68–115; *Пушкина А. В., Лебедь К. А.* Актуальные вопросы защиты прав граждан в сфере недвижимости // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 72–76. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-12-72-76

Советский подход к понятию «недвижимость» и защите государственного имущества

В советское время выделялись две основные формы собственности — социалистическая и личная. К социалистической собственности относилась государственная (общенародная), колхозно-кооперативная собственность, собственность профсоюзных и иных общественных организаций. Сама классификация вещей на движимые и недвижимые не использовалась в советский период. Понятие недвижимости было известно правопорядку Российской Империи¹⁵, но Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. упразднил деление имущества на движимые и недвижимые (данная норма содержалась в примечании к ст. 21)¹⁶. Такое положение было связано с тем, что базовый объект недвижимости — земля — провозглашался в ст. 21 ГК РСФСР 1922 г. «достоянием государства». Это означало, что земля находилась исключительно в государственной собственности, а иные субъекты могли получить на нее только право пользования (подобное положение содержалось и в ст. 95 ГК РСФСР 1964 г.¹⁷).

Основная часть имущества, которое традиционно считается недвижимым, в советское время принадлежала государству. Но в то же время советское законодательство допускало возможность обладания на праве собственности некоторыми объектами, прочно связанными с землей, и для граждан¹⁸, а также юридических лиц¹⁹. Однако если по поводу такого имущества возникал спор, то он обычно решался в пользу государства.

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 июня 1925 г. «О презумпции (предположении) права собственности государства на спорное имущество» разъяснялось, что советское законодательство устанавливало презумпцию государственной собственности на всякое спорное имущество. Из этой презумпции Верховный Суд РФ сформулировал вывод, что срок исковой давности для истребования государственного имущества из чужого незаконного владения не должен применяться,

¹⁵ См.: Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Свод законов гражданских. Ст. 384.

¹⁶ См.: постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. № 71, ст. 904.

¹⁷ См.: Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

¹⁸ См., напр.: Указ Президиума ВС СССР от 26.08.1948 «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» // Ведомости ВС СССР. 1948. № 36.

¹⁹ См., напр.: Декрет СНК РСФСР от 17.11.1922 «О возврате потребительским кооперативным организациям национализированных и муниципализированных строений» // СУ РСФСР. 1922. № 65, ст. 847.

поскольку право собственности государства является длящимся. Данное правило было подтверждено в ст. 90 ГК РСФСР 1964 г. и отменено только в 1990 г.²⁰

Таким образом, наибольшей защитой в советское время пользовалась государственная собственность. Это была единственная форма собственности, на требования о виндикации которой не распространялся срок исковой давности. Кроме того, в соответствии со ст. 153 ГК РСФСР 1964 г. неправомерно отчужденное социалистическое имущество могло быть виндигировано у любого приобретателя. Поэтому наименее защищенным было право личной собственности, так как имущество могло быть изъято у добросовестного приобретателя в любое время, даже если оно было приобретено возмездно независимо от способа его выбытия из обладания собственника. Поэтому считается, что в советский период действовал принцип неограниченной виндикации государственного имущества.

Особенности публично-правового образования как субъекта виндикации

Деление вещей на движимые и недвижимые было восстановлено в российском законодательстве только ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1)²¹. В.В. Чубаров²² отмечает, что это связано с экономическими преобразованиями того периода, так как деление вещей на движимые и недвижимые является ключевым для государств с экономикой рыночного типа. Этими же причинами обусловлено признание равенства всех форм собственности, из которого следовал отказ от принципа неограниченной виндикации государственного имущества. Согласно ст. 212 ГК РФ в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. К.И. Скловский²³ подчеркивает, что законодатель, выделяя их, имеет в виду не различие в содержании этих форм собственности, а принадлежность имущества определенному лицу.

Между тем некоторые исследователи полагают, что отрицание особого статуса публично-правовых образований при участии в имущественных отношениях является следствием преувеличения его значения в советский период: «После 1991 г. в научной среде вслед за новыми экономико-политическими устремлениями наблюдалась явная боязнь,

нежелание ставить государство на особую ступень и рассуждать о его специфике»²⁴. Представляется, что необходимо избегать обеих крайностей — как предоставления публичному собственнику неограниченной защиты, так и полного уравнивания его с другими субъектами права.

Г.Н. Андреева, характеризуя публичную собственность, отмечает, что она требует «двойной защиты» — не только от третьих лиц, но и от чиновников, которые уполномочены ею распоряжаться, а также имеет еще одну важную отличительную черту: «Цель существования публичной собственности — обеспечение определенной публичной функции, с этой точки зрения публичная собственность — это вообще не собственность в том смысле, в котором говорят об институте частной собственности, нацеленном на удовлетворение потребностей собственника, а материальная основа осуществления публичной функции, появляющаяся, исчезающая и переходящая вместе с последней (т.е. она “привязана” в первую очередь не к публичному собственнику, а к публичной функции, а уже через нее к собственнику)»²⁵.

Публично-правовое образование де-факто имеет особый гражданско-правовой статус, постепенно происходит и законодательное закрепление его специфики. Несмотря на провозглашение равной защиты всех форм собственности в Гражданском кодексе РФ, традиция советского права, связанная с приоритетом публичного собственника, и ныне прослеживается в правоприменительной практике. Так, М.А. Церковников пишет: «Иногда создается впечатление действия до сих пор положения ст. 90 ГК РСФСР 1964 г. об отсутствии исковой давности по требованиям о возврате государственного имущества»²⁶. Учитывая такую традицию, законодатель пытается найти баланс между правами частных лиц и публично-правовых образований путем ввода ограничений на возможности защиты прав публичного собственника.

В законодательстве Российской Федерации налицо тенденция к постепенному перемещению акцентов с неперсонифицированного на частный интерес. Если в советском праве наибольшей защитой пользовалась государственная собственность,

²⁰ См.: Закон СССР от 06.03.1990 № 1305-1 «О собственности в СССР» (ст. 31) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11, ст. 164.

²¹ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26, ст. 733.

²² См.: Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М., 2006.

²³ См.: Скловский К.И. Указ. соч.

²⁴ Винницкий А.В. Участие публичных образований в имущественных отношениях: проблемы сбалансированности административно-правового и гражданско-правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 82–91.

²⁵ Андреева Г.Н. Проблемы правового регулирования публичной собственности в государствах с переходными экономиками и возможные пути их решения // Реформы и право. 2010. № 2. С. 13–17.

²⁶ Церковников М.А. Об исковой давности по виндикационному иску // Закон. 2018. № 12. С. 79–86.

то сейчас, напротив, приоритет имеет частная собственность. Ведь публичный интерес в конечном счете сводится к максимальной защите всех членов общества, соблюдающих установленные правила поведения. Законодательство прошло путь от неограниченной виндикации государственного имущества советского времени к ограничению виндикации жилых помещений публичных собственников в Гражданском кодексе РФ. Так, п. 4 ст. 302 ограничивает виндикацию жилого помещения публичным собственником у добросовестного приобретателя тремя годами с момента внесения в государственный реестр записи о праве собственности первого добросовестного приобретателя такой недвижимости (а не с момента, когда публичный собственник узнал об этом). Появление п. 4 в ст. 302 ГК РФ связано с решением Конституционного Суда РФ по делу А.Н. Дубовца²⁷.

Положение п. 4 ст. 302 ГК РФ является реакцией законодателя на конкретную ситуацию, оно решает проблему точно, а не системно. Это — один из многих аспектов, связанных с особенностями осуществления и защиты прав публичного собственника. Представляется, что назрела необходимость комплексного научного осмысления особенностей гражданско-правового статуса публично-правового образования. Только такой подход может привести к системной, а не точечной корректировке законодательства по данному вопросу.

Выше говорилось о том, что существует множество исключений из принципа внесения. Проблема, возникшая при рассмотрении дела А.Н. Дубовца, возникла вследствие одного из таких исключений, связанного с наследованием. В соответствии с п. 4 ст. 1152 ГК РФ право собственности на имущество наследодателя переходит к наследнику не с даты государственной регистрации перехода права, а с момента открытия наследства.

Квартира, перешедшая А.Н. Дубовцу по цепочке сделок, в середине 1990-х годов была выморочным имуществом и попала в оборот вследствие подделки завещания. Через много лет после смерти наследодателя государство виндичировало данную квартиру у А.Н. Дубовца, являвшегося ее добросовестным приобретателем и полагавшегося на данные реестра. Суды расценили, что квартира выбыла из обладания публичного собственника помимо его воли, а узнал он о нарушении своих прав только в связи с возбуждением уголовного дела о подделке завещания. А.Н. Дубовец посчитал, что ст. 302 ГК РФ, примененная в деле, нарушает его право на жилище,

и Конституционный Суд РФ с ним согласился. В результате данного решения ст. 302 ГК РФ была дополнена пунктом 4, предусматривающим ограничение виндикации в подобных ситуациях²⁸.

В.В. Витрянский полагает, что в деле А.Н. Дубовца суды неправильно применили ст. 302 ГК РФ, дополнять закон в связи с этим не требовалось²⁹. Согласно его точке зрения, необходимо отсчитывать исковую давность с момента, когда любому государственному органу, представляющему публично-правовое образование, стало или должно было стать известно о нарушении права. При этом не имеет значение, когда конкретное должностное лицо, действующее в интересах истца, узнало о таком нарушении. Такая позиция высказывается и иными правоведом, причем применительно к любому недвижимому имуществу, а не только к жилым помещениям³⁰.

А.А. Иванов отмечает, что на практике при истребовании недвижимого имущества публичным собственником суды, как правило, либерально трактуют формулу «не знал и не должен знать»³¹. Так, в одном из своих обзоров Президиум Верховного Суда РФ привязывает начало течения срока исковой давности по такого рода делам к моменту, «когда уполномоченный собственником жилищного фонда орган узнал или должен был узнать о нарушении своего права»³².

Даже те исследователи, которые в целом положительно оценивают дополнение ст. 302 ГК РФ пунктом 4, указывают на его недостаточную научную обоснованность: «Законодатель пошел по пути создания нового института, который оказался где-то между институтами приобретательной давности и защиты добросовестного приобретателя»³³.

²⁸ См.: Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 51 (ч. I), ст. 7482.

²⁹ См.: Багаев В.А., Румак В.Б. Вещное право должно быть урегулировано законом — от сих до сих [Интервью с В.В. Витрянским] // Закон. 2020. № 2. С. 24—32.

³⁰ См. об этом, напр.: Лоренц Д.В. Воля собственника на выбытие недвижимости из его владения: в контексте виндикации // Росс. судья. 2020. № 7. С. 9—15; Хлюстов П.В. Энциклопедия правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения. М., 2015.

³¹ Иванов А.А. Проблемы изменения начала течения десятилетней объективной исковой давности // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 8. С. 64—74.

³² Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

³³ Мальбин Д.А. Истребование жилого помещения от добросовестного приобретателя // Росс. юрид. журнал. 2021. № 5. С. 124—133.

²⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // СЗ РФ. 2017. № 27, ст. 4075.

Г.А. Гаджиев³⁴ полагает, что в деле А.Н. Дубовца имела место коллизия равноценных законных прав, в процессе урегулирования которой допустимо усиление значения, ситуационное «возвеличивание» одного из них. Он отмечает, что оптимизацией интересов должны заниматься и правоприменители, и законодатели. Различие только в масштабах такой деятельности. Суды, в основном высоких инстанций, ведут поиск баланса равноценных интересов в конкретных ситуациях, а законодатель проводит оптимизацию на более высоком уровне обобщения. Однако в ситуации с корректировкой ГК РФ в связи с делом А.Н. Дубовца расширения масштабов обобщения не произошло, вследствие чего в закон попала казуистическая норма.

Между тем аналогичные проблемы возникают при виндикации не только квартир, но и иного недвижимого имущества публично-правовыми образованиями (например, нежилых помещений, земельных участков)³⁵. Виндикационный иск иногда используется чиновниками в целях пересмотра итогов приватизации государственного и муниципального имущества³⁶.

Представляется верной точка зрения Т.Н. Оглезневой и Р.Р. Садриевой³⁷ о том, что государственное имущество должно иметь особый правовой режим, связанный с целями, для которых оно может использоваться. И данные особенности правового режима имущества публично-правовых образований должны предопределять специфику их гражданско-правового статуса. Из этих общих посылок уже можно формулировать выводы о необходимости ограничения или расширения прав публичных собственников. Если же вносить изменения в Гражданский кодекс РФ, отражающие конкретные ситуации, рассмотренные Конституционным Судом РФ, то Кодекс постепенно может из кодифицированного акта превратиться в сборник правил, извлеченных из прецедентов.

³⁴ См.: Гаджиев Г.А. Золотые правила применения норм гражданского права (правила о правилах) // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 12. С. 44–75.

³⁵ См. об этом, напр.: Подоплелова О.Г., Степанов Д.И. Добросовестные приобретатели против недобросовестного государства: дело Александра Дубовца в Конституционном Суде России. Комментарий к Постановлению от 22 июня 2017 года № 16-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 101–114.

³⁶ См. об этом: Бекметова А.А. Организационно-правовые риски пересмотра итогов приватизации (на примере ОАО «Кучук-сульфат») // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: материалы XV Всеросс. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, Барнаул, 28–29 апреля 2022 года. Барнаул, 2022. С. 610, 611.

³⁷ См.: Оглезнева Т.Н., Садриева Р.Р. Анализ правового равновесия между публичным назначением государства и его статусом в частном праве // Росс. юстиция. 2020. № 10. С. 28–30.

Исследования показывают, что при преобладании и приоритетной защите публичной собственности государство становится сильнее, а при уравнивании публично-правовых образований с иными субъектами гражданского права экономика идет на спад и слабеет. Поэтому появляются предложения о законодательном закреплении возможности обращения частной собственности в публичную и при отсутствии каких-либо нарушений, т.е. когда нет оснований для удовлетворения виндикационного иска³⁸. Такая мера представляется опасной, так как может подорвать начинающий налаживаться оборот недвижимого имущества. Вместе с тем необходимо искать пути укрепления позиций публичного собственника в сложившемся правопорядке. При этом публичный собственник недвижимости должен иметь особый статус, который может быть в каких-то аспектах уже, а в каких-то шире, чем у других субъектов права. Для разработки данного статуса стоит использовать и советский, и постсоветский опыт.

Выводы

Таким образом, когда имеющий особый правовой режим объект права (недвижимость) принадлежит специфическому субъекту (публично-правовому образованию), существующие у каждого из них проблемы регулирования удваиваются. Несмотря на отмену имевшей место в советский период неограниченной виндикации государственного имущества, правоприменители прилагают все усилия для того, чтобы усилить защиту публичной собственности. В целях ослабления данной тенденции законодатель пошел по пути ограничения сроков виндикации для публичных собственников жилых помещений по сравнению с другими субъектами права. Представляется, что данная мера не может решить возникшую проблему. Недвижимое имущество, принадлежащее публично-правовому образованию, должно иметь особый правовой режим, обусловленный его целевым назначением. Необходимо выработать доктринальный подход к особенностям защиты любой государственной недвижимости, а не только жилых помещений. И только после появления научно обоснованных рекомендаций по данному вопросу можно будет приступить к реформированию законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.Н. Проблемы правового регулирования публичной собственности в государствах с переходными

³⁸ См.: Рожков Е.В. Институциональная теория и понятие «деприватизация собственности» // Экономика устойчивого развития. 2019. № 2. С. 242–245.

- экономиками и возможные пути их решения // Реформы и право. 2010. № 2. С. 13–17.
2. Багаев В.А., Румак В.Б. Вещное право должно быть урегулировано законом – от сих до сих [Интервью с В.В. Витрянским] // Закон. 2020. № 2. С. 24–32.
 3. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 11. С. 127–169; № 12. С. 68–115.
 4. Бекметова А.А. Организационно-правовые риски пересмотра итогов приватизации (на примере ОАО «Кучуксульфат») // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: материалы XV Всеросс. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, Барнаул, 28–29 апреля 2022 года. Барнаул, 2022. С. 610, 611.
 5. Винницкий А.В. Участие публичных образований в имущественных отношениях: проблемы сбалансированности административно-правового и гражданско-правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 82–91.
 6. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., исп. и доп. М., 2018.
 7. Гаджиев Г.А. Золотые правила применения норм гражданского права (правила о правилах) // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 12. С. 44–75.
 8. Егоров А.В., Ерохова М.А., Ширвиндт А.М. Обобщение применения арбитражными судами норм ГК РФ о вещно-правовых способах защиты права // Вестник гражданского права. 2007. № 4.
 9. Иванов А.А. Проблемы изменения начала течения десятилетней объективной исковой давности // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 8. С. 64–74.
 10. Латыпов Д.Н. Особенности признания права как способ защиты гражданских прав // Журнал рос. права. 2013. № 9. С. 60–71.
 11. Лоренц Д.В. Воля собственника на выбытие недвижимости из его владения: в контексте виндикации // Росс. судья. 2020. № 7. С. 9–15.
 12. Мальбин Д.А. Истребование жилого помещения от добросовестного приобретателя // Росс. юрид. журнал. 2021. № 5. С. 124–133.
 13. Михайлова Е.В. Новеллизация законодательства в сфере нотариальной охраны и защиты гражданских прав и законных интересов: тенденции и перспективы // Нотариальный вестник. 2021. № 12. С. 54. DOI: 10.53578/1819-6624_2021_12_49
 14. Мурзин Д.В. Виндикация недвижимости: этап построения общей виндикационной модели защиты нарушенных абсолютных прав // Юрид. наука и практика. 2021. Т. 17. № 3. С. 47–53. DOI: 10.25205/2542-0410-2021-17-3-47-53
 15. Мурзин Д.В. Влияние публичной достоверности на виндикацию имущества // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 5. С. 10–20.
 16. Овчинникова Ю.С. Цифровизация страховых услуг: защита слабой стороны договора и частной жизни // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 73–81. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-3246-73-81
 17. Оглезнева Т.Н., Садриева Р.Р. Анализ правового равновесия между публичным назначением государства и его статусом в частном праве // Росс. юстиция. 2020. № 10. С. 28–30.
 18. Подоплелова О.Г., Степанов Д.И. Добросовестные приобретатели против недобросовестного государства: дело Александра Дубовца в Конституционном Суде России. Комментарий к Постановлению от 22 июня 2017 года № 16-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 101–114.
 19. Пушкина А.В., Лебедь К.А. Актуальные вопросы защиты прав граждан в сфере недвижимости // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 72–76. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-12-72-76
 20. Рожков Е.В. Институциональная теория и понятие «деприватизация собственности» // Экономика устойчивого развития. 2019. № 2. С. 242–245.
 21. Рудоквас А.Д. О влиянии регистрационной системы на оборот недвижимости // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 45–58.
 22. Семенов В.В. Виндикация: вопросы теории и судебной практики // Росс. юстиция. 2016. № 2. С. 8–10.
 23. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М., 2010.
 24. Стрельников П.А. Виндикационный иск как правовая мера защиты имущественных прав юридических лиц // Юрист. 2021. № 5. С. 49–55.
 25. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017.
 26. Хлюстов П.В. Энциклопедия правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения. М., 2015.
 27. Церковников М.А. Об исковой давности по виндикационному иску // Закон. 2018. № 12. С. 79–86.
 28. Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М., 2006.
 29. Шиктыбаев Т.Т. Мировоззренческая природа и социологическая сущность защиты слабой стороны в деликтных и иных правоотношениях // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 2. С. 53–60. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_65_2_53

REFERENCES

1. Andreeva G.N. Problems of legal regulation of public property in states with transitional economies and possible solutions // Reforms and law. 2010. No. 2. Pp. 13–17 (in Russ.).
2. Bagaev V.A., Rumak V.B. Property law must be regulated by law – from now to now [Interview with V.V. Vitryansky] // Law. 2020. No. 2. Pp. 24–32 (in Russ.).
3. Bevzenko R.S. Commentary to Article 8.1 of the Civil Code Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 11. Pp. 127–169; No. 12. Pp. 68–115 (in Russ.).

4. *Bekmetova A.A.* Organizational and legal risks of reviewing the results of privatization (on the example of JSC Kucuksulfat) // Russia in the XXI century: strategy and tactics of socio-economic, political and legal reforms: materials of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists, Barnaul, April 28–29, 2022 of the year. Barnaul, 2022. Pp. 610, 611 (in Russ.).
5. *Vinnitskiy A.V.* Participation of public entities in property relations: problems of balancing administrative-legal and civil-legal regulation // Administrative and Municipal Law. 2010. No. 11. Pp. 82–91 (in Russ.).
6. *Vitryansky V.V.* Reform of the Russian civil legislation: interim results. 2nd ed., corr. and add. M., 2018 (in Russ.).
7. *Gadzhiev G.A.* Golden rules for the application of civil law norms (rules on rules) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No. 12. Pp. 44–75 (in Russ.).
8. *Egorov A.V., Erokhova M.A., Shirvindt A.M.* Generalization of the application by arbitration courts of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on proprietary legal methods of protection of law // Herald of Civil Law. 2007. No. 4 (in Russ.).
9. *Ivanov A.A.* Problems of changing the beginning of the ten-year objective statute of limitations // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 8. Pp. 64–74 (in Russ.).
10. *Latypov D.N.* Features of recognition of law as a way of protecting civil rights // Journal of Russ. law. 2013. No. 9. Pp. 60–71 (in Russ.).
11. *Lorents D.V.* The will of the owner to dispose of real estate from his possession: in the context of vindication // Russ. judge. 2020. No. 7. Pp. 9–15 (in Russ.).
12. *Malbin D.A.* Reclamation of residential premises from a bona fide acquirer // Russ. legal journal. 2021. No. 5. Pp. 124–133 (in Russ.).
13. *Mikhailova E.V.* Novellization of legislation in the field of notarial protection and protection of civil rights and legitimate interests: trends and prospects // Notarial Herald. 2021. No. 12. P. 54. DOI: 10.53578/1819-6624_2021_12_49 (in Russ.).
14. *Murzin D.V.* Vindication of real estate: the stage of building a general vindication model for the protection of violated absolute rights // Yurid. nauka i praktika. 2021. Vol. 17. No. 3. Pp. 47–53. DOI: 10.25205/2542-0410-2021-17-3-47-53 (in Russ.).
15. *Murzin D.V.* The influence of public credibility on the vindication of property // Electronic appendix to the Russian Law Journal. 2021. No. 5. Pp. 10–20 (in Russ.).
16. *Ovchinnikova J.S.* Digitalization of insurance services: protection of the weak side of the contract and private life // Property relations in the Russian Federation. 2022. No. 3. Pp. 73–81. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-3246-73-81 (in Russ.).
17. *Oglezneva T.N., Sadrieva R.R.* Analysis of the legal balance between the public appointment of the state and its status in private law // Russ. Justice. 2020. No. 10. Pp. 28–30 (in Russ.).
18. *Podoplelova O.G., Stepanov D.I.* Bona fide purchasers against an unscrupulous state: the case of Alexander Dubovets in the Constitutional Court of Russia. Comment to Resolution No. 16-P of June 22, 2017 // Comparative Constitutional Review. 2017. No. 6. Pp. 101–114 (in Russ.).
19. *Pushkina A.V., Lebed K.A.* Topical issues of protection of citizens' rights in the field of real estate // Constitutional and Municipal Law. 2022. No. 12. Pp. 72–76. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-12-72-76 (in Russ.).
20. *Rozhkov E.V.* Institutional theory and the concept of “deprivation of property” // Economics of sustainable development. 2019. No. 2. Pp. 242–245 (in Russ.).
21. *Rudokvas A.D.* On the impact of the registration system on the turnover of real estate // Herald of Civil Law. 2022. No. 1. Pp. 45–58 (in Russ.).
22. *Semenov V.V.* Vindication: issues of theory and judicial practice // Russ. Justice. 2016. No. 2. Pp. 8–10 (in Russ.).
23. *Sklovsky K.I.* Property in Civil Law. 5th ed., rev. M., 2010 (in Russ.).
24. *Strelnikov P.A.* Vindication claim as a legal measure to protect the property rights of legal entities // Lawyer. 2021. No. 5. Pp. 49–55 (in Russ.).
25. *Sukhanov E.A.* Property law: a scientific and educational essay. M., 2017 (in Russ.).
26. *Khlyustov P.V.* Encyclopedia of legal positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of reclamation of property from someone else's illegal possession. M., 2015 (in Russ.).
27. *Tserkovnikov M.A.* On the limitation period according to the vindication claim // Law. 2018. No. 12. Pp. 79–86 (in Russ.).
28. *Chubarov V.V.* Problems of legal regulation of real estate. M., 2006 (in Russ.).
29. *Shiktybaev T.T.* The ideological nature and sociological essence of protecting the weak side in tort and other legal relations // Herald of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2021. No. 2. Pp. 53–60. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_65_2_53 (in Russ.)/

Сведения об авторе

ПУШКИНА Анна Викторовна —
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

PUSHKINA Anna V. —
PhD in Law,
Senior Researcher, Procedural Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 341

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ МНОГОЛЕТНЕЙ МЕРЗЛОТЫ

© 2024 г. Н. С. Куделькин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: nkkix@inbox.ru

Поступила в редакцию 04.07.2023 г.

Аннотация. В статье рассматривается осуществление правовой охраны многолетней мерзлоты. Исследуется состояние правового регулирования в данной сфере, проводится анализ документов стратегического планирования, федерального законодательства и субъектов Российской Федерации, касающихся данной проблематики. На основе научных данных о важной средообразующей роли многолетней мерзлоты формулируется вывод о целесообразности выделения ее в качестве специфического объекта экологических отношений. Предлагаются варианты совершенствования природоохранного законодательства в целях снижения антропогенного воздействия на зону многолетней мерзлоты.

Ключевые слова: многолетняя мерзлота, криолитозона, многолетнемерзлые грунты, экологический мониторинг, охрана окружающей среды, Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, глобальное потепление, антропогенное воздействие, деградация многолетней мерзлоты.

Цитирование: Куделькин Н. С. Правовые вопросы охраны многолетней мерзлоты // Государство и право. 2024. № 3. С. 106–116.

DOI: 10.31857/S1026945224030107

LEGAL ISSUES OF PERMAFROST PROTECTION

© 2024 N. S. Kudelkin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: nkkix@inbox.ru

Received 04.07.2023

Abstract. The article deals with the implementation of the legal protection of permafrost. The state of legal regulation in this area is investigated, an analysis of strategic planning documents, federal and regional legislation, as well as by-laws relating to this issue is carried out. On the basis of scientific data on the important environment-forming role of permafrost, a conclusion is made about the expediency of singling it out as a specific object of environmental relations. Options for improving domestic environmental legislation in order to reduce the anthropogenic impact on the permafrost zone are proposed.

Key words: permafrost, cryolithozone, permafrost ground, environmental monitoring, environmental protection, Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, global warming, anthropogenic impact, degradation of permafrost.

For citation: Kudelkin, N.S. (2024). Legal issues of permafrost protection // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 106–116.

Постановка проблемы. Главным образом в связи с наблюдаемым изменением климата все большее внимание уделяется вопросам, связанным с многолетней мерзлотой¹. Так, в докладе о реализации Национального проекта «Экология», озвученном на 517-м заседании Совета Федерации ФС РФ, Министр природных ресурсов и экологии РФ А.А. Козлов рассказал о планируемом создании государственной системы мониторинга вечной мерзлоты в целях прогнозирования возможных аварий². Следует отметить, что в соответствии с Докладом об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год в XXI в. наблюдается устойчивая тенденция увеличения глубины оттаивания вечной мерзлоты³.

В научных публикациях подчеркивается, что вызываемое деградацией вечной мерзлоты негативное воздействие на инфраструктуру будет усиливаться, и к 2050 г. приблизительно 30–50% критически важной циркумполярной инфраструктуры подвергнется высокому риску. При этом существенно возрастут и затраты на указанную инфраструктуру⁴.

Многие специалисты отмечают быструю деградацию многолетней мерзлоты и, как правило,

связывают это явление с потеплением, наблюдаемым в Арктике. Некоторые климатические модели предполагают, что уже к 2100 г. от 24 до 70% приповерхностной многолетней мерзлоты исчезнет. Это, в свою очередь, может привести к выбросу большого количества углерода в атмосферу и тем самым усилит потепление климата. Здесь необходимо упомянуть и о подводной многолетней мерзлоте, содержащей в себе большой запас органического вещества, которое в случае оттаивания и микробиологического разложения может стать существенным источником поступления CO₂ и CH₄ в атмосферу⁵. В литературе подчеркивается, что пространственно-временная динамика мерзлоты и процессы, происходящие в ней, являются прямым следствием динамики климата⁶. Однако реакция многолетней мерзлоты на потепление неодинакова в разных районах и сильно зависит от множества факторов: физических, гидрологических, состояния растительных покровов и почв. Например, в южных районах зоны многолетней мерзлоты при хорошо развитом растительном покрове тепловое влияние ландшафта может оказаться главенствующим⁷. Ученые обращают внимание на то, что освоение криолитозоны, использование ее ресурсов невозможно без системной оценки совокупного влияния на нее как проектируемых и создаваемых, так и уже существующих промышленных объектов. Мерзлые толщ горных пород – одни из наименее устойчивых компонентов природной

¹ Под мерзлыми породами, грунтами, почвами, как правило, понимаются породы, грунты, почвы, имеющие температуру ниже 0°C или равную 0°C, в которых вода, как правило, находится в твердом состоянии. Поэтому главная особенность мерзлых пород, грунтов, почв – наличие в них льда. Если породы, грунты, почвы находятся в мерзлом состоянии без перерыва длительное время (годы, века, тысячелетия), то они называются многолетнемерзлыми (см., напр.: Маслов А.Д., Осадчая Г.Г., Тумель Н.В., Шполянская Н.А. Основы геокриологии: учеб. пособие. Ухта, 2005. С. 12).

² См.: URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/doklad_aleksandra_kozlova_o_realizatsii_natsionalnogo_proekta_ekologii_na_517_m_zasedanii_soveta_fe/?sphrase_id=424468 (дата обращения: 15.02.2022).

³ См.: Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год. М., 2021. С. 7.

⁴ См.: Hjort J., Streletskiy D., Doré G. et al. Impacts of permafrost degradation on infrastructure // Nat Rev Earth Environ. 2022. No. 3. Pp. 24–38.

⁵ См.: Wild B., Shakhova N., Dudarev O. et al. Organic matter composition and greenhouse gas production of thawing subsea permafrost in the Laptev Sea // Nat Commun. 2022. No. 13. P. 5057.

⁶ См.: Шполянская Н.А., Осадчая Г.Г., Малкова Г.В. Современное изменение климата и реакция криолитозоны (на примере Западной Сибири и Европейского Севера России) // Географическая среда и живые системы. 2022. № 1. С. 8.

⁷ См.: там же. С. 24, 25; Magnússon R.Í., Hamm A., Karasanaev S.V. et al. Extremely wet summer events enhance permafrost thaw for multiple years in Siberian tundra // Nat Commun. 2022. No. 13. P. 1556.

среды, которые в процессе своей трансформации резко меняют состав и свойства⁸.

Заслуживающим особого внимания с точки зрения правовой охраны многолетней мерзлоты является научное мнение, согласно которому деградация многолетнемерзлых пород вызвана в первую очередь не изменением климата, а ведением хозяйственной деятельности, главным образом связанной с добычей полезных ископаемых, которая зачастую осуществляется без учета особенностей криолитозоны⁹. Например, по официальным данным, одной из проблем, существующих в Арктической зоне Российской Федерации (далее – АЗРФ), являются обширные нарушения в структуре почв и экосистем, связанные с развитием добывающей и обрабатывающей отраслей экономики. Такая деятельность часто приводит к нарушению биологического баланса территорий¹⁰.

Анализ научной литературы показывает, что в зоне залегания многолетнемерзлых пород практически любая хозяйственная деятельность должна осуществляться с учетом особенностей такой территории. Например, тушение природных пожаров в районах вечной мерзлоты по общепринятым, не учитывающим специфику данного региона технологиям наносит окружающей среде вред, соизмеримый с вредом от самого пожара и часто значительно его превосходящий. Многие мероприятия, направленные на борьбу с лесным пожаром, становятся источниками повреждения мохово-лишайникового покрова данной местности. Таким образом, происходит нарушение теплового режима грунтов, которое в дальнейшем приводит к образованию термокарста и заболачиванию территории¹¹.

Изучение процессов, происходящих в зоне многолетней мерзлоты, является актуальной задачей в связи как с глобальным потеплением, так и с активизацией промышленного освоения Севера, которое, как указывалось ранее, также может способствовать деградации многолетней мерзлоты. Важными для обеспечения надлежащего уровня охраны многолетней мерзлоты являются и вопросы правового регулирования. При этом, осуществляя развитие законодательства в данной сфере, необходимо учитывать, что многолетняя мерзлота является одним из основных средообразующих факторов, поскольку литогенные особенности

многолетней мерзлоты оказывают сильное влияние на экосистемы, особенно на их устойчивость к антропогенному воздействию и способность к самовосстановлению. Криогенная литологическая основа северных геосистем обуславливает всю геоэкологическую ситуацию при их освоении¹². Важность совершенствования правового регулирования в данной сфере подчеркивается и тем, что многолетняя мерзлота занимает примерно 25% поверхности суши, в том числе около 65% территории России. Наличие законодательства, учитывающего природные особенности зоны вечной мерзлоты, жизненно необходимо и для устойчивого развития АЗРФ, которое является одной из первоочередных задач развития Российской Федерации. Как справедливо отмечают П.П. Баттахов и Ю.С. Овчинникова, без осуществления эффективной экономической деятельности на Севере невозможно успешное развитие России в целом¹³. Здесь следует добавить, что осуществление эффективной экономической деятельности в таком уникальном регионе, как АЗРФ, невозможно без учета его природных особенностей, к которым относится и наличие многолетней мерзлоты.

Состояние правового регулирования. Поскольку многолетняя мерзлота широко распространена на территории России, данное явление в том или ином виде нашло отражение в отечественном законодательстве и в документах стратегического планирования. Например, в п. 15 Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176¹⁴, указывается на то, что опасные геокриологические процессы, такие как разрушение вечной мерзлоты, наряду с другими опасными явлениями и процессами становятся источником чрезвычайных ситуаций природного характера, от которых страдает население. В данном документе подчеркивается угроза, которую представляет собой деградация многолетней мерзлоты для человека как объекта обеспечения экологической безопасности. Особенно чувствительным такое изменение окружающей среды может стать для коренных народов, проживающих в зоне многолетней мерзлоты, чья жизнедеятельность тесно связана с природой и, следовательно, полностью зависит от ее состояния.

⁸ См.: Шац М.М. Освоение минеральных ресурсов криолитозоны // Климат и природа. 2021. № 2 (39). С. 39, 40.

⁹ См.: там же. С. 41.

¹⁰ См.: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году. Государственный доклад. М., 2021. С. 295.

¹¹ См.: Бердникова Л.Н. Проблемы борьбы с пожарами в лесах Севера // Системы. Методы. Технологии. 2021. № 2 (50). С. 165.

¹² См.: Шац М.М. Указ. соч. С. 44, 45. Браун Дж., Граве Н.А. Нарушение поверхности и ее защита при освоении Севера. Новосибирск, 1981.

¹³ См.: Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Правовые аспекты предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 11. С. 100.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р¹⁵, к одной из основных проблем пространственного развития России относит негативное влияние таяния вечной мерзлоты на социально-экономическое развитие территорий страны. Из этого можно сформулировать вывод об острой необходимости как сохранения многолетней мерзлоты, так и адаптации к происходящим изменениям в целях обеспечения устойчивого развития Российской Федерации.

В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утвержденной Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645¹⁶, среди особенностей АЗРФ, которые определяют специальные подходы к ее социально-экономическому развитию и обеспечению национальной безопасности в регионе, называются экстремальные природно-климатические условия, высокая чувствительность экологических систем к внешним воздействиям, происходящие климатические изменения, которые способствуют возникновению рисков для хозяйственной деятельности и окружающей среды (п/п. «а», «б», «в» п. 4). Таким образом, указанные в рассматриваемой Стратегии особенности АЗРФ связаны и с наличием на ее территории многолетней мерзлоты, которую в полной мере можно отнести к особым природно-климатическим условиям региона; также многолетняя мерзлота, наряду с другими факторами, обуславливает низкую устойчивость экосистем Севера к внешним воздействиям, а деградация многолетней мерзлоты, вызываемая в том числе и изменением климата, существенно повышает риски как для инфраструктуры, используемой при осуществлении различной деятельности, так и для окружающей среды. Рассматриваемой Стратегией также предусматривается создание до 2024 г. государственной системы мониторинга и предупреждения негативных последствий деградации многолетней мерзлоты (п/п. «р» п. 30).

В Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р¹⁷, к одной из задач, направленных на обеспечение охраны окружающей среды, снижение объема выбросов парниковых газов и энергетической эффективности, относится создание системы мониторинга

по показателям снижения выбросов парниковых газов, а также экологических рисков, включая риски, связанные с деградацией вечной мерзлоты.

Стратегия деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года (с учетом аспектов изменения климата), утвержденная распоряжением Правительства РФ от 3 сентября 2010 г. № 1458-р¹⁸, предполагает в целях решения задачи развития научного, методического, технологического и информационного компонентов государственной наблюдательной сети в Арктике организацию комплексного криосферного полигона для сбора данных по изменению состояния ледников, многолетней мерзлоты и биоты, вызванному изменением климата.

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с Докладом об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год в последнее время большинство рядов наблюдений за состоянием многолетней мерзлоты непродолжительны и имеют пропуски, а часть площадок, на которых когда-либо проводились измерения, закрыта¹⁹. В аналогичном Докладе за 2022 год обращается внимание на то, что на территории России начиная с 1990 г. находилось 75 таких площадок, при этом в 2022 г. данные о толщине сезонно талого слоя поступили только с 41 площадки²⁰. Таким образом, развитие системы мониторинга многолетней мерзлоты, о котором говорится во многих документах стратегического планирования, является одной из важнейших задач, решение которой необходимо как в целях охраны окружающей среды, так и в интересах обеспечения безопасности, и решать ее предстоит в ближайшее время.

Согласно Стратегии развития промышленности строительных материалов на период до 2020 года и дальнейшую перспективу до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 10 мая 2016 г. № 868-р²¹, одним из приоритетных направлений в инновационных технологиях производства промышленности строительных материалов и появлении новых строительных материалов являются материалы с улучшенными эксплуатационными свойствами, модифицированные для использования в арктической и субарктической зонах, в северной климатической зоне и условиях вечной мерзлоты. Очевидно, что освоение Севера требует, помимо прочего, и наличия специальных строительных материалов, применение которых

¹⁸ См.: СЗ РФ. 2010. № 38, ст. 4850.

¹⁹ См.: Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год. С. 7, 44.

²⁰ См.: там же. С. 43.

²¹ См.: СЗ РФ. 2016. № 20, ст. 2863.

¹⁵ См.: СЗ РФ. 2019. № 7 (ч. II), ст. 702.

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2020. № 44, ст. 6970.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2022. № 45, ст. 7815.

должно способствовать также и обеспечению экологической безопасности.

Примечательным является тот факт, что в Стратегии развития деятельности Российской Федерации в Антарктике на период до 2020 года и на более отдаленную перспективу, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 30 октября 2010 г. № 1926-р²², говорится о важности проведения научных исследований в Антарктике, связанных с изменением климата, для России, значительная часть территории которой находится в зоне вечной мерзлоты, при этом делается акцент на то, что процессы потепления климата могут оказать сильное негативное влияние на экономику российских регионов, расположенных в этой зоне.

В Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р, ввиду природных особенностей данных регионов страны, среди прочего, уделено внимание и вечной мерзлоте, которая отнесена данным документом стратегического планирования к одному из факторов удорожания инвестиционной и хозяйственной деятельности.

Вечная мерзлота рассматривается и в некоторых программных документах России. Так, один из ожидаемых результатов реализации Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 8 февраля 2022 г. № 133²³ — разработка системы климатического мониторинга многолетней мерзлоты, что, как упоминалось выше, является одной из актуальных задач на современном этапе развития.

Говорится о многолетней мерзлоте и в планах адаптации к изменениям климата. Например, в Плане адаптации к изменениям климата Арктической зоны Российской Федерации, утвержденном приказом Минвостокразвития России от 26 ноября 2021 г. № 221²⁴, подчеркивается, что, по прогнозам ученых, вероятный ущерб от деградации мерзлоты к 2050 г. может равняться 5 трлн руб. В Плане адаптации к изменениям климата в сферах строительства, теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения Российской Федерации, утвержденном приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 15 октября 2021 г. № 754/пр²⁵, деградация

вечной мерзлоты и усиление геокриологических процессов рассматриваются как факторы, способные привести к деформации водопроводных и канализационных сетей, что вызывает риск увеличения числа аварий.

Упоминается многолетняя мерзлота и в Федеральном законе от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»²⁶, согласно п. 3 ст. 3 которого зона вечной мерзлоты рассматривается в качестве особых условий для строительства.

Довольно большое количество вопросов, так или иначе связанных с многолетней мерзлотой, охвачено в разнообразных подзаконных актах²⁷. Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживает Лесоустроительная инструкция, утвержденная приказом Минприроды России от 5 августа 2022 г. № 510²⁸, согласно п/п. «ж» п. 113 которой леса, произрастающие на вечной мерзлоте, в районах распространения сплошной и прерывистой вечной мерзлоты, к которым относятся Восточно-Сибирский таежный мерзлотный район и Забайкальский горно-мерзлотный район, а также леса, произрастающие на карстовой площади, а также полосы лесов шириной 100 м по периметру карстовых образований (п/п. «е» п. 113) относятся к противозерозионным лесам. В свою очередь, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 115 Лесного кодекса РФ противозерозионные леса относятся к ценным лесам. Согласно ч. 2 ст. 115 ЛК РФ в ценных лесах запрещается строительство и эксплуатация объектов капитального строительства, за исключением велосипедных и беговых дорожек, линейных объектов и гидротехнических сооружений. Таким образом, отнесение лесов, произрастающих на вечной мерзлоте, к ценным лесам способствует снижению антропогенного воздействия на многолетнемерзлые породы, что должно оказывать положительный эффект не только на их состояние, но и на состояние окружающей среды в целом.

²⁶ См.: СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4473.

²⁷ Например, в Правилах и нормах технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденных постановлением Госстроя России от 27.09.2003 № 170, Методических указаниях по технологическому проектированию линий электропередачи классом напряжения 35–750 КВ, утвержденных приказом Минэнерго России от 31.08.2022 № 884, Федеральных нормах и правилах в области промышленной безопасности «Правила обеспечения устойчивости бортов и уступов карьеров, разрезов и откосов отвалов», утвержденных приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 13.11.2020 № 439, Методических указаниях по технологическому проектированию тепловых электростанций, утвержденных приказом Минэнерго России от 16.08.2019 № 858, и др.

²⁸ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>, 30.09.2022.

²² См.: СЗ РФ. 2010. № 45, ст. 5914.

²³ См.: СЗ РФ. 2022. № 8, ст. 1151.

²⁴ Документ опубликован не был.

²⁵ Документ опубликован не был.

Как можно видеть из проведенного выше анализа законодательства, в большинстве случаев многолетняя мерзлота рассматривается в качестве природного фактора (явления), способного оказать или оказывающего определенное негативное воздействие на объекты капитального строительства, инфраструктуру и т.п., при этом об экологическом значении многолетней мерзлоты упоминается в единичных случаях. Следует также отметить, что в федеральном законодательстве, документах стратегического планирования, подзаконных актах используются, как правило, в качестве синонимов ряд терминов («вечная мерзлота», «криолитозона», «многолетнемерзлые породы», «вечномерзлые (многолетнемерзлые) грунты»), обозначающих многолетнюю мерзлоту, при этом отсутствуют их легальные определения. Здесь надо сказать, что разработка надлежащего понятийного аппарата для данной сферы – важная и трудоемкая задача, о сложности решения которой говорит, например, наличие в естественных науках различных подходов к определению используемых в рассматриваемой области терминов. Так, в работе И.Д. Данилова, посвященной криолитозоне Земли и ее районированию, указывается, что под криолитозоной часто понимают мерзлую зону литосферы, в результате чего происходит отождествление двух понятий – «криолитозона» и «криолитосфера». Однако данные термины, по мнению авторитетного ученого, необходимо четко разграничивать²⁹.

В свете исследуемого вопроса заслуживает внимания и законодательство субъектов Российской Федерации. Так, в Республике Саха (Якутия), почти вся территория которой находится в зоне сплошного залегания многолетнемерзлых пород³⁰, действует Закон от 22 мая 2018 г. № 2006-3 № 1571-V «Об охране вечной мерзлоты в Республике Саха (Якутия)»³¹ (далее – Закон об охране вечной мерзлоты), который характеризуется развитым понятийным аппаратом. В ст. 1 рассматриваемого Закона раскрываются такие ключевые понятия, как «вечная мерзлота», «мерзлотный ландшафт», «деградация вечной мерзлоты» и ряд других.

Очевидно, что важнейшим понятием с точки зрения рассматриваемой проблемы является

«вечная мерзлота», которая в Законе об охране вечной мерзлоты определяется как мерзлые горные породы, характеризующиеся нулевой или отрицательной температурой, содержащие в своем составе лед и находящиеся в таком состоянии в течение длительного времени. Данное определение соотносится с классическим определением, предложенным Н.И. Толстихиным и Н.А. Цытовичем, согласно которому «мерзлыми породами, грунтами, почвами называются породы, грунты, почвы, имеющие отрицательную или нулевую температуру, в которых хотя бы часть воды перешла в кристаллическое состояние»³². Следует обратить внимание на то, что в геокриологии, помимо мерзлых пород, выделяют также морозные, охлажденные³³. Таким образом, в определении, содержащемся в Законе об охране вечной мерзлоты, речь идет о многолетнемерзлых породах. Однако с точки зрения конкретизации объекта охраны вместо словосочетания «длительное время», используемого применительно к нахождению горных пород в мерзлом состоянии, целесообразно указать конкретный промежуток времени, например два года и более.

Полезным с точки зрения комплексной охраны окружающей среды является термин «мерзлотный ландшафт», под которым в рассматриваемом Законе понимается природный комплекс, функционирующий под воздействием геокриологических процессов, с определенными, закономерными только для него сочетаниями мерзлотных характеристик. Данное определение подчеркивает важную средообразующую функцию многолетней мерзлоты. Однако здесь следует обратить внимание на то, что рассматриваемое определение вступает в некоторое противоречие с понятиями «природный комплекс» и «природный ландшафт», содержащимися в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»³⁴ (далее – Закон об охране окружающей среды). Одним из ярких примеров природных комплексов зоны многолетней мерзлоты являются аласы Центральной Якутии, которые представляют собой систему, тесно связанную с динамикой климата. При этом в литературе говорится, что все основные проблемы аласных экосистем Центральной Якутии связаны

²⁹ См.: Данилов И.Д. Криолитозона Земли и ее районирование // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. № 1. С. 12–18. Криолитосфера, по определению И.Д. Данилова, – это твердая мерзлая (или шире – отрицательно-температурная) оболочка, составляющая часть земной коры, а криолитозона – это территория, в пределах которой осуществляется своеобразный тип литогенеза – криолитогенез.

³⁰ См.: Николаев А.Н. Дендрохронологический анализ природных процессов в криолитозоне (на примере Центральной Якутии): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Якутск, 2011. С. 1.

³¹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>, 31.05.2018.

³² Общее мерзлотоведение (геокриология) / под ред. В.А. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978. С. 5.

³³ Морозными называют сухие, не содержащие воды породы с отрицательной температурой. Охлажденными принято считать породы, имеющие отрицательную температуру и насыщенные высоко минерализованными водами. Различают также породы по продолжительности существования: кратковременноммерзлые породы (часы, сутки); сезонноммерзлые (месяцы); многолетнемерзлые (годы, сотни и тысячи лет) (см.: Бойцов А.В. Геокриология и подземные воды криолитозоны: учеб. пособие. Тюмень, 2011. С. 5–9).

³⁴ См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

с их перенаселенностью, усилением антропогенных и техногенных воздействий³⁵. Это еще раз подчеркивает необходимость учета особенностей зоны многолетней мерзлоты при осуществлении различных видов деятельности.

Заслуживающим внимания является и подход к наблюдениям за вечной мерзлотой, применяемый в Законе об охране вечной мерзлоты, в котором предусмотрено два вида мониторинга — мониторинг вечной мерзлоты и геотехнический мониторинг вечной мерзлоты. Первый вид мониторинга направлен на общее наблюдение за вечной мерзлотой и происходящими в ней процессами, второй — привязан к влиянию процессов, происходящих в вечной мерзлоте, на сооружения.

Статьей 8 Закона об охране вечной мерзлоты предусмотрено осуществление нормирования состояния вечной мерзлоты и иных экологических факторов, влияющих на состояние вечной мерзлоты. В соответствии с п. 1 рассматриваемой статьи основными целями такого нормирования являются сохранение благоприятной окружающей среды, а также предотвращение и (или) снижение отрицательного воздействия различных видов деятельности на окружающую среду. Таким образом, данный вид нормирования должен способствовать как охране природы, так и обеспечению гарантированного ст. 42 Конституции РФ права каждого на благоприятную окружающую среду. Пунктом 3 рассматриваемой статьи предусматривается техническое и экологическое нормирование состояния вечной мерзлоты, а также определяются предельно допустимые уровни факторов, воздействующих на него.

Статьей 12 Закона об охране вечной мерзлоты предусмотрено установление требований к различным видам деятельности, оказывающим воздействие на состояние вечной мерзлоты. Как справедливо отмечает М.М. Бринчук, через экологические требования определяется содержание законов природы и общества, а посредством их исполнения происходит реализация этих законов³⁶. Частью 2 рассматриваемой статьи исполнительные органы государственной власти Республики Саха (Якутия) наделены полномочиями по установлению ограничений на виды деятельности, которые оказывают опасное воздействие на состояние вечной мерзлоты, а также по стимулированию видов деятельности, не оказывающих такого воздействия. Данная норма, направленная на обеспечение рационального природопользования и охрану природы, может быть использована для поддержки

традиционных видов природопользования³⁷, как правило, отличающихся щадящим воздействием на природную среду.

В рассматриваемом контексте заслуживает внимания законопроект № 242394-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁸, основной целью которого является закрепление в законодательстве нового вида мониторинга — государственного фонового мониторинга состояния многолетней (вечной) мерзлоты.

Указанный законопроект также предусматривает существенное расширение понятийного аппарата, используемого в отечественном экологическом законодательстве. Так, в ст. 1 Закона об охране окружающей среды предлагается внести такие понятия, как «грунты», «вечномерзлые грунты», «состояние многолетней (вечной) мерзлоты», «деградация вечномерзлых грунтов», «государственный фоновый мониторинг состояния многолетней (вечной) мерзлоты».

Под грунтом законопроектом предлагается понимать горные породы, почвы, рассматриваемые как многокомпонентные динамичные системы и часть природной среды, представляющие собой поверхностный слой Земли, состоящий из минеральных и органических веществ, болот, ледников, почвенных организмов, продуктов их жизнедеятельности. Следует сказать, что включение в понятие «грунт» болот и ледников представляется необоснованным, поскольку в соответствии с п. 4, 6 ч. 2 ст. 5 Водного кодекса РФ они относятся к поверхностным водным объектам. Для разъяснения данного термина следует обратиться к такой геологической науке, как грунтоведение, в которой под грунтом понимаются любые горные породы, почвы, осадки, антропогенные геологические образования, рассматриваемые как многокомпонентные динамичные системы, исследуемые в связи с планируемой, осуществляемой или осуществленной деятельностью человека. Таким образом, «грунт» является устоявшимся специальным инженерно-геологическим термином³⁹. В рассматриваемом законопроекте предлагается термин «вечномерзлые грунты», которые определяются как грунты, находящиеся в криогенном (мерзлотном) состоянии более трех лет подряд. В данном определении не раскрывается понятие «криогенное

³⁵ См.: Босиков Н.П., Исаев А.П., Иванова Е.И. и др. Ритмы развития аласных экосистем в Центральной Якутии // Наука и образование. 2012. № 2. С. 52–57.

³⁶ См.: Бринчук М.М. Экологические требования — основа законов природы и общества // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 2 (40). С. 21, 22.

³⁷ См.: Куделькин Н.С. Правовое регулирование оленеводства // Сельское хозяйство. 2022. № 1. С. 27–36.

³⁸ См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

³⁹ См.: Трофимов В.Т., Королев В.А., Вознесенский Е.А. и др. Грунтоведение / под ред. В.Т. Трофимова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 13, 14.

(мерзлотное) состояние». Законопроектом также дается определение понятия «состояние многолетней (вечной) мерзлоты», под которой предлагается понимать совокупность характеристик вечномерзлых грунтов, при этом данные характеристики не раскрываются. Представляется, что в законодательстве более логично вместо терминов «грунты», «вечномерзлые грунты» и «состояние многолетней (вечной) мерзлоты» использовать более широкое понятие — «многолетняя мерзлота».

Под деградацией вечномерзлых грунтов в законопроекте предлагается понимать процесс периодического протаивания, характеризующийся постепенным повышением среднегодовой температуры вечномерзлых грунтов, приводящим к понижению верхней поверхности слоя вечномерзлых грунтов и повышению нижней поверхности слоя вечномерзлых грунтов. То есть под деградацией понимается оттаивание многолетнемерзлых грунтов и уменьшение их толщи.

Одним из ключевых понятий, содержащихся в рассматриваемом законопроекте, является «государственный фоновый мониторинг состояния многолетней (вечной) мерзлоты», под ним предлагается понимать «проводимые в целях выявления деградации вечномерзлых грунтов долгосрочные наблюдения за явлениями и процессами, происходящими в вечномерзлых грунтах на природных объектах, в рамках которых осуществляется получение информации о состоянии многолетней (вечной) мерзлоты, на основе которой проводятся анализ, оценка и прогнозирование состояния многолетней (вечной) мерзлоты». Из данного определения не очевидно, является ли многолетняя мерзлота и многолетнемерзлые грунты синонимами либо смежными понятиями.

Здесь следует отметить то, что в ст. 1 Закона об охране окружающей среды содержится понятие «государственный экологический мониторинг», при этом не содержится определений понятий отдельных видов мониторинга, например, государственного мониторинга земель, государственного мониторинга объектов животного мира и др., содержание которых раскрывается либо в отраслевом законодательстве, либо в подзаконных актах. Таким образом, привнесение в Закон об охране окружающей среды данного понятия не будет соответствовать используемому в указанном Законе подходу.

Рассматриваемым законопроектом также предлагается расширить перечень сведений, относящихся к экологической информации, сведениями о состоянии многолетней (вечной) мерзлоты, а также о мерах по предупреждению последствий деградации вечномерзлых грунтов. Следует положительно охарактеризовать данную инициативу ввиду

значимости данной информации для различных сфер жизнедеятельности населения и хозяйства.

Указанным законопроектом предлагается посредством внесения соответствующих изменений в п. 3 ст. 63¹ Закона об охране окружающей среды дополнить Единую систему государственного экологического мониторинга новой подсистемой — государственного фонового мониторинга состояния многолетней (вечной) мерзлоты. Осуществление данного вида мониторинга предполагается возложить на гидрометеорологическую службу. Логично предположить, что данный вид мониторинга станет осуществляться в соответствии со специальным положением, поэтому его эффективность будет во многом зависеть от качества указанного подзаконного акта.

Представляется, что при осуществлении мониторинга многолетней мерзлоты следует учитывать то, что ее состояние зависит от многих факторов, в том числе и от состояния различных компонентов природной среды в зоне ее распространения, например почв, растительного покрова. Таким образом, на основе данных о состоянии некоторых компонентов природы можно делать прогнозы как относительно состояния многолетней мерзлоты, так и относительно возможности развития различных опасных криогенных процессов и явлений. Соответственно, представляется целесообразным осуществление наблюдений за состоянием всех значимых в рассматриваемом контексте компонентов природной среды зоны многолетней мерзлоты.

Таким образом, мониторинг зоны многолетней мерзлоты может осуществляться как в рамках мониторинга состояния недр, земель, воспроизводства лесов, так и в виде отдельного вида мониторинга, путем создания специальной подсистемы государственного экологического мониторинга. В свою очередь, в качестве краткого определения мониторинга многолетней мерзлоты можно предложить следующее: комплексные наблюдения за состоянием многолетней мерзлоты, оценка и прогноз его изменений.

Многолетняя мерзлота как объект экологических отношений. В широком смысле объектом экологических отношений являются природа (окружающая среда) и ее отдельные составные элементы — природные объекты и комплексы⁴⁰. По мнению М.М. Бринчука, научно обоснованное выделение отдельных объектов экологических отношений, создание специфических правовых режимов использования и охраны природы может обеспечить сохранение уникальных свойств и качеств природы Земли⁴¹.

⁴⁰ См.: Бринчук М.М. Экологическое право: объекты экологических отношений. М., 2011. С. 8.

⁴¹ См.: там же. С. 11, 12.

Рассмотрение данного вопроса целесообразно начать с изучения соотношения многолетней мерзлоты с такими понятиями, как недра, почва, подземные воды. Так, в соответствии со ст. 1 Закона об охране окружающей среды почва, недра и подземные воды относятся к компонентам природной среды. При этом под недрами согласно преамбуле Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»⁴² понимается часть земной коры, расположенная ниже почвенного слоя, а при его отсутствии — ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающаяся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения. В свою очередь, понятие «почва» раскрывается в п. 32 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений»⁴³, в соответствии с которым под ней понимается компонент природной среды, состоящий из минеральных и органических частей, которые обеспечивают жизнедеятельность растений. К понятию «почва» не относятся торф, песок, грунт глубокого залегания, компост, а также искусственно созданная среда обитания растений. Таким образом, в данном определении «почва» отграничена от недр и их ресурсов, к которым относятся, например песок и торф. В качестве одной из основных характеристик почвы как компонента природной среды выделено плодородие, т.е. способность обеспечивать жизнедеятельность растений.

Говоря о подземных водах, следует обратить внимание на то, что криолитозона не только представляет собой внушительное хранилище льда, но и является динамичной открытой системой, главной особенностью которой являются фазовые переходы воды, во многом обуславливающие сложность ее строения, а также высокую динамичность и специфичность развития различных процессов криогенеза. В связи со значительной водообменной функцией верхнего слоя криолитозоны В.В. Шепелев предлагает выделять в гидрологическом (климатическом) цикле круговорота природных вод криолитогенное звено⁴⁴. Данный факт еще раз подчеркивает высокую средообразующую роль многолетней мерзлоты и говорит о правомерности ее рассмотрения в качестве самостоятельного объекта экологических отношений. По отношению к многолетнемерзлым толщам подземные воды в настоящее время классифицируют следующим образом: надмерзлотные воды сезонноталого слоя, надмерзлотные воды несквозных таликов,

воды сквозных таликов, подмерзлотные воды, межмерзлотные и внутримерзлотные воды⁴⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что многолетняя мерзлота может рассматриваться с точки зрения российского законодательства как совокупность компонентов природной среды, главным образом недр и почв.

Итак, на основе изложенного выше материала можно сказать, что в связи с высоким значением охраны многолетней мерзлоты для обеспечения благоприятного состояния окружающей среды, а также предупреждения различных аварий, связанных с ее деградацией, представляется обоснованным и целесообразным выделение многолетней мерзлоты в качестве самостоятельного объекта экологических отношений.

Для достижения поставленной выше цели в первую очередь следует предложить ряд взаимосвязанных понятий, которые могут быть использованы как в науке экологического права, так и в законодательстве, и дать им определения. Очевидно, что основополагающим понятием здесь выступает «многолетняя мерзлота», под которой предлагается понимать часть земной коры, характеризующуюся температурой ниже или равной 0°C, наличием льда или возможности его существования и находящуюся в таком состоянии два или более года. В данном определении используются общеизвестные термины «земная кора», «лед», не требующие дополнительного разъяснения в законодательстве, термин «земная кора» также содержится в легитимном определении «недр», поэтому его употребление в определении понятия «вечная мерзлота» представляется обоснованным.

При этом, учитывая тот факт, что в зоне своего распространения многолетняя мерзлота выступает в качестве одного из основных средообразующих факторов, а ее состояние, в свою очередь, зависит от состояния различных компонентов природы, например растительного мира, почв, в интересах обеспечения комплексного подхода к охране окружающей среды целесообразно разработать понятие, включающее в себя как многолетнюю мерзлоту, так и компоненты природной среды, находящиеся в тесной взаимосвязи с ней. В качестве такого понятия может быть использована «зона многолетней мерзлоты», под которой следует понимать территорию, характеризующуюся распространением многолетней мерзлоты и обусловленными ее существованием специфическими мерзлотными экосистемами и ландшафтами. Данное определение подчеркивает взаимосвязь всех природных компонентов зоны многолетней мерзлоты и позволит более эффективно применять правовые средства охраны

⁴² См.: СЗ РФ. 1995. № 10, ст. 823.

⁴³ См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I), ст. 4207.

⁴⁴ См.: Шепелев В.В. О водообменной роли криолитозоны // Подземная гидросфера: материалы XXIII Всеросс. совещания по подземным водам востока России с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 308–311.

⁴⁵ См.: Бойцов А.В. Указ. соч. С. 136–138.

окружающей среды, например путем разработки требований к осуществлению различных видов деятельности в такой зоне.

Заключение. Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что актуальность правовой охраны зоны вечной мерзлоты в Российской Федерации в ближайшее время будет только возрастать, и связано это в первую очередь не с наблюдаемым изменением климата, а с ускоряющимся освоением северных территорий, главным образом входящих в АЗРФ. Следовательно, совершенствование природоохранного законодательства должно быть направлено на снижение до допустимых пределов антропогенного воздействия на компоненты природной среды зоны многолетней мерзлоты в целях минимизации ее деградации, в ином случае, если своевременно не уделить данной проблеме должного внимания, окружающей среде может быть причинен значительный вред, который легко перечеркнет положительные эффекты от освоения Севера и его природных ресурсов. Для решения данной проблемы можно предложить следующие пути: первый — это совершенствование уже законодательства путем внесения в него соответствующих изменений, а также разработки и принятия необходимых подзаконных актов. Второй — принятие специального закона об охране зоны многолетней мерзлоты, отправной точкой для разработки которого может послужить Закон Республики Саха от 22 мая 2018 г. № 2006-3 № 1571-V «Об охране вечной мерзлоты в Республике Саха (Якутия)». По своей сути такой закон будет являться природоохранным актом, способным стать альтернативой специальному закону об охране окружающей среды АЗРФ, о необходимости принятия которого часто говорят представители юридической науки⁴⁶. В любом случае развитие законодательства в данной сфере является сложной задачей, требующей для своего решения усилий не только специалистов в области права, но и представителей таких наук, как мерзлотоведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баттахов П. П., Овчинникова Ю. С. Правовые аспекты предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 11. С. 100.
2. Бердникова Л. Н. Проблемы борьбы с пожарами в лесах Севера // Системы. Методы. Технологии. 2021. № 2 (50). С. 165.
3. Бойцов А. В. Геокриология и подземные воды криолитозоны: учеб. пособие. Тюмень, 2011. С. 5–9, 136–138.
4. Босиков Н. П., Исаев А. П., Иванова Е. И. и др. Ритмы развития аласных экосистем в Центральной Якутии // Наука и образование. 2012. № 2. С. 52–57.
5. Браун Дж., Граве Н. А. Нарушение поверхности и ее защита при освоении Севера. Новосибирск, 1981.
6. Бринчук М. М. Арктика нуждается в особом правовом режиме природопользования и охраны природы: материалы науч.-практ. конф. и круглого стола «Арктика — территория устойчивого развития и сотрудничества» и круглого стола «Правовые проблемы социально-экономического и инновационного развития Арктического региона России». М., 2018. С. 30, 31.
7. Бринчук М. М. Экологические требования — основа законов природы и общества // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 2 (40). С. 21, 22.
8. Бринчук М. М. Экологическое право: объекты экологических отношений. М., 2011. С. 8, 11, 12.
9. Данилов И. Д. Криолитозона Земли и ее районирование // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. № 1. С. 12–18.
10. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год. М., 2021. С. 7, 43, 44.
11. Куделькин Н. С. Правовое регулирование оленеводства // Сельское хозяйство. 2022. № 1. С. 27–36.
12. Маслов А. Д., Осадчая Г. Г., Тумель Н. В., Шполянская Н. А. Основы геокриологии: учеб. пособие. Ухта, 2005. С. 12.
13. Николаев А. Н. Дендрохронологический анализ природных процессов в криолитозоне (на примере Центральной Якутии): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Якутск, 2011. С. 1.
14. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году. Государственный доклад. М., 2021. С. 295.
15. Общее мерзлотоведение (геокриология) / под ред. В. А. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978. С. 5.
16. Савенков А. Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 1. С. 35, 36.
17. Трофимов В. Т., Королев В. А., Вознесенский Е. А. и др. Грунтоведение / под ред. В. Т. Трофимова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 13, 14.
18. Шац М. М. Освоение минеральных ресурсов криолитозоны // Климат и природа. 2021. № 2 (39). С. 39–41, 44, 45.
19. Шепелев В. В. О водообменной роли криолитозоны // Подземная гидросфера: материалы XXIII Всеросс. совещания по подземным водам востока России с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 308–311.
20. Шполянская Н. А., Осадчая Г. Г., Малкова Г. В. Современное изменение климата и реакция криолитозоны (на примере Западной Сибири и Европейского Севера России) // Географическая среда и живые системы. 2022. № 1. С. 8, 24, 25.

⁴⁶ См., напр.: Савенков А. Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 1. С. 35, 36; Бринчук М. М. Арктика нуждается в особом правовом режиме природопользования и охраны природы: материалы науч.-практ. конф. и круглого стола «Арктика — территория устойчивого развития и сотрудничества» и круглого стола «Правовые проблемы социально-экономического и инновационного развития Арктического региона России». М., 2018. С. 30, 31.

21. *Hjort J., Streletskiy D., Doré G. et al.* Impacts of permafrost degradation on infrastructure // *Nat Rev Earth Environ.* 2022. No. 3. Pp. 24–38.
22. *Magnússon R.Í., Hamm A., Karsanaev S.V. et al.* Extremely wet summer events enhance permafrost thaw for multiple years in Siberian tundra // *Nat Commun.* 2022. No. 13. P. 1556.
23. *Wild B., Shakhova N., Dudarev O. et al.* Organic matter composition and greenhouse gas production of thawing subsea permafrost in the Laptev Sea // *Nat Commun.* 2022. No. 13. P. 5057.
11. *Kudelkin N.S.* Legal regulation of reindeer husbandry // *Agriculture.* 2022. No. 1. Pp. 27–36 (in Russ).
12. *Maslov A.D., Osadchaya G.G., Tumel N.V., Shpolyanskaya N.A.* Fundamentals of geocryology: textbook. Ukhta, 2005. P. 12 (in Russ).
13. *Nikolaev A.N.* Dendrochronological analysis of natural processes in the permafrost zone (Central Yakutia): abstract ... Doctor of Biological Sciences. Yakutsk, 2011. P. 1 (in Russ).
14. On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2020. State Report. M., 2021. P. 295 (in Russ.).
15. General Permafrost Studies (Geocryology) / under the editorship of V.A. Kudryavtsev. 2nd ed., rev. and supplemented. M., 1978. P. 5 (in Russ).
16. *Savenkov A.N.* The Arctic: legal aspects of cooperation and sustainable development // *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS.* 2018. Vol. 13. No. 1. Pp. 35, 36 (in Russ).
17. *Trofimov V.T., Korolev V.A., Voznesenskiy E.A. et al.* Ground science. M., 2005. Pp. 13, 14 (in Russ).
18. *Shatz M.M.* Development of mineral resources of the cryolitho zone // *Climate&Nature.* 2021. No. 2 (39). Pp. 39–41, 44, 45 (in Russ).
19. *Shepelev V.V.* About the water exchange role of the cryolithozone // *Underground hydrosphere: materials of the XXIII All-Russian Meeting on Groundwater in the East of Russia with international participation.* Irkutsk, 2021. Pp. 308–311 (in Russ).
20. *Shpolyanskaya N.N., Osadchay G.G., Malkova G.V.* Modern climate change and permafrost reaction (on the example of Western Siberia and the European North of Russia) // *Geographical Environment and Living Systems.* 2022. No. 1. Pp. 8, 24, 25 (in Russ).
21. *Hjort J., Streletskiy D., Doré G. et al.* Impacts of permafrost degradation on infrastructure // *Nat Rev Earth Environ.* 2022. No. 3. Pp. 24–38.
22. *Magnússon R.Í., Hamm A., Karsanaev S.V. et al.* Extremely wet summer events enhance permafrost thaw for multiple years in Siberian tundra // *Nat Commun.* 2022. No. 13. P. 1556.
23. *Wild B., Shakhova N., Dudarev O. et al.* Organic matter composition and greenhouse gas production of thawing subsea permafrost in the Laptev Sea // *Nat Commun.* 2022. No. 13. P. 5057.

REFERENCES

1. *Battakhov P.P., Ovchinnikova Yuю S.* Legal aspects of business activity in the Arctic zone of the Russian Federation // *State and Law.* 2022. No. 11. P. 100 (in Russ).
2. *Berdnikova L.N.* Problems of fire control in the forests of the north // *Systems. Methods. Technologies.* 2021 No. 2 (50). P. 165 (in Russ).
3. *Boitsov A.V.* Geocryology and groundwater of cryolithozone. Tyumen, 2011 (in Russ).
4. *Bosinov N.P., Isaev A.P., Ivanova E.I. et al.* Rhythms of development of alasny ecosystems of the Central Yakutia // *Science and education.* 2012. No. 2. Pp. 52–57 (in Russ).
5. *Braun J., Grave N.A.* Disturbance of the surface and its protection during the exploration of the North. Novosibirsk, 1981 (in Russ).
6. *Brinchuk M.M.* The Arctic needs a special legal regime of nature management and nature protection: materials of the Scientific and Practical Conference and the Round Table “The Arctic is the territory of sustainable development and cooperation” and the Round Table “Legal problems of socio-economic and innovative development of the Arctic region of Russia”. M., 2018. Pp. 30, 31 (in Russ).
7. *Brinchuk M.M.* Environmental requirements are the basis of the laws of nature and society // *Astrakhan Herald of Ecological Education.* 2017. No. 2 (40). Pp. 21, 22 (in Russ).
8. *Brinchuk M.M.* Environmental Law: objects of environmental relations. M., 2011. Pp. 11, 12 (in Russ).
9. *Danilov I.D.* Cryolithozone of the Earth and its zoning // *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. The series is geographical.* 1983. No. 1. Pp. 12–18 (in Russ).
10. Report on the peculiarities of the climate in the territory of the Russian Federation for 2020. M., 2021. Pp. 7, 43, 44 (in Russ.).
11. *Kudelkin N.S.* Legal regulation of reindeer husbandry // *Agriculture.* 2022. No. 1. Pp. 27–36 (in Russ).
12. *Maslov A.D., Osadchaya G.G., Tumel N.V., Shpolyanskaya N.A.* Fundamentals of geocryology: textbook. Ukhta, 2005. P. 12 (in Russ).
13. *Nikolaev A.N.* Dendrochronological analysis of natural processes in the permafrost zone (Central Yakutia): abstract ... Doctor of Biological Sciences. Yakutsk, 2011. P. 1 (in Russ).
14. On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2020. State Report. M., 2021. P. 295 (in Russ.).
15. General Permafrost Studies (Geocryology) / under the editorship of V.A. Kudryavtsev. 2nd ed., rev. and supplemented. M., 1978. P. 5 (in Russ).
16. *Savenkov A.N.* The Arctic: legal aspects of cooperation and sustainable development // *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS.* 2018. Vol. 13. No. 1. Pp. 35, 36 (in Russ).
17. *Trofimov V.T., Korolev V.A., Voznesenskiy E.A. et al.* Ground science. M., 2005. Pp. 13, 14 (in Russ).
18. *Shatz M.M.* Development of mineral resources of the cryolitho zone // *Climate&Nature.* 2021. No. 2 (39). Pp. 39–41, 44, 45 (in Russ).
19. *Shepelev V.V.* About the water exchange role of the cryolithozone // *Underground hydrosphere: materials of the XXIII All-Russian Meeting on Groundwater in the East of Russia with international participation.* Irkutsk, 2021. Pp. 308–311 (in Russ).
20. *Shpolyanskaya N.N., Osadchay G.G., Malkova G.V.* Modern climate change and permafrost reaction (on the example of Western Siberia and the European North of Russia) // *Geographical Environment and Living Systems.* 2022. No. 1. Pp. 8, 24, 25 (in Russ).
21. *Hjort J., Streletskiy D., Doré G. et al.* Impacts of permafrost degradation on infrastructure // *Nat Rev Earth Environ.* 2022. No. 3. Pp. 24–38.
22. *Magnússon R.Í., Hamm A., Karsanaev S.V. et al.* Extremely wet summer events enhance permafrost thaw for multiple years in Siberian tundra // *Nat Commun.* 2022. No. 13. P. 1556.
23. *Wild B., Shakhova N., Dudarev O. et al.* Organic matter composition and greenhouse gas production of thawing subsea permafrost in the Laptev Sea // *Nat Commun.* 2022. No. 13. P. 5057.

Сведения об авторе

КУДЕЛЬКИН Николай Сергеевич —
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KUDELKIN Nikolay S. —
PhD in Law,
Leading Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 341.3

ОСОБЕННОСТИ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© 2024 г. О. Г. Боброва

*Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: sushkoolga@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2023 г.

Аннотация. В статье сформулированы теоретические подходы к понятию, признакам, характеристикам правоотношений, складывающихся в период гибридной войны. Выявлена система факторов, детерминирующих развития правового обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях специальной военной операции. Обоснована гипотеза, согласно которой специальная военная операция является ответом на гибридную войну против России. При этом гибридная война представляет собой явление, в рамках которого коалиция атакующих государств использует комбинацию военных и невоенных мер, полисубъектность, многосферность, включая правовое пространство. Такой подход закреплен не только в военно-правовой доктрине, но и в международных актах государств — членов НАТО в целом и США в частности. Указанные факторы определяют необходимость внесения изменений в систему нормативно-правового регулирования обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее военно-политических союзников (государства — члены ОДКБ) торгово-экономических партнеров (государства — члены ЕАЭС). Предложены методологические подходы к исследованию гибридной войны как правового явления, с которой как с войной четвертого поколения Россия сталкивается в рамках специальной военной операции сейчас и скорее всего столкнется в будущем в рамках концепции глобальной конкуренции государств. В статье представлены результаты применения общенаучных и частнонаучных методов (методология системного анализа, метод обращения к другим наукам, специально-юридический метод и др.) к формулировке правовой характеристики гибридной войны (понятие, структура правоотношений, место и роль права в противодействии угрозам гибридной войны) с учетом специальной военной операции и необходимости обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации.

Ключевые слова: специальная военная операция, военное право, суверенитет, гибридная война, военная безопасность, правовая неопределенность, государственная граница, государственная безопасность, методология, невоенные меры.

Цитирование: Боброва О. Г. Особенности гибридных угроз безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2023. № 3. С. 117–128.

DOI: 10.31857/S1026945224030118

FEATURES OF HYBRID THREATS TO THE SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

© 2023 O. G. Bobrova

*The Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: sushkoolga@mail.ru

Received 16.09.2023

Abstract. The article formulates theoretical approaches to the concept, signs, and characteristics of legal relations that develop during the hybrid war. A system of factors determining the development of legal security of the State border of the Russian Federation in the context of a special military operation has been identified. The hypothesis is substantiated, according to which a special military operation is a response to a hybrid war against Russia. At the same time, hybrid warfare is a phenomenon in which a coalition of attacking states uses a combination of military and non-military measures, polysubjectivity, multi-sphere, including legal space. This approach is enshrined not only in military legal doctrine, but also in international acts of NATO member states in general and the United States in particular. These factors determine the need to make changes to the system of regulatory and legal regulation of ensuring military security of the Russian Federation and its military and political allies (CSTO member states) trade and economic partners (EAEU member states). Methodological approaches to the study of hybrid warfare as a legal phenomenon are proposed, which Russia is facing as a fourth-generation war within the framework of a special military operation now and is likely to face in the future within the framework of the concept of global competition of states. The article presents the results of the application of general scientific and private scientific methods (methodology of system analysis, method of referring to other sciences, special legal method, etc.) to the formulation of the legal characteristics of hybrid warfare (concept, structure of legal relations, place and role of law in countering threats of hybrid warfare), taking into account a special military operation and the need to ensure the security of the State border of the Russian Federation.

Key words: special military operation, Military Law, sovereignty, hybrid war, military security, legal uncertain, state border, state security, methodology, non-military measures.

For citation: Bobrova, O. G. (2024). Features of hybrid threats to the security of the Russian Federation: theoretical and legal analysis // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 3, pp. 117–128.

Актуальность исследования вопросов правового обеспечения противодействия угрозам гибридной войны (и специальной военной операции (СВО) как ответа на нее) обусловлена следующими обстоятельствами:

1. Научно-технический прогресс и развитие общественных отношений в части создания и применения новейших информационно-коммуникационных технологий обуславливает изменение «военно-оперативной обстановки, как следствие форм, методов и технологий вооруженной борьбы и предопределяет усложнение конкурентного противостояния государств»¹.

2. Высшая степень опасности для государства и общества, которую несет гибридная война, — утрата суверенитета и государственности, распад Российской Федерации.

3. Недостаточная теоретическая разработанность понятия и сущности гибридной войны на фоне исследований указанного явления с позиции политологии, философии, социологии, истории; существование «терминологических разночтений», отсутствие единой «системы координат»² по исследуемой закономерности, что препятствует созданию единого понятийного аппарата и разработке нормативных правовых актов в сфере обороны и безопасности Российской Федерации.

4. Состояние действующего российского законодательства в области обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны. Федеральные законы «Об обороне», «О воинской обязанности», «О статусе военнослужащих», а также Военная доктрина, Стратегия национальной безопасности и иные нормативные правовые акты не позволяют обеспечить национальную безопасность в мирное время, в угрожаемый период и во время гибридной войны или вооруженного конфликта. В п. 15 Военной

доктрины РФ лишь упоминаются меры невоенного характера; в п. 13 Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. говорится о том, что целью гибридной войны США и их союзников против России выступает всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности³.

5. Недостаточное отражение в международных договорах Российской Федерации (у государств — членов НАТО имеется обширные международные договоры и акты по ведению гибридной войны против России)⁴. В п. 11 Военной доктрины Союзного государства описательно приводятся отдельные характеристики гибридной войны (разработка отдельными государствами механизмов развязывания внутренних вооруженных конфликтов в других государствах в целях смены действующей в них государственной власти или нарушения их территориальной целостности с использованием возможностей сил специальных операций, частных военных компаний и незаконных вооруженных формирований). О необходимости подготовки к отражению гибридных атак многократно заявляло

³ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

⁴ См.: Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. 5 Sep. 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 20.02.2023); Brussels Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021 14 Jun. 2021 -|Press Release (2021) 086. Issued on 14 Jun. 2021| Last updated: 17 Jun. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=en https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 20.02.2023). NATO 2022 Strategic Concept. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 30.07.2022); Vilnius Summit Communiqué Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения: 06.08.2023).

¹ Гареев М.А., Дербин Е.А., Турко Н.И. Дискурс: методология и практика совершенствования стратегического руководства обороной страны с учетом характера будущих войн // Вестник Академии военных наук. 2019. № 1. С. 4.

² Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 158.

не только военно-политическое руководство России⁵, но и Генеральный секретарь ОДКБ⁶. Он отметил, что Организация не в полной мере готова к отражению гибридных атак.

6. Необходимость осмысления задействованных военных и невоенных мер противника, их концептуальной основы, имеющей юридическую силу, обличенной в форму международных договоров государств — членов НАТО и нормативных правовых актов национального законодательства недружественных (враждебных) государств.

7. Разнотечие в понимании роли международного права как инструмента гибридной войны против России: а) с одной стороны, игнорирование норм международного права; б) с другой — попытка насаждения доктринальных подходов, характерных для англо-саксонской правовой семьи (США и государств — членов НАТО) как единственно верных всему мировому сообществу, включая Россию и ее военно-политических союзников и торгово-экономических партнеров.

8. Востребованность российского опыта противодействия гибридным угрозам в рамках операций в Сирийской Арабской Республике, на Украине, Нагорном Карабахе. Он может стать модельным и выступить основой для разработки международных соглашений по борьбе с гибридными угрозами в рамках ОДКБ, ШОС, иных международных организаций.

9. Необходимость комплексного противодействия атакам и операциям по системной дестабилизации социально-политической и экономической обстановки, инструментами которых выступают враждебные действия в информационном пространстве. Поскольку гибридные угрозы носят комплексный характер, ответ на них со стороны государства также должен быть скоординированным. Так, в части обеспечения безопасности Государственной границы речь идет о взаимодействии Вооруженных Сил РФ, пограничных органов, войск национальной гвардии, сил территориальной обороны, органов исполнительной власти приграничных субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Требуется совершенствование регулирования.

Теоретико-правовые основы понятия и сущности гибридной войны: российский и зарубежный подходы

Отечественные научные подходы к пониманию сущности гибридной войны как общественного и правового явления

Термин «гибридная война», отражающий тенденции в сфере военно-силового и информационного взаимодействия государств, присутствует в российской научной и экспертной терминологии, но правовое содержание его не детерминировано. Кроме того, ведется научная дискуссия о допустимости использования термина «гибридная война» в правовом контексте и о возможностях его закрепления в российском и международном праве.

В российских научных юридических источниках было высказано мнение, что «перспективы включения термина

«гибридная война» в аппарат международного права весьма туманны. Можно также констатировать, что «гибридная война» стала журналистским клише для обозначения действий государств, не вписывающихся в рамки традиционной военно-силовой парадигмы, и это крайне отрицательно сказывается на перспективах нормативно-правового регулирования данного явления⁷. Разработанная зарубежная правовая доктрина ведения против России гибридной войны, основанная на ней система регулирования и правоприменительная практика государств — членов НАТО и недружественных государств опровергает эту точку зрения.

Гибридная война представляет собой комплексное явление. Ее сущностная природа рассмотрена с позиции различных социальных наук в рамках социологии, политологии, философии, военных наук⁸. Предпринимаются редкие попытки осмысления элементов гибридной войны с позиции правовой науки⁹.

Применение систематического обзора эмпирических российских и зарубежных исследований, относящихся к различным общественным наукам, к понятию «гибридная война», позволяет говорить о существовании таких терминов как: гибридные угрозы, невоенные средства, «мягкая сила», «асимметричные действия», «мировые отношения»,

⁷ Сазонова К.Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 178.

⁸ См.: Кривко М.А. Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 43–48; Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2018. № 1. С. 26–46; Ковалёв А.А. Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 5. С. 975–986; Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 253–258; Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 36. С. 53–60; Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2019. № 4. С. 93–99; Бартош А.А. Сдерживание в военных конфликтах XXI века. М., 2021; Егоров В.В. Взаимодействие в гибридной войне // Военная мысль. 2022. № 4. С. 6–23; Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М., 2018; Суворов В.Л., Малащенко О.А., Косенко В.А. Стратегия «непрямых действий» в современной международной политике. М., 2015; Маркина С.В. От стратегий «невоенных угроз» до стратегии «гибридной войны»: вызовы национальной безопасности России // Человеческий капитал. 2016. № 11 (95). С. 79–82; Шагов А.Е. История происхождения и эволюция концепции и методов ведения гибридной войны. М.: Мир науки, 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://izdmmn.com/PDF/52MNNPM22.pdf>

⁹ См.: Рыльская М.А. Кибервойна: новый взгляд на проблему семантической и правовой идентификации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 243–250; Аулов В.К. Информационное противоборство: «мягкая сила» и другие смежные категории военного права // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 9–19; Голоскоков Л.В. Стратегия развития страны в условиях гибридных войн // Трансформация национальной социально-экономической системы России: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 26 ноября 2021 года. М., 2022. С. 18–22; Зубарев Н.В. Некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в системе противодействия гибридным угрозам // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 3 (296). С. 82–89; Романовский Г.Б. Право, гибридные угрозы и борьба с терроризмом // Академический юрид. журнал. 2022. Т. 23. № 1 (87). С. 21–29.

⁵ См.: Запад повышает вероятность начала мировой войны, заявил Медведев. URL: <https://ria.ru/20221116/voyna-1831838996.html> (дата обращения: 29.11.2022); Гибридная война Запада против России и мирная работа ШОС. О чем говорил Патрушев в Ташкенте. URL: <https://tass.ru/politika/15511991> (дата обращения: 20.06.2022); Лавров заявил об объявленной Западом тотальной гибридной войне. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/05/2022/627fa0009a7947615d3ee079> (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ См.: Генсек ОДКБ заявил о неготовности организации к гибридным атакам. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2022/63839cea9a7947f2e262799f> (дата обращения: 30.05.2023).

«новые» войны»¹⁰, «гибридные атаки», квазивойна, прокси-война, опосредованная война, суррогатная война¹¹ и др.

Обоснованной видится позиция А. Н. Савенкова и А. В. Кудашкина, которые утверждают, что цивилизационный кризис в полной мере коснулся права. «Разрушение сложившегося миропорядка ведет к снижению возможностей средствами международного права обеспечивать мир и добрососедские отношения между государствами. Для современного миропорядка не характерно ведение классических войн»¹². Этим и объясняется наличие такого феномена как гибридные войны, «которые представляют актуальнейшую угрозу военной безопасности России»¹³. Складывающиеся военные общественные отношения по поводу противодействия гибридным угрозам и обеспечению безопасности Государственной границы Российской Федерации могут быть отнесены к предмету военного права.

Такой вывод актуален не только с точки зрения военно-правовой науки, но и правоприменительной практики в условиях специальной военной операции, в ходе которой «Вооруженные Силы РФ столкнулись с объективной востребованностью разработки конкретных институтов и проблем военного права»¹⁴.

Указанные факторы предопределяют необходимость ревизии доктрины военного права на предмет формулировки понятия и характеристик гибридной войны. Нам близка позиция, согласно которой «в настоящее время в международно-правовом дискурсе “гибридная война” представляет собой “зонтичный термин”, призванный обозначить различные способы воздействия на противника, находящиеся за пределами классического военно-силового противостояния»¹⁵.

Как отмечает И. В. Холиков, «представляется оптимальным понимание современной войны как крайней формы антагонистического противоборства между цивилизациями, государствами, народами, социальными группами, которое может вестись в различных формах и их сочетаниях — идеологической, экономической, психологической дипломатической, информационной, вооруженной и др.»¹⁶.

В начале XX в. о возможном генезисе войн говорили выдающиеся российские военные теоретики

А. А. Свечин¹⁷ и А. Е. Снесарев¹⁸. Теоретические основы генезиса современных войн развивали научные школы Военного университета Министерства обороны РФ¹⁹ и Военной академии Генерального Штаба Вооруженных Сил РФ. По итогам проведенных исследований было сформулировано определение гибридной войны как «военной стратегии, объединяющей обычную войну, позволяющую сохранять конкурентные преимущества противоборствующего государства при использовании традиционных способов ведения войны и стандартных вооружений с одновременным использованием асимметричных/нетрадиционных и неконвенционных методов ведения войны»²⁰. Ученые обосновали выделение гибридной войны как нового типа войны поскольку «противоборствующие стороны (или, как правило, одна из них — противоборствующее государство) ведут организованную борьбу одновременно в нескольких формах; при этом какая-либо одна из форм борьбы не имеет преобладания, что позволяет трактовать ее как новый тип войны, имеющий специфическое содержание»²¹.

Характеризуя место гибридной войны в стратегиях и концепциях войны государств — членов НАТО, российские военные теоретики отмечают, что что гибридные действия могут выступать первым (подготовительным) этапом «в рамках многосферной операции в едином информационноуправляющем пространстве возглавляемого США коалиционного военного потенциала НАТО против сильного противника (Россия, КНР) с широким привлечением военных и гражданских возможностей блока, стран-партнеров, международных и неправительственных организаций в интересах разрешения конфликта на условиях альянса»²².

Таким образом, учеными были сформулированы следующие тезисы об эволюции современных войн и гибридного их характера, которые влияют на подходы к правовому обеспечению противодействия угрозам военной безопасности: 1) характеристика войны как элемента глобальной политики, изменчивость ее форм и методов, но неизменность цели — уничтожение суверенитета противника; 2) генезис войны как всеохватывающего противоборства воюющих сторон, а не только противоборства в военной сфере; 3) появление нового типа войны — гибридной войны, в которой государства-противники ведут организованную борьбу одновременно в нескольких равнозначных формах, в различных сферах, помимо военных, но влияющих на нее: экономической, политической, информационной, когнитивной, экологической и т. д.; 4) выделение роли экономических инструментов ведения войны и противостояния враждебным действиям как ключевого направления по «поражающей силе» сопоставимого с военным вторжением, уничтожением населения и инфраструктуры; 5) военные и гражданские субъекты,

¹⁰ Селиванов А. А. Технология подготовки и ведения «новых» войн // 75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. науч. отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук: в 2 т. Москва, 12 марта 2020 года. М., 2020. С. 331.

¹¹ См.: Рылская М. А. Указ. соч. С. 243.

¹² Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 18.

¹³ Якин А. В. Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Государство и право. 2023. № 6. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Сазонова К. Л. Указ. соч. С. 179.

¹⁶ Гаврилов С. О., Глебов И. Н., Чукин С. Г., Холиков И. В. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право» // Государство и право. 2022. № 12. С. 60.

¹⁷ См.: Свечин А. А. Стратегия. М. — Л., 1926.

¹⁸ См.: Снесарев А. Е. Философия войны. М., 2013. С. 142.

¹⁹ См.: Гибридные войны XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (29 января 2015 г.). М., 2015; Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (17 декабря 2015 г.). М., 2016.

²⁰ Суворов В. Л., Турченко И. Н. Гибридная война как социально-политическое явление. М., 2017. С. 34.

²¹ Суворов В. Л., Малащенко О. А., Косенко В. А. Указ. соч. С. 109.

²² Фазлетдинов И. Р., Лумпов В. И. Роль Ракетных войск стратегического назначения в противодействии стратегической многосферной операции НАТО // Военная мысль. 2023. № 3. С. 53.

международные и неправительственные организации многосферной операции в едином информационноуправляющем пространстве, первый этап которой — гибридная война.

О связи права и гибридной войны обоснованно говорит проф. А.А. Першин. Его точка зрения, которую разделяем, состоит в том, что «в современных войнах противоборствуют не только вооруженные силы и их боевые средства, но и все различные средства участников»²³. Среди перечисленных видов противоборства он особо выделяет правовое, которое заключается в обосновании законности или противозаконности войны.

Если речь идет о законности войны, то логично предположить, что правом в общем и международным правом в частности предусмотрена юридическая ответственность для государства, которое развязало войну незаконно. Развивая тезис проф. А.А. Першина, можно согласиться с тезисом, что противоборствующее государство или группа государств, безбоязненно начинают гибридную войну против государства-мишени ввиду отсутствия международно-правовой ответственности за свои действия. «Для присвоения ответственности важны непосредственные последствия применения силы. А непосредственность последствий является очевидной лишь в тех случаях, когда агрессивное применение военной силы (регулируемое *jus ad bellum*) превышает установленные международным гуманитарным правом нормативные пороги (регулируемые *jus in bello*)». Следовательно, в случае отсутствия «нарушения мира, масштабных страданий людей, разрушения собственности, долговременного ущерба окружающей среде и т.д.»²⁴ нет оснований для привлечения к юридической ответственности агрессора, поскольку невозможно говорить об агрессии. Именно ее применение и является юридическим фактом, с которым связано возникновение оснований для квалификации деяния как нарушения норм международного права.

Указанные характеристики гибридной войны определяют сложности в правовом обеспечении организации обороны государства и подготовки военной организации. Развитие теории гибридной войны позволяет совершенствовать целостную систему правового обеспечения противодействия гибридным угрозам.

Зарубежные научные подходы к пониманию сущности гибридной войны как общественного явления

В иностранных научных источниках вопросам ведения гибридных войн в XX и XXI вв. уделено значительное внимание. Одними из основоположников теории гибридных войн стали русские военные теоретики зарубежья Н.Н. Головин²⁵ и Е.Э. Месснер²⁶. К научным работам, раскрывающим эволюцию войны и обретение ей характеристик гибридности, можно

отнести труды Э. Хобсбаума²⁷, М. ван Кревельда²⁸, Ф. Хоффмана²⁹, М. Калдор³⁰ и др.³¹

Обзор иностранных теоретических научных трудов по вопросам характера современных военных конфликтов позволил выделить следующие употребляемые термины: гибридная война, бесконтактная война, асимметричная война, политическая война, война через посредников (прокси-война), война полного спектра, нерегулярная война, война следующего поколения, война нового поколения, нелинейная война, нетрадиционная война и неограниченная война. При этом многие из указанных работ посвящены анализу деятельности России как «государству, ведущему гибридную войну против Украины с 2014 г.», а также «являющемуся источником гибридных угроз для государств — членов НАТО»³².

Исключительно высокий научный и практический интерес отмечен к явлению гибридной войны в КНР, где сложилось собственная альтернативная концепция «неограниченной войны»³³. Китайские ученые, эксперты, представители военнополитического руководства считают, что концепция гибридной войны была доведена до совершенства именно в России, «основанной на синтезе теории гибридной войны США и собственной практики операций в Сирии, Ливии, ДНР и ЛНР, и информационных операциях в Венесуэле. Этот концепт, по мнению китайских специалистов, уже получил международное признание»³⁴.

Таким образом, можно констатировать, что в трудах зарубежных военных теоретиков нашли отражение следующие

²⁷ См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2020. С. 309.

²⁸ См.: Кревельд М. ван Трансформация войны / пер. с англ. М., 2005. С. 7.

²⁹ См.: Hoffman F. Conflict in the 21st century: the Rise of Hybrid War. Arlington, 2007. P. 32; Hoffman F. On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs Hybrid Threats. War on the Rocks, Center for Strategic Research at the National Defense University, 2014. URL: <https://warontherocks.com/2014/07/on-not-so-new-warfare-political-warfare-vs-hybrid-threats/> (дата обращения: 23.01.2023).

³⁰ См.: Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. пер. А. Смирнов, В. Софронов. М., 2015. С. 9.

³¹ См., напр.: William S.L., Schmitt J.F., Sutton J.W., Wilson G.I. The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette, October 1989. Pp. 22–26. URL: http://d-n-i.net/fcs/4th_gen_war_gazette.htm (дата обращения: 23.01.2023).

³² См., напр.: Wright T.J. All Measures Short of War: The Contest for the Twenty-First Century and the Future of American Power, New Haven and London, 2017; Shida Junjiro. Haiburiddo Senso no Jidai: Nerawareru Minshushugi [The Age of Hybrid War: Democracy in Target]. Tokyo, 2021; Hoffman F.G. The Contemporary Spectrum of Conflict: Protracted, Gray Zone, Ambiguous, and Hybrid Modes of War. The Heritage Foundation, 2015; Cordesman A.H., Hwang G. The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. Washington, D.C., 2021; Elkus A. “Abandon All Hope, Ye Who Enter Here: You Cannot Save the Gray Zone Concept”, War on the Rocks, 2015; Hoffman F. Conflict in the 21st century: the Rise of Hybrid War; Hoffman F. Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly. 2009. No. 52; Pierce W.G., Douglas G.D., Marra M.A. Countering Gray-Zone Wars: Understanding Coercive Gradualism // Parameters. 2015. Vol. 45. No. 3; Pomerantsev P. Brave New War: A New Form of Conflict Emerged in 2015 — From the Islamic State to the South China Sea. The Atlantic, 2015; Ronfeldt D., Arquilla J. Whose Story Wins: Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft. Santa Monica, 2020; Schelling T.C. Arms and Influence. New Haven, Conn., 1966.

³³ Qiao Liang, Wang Xiangsui. Unrestricted Warfare. Beijing, 1999.

³⁴ Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 150.

²³ Першин А.А. Проблема сущности определения понятия «гибридные войны», состава их участников и приоритетов // Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (17 декабря 2015 г.). М., 2016. С. 52–60.

²⁴ Коростелёв С.В. К определению феномена гибридного применения силы и проблеме вмешательства во внутренние дела государства // Управленческое консультирование. 2021. № 12 (156). С. 37.

²⁵ См.: Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938.

²⁶ См.: Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 99 (Российский военный сборник).

признаки гибридной войны как «войны четвертого поколения»: 1) отрицание дихотомии «война-мир», существование государств в условиях постоянной конкуренции и стратегического противоборства; 2) отказ от четкой идентификации линии фронта и районов боевых действий; 3) направленность военных и невоенных мер не только на вооруженные силы и военные объекты, но и на общество (население) в целом, что выражается в широчайшем спектре невоенных мер в политической, экономической, информационной сферах; 4) активное вовлечение негосударственных акторов: террористических экстремистки групп, представителей организованных преступных сообществ, частных военных компаний, политической оппозиции.

Приведенные теоретические тезисы стали основой для разработки правовых норм, регламентирующих ведение гибридной войны против России и ее военно-политических и торгово-экономических союзников, о чем речь пойдет далее.

Методология исследования правоотношений, складывающихся в период гибридной войны

Предпосылками научного осмысления гибридной войны, поиска методологического аппарата познания ее правовой сущности выступает несколько факторов.

Практическое применение теории хаоса в совокупности с наработками в области т.н. «ненасильственных методов» и других технологий демонтажа политических режимов, вместе с революцией в области ИКТ, сетевых технологий и разработками рефлексивного управления позволили достичь принципиально нового уровня синергии от применения компонентов неклассической войны с результатом, сравнимым от прямого полномасштабного военного вторжения³⁵.

Следствием указанного тезиса стало изменение философии и концепции межгосударственных конфликтов. Это предопределяет необходимость «усовершенствования методологических оснований организации национальной обороны в современных условиях, имея в виду развитие знаний о построении взаимоувязанных моделей, методик, приемов, специальных программ и соответствующих практических решений в области планирования обороны страны как части стратегического планирования в Российской Федерации»³⁶.

Необходимость соблюдения логико-гносеологических закономерностей формулирования правовых категорий предопределяет постановку научной задачи по разработке теоретических положений и решению научной проблемы правового обеспечения противодействия угрозам гибридной войны. Названная задача имеет важнейшее политическое, социально-экономическое значение для обеспечения безопасности России.

Следовательно, руководствуясь подходом акад. С.С. Алексеева, можно утверждать, что изучение такого правового явления, как гибридная война, должно осуществляться на «практическом и философском уровне»³⁷. На практическом уровне с позиций аналитической юриспруденции научному осмыслению подлежат законодательство (включая военное), юридические нормы, права и обязанности, ответственность (правовой статус

государственных и негосударственных субъектов гибридной войны), другие правовые явления «под углом зрения присущей им логики, систематики, юридических черт, связей и соотношений, юридической техники и аналитики»³⁸.

Постановка такой задачи предопределяет необходимость применения общенаучных и частнонаучных методов. При этом следует отметить, что сущность гибридной войны, о которой говорилось выше, предопределяет ряд особенностей методологии ее познания:

1) постоянно расширяющийся инструментарий гибридной войны позволяет применять частно научные методы теории государства и права как «постоянно развивающейся, живой науки, находящейся в непрерывном поиске и служащей научным ориентиром государственно-правовой практике»³⁹;

2) необходимость отказа от «журналистских клише» (о чем говорилось ранее), политизированного конъюнктурного подхода, «вульгарных субъективистских и волюнтаристских истолкований государственно-правовых явлений»⁴⁰ предопределяет применение законов диалектики, отражение богатства жизненных процессов в философских категориях.

Вышеназванные обстоятельства свидетельствуют о том, что исследование сущности гибридной войны и правового обеспечения противодействия гибридным угрозам может быть осуществлено с применением следующих методологических подходов теории государства и права и военно-правовой науки:

1. С помощью методологии системного анализа был сформулирован вывод о высшей степени опасности для государства и общества, которую несет гибридная война — угроза уничтожения суверенитета. Системный метод позволил изучить «системообразующие структурные элементы государства и права, прямого и обратного влияния на государство и право внутренней и внешней среды, для предупреждения противоречий и «возмущений» в правовой и государственной системах»⁴¹ при создании комплексной системы правового обеспечения противодействия угрозам гибридной войны в целом и защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации в частности. В рамках гибридной войны влияние внешней среды на право выражается в военной агрессии, враждебной позиции государств в международных отношениях, экономических санкциях и др.; влияние внутренней среды на право заключается в необходимости правового реагирования на деструктивную оппозиционную деятельность, работу иностранных агентов. Возмущение в правовой и государственной системах обусловлены несогласованностью, несоординированными действиями публично-правовых субъектов в противодействии гибридным угрозам. Таким образом, как справедливо указывает проф. В.В. Кудашкин, «применением системного метода означает теоретическое исследование объективных, представляющих собой сложную развивающуюся систему, в целях определения механизмов функционирования, развития и поддержке

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ Там же. С. 8.

⁴⁰ Там же. С. 12.

⁴¹ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть: учеб. и практикум. М., 2021. С. 47.

³⁵ См.: Стригунов К.С., Манойло А.В. Указ. соч. С. 180.

³⁶ Гареев М.А., Дербин Е.А., Турко Н.И. Указ. соч. С. 13.

³⁷ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 4.

целостности этих систем»⁴². В развитие тезиса ученого об обоснованности применения системного метода нами была дана характеристика общественным отношениям, складывающимся в период гибридной войны.

2. С помощью метода обращения к другим наукам была выявлена недостаточная четкость именно теоретико-правовой разработки понятия и сущности гибридной войны на фоне исследований указанного явления с позиции политологии, философии, социологии, истории.

3. Применение формально-догматического (специально-юридического) метода позволило установить, что состояние действующего законодательства в области обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны (п. 15 Военной доктрины РФ: меры невоенного характера). Формально-юридический метод помог описать, классифицировать и систематизировать такой государственно-правовой феномен как новый тип войны — гибридная война, исследовать ее внешнюю и внутреннюю формы (понятие, структура правоотношений).

4. Метод сравнительно-правового исследования был применен для формулировки вывода о том, что осуществлено нормативно-правовое закрепление инструментов гибридной войны, применяемых против России, в международно-правовых актах государств — членов НАТО. Система нормативно-правового регулирования противодействия гибридным угрозам в праве России и ее военно-политических и торгово-экономических партнеров не выявлена.

5. Метод государственного и правового моделирования позволил разработать «наилучшую схему организации государственного аппарата при формировании системы законодательства»⁴³ по вопросам обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации др. Кроме того, на основании правового моделирования была детерминирована структура правоотношений, складывающихся в период гибридной войны с участием государственных и негосударственных субъектов в рамках военных и невоенных мер.

6. Методом конкретно-социологического исследования установлено, что ведется информационное противоборство с помощью зарубежных «научных» и «аналитических» материалов в доктринальной сфере. С 2014 г. в общественное сознание, экспертное и научное сообщество последовательно внедряется тезис, что Россия ведет «гибридную войну» против Украины, якобы применяя при этом «теракты на объектах жизнеобеспечения, действия организованных преступных групп в сочетании с традиционными военными мерами для достижения своих политических целей»⁴⁴.

⁴² Кудашкин В. В. Системный метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 9 (314). С. 7.

⁴³ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 9.

⁴⁴ Дикий Е. Гибридная война России: опыт Украины для стран Балтии. Вильнюс, 2016; Karber P., Thibault J. Russia's New-Generation Warfare. Association of the United States Army, 2016; Kennan G., Pettyjohn S. L., Wasser B. Competing in the Gray Zone: Russian Tactics and Western Responses. Santa Monica, Calif., 2019; Connable B., Young S., Pezard S. et al. Russia's Hostile Measures: Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition. Santa Monica, Calif., 2020; Connell M. E., Evans R. Russia's "Ambiguous Warfare" and Implications for the U.S. Arlington, Va., 2015; Cordesman A. H., Hwang G. Op. cit.

Следовательно, научные труды, военно-правовое доктринальное понимание гибридной войны являются инструментами не только противодействия гибридным угрозам, но и активного продвижения позиции российского военно-политического руководства, выступают элементами той самой «мягкой силы», которую Россия может использовать на площадках международных организаций (универсальных, региональных) для закрепления в нормах международного права, установления выгодного нашему государству и странам — партнерам миропорядка.

Понятие гибридной войны, характеристика правоотношений, складывающихся в период гибридной войны

Проведенное исследование позволило определить особенности правоотношений, возникающих во время гибридной войны:

1) цель: уничтожение основ конституционного строя и суверенитета государства-мишени, смена формы государственно-правового устройства и легитимно избранного военно-политического руководства либо принуждение действующего руководства к безоговорочному выполнению воли противоборствующего государства;

2) средства: применяются скрытые средства борьбы с государством-мишенью, которые позволяют противоборствующему государству, формально не нарушая нормы международного права и не рискуя быть привлеченным к юридической ответственности, скрывать свою причастность к гибридным атакам;

3) охват: применение средств гибридной войны оказывает воздействие на весь государственно-правовой механизм, а не только на военную организацию государства. Причем воздействие невоенными средствами по разрушительной силе может быть сопоставимо либо превосходить военные средства. Однако нормы международного права предусматривают ответственность только за неправомерную военную агрессию, что позволяет противоборствующему государству, применяющему невоенные меры, оставаться безнаказанным;

4) правовое регулирование: подмена норм международного права правилами, устанавливаемыми противоборствующим государством, либо игнорирование действующих правовых норм, денонсация международных договоров в сфере обороны и безопасности, игнорирование юридически обязательных решений универсальных и региональных международных организаций. Кроме того, отмечены попытки исключить государство-мишень из международного правового пространства путем введение нелегитимных санкций (политических, экономических, дипломатических);

5) роль права: в рамках гибридной войны право обеспечивает военные действия, а иногда и предшествует им, выступает инструментом атаки в противовес сложившейся ранее практике, при которой победителю в военном конфликте принадлежало право установления нового международного правопорядка;

6) отказ от дихотомии «война-мир» нивелирует нормы международного и национального права, устанавливающие юридические факты начала и окончания войны, порядок объявления войны, введение военного положения, заключения мирного договора;

7) смешение правовых понятий войны (как следствия военной агрессии) и «неинтервенционного насильственного контроля («цветные» революции, гибридные войны, международный терроризм)»⁴⁵. В качестве примера можно привести гибридную атаку на Республику Казахстан в январе 2022 г., отраженную Коллективными силами оперативного реагирования ОДКБ.

Таким образом, под гибридной войной предлагаем понимать военную стратегию, объединяющую военные меры и невоенные меры в различных сферах жизни общества (экономической, политической, информационной, духовной). К мерам гибридной войны относятся военные и невоенные: управляемые противоборствующим государством террористические атаки и оппозиционные протестные движения, миграционные движения населения, экономические блокады и эмбарго, информационно-психологические операции, кибератаки, биологические атаки (распространение искусственно созданных вирусов, патогенных бактерий, микроорганизмов).

Характеристика элементов правоотношений, складывающихся во время специальной военной операции на Украине как ответ на гибридную войну против России

К элементам правоотношений, складывающихся в период СВО как ответ на гибридную войну, учет которых требуется при разработке нормативных актов органов военного управления, относятся субъекты, объекты и содержание.

1. Субъекты:

государственные (публично-правовые) (вооруженные силы, иные войска, воинские формирования противоборствующих сторон — участники вооруженного конфликта);

негосударственные (террористы, частные военные компании, «неправительственные гуманитарные организации», которые выступают прикрытием для военных инструкторов, наемников, советников, находящихся в зоне вооруженного конфликта или в «серой зоне» под видом сотрудников неправительственных гуманитарных организаций), члены организованных преступных групп, вооруженная оппозиция. Военное-политическое руководство государств — членов НАТО и Украины использует диверсионно-террористические группы на территории приграничных субъектов Российской Федерации.

Полисубъектный состав правоотношений в рамках гибридной войны настолько отличается от традиционных военных конфликтов (как можно наблюдать со времен начала войны в Сирийской Арабской Республике, в рамках СВО на Украине), что регулярные вооруженные силы применяются для достижения поставленных противоборствующим государством целей субсидиарно по отношению к иррегулярным вооруженным формированиям в соответствии с принципом рационального расходования бюджетных средств. Такое положение дел оказывает сильнейшее влияние на содержание правоотношений.

На военно-политическое руководство и регулярные вооруженные силы как публично-правовые субъекты возлагаются обязанности по соблюдению норм международного права в целом и международного гуманитарного права

в частности. Иррегулярные вооруженные формирования такими обязательствами не связаны.

В этом отношении стабильность международно-правового регулирования вооруженных конфликтов выступает той конструкцией, которая появилась после Второй мировой войны и до настоящего времени закрепляет субъектный состав правоотношений: «обращение к применению силы является прерогативой как отдельного государства в целом, так и их объединений — универсальных и региональных международных организаций, а не их отдельных военных структур»⁴⁶. Следовательно, возникает такое положение дел, при котором значительный круг субъектов не охвачен системой правового регулирования, что порождает следующие вопросы: 1) на кого из субъектов (частно-правовых и публично-правовых) распространяется статус комбатанта и некомбатанта в условиях гибридной войны? 2) подлежат ли частноправовые субъекты, действующие в соответствии с заданием, приказом, договором с органами военной организации государства юридической ответственности за применение запрещенных методов и средств ведения войны? 3) распространяются ли на указанных субъектов нормы международного гуманитарного права?

Ответы на эти вопросы должны быть даны в рамках международных соглашений Союзного государства России и Беларуси, ОДКБ, в перспективе ШОС. Предлагаем следующие предварительные подходы, которые можно было бы закрепить в указанных соглашениях: предмет правового регулирования: скоординированное противодействие гибридным атакам; в случае, если одно или несколько государств — членов организации подверглись гибридной атаке, они могут обратиться с запросом в организацию за помощью (военной, экономической и т.д.); субъекты, юридически не относящиеся к военной организации договаривающейся стороны или иностранного государства, но действующие в интересах государства-противника (участие в боевых действиях), не являются комбатантом, не подлежат международно-правовой защите, а рассматриваются обоюбою стороной как наемник.

2. *Объекты:* элементы суверенитета (экономического, политического, технологического, информационного), которые стремятся ослабить или уничтожить противоборствующее государство в целях влияния на принятие политических решений в государстве-мишени, подчинению его себе.

3. *Содержание* правоотношений сложно детерминировать, что обусловлено несколькими факторами: а) правовой статус противоборствующего государства в процессе его деятельности в «серой зоне» (зоне правовой неопределенности) вокруг государства-мишени тщательно скрывается; б) гибридная война предполагает сочетание военных и невоенных мер.

Следовательно, при характеристике правоотношений, складывающихся в ходе применения военных мер, целесообразно прибегнуть к методу правового моделирования. Правовой моделью в определении прав и обязанностей субъектов исследуемых правоотношений могут выступать правоотношения, складывающиеся в ходе реализации норм Международного гуманитарного права. Однако стоит допустить сразу оговорку о неопределенном правовом статусе негосударственных субъектов (наемников, террористов и других представителей вооруженной оппозиции).

⁴⁵ Коростелёв С.В. Указ. соч. С. 40.

⁴⁶ Там же. С. 38.

Роль права в условиях гибридной войны

Проведенное исследование позволило определить роль права в условиях СВО как ответ России на гибридную войну:

1) минимизировать ситуацию правовой неопределенности, целенаправленно порождаемую одновекторными (однаправленными) действиями противника в различных сферах жизни общества. Это касается норм:

а) международного права в части правовой регламентации международного сотрудничества по противодействию гибридным угрозам:

военное и военно-техническое сотрудничество (например, направление контингента миротворческих ОДКБ сил для отражения гибридных атак в Республике Казахстан; региональная группировка войск и сил России и Беларуси для защиты государственных границ⁴⁷);

совместная борьба с терроризмом и организованной преступностью, в том числе противодействие контрабанде вооружения и военной технике;

совместное противодействие биологическим угрозам (по линии военных ведомств государств — членов ОДКБ, пограничных и таможенных служб в рамках ЕАЭС и СНГ);

единые меры по противодействию угрозам экономической безопасности (единое регулирование торговли с третьими странами в рамках ЕАЭС);

построение справедливого, взаимовыгодного международного правопорядка, основанного на нормах морали, общих ценностях, привлекающего для дружественных государств. Именно такой предлагаемый Россией и ее союзниками миропорядок станет преимуществом в стратегической конкуренции с США и их союзниками;

б) национального права государств — членов ОДКБ и ЕАЭС:

внедрение скоординированного управления угрозами национальной безопасности в рамках наделения специальными полномочиями федеральных органов государственной власти;

смена парадигмы деятельности органов публично-го управления: от узковедомственного подхода к комплексному отражению гибридных атак;

2) выступить формой внешнего выражения норм, закрепляющих общеобязательную концепцию противодействия гибридным угрозам как на национальном уровне, так и на уровне регионального и двустороннего сотрудничества;

3) устанавливать подходы к правовому обеспечению безопасности страны в условиях гибридной войны, основанные на традициях и доктрине российской системы права; исключить внедрение подходов, навязываемых США и их союзниками с позиции англосаксонской системы права.

Обзор зарубежных научных и аналитических источников позволяет утверждать, что в англоязычных научных и экспертных военно-юридических, политологических и экономических источниках закреплён единственный

⁴⁷ См.: Региональная группировка войск и сил Беларуси и России: что это такое. URL: <https://rg.ru/2022/10/26/piat-voprosov-ovazhnom.html> (дата обращения: 30.06.2023).

навязываемый тезис: «Россия является государством-агрессором, которое впервые в мире применило гибридные атаки на независимое государство во время незаконной аннексии Крыма и продолжает это делать во время проведения боевых действий на Украине. За такое преступное поведение Россия должна быть привлечена к различным видам ответственности, в том числе юридической»⁴⁸. Подобный подход легитимизирован в правовых актах государств — членов НАТО; нормативно установлен международно-правовой механизм применения гибридных инструментов против России. В п. 8 Стратегической концепции НАТО (Мадрид, 29.06.2022 г.)⁴⁹, п. 5 Совместного заявления по итогам саммита НАТО 11 июля 2023 г.⁵⁰ Россия названа «наиболее значительной и прямой угрозой безопасности государств — членов НАТО, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе». Схожие оценки высказаны в отношении КНР в п. 13 Стратегической концепции. В п. 27 названного документа легитимизировано применение средств гибридного характера («принуждение политическое, экономическое, энергетическое, информационное и иное») в отношении России и КНР.

* * *

Таким образом, именно российское право должно стать инструментом противодействия названным угрозам и навязыванию международному сообществу, особенно дружественным странам ложной правовой квалификации действий России, препятствовать необоснованным попыткам привлечения России к ответственности, стать основой нового миропорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 36. С. 53–60.
2. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 4, 5, 8, 9, 12.
3. Аулов В.К. Информационное противоборство: «мягкая сила» и другие смежные категории военного права // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 9–19.
4. Бартош А.А. Взаимодействие в гибридной войне // Военная мысль. 2022. № 4. С. 6–23.
5. Бартош А.А. Сдерживание в военных конфликтах XXI века. М., 2021.
6. Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г., Холиков И.В. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные

⁴⁸ Vilnius Summit Communiqué Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. Para. 7, 8, 18. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения: 30.07.2023) (см. также: Ganshaw J. The war in Ukraine and the challenge of our profession in preserving the Rule of Law in international armed conflicts of the 21st century. Russian-Ukraine International Armed Conflict // National Security Law Quarterly. Center for Law and Military Operations. 2022. No. 2; Дукуй Е. Указ. соч.).

⁴⁹ См.: NATO 2022 Strategic Concept. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 30.06.2023).

⁵⁰ См.: Vilnius Summit Communiqué Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения: 30.07.2023).

- проблемы международного права» т. III монографии «Военное право» // Государство и право. 2022. № 12. С. 60.
7. *Гареев М.А., Дербин Е.А., Турко Н.И.* Дискурс: методология и практика совершенствования стратегического руководства обороной страны с учетом характера будущих войн // Вестник Академии военных наук. 2019. № 1. С. 4, 13.
 8. Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 150.
 9. Гибридные войны XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (29 января 2015 г.). М., 2015.
 10. Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (17 декабря 2015 г.). М., 2016.
 11. *Головин Н.Н.* Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938.
 12. *Голоскоков Л.В.* Стратегия развития страны в условиях гибридных войн // Трансформация национальной социально-экономической системы России: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 26 ноября 2021 года. М., 2022. С. 18–22.
 13. *Дикий Е.* Гибридная война России: опыт Украины для стран Балтии. Вильнюс, 2016.
 14. *Егорченков Д.А., Даник Н.С.* Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2018. № 1. С. 26–46.
 15. *Землин А.И., Корякин В.М.* Методология военно-правового исследования. Общая часть: учеб. и практикум. М., 2021. С. 47.
 16. *Зубарев Н.В.* Некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в системе противодействия гибридным угрозам // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 3 (296). С. 82–89.
 17. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. пер. А. Смирнов, В. Софронов. М., 2015. С. 9.
 18. *Ковалёв А.А.* Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 5. С. 975–986.
 19. *Коростелёв С.В.* К определению феномена гибридного применения силы и проблеме вмешательства во внутренние дела государства // Управленческое консультирование. 2021. № 12 (156). С. 37, 38, 40.
 20. *Кревельд М. ван* Трансформация войны / пер. с англ. М., 2005. С. 7.
 21. *Кривко М.А.* Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 43–48.
 22. *Кудашкин В.В.* Системный метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 9 (314). С. 7.
 23. *Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М., 2018.
 24. *Маркина С.В.* От стратегий «невоенных угроз» до стратегии «гибридной войны» вызовы национальной безопасности России // Человеческий капитал. 2016. № 11 (95). С. 79–82.
 25. *Першин А.А.* Проблема сущности определения понятия «гибридные войны», состава их участников и приоритетов // Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (17 декабря 2015 г.). М., 2016. С. 52–60.
 26. *Родачин В.М.* Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2019. № 4. С. 93–99.
 27. *Романовский Г.Б.* Право, гибридные угрозы и борьба с терроризмом // Академический юрид. журнал. 2022. Т. 23. № 1 (87). С. 21–29.
 28. *Рыльская М.А.* Кибервойна: новый взгляд на проблему семантической и правовой идентификации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 243–250.
 29. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 18.
 30. *Сазонова К.Л.* «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 178, 179.
 31. *Свечин А.А.* Стратегия. М. — Л., 1926.
 32. *Селиванов А.А.* Технология подготовки и ведения «новых» войн // 75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. науч. отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук: в 2 т. Москва, 12 марта 2020 года. М., 2020. С. 331.
 33. *Снесарев А.Е.* Философия войны. М., 2013. С. 142.
 34. *Стригунов К.С., Манойло А.В.* Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 158, 180.
 35. *Суворов В.Л., Малашенко О.А., Косенко В.А.* Стратегия «непрямых действий» в современной международной политике. М., 2015. С. 109.
 36. *Суворов В.Л., Турченко И.Н.* Гибридная война как социально-политическое явление. М., 2017. С. 34.
 37. *Фазлетдинов И.Р., Лумпов В.И.* Роль Ракетных войск стратегического назначения в противодействии стратегической многосферной операции НАТО // Военная мысль. 2023. № 3. С. 53.
 38. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2020. С. 309.
 39. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 99 (Российский военный сборник).
 40. *Цыганков П.А.* «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 253–258.
 41. *Шагов А.Е.* История происхождения и эволюция концепции и методов ведения гибридной войны. М.: Мир науки, 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://izdmn.com/PDF/52MNNPM22.pdf>
 42. *Яцкин А.В.* Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Государство и право. 2023. № 6. С. 52, 53.
 43. *Connable B., Young S., Pezard S. et al.* Russia's Hostile Measures: Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition. Santa Monica, Calif., 2020.
 44. *Connell M.E., Evans R.* Russia's "Ambiguous Warfare" and Implications for the U.S. Arlington, Va., 2015.
 45. *Cordesman A.H., Hwang G.* The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. Washington, D.C., 2021.
 46. *Elkus A.* "Abandon All Hope, Ye Who Enter Here: You Cannot Save the Gray Zone Concept", War on the Rocks, 2015.
 47. *Hoffman F.* Conflict in the 21st century: the Rise of Hybrid War. Arlington, 2007. P. 32.
 48. *Hoffman F.* Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly. 2009. No. 52.

49. *Hoffman F.* On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs Hybrid Threats. War on the Rocks, Center for Strategic Research at the National Defense University, 2014. URL: <https://warontherocks.com/2014/07/on-not-so-new-warfare-political-warfare-vs-hybrid-threats/> (дата обращения: 23.01.2023).
50. *Hoffman F.G.* The Contemporary Spectrum of Conflict: Protracted, Gray Zone, Ambiguous, and Hybrid Modes of War. The Heritage Foundation, 2015.
51. *Karber P., Thibeault J.* Russia's New-Generation Warfare. Association of the United States Army, 2016.
52. *Kennan G., Pettyjohn S.L., Wasser B.* Competing in the Gray Zone: Russian Tactics and Western Responses. Santa Monica, Calif., 2019.
53. *Pierce W.G., Douglas G.D., Marra M.A.* Countering Gray-Zone Wars: Understanding Coercive Gradualism // Parameters. 2015. Vol. 45. No. 3.
54. *Pomerantsev P.* Brave New War: A New Form of Conflict Emerged in 2015 – From the Islamic State to the South China Sea. The Atlantic, 2015.
55. *Qiao Liang, Wang Xiangsui.* Unrestricted Warfare. Beijing, 1999.
56. *Ronfeldt D., Arquilla J.* Whose Story Wins: Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft. Santa Monica, 2020.
57. *Schelling T.C.* Arms and Influence, New Haven, Conn., 1966.
58. *Shida Junjiro.* Haiburiddo Senso no Jidai: Nerawareru Minshushugi [The Age of Hybrid War: Democracy in Target]. Tokyo, 2021.
59. *William S.L., Schmitt J.F., Sutton J.W., Wilson G.I.* The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette, October 1989. Pp. 22–26. URL: http://d-n-i.net/fcs/4th_gen_war_gazette.htm (дата обращения: 23.01.2023).
60. *Wright T.J.* All Measures Short of War: The Contest for the Twenty-First Century and the Future of American Power, New Haven and London, 2017.
10. Hybrid wars in the geopolitical processes of the XXI century: materials of the interuniversity the “Round Table” (December 17, 2015). M., 2016 (in Russ.).
11. *Golovin N.N.* Science of war. On the sociological study of war. Paris, 1938 (in Russ.).
12. *Goloskokov L.V.* The strategy of the country's development in conditions of hybrid wars // Transformation of the national socio-economic system of Russia: materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 26, 2021. M., 2022. Pp. 18–22 (in Russ.).
13. *Diky E.* Russia's hybrid war: the experience of Ukraine for the Baltic States. Vilnius, 2016 (in Russ.).
14. *Egorchenkov D.A., Danyuk N.S.* Theoretical and ideological approaches to the study of the phenomenon of “hybrid wars” and “hybrid threats”: a view from Russia // Herald of the Moscow University. Ser. 12. Political science. 2018. No. 1. Pp. 26–46 (in Russ.).
15. *Zemlin A.I., Koryakin V.M.* Methodology of military legal research. General part: studies and practicum. M., 2021. P. 47 (in Russ.).
16. *Zubarev N.V.* Some issues of the participation of National Guard troops in the system of countering hybrid threats // Law in the Armed Forces – Military-legal review. 2022. No. 3 (296). Pp. 82–89 (in Russ.).
17. *Kaldor M.* New and old wars: organized violence in the global era / transl. from English by A. Appolonov, M. Dondukovsky; ed. by A. Smirnov, V. Sofronov. M., 2015. P. 9 (in Russ.).
18. *Kovalev A.A.* Discussion on the topic of confrontation and cooperation in modern politics: from “hybrid wars” to “hybrid peace” // National interests: priorities and security. 2017. Vol. 13. Iss. 5. Pp. 975–986 (in Russ.).
19. *Korostelev S.V.* On the definition of the phenomenon of hybrid use of force and the problem of interference in the internal affairs of the state // Managerial consulting. 2021. No. 12 (156). Pp. 37, 38, 40 (in Russ.).
20. *Kreveld M. van* Transformation of war / transl. from English. M., 2005. P. 7 (in Russ.).
21. *Krivko M.A.* Conceptualization of the concept of “hybrid war” in socio-philosophical studies // Managerial consulting. 2018. No. 7. Pp. 43–48 (in Russ.).
22. *Kudashkin V.V.* A systematic method for the study of military relations and Military Law // Law in the Armed Forces – Military Law Review. 2023. No. 9 (314). P. 7 (in Russ.).
23. *Manoilo A.V.* Information wars and psychological operations. Guide to action. M., 2018 (in Russ.).
24. *Markina S.V.* From strategies of “non-military threats” to the strategy of “hybrid war” challenges to Russia's national security // Human Capital. 2016. No. 11 (95). Pp. 79–82 (in Russ.).
25. *Pershin A.A.* The problem of the essence of the definition of the concept of “hybrid wars”, the composition of their participants and priorities // Hybrid wars in the geopolitical processes of the XXI century: materials of the interuniversity the “Round Table” (December 17, 2015). M., 2016. Pp. 52–60 (in Russ.).
26. *Rodachin V.M.* Hybrid wars and ensuring national security of Russia // Humanities. Herald of the Financial University. 2019. No. 4. Pp. 93–99 (in Russ.).
27. *Romanovsky G.B.* Law, hybrid threats and the fight against terrorism // Academic Law Journal. 2022. Vol. 23. No. 1 (87). Pp. 21–29 (in Russ.).
28. *Rylskaya M.A.* Cyberwar: a new look at the problem of semantic and legal identification // Military Law. 2020. No. 1 (59). Pp. 243–250 (in Russ.).
29. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. P. 18 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Akulinin V.N., Epifanova N.S.* The concept of hybrid warfare in the practice of interstate confrontation // National interests: priorities and security. 2015. No. 36. Pp. 53–60 (in Russ.).
2. *Alekseev S.S.* Theory of law. M., 1995. Pp. 4, 5, 8, 9, 12 (in Russ.).
3. *Aulov V.K.* Information warfare: “soft power” and other related categories of Military Law // Military Law. 2022. No. 1 (71). Pp. 9–19 (in Russ.).
4. *Bartosh A.A.* Interaction in a hybrid war // Military thought. 2022. No. 4. Pp. 6–23 (in Russ.).
5. *Bartosh A.A.* Deterrence in military conflicts of the XXI century. M., 2021 (in Russ.).
6. *Gavrilov S.O., Glebov I.N., Chukin S.G., Kholikov I.V.* Law at the bifurcation point: discussion of the conceptual study of military problems of International Law (Discussion in the format of a round table based on the materials of Chapter 6 “Military problems of International Law” vol. III of the monograph “Military Law”) // State and Law. 2022. No. 12. P. 60 (in Russ.).
7. *Gareev M.A., Derbin E.A., Turko N.I.* Discourse: methodology and practice of improving the strategic management of the country's defense, taking into account the nature of future wars // Herald of the Academy of Military Sciences. 2019. No. 1. Pp. 4, 13 (in Russ.).
8. The hybrid war of the United States and its allies against Russia in the context of a special military operation // Citizen. Elections. Power. 2023. No. 2 (28). P. 150 (in Russ.).
9. Hybrid wars of the XXI century: materials of the interuniversity the “Round Table” (January 29, 2015). M., 2015 (in Russ.).

30. *Sazonova K.L.* "Hybrid war": an international legal dimension // *Law. HSE Journal*. 2017. No. 4. Pp. 178, 179 (in Russ.).
31. *Svechin A.A.* *Strategy*. M. – L., 1926 (in Russ.).
32. *Selivanov A.A.* Technology of preparation and conduct of "new" wars // 75th anniversary of the Great Victory: historical experience and modern problems of military security of Russia: materials of the 5th International Scientific and Practical Conference departments No. 10 of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences: in 2 vols. Moscow, March 12, 2020. M., 2020. P. 331 (in Russ.).
33. *Snesarev A.E.* *Philosophy of War*. M., 2013. P. 142 (in Russ.).
34. *Strigunov K.S., Manoilo A.V.* Fundamental mechanism and laws of non-classical warfare // *Citizen. Elections. Power*. 2019. No. 4 (14). Pp. 158, 180 (in Russ.).
35. *Suvorov V.L., Malashenko O.A., Kosenko V.A.* The strategy of "indirect actions" in modern international politics. M., 2015. P. 109 (in Russ.).
36. *Suvorov V.L., Turchenyuk I.N.* Hybrid war as a socio-political phenomenon. M., 2017. P. 34 (in Russ.).
37. *Fazletdinov I.R., Lumpov V.I.* The role of Strategic Missile forces in countering NATO's strategic multi-sphere operation // *Military thought*. 2023. No. 3. P. 53 (in Russ.).
38. *Hobsbawm E.* The Age of extremes. The Short twentieth Century (1914–1991). M., 2020. P. 309 (in Russ.).
39. If you want peace, defeat the rebel war! The creative legacy of E.E. Messner. M., 2005 (Russian Military Collection). P. 99 (in Russ.).
40. *Tsygankov P.A.* "Hybrid war": political discourse and international practice // *Herald of the Moscow University*. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2015. No. 4. Pp. 253–258 (in Russ.).
41. *Shagov A.E.* The history of the origin and evolution of the concept and methods of conducting hybrid warfare. Moscow: Mir nauki, 2022 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://izdmn.com/PDF/52MNNPM22.pdf> (in Russ.).
42. *Yatskin A.V.* The search for the "legal Grail" has been completed (Reflections on the fields of fundamental research "Military Law" in the era of transformation of the current world order) // *State and Law*. 2023. No. 6. Pp. 52, 53 (in Russ.).
43. *Connable B., Young S., Pezard S. et al.* Russia's Hostile Measures: Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition. Santa Monica, Calif., 2020.
44. *Connell M.E., Evans R.* Russia's "Ambiguous Warfare" and Implications for the U.S. Arlington, Va., 2015.
45. *Cordesman A.H., Hwang G.* The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. Washington, D.C., 2021.
46. *Elkus A.* "Abandon All Hope, Ye Who Enter Here: You Cannot Save the Gray Zone Concept", *War on the Rocks*, 2015.
47. *Hoffman F.* Conflict in the 21st century: the Rise of Hybrid War. Arlington, 2007. P. 32.
48. *Hoffman F.* Hybrid Warfare and Challenges // *Joint Force Quarterly*. 2009. No. 52.
49. *Hoffman F.* On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs Hybrid Threats. War on the Rocks, Center for Strategic Research at the National Defense University, 2014. URL: <https://warontherocks.com/2014/07/on-not-so-new-warfare-political-warfare-vs-hybrid-threats/> (дата обращения: 23.01.2023).
50. *Hoffman F.G.* The Contemporary Spectrum of Conflict: Protracted, Gray Zone, Ambiguous, and Hybrid Modes of War. The Heritage Foundation, 2015.
51. *Karber P., Thibeault J.* Russia's New-Generation Warfare. Association of the United States Army, 2016.
52. *Kennan G., Pettyjohn S.L., Wasser B.* Competing in the Gray Zone: Russian Tactics and Western Responses. Santa Monica, Calif., 2019.
53. *Pierce W.G., Douglas G.D., Marra M.A.* Countering Gray-Zone Wars: Understanding Coercive Gradualism // *Parameters*. 2015. Vol. 45. No. 3.
54. *Pomerantsev P.* Brave New War: A New Form of Conflict Emerged in 2015 – From the Islamic State to the South China Sea. The Atlantic, 2015.
55. *Qiao Liang, Wang Xiangsui.* Unrestricted Warfare. Beijing, 1999.
56. *Ronfeldt D., Arquilla J.* Whose Story Wins: Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft. Santa Monica, 2020.
57. *Schelling T.C.* Arms and Influence, New Haven, Conn., 1966.
58. *Shida Junjiro.* Haiburiddo Senso no Jidai: Nerawareru Minshushugi [The Age of Hybrid War: Democracy in Target]. Tokyo, 2021.
59. *William S.L., Schmitt J.F., Sutton J.W., Wilson G.I.* The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // *Marine Corps Gazette*, October 1989. Pp. 22–26. URL: http://d-n-i.net/fcs/4th_gen_war_gazette.htm (дата обращения: 23.01.2023).
60. *Wright T.J.* All Measures Short of War: The Contest for the Twenty-First Century and the Future of American Power, New Haven and London, 2017.

Сведения об авторе

БОБРОВА Ольга Геннадьевна —
кандидат юридических наук,
заведующая 20 кафедрой (военного права),
докторант Военного университета
им. князя Александра Невского
Министерства обороны
Российской Федерации;
123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

Authors' information

BOBROVA Olga G. —
PhD in Law,
Head of the 20th Department (Military Law),
Doctoral Candidate of the Prince Alexander
Nevsky Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation;
14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

УДК 343.7

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ЕЕ ЗАЩИТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ИНЫЕ СРЕДСТВА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (ТОРГИ И КАРТЕЛИ)

© 2024 г. А. В. Овчаров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: a.v.ovcharov@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.11.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением и защитой свободной конкуренции в таких наиболее уязвимых для посягательств на нее сферах, как осуществление закупок для государственных или муниципальных нужд и недопущение заключения антиконкурентных соглашений (картельные сговоры). Автор дает общую картину состояния защиты и обеспечения конкуренции, определяет направления деятельности в этой сфере и описывает структуру посягательств на конкуренцию. В статье используются данные официальной статистики и практика Федеральной антимонопольной службы по рассмотрению жалоб и осуществлению проверок, приводятся примеры из судебной практики.

Ключевые слова: конкуренция, защита конкуренции, развитие конкуренции, уголовная политика, государственные и муниципальные закупки, соглашения, ограничивающее конкуренцию, картельный сговор, антимонопольное законодательство, жалоба.

Цитирование: Овчаров А. В. Обеспечение свободной конкуренции и ее защита: уголовно-правовые и иные средства. Часть первая (Торги и картели) // Государство и право. 2024. № 3. С. 129–136.

DOI: 10.31857/S1026945224030122

ENSURING FREE COMPETITION AND ITS PROTECTION: CRIMINAL LAW AND OTHER MEANS. PART ONE (BIDDING AND CARTELS)

© 2024 A. V. Ovcharov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: a.v.ovcharov@rambler.ru

Received 01.11.2023

Abstract. The article deals with issues related to ensuring and protecting free competition in areas most vulnerable to encroachments on it, such as procurement for state or municipal needs and preventing the conclusion of anti-competitive agreements (cartel agreements). The author gives a general picture of the state of protection and ensuring free competition, defines the areas of activity in this area and describes the structure of encroachments on competition. The article makes extensive use of official statistics and the practice of the Federal Antimonopoly Service on complaints and inspections, provides examples from judicial practice.

Key words: free competition, protection of competition, development of competition, criminal policy, state and municipal procurement, agreement restricting competition, cartel conspiracy, antimonopoly legislation, complaint.

For citation: Ovcharov, A. V. (2024). Ensuring free competition and its protection: criminal law and other means. Part one (Trades and cartels) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 129–136.

Важность конкуренции в экономических системах трудно переоценить. На необходимость защиты конкуренции постоянно указывается в научных публикациях¹. Особое значение свободная конкуренция приобретает в условиях цифровизации экономики².

Если говорить о соотношении защиты конкуренции с уголовно-правовой политикой государства³, то необходимо отметить следующее. С одной стороны, уголовно-правовые средства в любой сфере деятельности являются одним из наиболее жестких средств защиты тех или иных общественных отношений, но, с другой — не всегда целесообразно доводить до состояния, когда встает острая необходимость их применять. Уголовное законодательство обладает

определенным инструментарием защиты конкурентных отношений (например, ст. 178 УК РФ предусматривает ответственность за ограничение конкуренции⁴, однако кроме уголовного существует еще масса отраслей права, регулирующих отношения в сфере обеспечения свободной конкуренции.

Вместе с этим на защиту, оптимальное протекание и совершенствование конкурентных отношений направлены еще как определенный набор нормативных правовых актов, не связанных с уголовно-правовой сферой, так и деятельность органов государственной власти, в чью задачу входит регулирование и защита конкурентных отношений. Рассмотрим, насколько эффективны средства защиты конкуренции, в определенной мере предшествующие применению уголовно-правовой репрессии, оценим состояние конкуренции в Российской Федерации и вычленим определенные тенденции, присутствующие в конкурентных отношениях.

¹ См., напр.: Булах Д. А. Свободная экономика и поддержка конкуренции как базовые конституционные экономические ценности // Конституция России: глобальное, национальное, региональное: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 5 декабря 2013 года. Волгоград, 2013. С. 190–192; Леруа К. Глобализованная свободная конкуренция: очерк о взаимосвязи между правом свободной торговли и правом конкуренции // Вестник Гуманитарного ун-та. 2018. № 3 (22). С. 46–72.

² См.: Чепурнова Н. М. Свободная конкуренция в условиях цифровой экономики: механизмы защиты // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 2 (124). С. 35–41; Ломакин А. Л., Черкаская А. Г. Цифровизация и нарушение принципа свободной конкуренции // Colloquium-Journal. 2020. № 5–5 (57). С. 11–14.

³ Подробнее об уголовной политике см.: Коробеев А. И., Чуцаев А. И. Перспективы развития уголовно-правовой политики России: поиски реальной модели // Государство и право. 2023. № 8. С. 96–105; Карелин Н. С., Володченко В. С., Ланцова Д. С. и др. Современная уголовная политика России // Вопросы науки и образования. 2019. № 10 (56). С. 37–40.

⁴ Подробнее об этом см.: Баркалова Е. В. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьей 178 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Красноярск, 4–5 апреля 2019 года / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск, 2019. Ч. 2. С. 119–121; Жилина А. В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // Новое слово в науке: стратегии развития: сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 6 декабря 2019 года. Чебоксары, 2019. С. 197–199; Досова З. К. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны конкуренции // Пробелы в рос. законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 230–234.

В 2021 г. был опубликован Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы⁵. Нормативный правовой акт прежде всего перечислил основные задачи развития конкурентных отношений на пятилетний период. Кроме того, «дорожная карта» назвала ожидаемые результаты развития конкуренции в различных сферах экономической деятельности. Одновременно с этим план закрепил комплекс мероприятий, которые необходимо осуществить для достижения поставленных целей⁶.

Основными направлениями реализации данного Национального плана стали следующие: обеспечение устойчивости социально значимых товарных рынков в новых экономических условиях и развитие внутреннего рынка; развитие параллельного импорта как средства развития конкуренции; дальнейшая цифровизация российской экономики; развитие как малого, так и среднего бизнеса; совершенствование тарифного регулирования; развитие биржевой торговли; обеспечение доступа к государственным ресурсам; пресечение антиконкурентных соглашений как механизм обеспечения экономической безопасности;

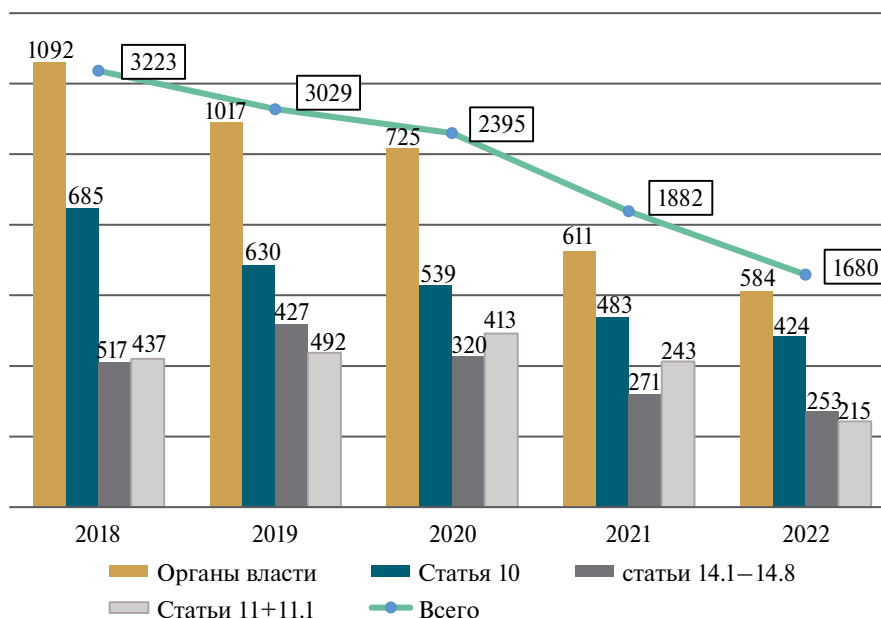
развитие международного сотрудничества в сфере антимонопольного регулирования; развитие конкуренции на трансграничных рынках⁷.

Из ч. 1 ст. 8 Конституции РФ следует, что в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности. Такое закрепление свободной конкуренции на конституционном уровне предопределяет ее защиту всей совокупностью правового поля⁸, но прежде всего, конечно, специализированным законодательством. Таким специальным законом является Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁹.

Рассматривая основные нарушения данного Федерального закона, приведем в динамике статистические данные. Рассмотрим, во-первых, нарушения требований о запрете монополистической деятельности (ст. 10–11¹), а во-вторых, запрет на осуществление недобросовестной конкуренции (ст. 14¹–14⁸) (диаграммы 1, 2)¹⁰.

Диаграмма 1

Количество возбужденных дел о нарушении антимонопольного законодательства

⁵ См.: распоряжение Правительства РФ от 02.09.2021 № 2424-р «Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы» // СЗ РФ. 2021. № 37, ст. 6553.

⁶ Подробнее об этом см.: Овчаров А. В. Защита конкуренции как необходимое условие обеспечения экономической безопасности // Государство и право. 2023. № 6. С. 117–126.

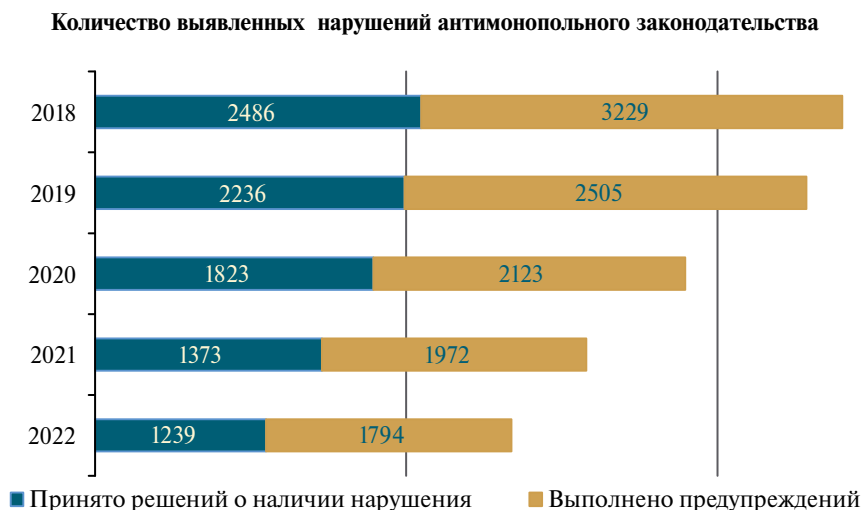
⁷ См.: Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год. М., 2023.

⁸ См.: Амирова Л. Р., Бухариев Д. Н. Конкуренция как правовая категория. Право предпринимателя на свободную конкуренцию // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 6. С. 431.

⁹ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3434.

¹⁰ Здесь и далее все статистические данные предоставлены ФАС России (см.: Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год).

Диаграмма 2

Анализируя приведенные данные, можно утверждать, что число нарушений в сфере как запрета монополистической деятельности, так и недобросовестной конкуренции ежегодно снижается, хотя применительно к последним нарушениям в 2019 г. наблюдался определенный скачок.

Кроме этого для понимания специфики нарушений обратимся к примерам наиболее значимых и резонансных судебных дел о рассматриваемых нарушениях за 2022 — начало 2023 г.

В 2022 г. суды в рамках дела № А40-228362/20¹¹ подтвердили законность решения и предписания ФАС России, принятых в отношении Apple Inc. за злоупотребление доминирующим положением на цифровом товарном рынке, а также постановления о привлечении к административной ответственности с назначением штрафа в размере более 900 млн руб. Основанием для возбуждения указанного дела послужило заявление Лаборатории Касперского, приложение Kaspersky Safe Kids которой было отклонено для размещения в Apple Store ввиду наличия в функциональности ПО Касперского блокировки браузера и контроля над остальными установленными на смартфон программами. Одновременно с этим Apple анонсировала своё приложение с аналогичным функционалом — Screen Time. ФАС России было установлено, что положения лицензионного соглашения для разработчиков Apple Store содержат условия о возможности без объяснения причин заблокировать приложение. При этом с 13 ноября 2018 г. (после выхода i-S12 с встроенной функцией Screen Time) Apple совершила совокупность действий технологического, нормативного и поведенческого характера, приведших к существенному затруднению

осуществления деятельности разработчикам i-S-приложений родительского контроля и ухудшению функциональности конкурирующих приложений (включение в документацию для разработчиков положений с неоднозначным толкованием, необоснованное отклонение и недопущение приложений родительского контроля в магазин приложений Apple Store или допущение в Apple Store только при условии удаления разработчиком из приложения определенных технологических компонентов, вследствие чего приложение потеряло важную для потребителя функциональность, и др.). Данные действия признаны антимонопольным органом злоупотреблением доминирующим положением, которое привело к ограничению конкуренции на рынке распространения приложений родительского контроля для операционной системы i-S.

Важность данного дела, на наш взгляд, состоит в том, что для дальнейшей возможности рассмотрения дел в отношении цифровых платформ, судом решен вопрос о возможности осуществления антимонопольного контроля за действиями хозяйствующих субъектов по осуществлению исключительных прав.

Арбитражный суд Московского округа постановлением от 24 мая 2022 г. по делу № А40-157308/2021¹² поддержал законность решения ФАС России, которым в действиях страховых организаций признано нарушение ч. 4 ст. 11 Федерального закона о защите конкуренции путем заключения агентского договора и дополнительного соглашения к агентскому договору, что могло привести к ограничению конкуренции на рынках добровольного личного страхования. Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ

¹¹ См.: URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/741bdd68-dd47-44f5-8700-949cc7f48274/> (дата обращения: 01.10.2023).

¹² См.: URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/492ff0df-dfbd-4b77-9aab-93a78de3fe4a> (дата обращения: 02.10.2023).

от 30 ноября 2022 г. № 305-ЭС22-13379 по данному делу постановление суда кассационной инстанции оставлено без изменения, при этом Верховным Судом РФ закреплена позиция о том, что Федеральный закон о защите конкуренции формулирует требования для хозяйствующих субъектов при их вступлении в гражданско-правовые отношения с другими участниками гражданского оборота, в связи с чем рассмотрение дела о нарушении антимонопольного законодательства в любом случае сопряжено с оценкой поведения участников рынка в гражданском обороте. В этой связи Верховным Судом РФ подтверждена возможность применения антимонопольного законодательства к гражданско-правовым отношениям, при этом гражданско-правовой спор и спор о необходимости применения мер публично-правовой ответственности (об оспаривании ненормативного правового акта) являются различными по своей правовой природе, предмету требований и объему представленных доказательств, а потому не обуславливают исход друг друга.

Таким образом, наличие состоявшихся по гражданским делам судебных актов само по себе не влияет на законность ненормативных правовых актов антимонопольного органа.

По целому ряду дел (№ А42-10735/19¹³, № А50-10758/17¹⁴, № А42-7217/21¹⁵) были применены последствия недействительности ничтожных сделок в рамках устранения нарушений норм Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹⁶.

В 2023 г. Конституционный Суд РФ принял два принципиально важных для формирования правоприменительной практики постановления¹⁷. Первое — о недопустимости расширения толкования законодательных иммунитетов для картелей. Государство не должно предоставлять любой группе лиц иммунитет от ответственности за заключение антиконкурентных соглашений, включая картели на торгах. Второе — о порядке расчета размера преступного дохода, который определяется исходя из выручки, полученной лицом за все время такой

деятельности, без вычета расходов этого лица на ее осуществление.

Представляется целесообразным рассмотреть состояние защиты свободной конкуренции в двух, наиболее конкурентно уязвимых сферах экономической деятельности. Это — сфера осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд и сфера недопущение заключения антиконкурентных соглашений. Заметим, что если вторая сфера посягает, как правило, исключительно на свободную конкуренцию, то первая является в целом одной из наиболее кримообразующих видов экономической деятельности¹⁸.

Следует отметить, что рассматриваемые сферы переплетаются между собой. Так, в научной литературе, классифицируя картели, исходя из условий обращения конкретных товаров на соответствующих рынках, а также использования экономических инструментов при идентификации и доказывании, принято выделять два вида картелей. Первый — это картели на товарных рынках, а второй — картели на торгах¹⁹.

Говоря о торгах, т.е. о закупочной деятельности, необходимо сказать, что при проведении плановых и внеплановых проверок в отношении закупок, осуществляемых в соответствии с требованиями Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»²⁰, Федеральной антимонопольной службой в 2022 г. было проверено 22 533 процедуры определения поставщика (подрядчика, исполнителя), из которых в 6991 процедуре (31,025% от общего числа) были выявлены нарушения. По результатам проверок было выдано 1670 предписаний об устранении нарушений законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

В 2022 г. в ФАС России поступило 47 166 жалоб на действия (бездействие) субъектов контроля при

¹³ См.: URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1e031633-eee6-4302-872c-1046e74c1961> (дата обращения: 28.09.2023).

¹⁴ См.: URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/777874b7-e84b-452f-893c-bbc10ff1cb32> (дата обращения: 28.09.2023).

¹⁵ См.: URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/14ecaf4d-1e62-4a87-881d-fa6fc039f6e8> (дата обращения: 28.09.2023).

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2008. № 18, ст. 1940.

¹⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 № 12-П // СЗ РФ. 2023. № 15, ст. 2746; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П // СЗ РФ. 2023. № 18, ст. 3389.

¹⁸ См., напр.: Клещева А.С. Квалификация действий хозяйствующих субъектов при заключении соглашения, выразившегося в создании заказчиком невыполнимых условий контракта, для целей отбора конкретного поставщика при проведении конкурсных процедур, в разрезе Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ // Актуальные вопросы антимонопольного регулирования и закупок: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чита, 26 марта 2021 года / отв. ред. Н.А. Киселева, А.М. Бянкина. Чита, 2021. С. 58; Жариков А.А. Современные особенности конкуренции в сфере государственных закупок // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87–7. С. 55.

¹⁹ См.: Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. М., 2018. С. 125, 126.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

осуществлении закупок в соответствии с требованиями Закона о контрактной системе. Для сравнения: в 2021 г. жалоб было более 70 000.

Из поступивших жалоб 8324 поданы в отношении закупок, осуществляемых для обеспечения федеральных нужд, 24 592 — для нужд субъектов Российской Федерации, 14 250 — для муниципальных нужд. В 2022 г. на основании ч. 8 ст. 105 Закона о контрактной системе в рассмотрении 7084 жалоб отказано. Кроме того, согласно ч. 6 ст. 105 указанного Закона 3351 жалоба отозвана заявителями.

В результате рассмотрения обоснованными и частично обоснованными были признано 15 624 жалобы. Анализ практики ФАС России позволяет сформулировать вывод о том, что наиболее часто встречающимися при рассмотрении жалоб и проведении внеплановых проверок стали следующие нарушения: 1) нарушения в порядке оценки заявок на участие в конкурсе; 2) неправомерный допуск или отказ в допуске участнику закупки; 3) установление требований к содержанию, составу заявок на участие в закупке с нарушением требований законодательства; 4) нарушения при описании объекта закупки; 5) нарушения при выборе способа осуществления закупки.

За 2022 год ФАС России возбуждено 26 563 дела об административных правонарушениях за нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. По итогам рассмотрения выдано 14 070 постановлений о наложении административного штрафа на общую сумму 225 219,43 тыс. руб. ФАС России взыскано 203 101,35 тыс. руб. Для сравнения: в 2021 г. ФАС России было возбуждено 27 070 дел об административных правонарушениях за нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. По итогам рассмотрения за 2022 год выдано 20 773 постановления о наложении административного штрафа на общую сумму 879 196,76 тыс. руб. За отчетный период ФАС России взыскано 566 737,96 тыс. руб.²¹

С ограничением конкуренции на торгах тесно связан, как было отмечено ранее, вопрос заключения антиконкурентных соглашений. Экспертные оценки говорят, что на современном этапе ущерб, который наносят картели в закупочной

деятельности, достигает 2% ВВП в год. Средний же размер ущерба от картелизации торгов — 20–22% от начальной (максимальной) цены контракта. В финансовом выражении этот показатель составляет для нашей страны минимум сотни миллиардов рублей ежегодно.

В закупочной деятельности заложена не только необходимость максимального удовлетворения потребностей заказчиков, но и результативное расходование бюджетных средств. Эти цели не могут быть достигнуты, если в закупках принимают участие хозяйствующие субъекты — участники картеля²². Картели на торгах — одна из самых распространенных форм сговора и считаются самым тяжким видом нарушения антимонопольного законодательства, за которое установлена уголовная ответственность. Размер извлекаемого участниками картельного соглашения дохода и то, что доля государственных закупок является значительной предопределяет повышенную общественную опасность картельного сговора²³.

ФАС России в 2022 г. было возбуждено 305 дел об ограничивающих конкуренцию соглашениях и координации экономической деятельности. Структура этих нарушений такова: 1) по ч. 1 ст. 11 (картели) — 120 дел, из них: по п. 1 ч. 1 ст. 11 (сговоры на товарном рынке) — 11 дел; по п. 2 ч. 1 ст. 11 (сговоры на торгах) — 109; по ч. 4 ст. 11 (иные соглашения) — 31; по ч. 5 ст. 11 (координация) — четыре дела; 2) по ст. 16 (сговоры с органами власти) — 130 дел; 3) по п. 1 ч. 1 ст. 17 (сговор с заказчиком) — 20 дел.

Для сравнения: в 2021 г. было возбуждено 420 дел об ограничивающих конкуренцию соглашениях, а самой распространенной формой посягательств, как и сейчас, были картели на торгах и антиконкурентные соглашения между заказчиком и участниками торгов — 187 дел.

Всего в 2022 г. нарушения антимонопольного законодательства на торгах (картели на торгах и сговор с заказчиком) выявлены на территории 55 субъектов Российской Федерации. В качестве ответчиков привлечены 281 хозяйствующий субъект и 31 заказчик. Соглашения на торгах охватили 2799 закупок с совокупной суммой начальной (максимальной) цены контракта 66,6 млрд руб.

²¹ Следует иметь в виду, что Федеральным законом от 14.07.2022 № 290-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в ст. 4.1.1 КоАП внесены изменения, в соответствии с которыми за впервые совершенное административное правонарушение административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на предупреждение, что при сохранении общего количества постановлений о привлечении к административной ответственности существенно изменило количество постановлений о наложении административных штрафов.

²² См.: *Воронцова В. С.* Антимонопольное регулирование: контроль деятельности картелей в Российской Федерации // XXXIII Международные Плехановские чтения: сб. ст.: в 3 т. Москва, 8–10 июня 2020 года. М., 2020. Т. 1. С. 145–150.

²³ См.: *Овсянникова М. В.* Общественная опасность картелей. Правовые особенности юридической ответственности // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы II Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, Тюмень, 14 декабря 2018 года / отв. ред. И. А. Грошева. Тюмень, 2019. С. 271–273.

Лидирующее положение в картелизации рынков, как и ранее, занимают сферы ремонта и строительства, поставки различных медицинских изделий, пищевых продуктов, организации социального питания, а также реализации недвижимости.

Такое положение предопределило появление проекта федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»²⁴, который предлагает внести изменения в ст. 178 УК РФ и ст. 151 УПК РФ, предусматривающие: введение квалифицированного состава «картели на торгах»; увеличение порога дохода и ущерба, причиненного гражданам, организациям или государству; определение подхода, в соответствии с которым производится расчет суммы незаконно извлеченного дохода; установление особенностей возмещения ущерба, причиненного лицом, первым сообщившим о заключении антиконкурентного соглашения и возместившим ущерб, причиненный только этим лицом.

Несмотря на достаточно эффективное противодействие посягательствам на свободную конкуренцию неуголовно-правовыми методами, значение уголовно-правового инструментария не хотелось бы умалить. Введение такого состава преступления, как сговор на торгах, обусловлено тем, что сговоры на торгах составляют наибольшую часть нарушений, а торги — это особая сфера обращения товара, которая создавалась с целью эффективного использования бюджетных средств. Важно отметить, что основной целью данных изменений является предупреждение подобных посягательств.

Осознание лицом возможности привлечения его к уголовной ответственности и назначения ему наказания в виде реального лишения свободы всегда является сдерживающим фактором для потенциальных правонарушителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амирова Л. Р., Бухариев Д. Н.* Конкуренция как правовая категория. Право предпринимателя на свободную конкуренцию // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 6. С. 431.
2. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. М., 2018. С. 125, 126.
3. *Баркалова Е. В.* Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 178 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Красноярск, 4–5 апреля 2019 года / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск, 2019. Ч. 2. С. 119–121.
4. *Булах Д. А.* Свободная экономика и поддержка конкуренции как базовые конституционные экономические ценности // Конституция России: глобальное, национальное, региональное: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 5 декабря 2013 года. Волгоград, 2013. С. 190–192.
5. *Воронцова В. С.* Антимонопольное регулирование: контроль деятельности картелей в Российской Федерации // XXXIII Международные Плехановские чтения: сб. ст.: в 3 т. Москва, 8–10 июня 2020 года. М., 2020. Т. 1. С. 145–150.
6. *Досова З. К.* Концептуальные основы уголовно-правовой охраны конкуренции // Пробелы в росс. законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 230–234.
7. *Жариков А. А.* Современные особенности конкуренции в сфере государственных закупок // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87–7. С. 55.
8. *Жилина А. В.* Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // Новое слово в науке: стратегии развития: сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 6 декабря 2019 года. Чебоксары, 2019. С. 197–199.
9. *Карелин Н. С., Володченко В. С., Ланцова Д. С. и др.* Современная уголовная политика России // Вопросы науки и образования. 2019. № 10 (56). С. 37–40.
10. *Клещева А. С.* Квалификация действий хозяйствующих субъектов при заключении соглашения, выразившегося в создании заказчиком невыполнимых условий контракта, для целей отбора конкретного поставщика при проведении конкурсных процедур, в разрезе Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ // Актуальные вопросы антимонопольного регулирования и закупок: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чита, 26 марта 2021 года / отв. ред. Н. А. Киселева, А. М. Бянкина. Чита, 2021. С. 58.
11. *Коробеев А. И., Чучаев А. И.* Перспективы развития уголовно-правовой политики России: поиски реальной модели // Государство и право. 2023. № 8. С. 96–105.
12. *Леруа К.* Глобализованная свободная конкуренция: очерк о взаимосвязи между правом свободной торговли и правом конкуренции // Вестник Гуманитарного ун-та. 2018. № 3 (22). С. 46–72.
13. *Ломакин А. Л., Черкасская А. Г.* Цифровизация и нарушение принципа свободной конкуренции // Colloquium-Journal. 2020. № 5–5 (57). С. 11–14.
14. *Овсянникова М. В.* Общественная опасность картелей. Правовые особенности юридической ответственности // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы II Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, Тюмень, 14 декабря 2018 года / отв. ред. И. А. Грошева. Тюмень, 2019. С. 271–273.
15. *Овчаров А. В.* Защита конкуренции как необходимое условие обеспечения экономической безопасности // Государство и право. 2023. № 6. С. 117–126.

²⁴ См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7> (дата обращения: 28.09.2023).

16. *Чепурнова Н.М.* Свободная конкуренция в условиях цифровой экономики: механизмы защиты // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 2 (124). С. 35–41.

REFERENCES

1. *Amirova L.R., Bukhariev D.N.* Competition as a legal category. The right of an entrepreneur to free competition // Issues of sustainable development of society. 2021. No. 6. P. 431 (in Russ.).
2. Antimonopoly regulation in the digital age. How to protect competition in the context of globalization and the Fourth Industrial Revolution / ed. by A. Yu. Tsarikovsky, A. Yu. Ivanov, E.A. Voynikanis. M., 2018. Pp. 125, 126 (in Russ.).
3. *Barkalova E.V.* Actual issues of bringing to criminal responsibility for committing crimes provided for in Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation // Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: Materials of the XXII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Krasnoyarsk, April 4–5, 2019 / res. ed. N.N. Tsukanov. Krasnoyarsk, 2019. Part 2. Pp. 119–121 (in Russ.).
4. *Bulakh D.A.* Free economy and support for competition as basic constitutional economic values // The Constitution of Russia: global, national, regional: materials of the International Scientific and Practical Conference, Volgograd, December 5, 2013. Volgograd, 2013. Pp. 190–192 (in Russ.).
5. *Vorontsova V.S.* Antimonopoly regulation: control of cartel activity in the Russian Federation // XXXIII International Plekhanov readings: collection of articles: in 3 vols. Moscow, June 8–10, 2020. M., 2020. Vol. 1. Pp. 145–150 (in Russ.).
6. *Dosova Z.K.* Conceptual foundations of criminal law protection of competition // Gaps in Russ. legislation. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 230–234 (in Russ.).
7. *Zharikov A.A.* Modern features of competition in the field of public procurement // Trends in the development of science and education. 2022. No. 87–7. P. 55 (in Russ.).
8. *Zhilina A.V.* Problems of qualification of crimes provided for in Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation “Restriction of competition” // New word in science: development strategies: collection of materials of the XI International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, December 6, 2019. Cheboksary, 2019. Pp. 197–199 (in Russ.).
9. *Karelin N.S., Volodchenko V.S., Lantsova D.S. et al.* Modern criminal policy of Russia // Issues of science and education. 2019. No. 10 (56). Pp. 37–40 (in Russ.).
10. *Kleshcheva A.S.* Qualification of actions of economic entities at the conclusion of an agreement, expressed in the creation by the customer of impossible contract terms, for the purpose of selecting a specific supplier during competitive procedures, in the context of the Federal Law “On Protection of Competition” dated July 26, 2006 No. 135-FZ // Topical issues of antimonopoly regulation and procurement: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with the international participation. Chita, March 26, 2021 / res. ed. N.A. Kiselyova, A.M. Byankina. Chita, 2021. P. 58 (in Russ.).
11. *Korobeev A.I., Chuchaev A.I.* Prospects for the development of criminal law policy in Russia: the search for a real model // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 96–105 (in Russ.).
12. *Lerua K.* Globalized free competition: an essay on the relationship between the right of free trade and the right of competition // Herald of the Humanitarian University. 2018. No. 3 (22). Pp. 46–72 (in Russ.).
13. *Lomakin A.L., Cherkasskaya A.G.* Digitalization and violation of the principle of free competition // Colloquium-Journal. 2020. No. 5–5 (57). Pp. 11–14 (in Russ.).
14. *Ovsyannikova M.V.* The social danger of cartels. Legal features of legal liability // Social security in the Eurasian space: materials of the II All-Russian Scientific Conference with the international participation, Tyumen, December 14, 2018 / res. ed. I.A. Groshev. Tyumen, 2019. Pp. 271–273 (in Russ.).
15. *Ovcharov A.V.* Protection of competition as a necessary condition for ensuring economic security // State and Law. 2023. No. 6. Pp. 117–126 (in Russ.).
16. *Chepurnova N.M.* Free competition in the digital economy: protection mechanisms // Public Service. 2020. Vol. 22. No. 2 (124). Pp. 35–41 (in Russ.).

Сведения об авторе

ОВЧАРОВ Артем Валерьевич — кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

OVCHAROV Artem V. — PhD in Law, Researcher in the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.2

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПТ

© 2024 г. А. А. Турышев

Омская академия МВД России

E-mail: lawtech15@mail.ru

Поступила в редакцию 10.05.2023 г.

Аннотация. Автор предлагает рассматривать преступление через конструкцию уголовно-правового концепта как образа, включающего все возможные вариации его проявления. Для этого произведен процесс нормализации понятия, в частности добавлен ключевой признак «деятельность» и исключены несущественные признаки: виновность и наказуемость. В результате получено аксиоматическое понятие преступления, объем которого соответствует объективной реальности. Кроме того, статья содержит шесть аргументов исключения признаков виновности и наказуемости. Концепт «преступление» после установления связи с другими выверенными понятиями будет положен в основу разработки новой уголовно-правовой концепции.

Ключевые слова: преступление, концепт, существенные признаки, виновность, наказуемость, концептуальное понятие, преступная деятельность, общественно опасное деяние, нормализация преступления, верификация преступления.

Цитирование: Турышев А.А. Преступление: уголовно-правовой концепт // Государство и право. 2024. № 3. С. 137–146.

DOI: 10.31857/S1026945224030136

CRIME: CRIMINAL LAW CONCEPT

© 2024 А. А. Turyshev

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: lawtech15@mail.ru

Received 10.05.2023

Abstract. The author proposes to consider a crime through the construction of a criminal law concept, as an image that includes all possible variations of its manifestation. For this purpose, a process of normalization of the concept has been carried out, in particular, the key feature “activity” has been added and insignificant features have been excluded: guilty and punishability. As a result, an axiomatic concept of a crime is obtained, the volume of which corresponds to objective reality. In addition, the article contains six arguments for the exclusion of signs of guilty and punishability. The concept of “crime”, after establishing a connection with other verified concepts, will form the basis for the development of a new criminal law concept.

Key words: crime, concept, essential features, guilty, punishability, conceptual concept, criminal activity, socially dangerous act, crime normalization, crime verification.

For citation: Turyshev, A.A. (2024). Crime: criminal law concept // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 137–146.

Всякая отрасль права строится на одном ключевом определении. Для уголовного права это, несомненно, понятие преступления, которое выступает мерой, основой построения всей уголовно-правовой конструкции. Если определение точное, то и конструкция получается крепкая, эффективная, а если скелет недоразвит, то сложно ожидать формирования здорового, функционирующего организма. Отсюда закономерный вопрос: устраивает ли нас существующее понятие преступления? Думаю, что нет. Из этого ответа родилась идея получить понятие преступления, соразмерное целям уголовного права.

Цель статьи декларативная: провозгласить нормализованное понятие преступления в качестве аксиоматической ценности до следующего этапа верификации. Оно направлено на формирование нового видения, постановку адекватных целей и задач, ожидаемых результатов, четкое определение предмета и методологии научного исследования, что должно перевести юридическую реальность на новый уровень результативности.

Название статьи обусловлено отводимой ей ролью, которая заключается в утверждении понятия «преступление» как концепта — ключевого, аксиоматического, системного определения, выступающего исходной точкой уголовно-правовой мысли, основой для разворачивания новой концепции. В рамках его принятия основные усилия будут направлены на созидательную работу в потоке новой парадигмы уголовного права, а не будут потрачены на попытки осветить ошибки и нестыковки существующей уголовно-правовой конструкции. При этом мы понимаем степень ответственности предложения аксиоматического понятия, поэтому подкрепляем его подробной аргументацией с возможностью дискуссии по ней, а при накоплении определенного объема возражений — проведения очередного этапа верификации. Для облегчения перехода на авторскую позицию статья содержит: 1) нормализованное определение преступления; 2) шесть аргументов исключения виновности и наказуемости; 3) частные проблемные ситуации неверного определения преступления. Непринятие определения преступления предполагает полное и поэтапное опровержение аргументов, указанных в статье.

Основная претензия к понятию преступления состоит в том, что оно не соответствует действительности. С психологической стороны существующее понятие преступления привычно, подтверждено множеством научных работ, однако поддержание социальной иллюзии — достаточно ресурсоемкая задача, которая постоянно сталкивается с действительностью и выводит на неудобные частные вопросы: совершенное невменяемым или лицом, не достигшим 14-летнего возраста, — это

«общественно опасное деяние» или преступление? В ст. 105 и 109 УК РФ указаны составы одного или разных преступлений? Совершение преступления в группе с невменяемым, выполняющим необходимые действия, является соучастием или нет? Можно ли причинять вред при задержании лица, совершившего преступление, если это лицо невменяемое или не достигло возраста уголовной ответственности?

Традиции хороши, когда они соответствуют объективной реальности, а когда они отрываются от жизни, то становятся тормозом. Значит, время от времени нужно подвергать сомнению истинность существующих знаний, если есть для этого основания, и проводить их инвентаризацию. Делать это следует системно, через технологию концепта.

Концепт определяют в двух значениях: 1) содержание понятия; 2) основная мысль, идея произведения, сочинения¹. Под ним понимается «смысловое значение имени (знака)»², а происхождение от глагола *conspicere* — собирать; составлять по установленной форме, формулировать³, — выводит концепт к формализованной сущности. В целом под концептом мы будем понимать образ, включающий ряд возможных смысловых значений, определяемых в контексте условий. В последнее время активно используется форма концепт-продукта как сущности, отражающей совокупность качеств, закрывающих боли потребителей (экономическая составляющая). Для нас важно его содержание, определяемое как смысл понятия или практическое воплощение идеи. Концепт есть способ организации предметной области в рамках концепции или теоретического видения, целостного (системного) представления. Основой конструкции является трансформация понятия через гипотезы о желательном результате, а тестирование на практике можно осуществлять через MVP⁴. Понятие превращается в концепт (продукт) через рассмотрение системных связей с другими элементами, формируя модель с акцентом на необходимый результат.

Науке необходимо время от времени проводить верификацию понятий. Она осуществляется через ряд операций, приводящих к требуемой норме.

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка / авт., сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 454.

² Сов. энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М., 1982. С. 624.

³ См.: Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л.М. Баш [и др.]. 3-е изд., доп. М., 2002. С. 416.

⁴ Minimum Viable Product — минимально жизнеспособный продукт. Такая технология используется для рассмотрения наиболее эффективных вариантов достижения поставленных целей, предполагающей создание минимально работающей модели.

1. Объективизация выражается в проверке понятия и всех его частных на соответствие реальной действительности. Она необходима как процесс очищения от заблуждений, ошибок и навязанных субъективных мнений.

2. Нормализация означает приведение понятия к критериям правильного определения. Такая работа осуществляется с объемом понятия через исключение несущественных и сохранение (добавление) существенных признаков.

3. Систематизация заключается в детальной проработке связей на иерархических и горизонтальных планах как с одноуровневыми, так и с производными понятиями. Нестыковки устраняются через дальнейшую верификацию связанных понятий по нисходящей линии. Такой алгоритм позволяет получить выверенное, нормализованное, системное понятие, сокращенно именуемое концептом.

Анализ понятий преступлений в науке уголовного права выявил следующие закономерности: большинство ученых определяют преступление через деяние (действие или бездействие), а некоторые используют термин «посягательство»⁵. По ограничительным признакам вариативность проявляется более разнообразно и можно выделить три подхода к понятию преступления.

Первая группа определяет преступление через признак противоправности, т.е. запрещенности деяния законом⁶, к которому ряд авторов добавляет свои признаки: В. Спасович — «под страхом наказания»⁷, Э.Я. Немировский — «виновное... с которым закон связывает наказание как последствие»⁸, Л.С. Белогриц-Котляревский — «виновное... под страхом наказания»⁹.

Вторая группа определений преступлений строится на связке признаков общественной опасности и противоправности, к которым каждый автор добавляет следующие признаки: А.А. Герцензон — «посягательство на основы советского строя и советский правопорядок, на права и интересы

советских граждан... вызывающее отрицательную морально-политическую оценку и влекущее за собой наказание»¹⁰, Т.В. Церетелли — «виновное деяние»¹¹, М.П. Карпушин, В.И. Курляндский — «виновно совершенное вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности»¹², Н.А. Бабий — «виновно совершенное единолично или в соучастии независимо от стадии его осуществления»¹³.

Третья группа относится к традиционному определению преступления, основанному на проверке признаков (общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость), где авторы предлагают дополнить своими существенными признаками: Е.В. Епифанова — «посягающее на публичные и частные права, свободы, законные интересы физических лиц, организаций, государства, муниципальных образований...»¹⁴, В.В. Мальцев — «посягающее на мир и безопасность человечества, основы конституционного строя и безопасности Российской Федерации, личность, экономическую сферу, общественную безопасность и общественный порядок, государственную власть, установленный порядок прохождения военной службы...»¹⁵, Н.Д. Дурманов — «вменяемое...»¹⁶, В.И. Морозов — «совершенное деликтоспособным лицом...»¹⁷, А.И. Марцев — «совершаемое... вменяемым и достигшим возраста уголовной ответственности лицом...»¹⁸.

Существующее разнообразие понятий преступления не вносит ясности, по существу, а лишь запутывает. Вопрос стоит не о придумывании новых признаков преступления, а о выборе из существующего множества в науке уголовного права тех, что являются существенными, а на их

¹⁰ См.: Герцензон А.А. Указ. соч. С. 54.

¹¹ Церетелли Т.В. Основания уголовной ответственности и понятие преступления // Правоведение. 1980. № 2. С. 86.

¹² Карпушин М.П., Курляндский В.И. Указ. соч. С. 89.

¹³ Бабий Н.А. Учение о структуре и составе преступления: в 2 кн. Кн. I. Понятие структуры и состава преступления. М., 2019. С. 278.

¹⁴ Епифанова Е.В. Преступление как правовая категория в науке и законодательстве России: история развития и особенности современного состояния / под науч. ред. В.В. Момотова. М., 2013. С. 330.

¹⁵ Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М., 2014. С. 10.

¹⁶ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М. — Л., 1948. С. 259.

¹⁷ Морозов В.И. К вопросу о понятии и признаках преступления // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск, 2020. С. 101.

¹⁸ Марцев А.И. Указ. соч. С. 86.

⁵ См.: Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. М., 1955. С. 54; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 89; Марцев А.И. Вопросы совершенствования норм о преступлении // Государство и право. 1995. № 11. С. 86; и др.

⁶ См.: Алакаев А.М. Понятие преступления (формы и виды): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 7; Смирнов А.М. О понятии преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации // Росс. следователь. 2018. № 8.

⁷ Спасович В. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. С. 83.

⁸ Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 39.

⁹ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев; СПб.; Харьков, 1903. С. 103.

роль претендуют только общественная опасность и противоправность.

Будущее уголовное право будет определять следующий концепт «преступления»:

Преступление — общественно опасное деяние или деятельность, запрещенные уголовным законом.

Следует понимать, что объективно преступление может образовывать как деяние единичное, так и действия систематичные. Игнорирование последнего факта необоснованно, так как если в праве есть позитивная систематичная деятельность (например, предпринимательская деятельность), то должна быть и негативная систематичная деятельность или «преступная деятельность». Под деятельностью понимается «активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности»¹⁹. Следовательно, уголовному праву следует сосредоточить усилия на теоретической проработке конструкции «преступной деятельности», тем более что уголовное законодательство накопило достаточное количество предпосылок ее частичной реализации, таких как административная преюдиция, различные виды преступной деятельности (террористической, экстремистской, коррупционной), проявление групповой преступности (соучастие, совокупность и рецидив), преступная деятельность юридических лиц и т.д. Так, преступная деятельность нашла отражение в отдельных статьях Уголовного кодекса РФ, присутствует в жизни, но игнорируется уголовно-правовой теорией. В действующем уголовном законодательстве преступная деятельность рассматривается через отдельные деяния, вырывающиеся из естественных цепочек.

Исключение несущественных признаков преступления (виновность и наказуемость) позволяет вернуть понятие в состояние советской уголовно-правовой науки до момента отклонения, определив его через совокупность формального и материального признаков. Раскрывать содержание общественной опасности и противоправности не имеет смысла, так как в этом случае реальность совпадает с мнением большинства ученых. Действительная сущность преступления раскрывается через установление связей с другими основополагающими понятиями уголовного права (состав преступления, уголовная ответственность, наказание, множественность преступлений, соучастие преступлений и т.д.), что формирует целостное видение уголовно-правовой концепции.

Текущее понятие преступления, по нашему мнению, неверно выполняет ограничительную функцию в определении объема тех ситуаций, которые относятся к категории преступления, что в итоге приводит к заужению пределов действия уголовного права. Только точная совокупность признаков выводит на требуемый объем понятия, адекватно отражающего действительность.

Ныне понятие преступления объективно-субъективное, причем в приоритете последнее. В уголовном праве отклонение в сторону субъективизма вызвало значительную деформацию уголовно-правовых институтов. Такое положение объяснимо с точки зрения идеологии, где нагнетание истерии по поводу репрессий и невинно осужденных привело к субъективному перекоосу и дублированию субъективных элементов в нужных и ненужных местах. По сути, интересы обвиняемого ставятся выше интересов общества (потерпевшего), что отражается как в уголовном праве, так и наиболее ярко в уголовно-процессуальном праве. Конечно, никто не призывает игнорировать субъективную составляющую, однако следует ее вернуть в рамки разумности и достаточности, соразмерно целевым установкам уголовного права. Уголовное право прежде всего должно защищать пострадавшего через установление вины лица, совершившего преступление.

С содержательной стороны любое деяние, причинившее вред, является преступлением. Действия лиц, впоследствии оказывающихся не субъектом (невменяемые или не достигшие возраста ответственности), в моменте расцениваются обществом как преступление, а лишь затем это юридическое обстоятельство влияет на уголовную ответственность. Полагаем, что понятие «преступление» не должно зависеть от юридического статуса субъекта, главное, чтобы деяние было совершено человеком. При таком подходе преступление перестанет быть переменным, а станет постоянным, определенным явлением, отправной точкой для решения других проблем уголовного права.

Социальной характеристикой преступления является способность причинить существенный вред как в частном моменте, так и в целом социальной организации общества. С точки зрения пострадавшего, любой причиненный существенный вред — это преступление, не важно, кем он причинен (вменяемым или невменяемым, достигшим возраста уголовной ответственности или не достигшим). Вред и только причиненный вред является единственным критерием преступления, все остальное вариативно. Например, в определении преступления, где человек лишается жизни, акцент сдвигается на причинение смерти как потерю социальной ценности и уровня благосостояния

¹⁹ Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М., 1983. С. 91.

потерпевшего, а не на то, кто его совершил (это второстепенный вопрос). С точки зрения общества, преступление — это дезорганизация порядка, изменение отношения людей к защите ценностей общества и способности государства справиться с этим. Объективная характеристика преступления используется государством для установления в уголовном законе конкретного состава преступления и его наказуемости, воплощая таким образом формальный признак преступления. Следовательно, социальный вред от преступления — это стабильная характеристика, которую реально оценить, а вина служит целям наказания, влияя на изменение общественной опасности в рамках установленных пределов. К сожалению, в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса РФ такое соотношение не нашло стройного и последовательного отражения во множестве составов преступлений.

Таким образом, статус деяния (преступление или не преступление) не может зависеть от таких обстоятельств, как юридический статус субъекта, его субъективное отношение к совершаемому деянию, а также от того факта, будет ли он наказан в будущем.

Понятие преступления является базой для построения всех теоретических конструкций в уголовном праве, поэтому оно должно быть выверено и найти отражение во всех производных понятиях, где должны присутствовать только существенные, неотъемлемые признаки. Исключение признаков виновности и наказуемости из понятия преступления вызовет определенные возражения научного сообщества, поэтому аргументации данного шага уделено значительное внимание в целях сделать процесс максимально безболезненным. Для этой цели выдвигаем **шесть аргументов**, подкрепленных доводами в пользу исключения указанных признаков из понятия преступления.

1. Исторический аргумент. В уголовном законодательстве несущественные признаки в понятии преступления появились с Уголовного кодекса РФ 1996 г. Период в 27 лет, который ознаменовал их существование, с исторической точки зрения является достаточно непродолжительным. С момента появления понятия преступления в Артикуле воинском Петра I до Уголовного уложения 1903 г. его определение происходило через признак противоправности. Так, преступлением определялось «деяние, воспрещённое, во время его учинения, законом под страхом наказания»²⁰.

²⁰ Уголовное уложение 1903 г. С. 1. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 04.04.2023).

В советский период уголовное законодательство оперировало понятием преступления в основном в рамках признаков общественной опасности и противоправности. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. определял преступление следующим образом: «общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее порядок, установленный Рабочее-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»²¹. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. сохранил подобную схему изложения, обновив лишь объекты посягательства на преступление: «преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую систему, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом»²². Лучшее не значит хорошее. Периоды социального развития сменяются застоём, упадком и формированием новой социальной структуры. Уголовный кодекс РФ принимался в период смуты, когда на останках прежнего государства формировалось новое, поэтому понятие преступления было вынуждено отражать эпоху и реализовывать идеи либерального мироустройства компрадорского типа. Нынешнее время существенным образом изменилось, что требует пересмотра как всего уголовного законодательства, так и понятия преступления, в частности.

2. Структурный аргумент. Структурной особенностью несущественных признаков является их соответствие какому-либо связанному с преступлением явлению. Так, виновности соответствует вина как элемент состава преступления, а наказуемости — наказание как мера государственного принуждения. Для признаков противоправности и общественной опасности таких связанных явлений не усматривается, лишь состав преступления можно с некоторой натяжкой соотнести с противоправностью. Такой двойной учет в понятии преступления, наличие пары признака—явления («виновности—вины» и «наказуемости—наказания») вызывает вопросы к структурной организации уголовно-правовой модели.

Следующим аргументом является установление содержательного соотношения этих понятий (виновность—вина, наказуемость—наказание). В этом случае возможны два варианта разрешения:

²¹ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. М., 1950. С. 5.

²² Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. М., 1989. С. 6, 7.

1) каждый из парных терминов обладает собственным отличительным содержанием; 2) содержание парных терминов идентично, несмотря на различие в названиях. Наиболее простой способ заключается в изучении их значений, даваемых в учебной литературе. Так, контент-анализ учебников по уголовному праву показал, что термин «виновность» описывается в свободной форме, без определения, а его содержание раскрывается через понятие вины, что указано в ч. 1 ст. 24 УК РФ, через принцип вины, а также через вменяемость как основание для возникновения вины²³. Подобный подход в форме определения виновности понимает его как «совершение общественно опасного деяния с определенным психическим отношением конкретного лица к своему деянию и его последствиям, выраженным в форме умысла и неосторожности»²⁴. Основным посыл следующий: «вина является обязательным субъективным свойством преступления»²⁵, поэтому виновность отождествляется с виной, через нее раскрывается, что свидетельствует об отсутствии ее собственного содержания.

Относительно признака наказуемости контент-анализ учебников по уголовному праву выявил, что она определяется либо как «возможность назначения наказания за совершенное преступление»²⁶, либо как «угроза наказания за совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом»²⁷. При этом под возможностью (угрозой) можно воспринимать как установление такового в уголовном законе, так и фактическую реализацию наказания в реальной жизни. Наказуемость определяют как «признак преступления, не характеризующий его сущность, а указывающий на его неизбежное юридическое последствие,

неблагоприятное для правонарушителя»²⁸. Получается, что наказание дважды фигурирует в понятии преступления: в качестве его признака, означающего «возможность или угрозу наказания», и в качестве самостоятельного «подразумеваемого» явления, выражающего неизбежное следствие любого преступления. Такая конструкция не совершенна. Полагаем, следует внести определенность в вопрос является ли наказуемость признаком или следствием.

В ряде учебников производится разграничение: «наказуемость деяния как угроза, возможность наказания, предусмотренная в санкции уголовно-правовой нормы, не должна смешиваться с наказанием, которое является следствием совершения преступления и потому в него не входит»²⁹. Под наказуемостью «следует понимать не реальное наказание и не факт его назначения за конкретное преступление, а установленную законом возможность применить наказание за каждый случай совершения деяния, описанного в той или иной норме Особенной части УК»³⁰. В половине рассмотренных учебников признак наказуемости рассматривается в рамках признака противоправности, что является достаточно логичным. Например, следует обратить внимание на широкое понимание уголовной противоправности, которая представлена в следующих критериях: а) виновность; б) запрещенность уголовным законом; в) наказуемость³¹. Действительно, для определения в уголовном законе конкретного вида преступления законодатель его называет, описывает через необходимые элементы и определяет размер и вид наказания. Может ли преступление быть закреплено в уголовном законе без определения наказания? Нет, значит, наказуемость является неразрывной частью противоправности. Если наказуемость — это часть противоправности, тогда возникает закономерный вопрос: зачем выделять отдельный признак, который является частью другого, более общего признака преступления?

3. Ролевой аргумент. По ролевому содержанию виновность и наказуемость определены признаками преступления, а каждый признак обладает свойством обязательности. Однако если какой-либо признак определения отсутствует, то данного явления не будет, а будет что-то совершенно другое.

²³ См.: Уголовное право. Общая и Особенная часть: учеб. для средних специальных учеб. заведений / под ред. В.Б. Боровикова. М., 2010. С. 45; Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. С.А. Денисова, Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко. М., 2018. С. 65; Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. А.Н. Тарбагаева. М., 2012. С. 55; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 35; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 82; и др.

²⁴ Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / под общ. ред. В.В. Векленко. 2-е изд. М., 2020. С. 109, 110.

²⁵ Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 64.

²⁶ Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / под общ. ред. В.В. Векленко. 2-е изд. С. 109.

²⁷ Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. С.А. Денисова, Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко. С. 66; Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. А.Н. Тарбагаева. С. 58; Уголовное право. Общая и Особенная часть: учеб. для средних специальных учеб. заведений / под ред. В.Б. Боровикова. С. 45.

²⁸ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. С. 35.

²⁹ Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. С. 66.

³⁰ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. С. 36.

³¹ См.: Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. И.В. Дворянскова. М., 2023. С. 94.

Разберемся с функциональным содержанием данных признаков.

Виновность (она же вина) необходима прежде всего для назначения виновному соответствующей его поведению меры уголовно-правового воздействия. Так, составы убийства (ст. 105 УК РФ) и неосторожного причинения смерти (ст. 109 УК РФ) с точки зрения объективной стороны одинаковы, а различие прослеживается лишь в форме вины. В санкциях данных норм законодатель установил отличие сроков в 7.5 раза. Получается, что в приведенном случае выражение общественной опасности в большей степени зависит от вины, чем от тяжести последствий. Значит, вина наряду с другими элементами, образующими состав преступления, выступает основанием уголовной ответственности.

Наказуемость можно рассматривать как законодательную предпосылку (возможность) наказания за конкретное преступление, что отсылает нас к проявлению признака противоправности, а с другой стороны, как фактическую реализацию санкции (следствие преступления), что позволяет рассматривать ее в роли наказания. Наказуемость не может быть обязательным признаком преступления, так как определяется через термин «возможность», т.е. ожидаемое при определенных условиях, но не обязательное. Таким образом, виновность и наказуемость не отвечают критериям существенных признаков преступления по ролевым основаниям.

4. Концептуальный аргумент. Превалирующее в науке уголовного права разделение преступления и состава преступления как разнотелостных явлений (преступление относят к объективной реальности, а состав преступления — к юридической) приводит к дуальности понимания. В такой логике любое преступление должно содержать признаки виновности и наказуемости, чтобы стыковаться с составом преступления. Тогда возникает вопрос: всегда ли у нас преступление обладает такими признаками? Иногда виновность мы подразумеваем, например, в тех случаях, когда совершаемые деяния прошли мимо сознания, скажем, когда лицо совершает деяние в состоянии наркотического или алкогольного опьянения и при этом ничего не помнит. С точки зрения законодательной модели, деяния ряда субъектов не обладают юридической виновностью, так как субъект не достиг установленного законом возраста или признан невменяемым. Данный факт приводит к тому, что в соответствии с уголовным законом лицо, объективно совершившее преступление, не подлежит наказанию. Даже в том случае, когда есть все основания, наказание не является закономерным исходом. Так, за первое полугодие 2022 г. уголовно-правовому воздействию подверглись 274 683 осужденных. При этом

различным видам реального наказания были подвергнуты 188 958 осужденных, условно осуждены к лишению свободы и иным видам наказаний — 79 981 осужденный и 5744 лица по приговору освобождены от наказания или наказание на применялось³². Таким образом, из общего числа лиц, совершивших преступление, меры воздействия распределяются в процентном отношении следующим образом: 69% подлежат наказанию, 31% фактически не наказываются (29% — условное осуждение, 2% — освобождение от наказания).

Кроме того, 70 839 дел прекращены по различным основаниям: 49 229 — в связи с примирением с потерпевшим, 10 821 — в связи с назначением судебного штрафа (ст. 25¹ УПК РФ), 3660 — на основании примечания к ст. Уголовного кодекса РФ (в том числе в связи с деятельным раскаянием, ч. 2 ст. 28 УПК РФ), 3617 — в связи с деятельным раскаянием, 2668 — в связи с истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и т.д.³³

Следовательно, наказуемость следует рассматривать не как обязательное следствие, а как гипотетическую возможность, подтверждаемую текущей моделью уголовной ответственности. Так, при доказанности виновности и наличии состава за лицом все еще сохраняется возможность не подвергнуться наказанию в связи с освобождением от уголовной ответственности, а также по отдельным видам освобождения от наказания, в связи с амнистией или помилованием. И даже если ему будет назначено наказание условно, то объективно к лицу не будет применяться наказание, если он не нарушит требуемые условия.

5. Статистический аргумент. Признак наказуемости не выдерживает проверки объективной реальностью, поскольку не за все преступления будет наказание, а неотвратимость наказания, по сути, является объективной фикцией или «теоретическим пожеланием», что находит подтверждение в статистических данных. Все совершенные преступления за определенный период можно поделить на группы разного размера.

Многие криминологи указывают, что большинство преступлений относится к категории латентных и количественно значительно отличается от зарегистрированных преступлений. Так, по мнению А.Л. Репецкой, выдерживается следующее соотношение: «при среднем количестве в 2.5–3 млн преступлений, находящихся в регистрации каждый

³² См.: Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 20.04.2023).

³³ См.: Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 20.04.2023).

год, текущая латентность по различным методикам расчетов составляет 22 млн преступлений»³⁴. В 2022 г. было зарегистрировано 1 966 795 преступлений, из которых было раскрыто 1 035 496 преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве в 2022 г.³⁵ То есть, зная соотношение, можно предположить латентную преступность в 2022 г. в размере 14 423 163 преступлений. Таким образом, признак наказуемости не проявляется в 93.68% совершенных преступлений (14 423 163 — латентные + 931 299 — нераскрытые), лишь у 6.32% преступлений (1 035 496 — раскрытые) есть возможность повлечь наказание. Наблюдая такое процентное соотношение в жизни, делаем вывод, что преступления больше ненаказуемы, чем наказуемы. Раз наказание не всегда следует за преступлением, значит, наказуемость, как минимум, вариативный признак. Может быть и иная логика: если мы признаем наказуемость обязательным признаком, то будем вынуждены признать и то, что подавляющее большинство совершенных деяний преступлением не является. Но, поскольку такого не может быть, значит, вывод один: наказуемость не признак преступления.

Более того, такие статистические данные указывают на незначительное количество преступлений, за которые может следовать наказание, что делает постулат о «неотвратимости наказания», появившийся в работе Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», лишь пожеланием автора, а в сущности, просто юридической фикцией.

6. Исключительный аргумент. Исключение признаков виновности и наказуемости не повлечет фатальных изменений, не скажется на законности и справедливости уголовно-правового воздействия. Фактически предполагаемые изменения приведут к упрощению уголовно-правовой модели, повышению уровня соответствия действительности, а значит, к повышению эффективности. Не стоит переживать об исключении виновности, поскольку останется принцип вины, пронизывающий все уголовное право, а также практическая деятельность, основанная на субъективном вменении. Вина, как и прежде, будет устанавливаться для каждого совершенного преступления, поскольку является обязательным элементом любого состава преступления, а он, в свою очередь, выступает основанием уголовной ответственности. Таким образом, принципа вины и вины как элемента

состава достаточно для поддержания необходимого уровня субъективности уголовного права в оценке деяния виновного. Исключение наказуемости также не приведет к необратимым изменениям, поскольку этот признак останется частью признака противоправности.

Таким образом, виновность и наказуемость есть суть надуманные конструкции, не имеющие собственного содержания, а призванные поддерживать определенный уровень научного заблуждения. Для сохранения двух несущественных и дублирующих признаков преступления в науке уголовного права должно существовать более веское обоснование.

Признавая наследие и вклад ученых в разработку понятия преступления, необходимо констатировать, что настало время дальнейшего развития, где на основе нового понятия преступления мы будем строить обновленную модель уголовно-правового воздействия.

Верификация понятия преступления позволит решить ряд теоретических проблем уголовного права. Во-первых, исправить историческую ошибку, выразившуюся в отклонении в сторону субъективизма. Понятие преступления очистилось от давления авторитета мнений и ложных идеологических установок, вернулось в точку действительного положения. Во-вторых, лучше отразить соответствие реальной действительности. Главной чертой любого правильного понятия является истинность, оно должно отражать тот объем, что существует в реальной действительности.

Мы видим существенные плюсы нормализации понятия преступления. Точное определение объема понятия позволит, во-первых, определить круг общественно опасных деяний (без исключений), куда включены деяния, совершенные субъектами, невменяемыми, несовершеннолетними (до 14 лет и от 14 до 18 лет), а также юридическими лицами. Фактически этим определением уточняются границы действия уголовного права, его объем, который должен быть не больше и не меньше, а отражать действительное соотношение предметов отраслей российского права.

Во-вторых, правильно выстроить взаимодействие с зависимым понятием — уголовной ответственностью, признав возможность всех ее форм как следствия совершенного преступления: реальное наказание, условное наказание, уголовная ответственность без наказания (в ситуациях освобождения от уголовной ответственности и наказания, амнистии или помилования), принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательно-го воздействия, конфискация имущества, судебный штраф и др.

³⁴ Ренецкая А.Л. Современное состояние, структура и тенденции Российской преступности // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2018. № 1. С. 153.

³⁵ Состояние преступности в России за январь—декабрь 2022 г. М., 2023. С. 6. URL: <https://xn-b1aew.xn-plai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 12.04.2023).

В-третьих, решить многие практические проблемы, возникшие как следствие запутанности уголовно-правовой теории. Правильное определение преступления позволит адекватно оценивать работу правоохранительных органов, определять объемы и качество работы, снизить процессуальные издержки и потери, правильно формировать статистические данные. Ведь временные и материальные затраты действий по уголовному делу и по материалам проверки одинаковы, а показатели работы должны включать все формы реагирования правоохранительных органов на преступление.

Фактически верификация понятия преступления — это начальный этап формирования новой концепции уголовного права, которая оформится после верификации и установления связей с ключевыми понятиями уголовного права: составом преступления, уголовной ответственностью, наказанием и т.д. Концепция будет отражать новую модель отношений государства и преступника, отражать адекватный уровень уголовно-правового воздействия, а также новые идеологические установки в противодействии преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алакаев А.М.* Понятие преступления (формы и виды): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 7.
2. *Бабий Н.А.* Учение о структуре и составе преступления: в 2 кн. Кн. I. Понятие структуры и состава преступления. М., 2019. С. 278.
3. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев — СПб. — Харьков, 1903. С. 103.
4. Большой толковый словарь русского языка / авт., сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 454.
5. *Герцензон А.А.* Понятие преступления в советском уголовном праве. М., 1955. С. 54.
6. *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М. — Л., 1948. С. 259.
7. *Епифанова Е.В.* Преступление как правовая категория в науке и законодательстве России: история развития и особенности современного состояния / под науч. ред. В.В. Момотова. М., 2013. С. 330.
8. *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 89.
9. *Мальцев В.В.* Общественно опасное поведение в уголовном праве. М., 2014. С. 10.
10. *Марцев А.И.* Вопросы совершенствования норм о преступлении // Государство и право. 1995. № 11. С. 86.
11. *Морозов В.И.* К вопросу о понятии и признаках преступления // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск, 2020. С. 101.
12. *Немировский Э.Я.* Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 39.
13. Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М., 1983. С. 91.
14. *Репецкая А.Л.* Современное состояние, структура и тенденции Российской преступности // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2018. № 1. С. 153.
15. Российское уголовное право: в 2 т. Т. I. Общая часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 64, 66.
16. *Смирнов А.М.* О понятии преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации // Росс. следователь. 2018. № 8.
17. Сов. энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М., 1982. С. 624.
18. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л.М. Баш [и др.]. 3-е изд., доп. М., 2002. С. 416.
19. *Спасович В.* Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. С. 83.
20. Уголовное право. Общая и Особенная часть: учеб. для средних специальных учеб. заведений / под ред. В.Б. Боровикова. М., 2010. С. 45.
21. Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. И.В. Дворянкова. М., 2023. С. 94.
22. Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. С.А. Денисова, Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко. М., 2018. С. 65, 66.
23. Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. А.Н. Тарбагаева. М., 2012. С. 55, 58.
24. Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / под общ. ред. В.В. Векленко. 2-е изд. М., 2020. С. 109, 110.
25. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 82.
26. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 35, 36.
27. *Церетели Т.В.* Основания уголовной ответственности и понятие преступления // Правоведение. 1980. № 2. С. 86.

REFERENCES

1. *Alakaev A.M.* The concept of crime (forms and types): abstract ... PhD in Law. M., 1992. P. 7 (in Russ.).
2. *Babiy N.A.* The doctrine of the structure and composition of crime: in 2 books. Book I. The concept of structure and composition of crime. M., 2019. P. 278 (in Russ.).
3. *Belogrits-Kotlyarevsky L.S.* Textbook of Russian Criminal Law. General and Special parts. Kiev — St. Petersburg — Kharkov, 1903. P. 103 (in Russ.).
4. The Great explanatory Dictionary of the Russian language / author, comp., chief editor S.A. Kuznetsov. SPb., 1998. P. 454 (in Russ.).
5. *Gertsenzon A.A.* The concept of crime in Soviet Criminal law. M., 1955. P. 54 (in Russ.).

6. *Durmanov N.D.* The concept of crime. M. – L., 1948. P. 259 (in Russ.).
7. *Epifanova E.V.* Crime as a legal category in science and legislation of Russia: the history of development and features of the modern state / ed. by V.V. Momotov. M., 2013. P. 330 (in Russ.).
8. *Karpushin M.P., Kurlandsky V.I.* Criminal liability and the composition of a crime. M., 1974. P. 89 (in Russ.).
9. *Maltsev V.V.* Socially dangerous behavior in Criminal Law. M., 2014. P. 10 (in Russ.).
10. *Martsev A.I.* Issues of improving norms on crime // State and Law. 1995. No. 11. P. 86 (in Russ.).
11. *Morozov V.I.* On the question of the concept and signs of a crime // Actual problems of the doctrine of crime: abstracts of reports and communications of the International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.I. Martsev. Omsk, 2020. P. 101 (in Russ.).
12. *Nemirovsky E. Ya.* The basic principles of criminal law. Odessa, 1917. P. 39 (in Russ.).
13. Psychological Dictionary / ed. by V.V. Davydov, A.V. Zaporozhets, B.F. Lomov et al. M., 1983. P. 91 (in Russ.).
14. *Repetskaya A.L.* The current state, structure and trends of Russian crime // Herald of the Omsk University. Ser. "Law". 2018. No. 1. P. 153 (in Russ.).
15. Russian Criminal Law: in 2 vols. 1. General part: textbook / ed. by L.V. Inogamova-Khegay, V.S. Komissarov, A.I. Rarog. 3rd ed., reprint and add. M., 2011. Pp. 64, 66 (in Russ.).
16. *Smirnov A.M.* On the concept of crime in the Criminal Code of the Russian Federation // Russ. the investigator. 2018. No. 8 (in Russ.).
17. Soviet Encyclopedic Dictionary / chief editor A.M. Prokhorov. 2nd ed. M., 1982. P. 624 (in Russ.).
18. Modern dictionary of foreign words: interpretation, word usage, word formation, etymology / L.M. Bash [et al.]. 3rd ed., add. M., 2002. P. 416 (in Russ.).
19. *Spasovich V.* Textbook of Criminal Law. St. Petersburg, 1863. Vol. 1. P. 83 (in Russ.).
20. Criminal Law. General and Special part: textbook for secondary special studies institutions / ed. by V.B. Borovikov. M., 2010. P. 45 (in Russ.).
21. Criminal Law. General part: textbook / ed. by I.V. Dvoryanskov. M., 2023. P. 94 (in Russ.).
22. Criminal Law. General part: textbook / ed. by S.A. Denisov, L.V. Gotchina, A.V. Nikulenko. M., 2018. Pp. 65, 66 (in Russ.).
23. Criminal Law. General part: textbook / ed. by A.N. Tarbagaev. M., 2012. Pp. 55, 58 (in Russ.).
24. Criminal Law. General part: textbook for universities / under the general editorship of V.V. Veklenko. 2nd ed. M., 2020. Pp. 109, 110 (in Russ.).
25. Criminal Law of Russia. Parts General and Special: textbook / ed. by A.V. Brilliantov. 3rd ed., reprint and add. M., 2021. P. 82 (in Russ.).
26. Criminal Law of Russia. Parts General and Special: textbook / ed. by A.I. Rarog. 7th ed., reprint and add. M., 2012. Pp. 35, 36 (in Russ.).
27. *Tsereteli T.V.* Grounds of criminal liability and the concept of crime // Law studies. 1980. No. 2. P. 86 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТУРЫШЕВ Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России; 644092 г. Омск, пр. Комарова д. 7

Authors' information

TURYSHEV Aleksandr A. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 7 Komarova Ave., 644092 Omsk, Russia

УДК 343

МОЛОДЕЖНЫЕ НЕОНАЦИСТСКИЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА С РИТОРИКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВРАЖДЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

© 2024 г. В. И. Красиков*, Е. В. Фоменко**, Б. В. Яцеленко***

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва*

**E-mail: KrasVladIv@gmail.com*

***E-mail: 89266006361@mail.ru*

****E-mail: ya.borisvik@mail.ru*

Поступила в редакцию 13.09.2023 г.

Аннотация. Авторами с применением обще- и частнонаучных методов исследованы закономерности выявления и противодействия правовыми средствами распространению среди российской молодежи онлайн-сообществ с риторикой политической вражды. Юридическая оценка подобных проявлений в российском онлайн-пространстве позволила, по мнению авторов, выработать приоритетные направления развития законодательства и повышения эффективности предупреждения совершения противоправных деяний отдельными представителями молодежных онлайн-сообществ с риторикой политической вражды. По замыслу ученых, подобные исследования позволят в перспективе повысить надежность существующих механизмов обеспечения безопасности государства перед угрозами, связанными с распространением экстремизма, терроризма и иных преступных проявлений в сети Интернет. Цель работы: анализ правовых средств противодействия в отношении общественно опасных деяний, совершаемых членами молодежных онлайн-сообществ с риторикой политической вражды; выявление степени их действенности для редуцирования их активности и определение направлений повышения эффективности законодательства, практики его применения и превенции деяний экстремистской и террористической направленности среди участников молодежных онлайн-сообществ с риторикой политической вражды.

Ключевые слова: молодежные онлайн-сообщества с риторикой политической вражды, предупреждение экстремизма и радикализма, обеспечение безопасности государства перед современными угрозами, связанными с распространением экстремизма, терроризма, радикализма и иных преступных проявлений в сети Интернет.

Цитирование: Красиков В. И., Фоменко Е. В., Яцеленко Б. В. Молодежные неонацистские онлайн-сообщества с риторикой политической вражды: проблемы правовой оценки и противодействия // Государство и право. 2024. № 3. С. 147–156.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>

DOI: 10.31857/S1026945224030148

YOUTH NEO-NAZI ONLINE COMMUNITIES WITH RHETORIC OF POLITICAL HATRED: PROBLEMS OF LEGAL ASSESSMENT AND COUNTERACTION

© 2024 V. I. Krasikov*, E. V. Fomenko**, B. V. Yatselenko***

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow

*E-mail: KrasVladIv@gmail.com

**E-mail: 89266006361@mail.ru

***E-mail: ya.borisvik@mail.ru

Received 13.09.2023

Abstract. The authors, using general and specific scientific methods, investigated the issues of identifying and countering by legal means the spread of online communities with the rhetoric of political hostility among Russian youth. A legal assessment of such manifestations in the Russian online space made it possible, according to the authors, to develop priority directions for the development of domestic legislation and increase the effectiveness of preventing the commission of illegal acts by individual representatives of youth online communities with the rhetoric of political hostility. According to scientists, such research will make it possible in the future to increase the reliability of existing mechanisms for ensuring state security in the face of modern threats associated with the spread of extremism, terrorism, and other criminal manifestations on the Internet. Purpose of the work: analysis of legal means of countering socially dangerous acts committed by members of online youth communities with the rhetoric of political hostility; identifying the degree of their effectiveness to reduce their activity and identifying directions for increasing the effectiveness of legislation, the practice of its application and the prevention of extremist and terrorist acts among participants in youth online communities with the rhetoric of political hostility.

Key words: youth online communities with the rhetoric of political hostility, prevention of extremism and radicalism, ensuring the security of the state against modern threats associated with the spread of extremism, terrorism, radicalism and other criminal manifestations on the Internet.

For citation: Krasikov, V.I., Fomenko, E.V., Yatselenko, B.V. (2024) Youth neo-Nazi online communities with rhetoric of political hatred: problems of legal assessment and counteraction // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 147–156.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>

Введение

Сеть Интернет за последние несколько десятилетий прочно вошла в жизнь человечества. Безусловно, в авангарде активных пользователей интернета выступают молодые люди в возрасте от 12 до 24 лет (97.1% от общего числа пользователей)¹. По данным, предоставленным Левада-Центром² в апреле 2023 г., «72% респондентов ежедневно выходят в интернет. Наиболее активные пользователи — молодежь, но количество пользователей старшего возраста постоянно увеличивается... Доля ежедневных пользователей интернета не изменилась в двух — самых молодых — возрастных группах, так как среди молодежи

интернетом пользуются практически все: в группе 18–24 года таких пользователей 95%, в группе 25–39 лет — 91%... среди возрастных групп больше всего ежедневных пользователей соцсетей среди опрошенных 18–24 лет (91%)... Самые молодые респонденты чаще представителей других возрастных групп посещают “ВКонтакте” (87%), YouTube (69%), TikTok (46%) и Instagram (36%)»³.

Именно молодые респонденты в возрасте от 14 до 25 лет будут рассматриваться нами как возможные субъекты преступлений, совершаемых под воздействием членства в молодежных онлайн-сообществах с риторикой политической вражды.

Нами проведен мониторинг в одной из наиболее популярных у молодых людей онлайн-сетей «ВКонтакте». Судя по всему, проблема распространения неофашистских и расистских настроений среди части

¹ См.: Доля пользователей сети Интернет в Российской Федерации среди молодежи приблизилась к 100%. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 20.07.2023).

² Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-Центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». — *Прим. авт.*

³ Аудитория социальных сетей и мессенджеров. URL: <https://www.levada.ru/2023/04/18/auditoriya-sotsialnyh-setej-i-messendzherov/> (дата обращения: 20.07.2023).

подростков и молодежи остается актуальной. В государстве, победившем германский фашизм, запрос «третий рейх» в мониторинговой системе социальной сети «ВКонтакте» дал 1669 групп, с головной закрытой группой «Третий Рейх» более 25 тыс. подписчиков (<https://vk.com/drittereich>). Запрос «Я Русский» дал 73 тыс. группы вообще, правда, вместе и с любителями русского языка, вторая группа по рейтингу численности насчитывает 285 тыс. участников — с вполне релевантными оскаленными мордами русских медведей и подзаголовком «Мы раздуем жар сердец» (<https://vk.com/public24701625>).

В социальных сетях создаются закрытые группы, в которых распространяются материалы экстремистской направленности. Функцию дискурсивных медиаторов и заодно маркеров дискурса для националистов играют несколько фобий: кавказофобия, исламофобия, мигрантофобия, западофобия, американофобия. К сожалению, ныне концепт таких общественных возмущений крайне прост. Формируется основная конфликтная тема, носящая этнический, религиозный или иной характер на доступном для молодежи языке.

Не следует, однако, думать, что радикальные молодежные националистические группы в социальных сетях исчерпываются лишь великодержавным национализмом титульной нации Российской Федерации. Этносы с непростой исторической судьбой в России также являются питательной почвой для роста радикальных настроений. «ВКонтакте» немало этнонационалистических нерусских групп. Запрос «я осетин» показал 257 групп, «я крымский татарин» девять групп, «я чеченец» и «я ингуш» соответственно 66 групп и 242 группы.

Еще в мае 2020 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш отмечал, что «чрезвычайно обеспокоен тем, что террористы и неонацисты наращивают вербовку и радикализацию, используя интернет и современные технологии... Они расчетливы и хорошо подкованы в технологиях, как и любой современный подросток... Их сообщения пропитаны ложными посулами славы и реальным подстрекательством, нацеленным против наиболее уязвимых слоев общества... ООН полностью вовлечена в эту борьбу»⁴.

Хактивизм также давно привлекает интерес исследователей, поскольку занимает почти четверть от всей доли мотивов злоумышленников в киберпространстве⁵. Так, в марте 2022 г. в связи со спецоперацией на Украине «разработчик Node-IPC, пакета для Node.js,

вставил код: удалить все файлы, если IP-адрес российский или белорусский»⁶. И конечно же, ко всем этим незаконным и явно политически враждебным действиям привлекается молодежь.

Однако следует отличать хактивизм и кибертерроризм, поскольку «несмотря на кажущееся сходство методов и целей, они различаются по ряду параметров.

Оба явления позиционируются как способ выражения протеста в интернет-пространстве. Однако, политический или социальный хактивизм не ставит целью распространить чувство страха в большой группе людей (как в результате террористического акта в реальности). Методы хактивистов направлены на затруднение работы организаций в киберпространстве, не на выведение систем из строя и нарушение доступа обычных граждан к информации. Их цель — выражение мнения, протеста, политических идей... Ввиду отсутствия нормативной и этической базы, поныне ведутся споры о том, насколько оправданы акты гражданского неповиновения в сети, хактивизм и каковы границы политического протеста в интернете.. Ввиду отсутствия нормативной и этической базы, поныне ведутся споры о том, насколько оправданы акты гражданского неповиновения в сети, хактивизм и каковы границы политического протеста в интернете»⁷.

Примером проявления хактивизма с целью оказания воздействия на международном уровне является факт совершения российскими хактивистами весной 2007 г. серий кибератак на эстонские сети в знак протеста против демонтажа в центре Таллина памятника Воину-Освободителю и перезахоронения останков советских солдат на военном кладбище⁸.

Проанализировав одни из самых массовых проявлений риторики политической вражды в молодежных онлайн-сообществах приходим к выводу, что они требуют отдельного изучения с точки зрения возможности выявления мотивов участия в них подростков и молодежи, детерминантов, обуславливающих их существование, и создания правовых механизмов, которые могли бы обеспечить профилактику и противодействие подобным негативным криминогенно-криминальным проявлениям в обществе.

Неонацистские онлайн-сообщества как источник пропаганды и роста преступности экстремистской и террористической направленности. Особо в рамках данной работы обратим внимание на влияние

⁴ Генсек ООН: террористы и неонацисты наращивают вербовку в интернете. URL: <https://ria.ru/20200509/1571203633.html> (дата обращения: 30.07.2023).

⁵ См.: *Восканян Р. О.* Финансовые угрозы национальной безопасности государства // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 1. С. 61–65.

⁶ Protestware, Politics, and Open Source Software | Checkmarx.com (дата обращения: 17.03.2022). Архивировано 18.03.2022.

⁷ Хактивизм. Материал из Википедии — свободной энциклопедии (дата обращения: 30.07.2023).

⁸ См.: Эстония снова обвиняет Россию в кибератаках 2007 года. URL: <https://www.securitylab.ru/news/369756.php> (дата обращения: 30.07.2023).

онлайн-сообществ, пропагандирующих неонацистские настроения среди части несовершеннолетних в России как один из актуальных и требующих первоочередного исследования. Имея пробелы в изучении истории и поддаваясь влиянию извне на еще неокрепшие сознание и умы, подростки и молодые люди вступают в подобные сообщества, не понимая к чему такой шаг может привести. Речь в данном случае идет не просто о противоправном или девиантном поведении, а о совершении высоко общественно опасных преступлений экстремистской и террористической направленности⁹. Эти группы преступлений взаимосвязаны. Об этом факте уже писали видные ученые в области уголовного права. Так, А.В. Петрянин в ходе исследования приходит к выводу, что «терроризм является наиболее радикальной формой проявления экстремизма, представляющей собой состояние насилия, направленного на устрашение населения в форме совершения преступлений, подрывающих общественную безопасность, конституционный строй, а также мир и безопасность человечества (ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵–206, 208, 277, 278, 279, 360 УК РФ), выражающегося в воздействии на принятие решения

органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями»¹⁰. Это утверждение представляется верным и будет обосновано далее на конкретных примерах правоприменительной практики.

Криминологическая характеристика преступности экстремистской и террористической направленности в Российской Федерации. Генеральная прокуратура РФ с 2011 по 2017 г. фиксировала рост преступлений экстремистской направленности, а затем в 2018 г., и особенно в 2019 г., существенный спад их количества. Причем 2019 г. дал снижение до 585 преступлений на 53.8%. Это объясняется в первую очередь вспышкой COVID-19. Начиная с 2022 года регистрировался рост такой преступности. Доля молодежи и несовершеннолетних в общем количестве лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, очевидно высока (*диаграмма 1*).

Согласно официальной статистике МВД России¹¹, с января по май 2023 г. зарегистрировало 816 преступлений экстремистской направленности, что на 37.4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Причем большая часть преступлений подобного

Диаграмма 1

⁹ См.: Перечень 20 в Указании Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Режим доступа: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-1111-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-20-prestuplenii-ekstremistskoi/> (дата обращения: 20.07.2023).

¹⁰ Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 11.

¹¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–май 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/39336121/> (дата обращения: 20.07.2023).

рода совершается в интернете. Имеется в виду в первую очередь, конечно же, организация и координация таких действий. Далее проведем анализ примеров такой деятельности экстремистской направленности, в которую вовлекаются несовершеннолетние через специально созданные онлайн-сообщества в социальных сетях.

Что касается статистики правоохранительных органов по преступлениям террористической направленности, то, как отметил 8 августа 2023 г. на заседании Национального антитеррористического комитета Председатель НАК, директор ФСБ России А.В. Бортников, «на фоне проведения специальной военной операции сформировались новые террористические угрозы, исходящие, в основном, от украинских спецслужб и националистических формирований. При содействии “коллективного Запада” они пропагандируют идеи терроризма и неонацизма, пытаются вовлечь в преступную деятельность российских граждан и лиц, прибывающих с территории Украины, активно используя при этом различные интернет-ресурсы.

воздействием радикальных идей занимались молодые люди, имеющие низкие моральные качества, ведущие маргинальный образ жизни и не задумывающиеся о последствиях своих поступков.

В этих условиях требуется повысить эффективность работы всех органов власти и образовательных организаций по формированию неприятия молодежи идей терроризма, неонацизма, массовых убийств»¹².

По обнародованным данным с февраля 2022 г. по апрель 2023 г. «на территории России предотвращено 118 преступлений террористической направленности, исполнителями которых являлись именно молодые люди и подростки, в том числе несовершеннолетние»¹³.

Анализ официальной статистики правоохранительных органов показал, что на декабрь 2022 г. произошел рост преступлений террористической направленности на 4.5% по сравнению с 2021 г., тогда как в 2021 г. было зафиксировано снижение на 8.8% по сравнению с 2020 г. (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Роскомнадзором при участии правоохранительных и надзорных органов с 2019 г. заблокировано 67 тыс. и удалено 334 тыс. террористических материалов, распространяемых в сети “Интернет”.

С февраля прошлого года в государстве предотвращено 188 преступлений террористической направленности. Их подготовкой в большинстве случаев под

¹² Директор ФСБ России Бортников А.В. провел заседание Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytyi-nak-prinimaet-resheniya/direktor-fsb-rossii-bortnikov-av-provyol.html> (дата обращения: 10.08.2023).

¹³ Суринская Я. В молодежной среде ищут опасные элементы // Ведомости. Политика. 12.04.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/12/970522-natsionalnii-antiterroristicheskii-komit-et-ozabotilsya-profilaktikoi-terrorizma-sredi-molodezhi> (дата обращения: 30.07.2023).

Постоянные скачкообразные колебания динамики свойственны преступлениям террористического характера с 2010 г. Этот вывод находит подтверждение с учетом последних данных о таких преступлениях, обнародованных МВД России. «В январе—июне 2023 г. зарегистрировано 1193 преступления террористического характера (–10.4%)... Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 376 (+0.5%) преступлений совершены в текущем году, в том числе: — пресечено на стадии приготовления и покушения — 72 (+71.4%); — за пределами Российской Федерации — 126 (–35,7%)»¹⁴.

Такая скачкообразная динамика присущая преступлениям террористического характера, предположительно сохранится в ближайшие несколько лет, так как рост и снижение количества зарегистрированных преступлений террористического характера обусловлены целым комплексом внешне и внутри политических, социальных, экономических, идеологических и иных детерминантов. По нашему мнению, такие показатели уголовной статистики также свидетельствуют о попытках выработки и создания отечественным законодателем и правоприменителем по возможности наиболее эффективного механизма противодействия подобным проявлениям.

Практика привлечения молодежи и несовершеннолетних к уголовной ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности. Молодые люди — участники онлайн-сообществ, пропагандирующих неонацистские настроения среди части подростков и молодежи, часто совершают не только преступления экстремистской или террористической направленности, но и тяжкие и особо тяжкие общеуголовные преступления, например причинение вреда здоровью или убийства по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В 2018 г. в онлайн-сети «ВКонтакте» 20-летний Егор Краснов из Днепропетровска, более известный в Сети как «Маньяк», организовал неонацистское движение «М.К.У.»¹⁵. Под влиянием этого украинского неонациста попадали в основном подростки школьного возраста от 12 до 17 лет. Основой пропагандируемой идеологией было объявлено избавление общества от «представителей низших социальных слоев», к которым автоматически были отнесены маргинальные слои: бездомные, алкоголики, наркоманы, проститутки и т.п. Организатор Е. Краснов требовал расправы с ними на камеру, запись которой должна была отправляться ему. Позже он

перешел к требованиям совершать теракты и нападать на сотрудников правоохранительных органов, адресованных своим несовершеннолетним адептам. От требований совершения преступления против личности по экстремистским мотивам организатор этого онлайн-сообщества перешел к призывам к совершению преступлений террористического характера и против порядка управления. В своих более ранних работах¹⁶ мы указывали, что экстремизм и терроризм — часто взаимосвязанные и взаимообусловленные преступные деяния.

Примерно за четыре года в сети «ВКонтакте» Краснов и его подельники завербовали в свои ряды молодежь в 37 российских городах. «Впервые членов этой группировки задержали зимой 2021 г. в Воронеже. Группа молодых людей пропагандировала нацизм и массовые убийства, как в Сети, так и на улицах города. После воронежских событий в течение полугода сотрудники ФСБ задержали десятки сторонников «М.К.У.» — в Геленджике, Ярославле, Саратове, Иркутске, Чите, Анапе. Самая крупная операция была в декабре 2021-го, когда разом взяли более ста экстремистов в 37 городах»¹⁷.

«20 апреля 2023 г. 1-й Восточный окружной военный суд постановил приговор по уголовному делу в отношении военнослужащего по призыву, совершившего преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 33, пп. «ж», «л» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 280, п. «в» ч. 2 ст. 282, ст. 205³, ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 222, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 222¹, ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ.

19-летний житель Оренбургской области с 2019 г. по октябрь 2021 г. являлся участником неонацистского сообщества «М.К.У.» (запрещенная в России террористическая и экстремистская организация).

Осужденный состоял в одноименной группе в социальной сети «ВКонтакте», где занимался обработкой, редактированием, размещением в Интернете фото- и видеоматериалов экстремистской направленности, содержащих сцены избиений и применения насилия к представителям других национальностей, рас, вероисповедания и т.п.

Кроме того, молодой человек вовлекал в состав сообщества иных участников. В частности, в апреле 2020 г. при переписке в социальной сети «ВКонтакте» пытался привлечь в сообщество «М.К.У.» несовершеннолетнего, предложив ему в качестве условия для

¹⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь—июнь 2023 года (п. 13). URL: [file:///C:/Users/Елена/Downloads/Sbornik-06_23%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Елена/Downloads/Sbornik-06_23%20(1).pdf) (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁵ Полное название «Маньяки: культ убийц» — признана в России террористической организацией. — *Прим. авт.*

¹⁶ См., напр.: Маторина Ю.Н., Фоменко Е.В. Правовые основы противодействия терроризму: уголовно-правовой и криминологический аспекты: учеб. пособие. М., 2019; Маторин М.А., Маторина Ю.Н., Фоменко Е.В. Преступления террористического характера: криминологический эскиз // Вестник РПА. 2021. № 3. С. 47–55.

¹⁷ «Следы ведут на Украину»: кто вербует подростков в ряды неонацистов. URL: <https://ria.ru/20220516/ekstremizm-1788359719.html> (дата обращения: 20.07.2023).

вступления, совершить убийство человека, запечатлев процесс убийства на видео. Однако мальчик впоследствии отказался, перестав выходить с ним на связь.

После призыва на военную службу в ноябре 2020 г. парень продолжил участие в сообществе “М.К.У.”, поддерживая связь с его руководителем. Он решил совершить террористический акт — совершение массового убийства граждан, исповедующих ислам и взрыва соборной мечети, расположенной в городе Оренбург. Для этого он изучал экстремистскую литературу, инструкции по изготовлению оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, т.е. выполнял действия, направленные на приобретение соответствующих знаний, умений и навыков по обращению с веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих для последующего осуществления террористической деятельности.

Через интернет военнотружующий планировал приобрести огнестрельное оружие и взрывчатое вещество — пластид. Однако его противоправная деятельность, направленная на незаконное приобретение огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, незаконное приобретение, хранение и перевозку взрывчатого вещества, а также совершение террористического акта, была пресечена сотрудниками правоохранительных органов...

Приговором суда осужденный признан виновным и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 17 лет с отбыванием в тюрьме первых 4 лет, а остальной части наказания — в исправительной колонии строгого режима, со штрафом в размере 500 тысяч рублей, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с публичным размещением обращений и иных материалов в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть “Интернет”, на срок 2 года¹⁸. Приговор был обжалован, но суд второй инстанции оставил его без изменения, а жалобу без удовлетворения. В мае 2023 г. приговор вступил в законную силу.

16 июля 2023 г. в г. Москве задержали членов группировки «Параграф 88», которых обвинили в подготовке покушения на Собчак и Симоньян и нападениях на приезжих по признаку национальности.

По данным из открытых источников «группу создал 18-летний Михаил Балашов (именно он признался в подготовке нападения на Собчак и Симоньян). По информации СМИ, туда входили семь человек, шесть из которых несовершеннолетние: 18-летний Никита Новик, 15-летний Артем Р., 17-летний Даниил Г., 16-летний Максим С., 14-летний Павел Р.,

¹⁸ Суд постановил приговор в отношении участника неонацистского сообщества, вербовавшего несовершеннолетнего и готовившего террористический акт. URL: http://1vovs.hbr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=724 (дата обращения: 24.07.2023).

17-летний Вячеслав Е. и 16-летний Максим З. Впрочем, следствие не исключает, что это не все участники группировки. По данным следователей, на счету группы как минимум три эпизода насилия над приезжими.

Вечером 2 апреля они напали на мужчину из Таджикистана: избили его и убежали. 21 мая члены группировки напали на гражданина Узбекистана — угрожая предметом, похожим на пистолет, они избили мужчину, распылили ему в лицо перцовый баллончик и скрылись с места. Через месяц, 20 июня, члены группировки избили гражданина Таджикистана: мужчине угрожали оружием и электрошокером, сковали его руки наручниками, после чего избили, в том числе, резиновой дубинкой. Все нападения произошли в районе Битцевского парка и станции метро “Новоясеневская”.

Нападения националисты снимали на камеру, ролики затем выкладывали в интернет. В ФСБ заявили, что задержанные участники группировки “Параграф 88” готовили покушение на Маргариту Симоньян и Ксению Собчак по заказу украинских спецслужб за 1,5 млн рублей. В отношении задержанных лиц возбудили уголовное дело по статье 213 УК РФ “Хулиганство”¹⁹.

И это только наиболее резонансные преступления последних нескольких лет, совершенные молодыми людьми — участниками онлайн-сообществ с риторикой политической вражды. Как представляется, юридическая оценка совершенных ими деяний может быть различна, но общим остается мотив ненависти к людям иной национальности, расы, вероисповедания и т.д., т.е. экстремистский мотив, который толкает таких лиц на совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Отдельно следует отметить, что лица, не достигшие 16 лет, но достигшие 14 лет ко времени участия в экстремистском сообществе, но совершившие «совместно с членами экстремистского сообщества конкретные преступления, подлежат уголовной ответственности лишь за те преступления, ответственность за которые предусмотрена законом с четырнадцатилетнего возраста (статья 20 УК РФ)»²⁰.

Использование правовых средств в целях превенции деяний экстремистской и террористической направленности среди участников молодежных онлайн-сообществ

¹⁹ Романовский М. Членов группировки «Параграф 88», которых обвинили в подготовке покушения на Собчак и Симоньян, задержали за нападения на приезжих. URL: https://antimafia.org/news/34404-chlenov_gruppirovki_paraf_88_kotoryh_obvinili_v_podgotovke_pokuchenija_na_sobchak_i_simonjan_zaderhali_za_napadenija (дата обращения: 24.07.2023).

²⁰ См.: пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень ВС РФ. 2011. № 8.

с риторикой политической вражды. Анализ практики привлечения к уголовной ответственности представителей неонацистских онлайн-сообществ с риторикой политической вражды наглядно показывает, что их деяния квалифицируются в основном как преступления экстремистской или террористической направленности сопряженные с совершением общеуголовных преступлений по экстремистским мотивам.

Отдельные сложности в оценке правонарушений экстремистской направленности устранены с подписанием 28 декабря 2018 г. Президентом РФ пакета законов о декриминализации ч. 1 ст. 282 УК РФ. К уголовной ответственности согласно этим законам теперь может привлекаться только лицо, которое ранее уже привлекалось к административной ответственности и совершило другие аналогичные нарушения в течение года. При этом закон имеет обратную силу, что означает, что ранее возбужденные уголовные дела и вынесенные приговоры по ч. 1 ст. 282 УК РФ будут прекращены и отменены.

Лица, привлеченные до принятия пакета законов к уголовной ответственности за лайки и репосты экстремистской информации, были освобождены от уголовной ответственности. В частности, от уголовной ответственности были освобождены 19-летний студент из Барнаула Д. Маркин, который разместил на странице в соцсети «ВКонтакте» изображение Джона Сноу из «Игра престолов» с нимбом и подписью «Воистину воскрес» и еще несколько десятков мемов на религиозную тему, а также студентка М. Мотузина, которая обвинялась в размещении в социальных сетях мемов с подписями, содержащими признаки возбуждения вражды по расовому признаку и унижающих достоинство людей по вере, и ряд других лиц, на которых оказали влияние онлайн-сообщества с риторикой политической вражды. Именно деятельность интернет-сообществ с риторикой политической вражды и информация, размещенная на их площадках, послужила благодатной почвой, на которой выросли девиантные ростки поведения вышеуказанных субъектов.

Не вызывает сомнений, что с позиций доктрины уголовного права юридическая оценка преступлений экстремистской и террористической направленности вызывает определенные сложности у правоприменителя. Такая проблематика достаточно подробно исследуется в юридической литературе последних лет²¹. Согласимся с позицией специали-

стов²², что основные проблемы относительно квалификации преступлений экстремистской направленности связаны с толкованием отдельных признаков составов данных преступлений; особенностями правовой оценкой действий при сочетании мотивов их совершения; с разграничением преступлений экстремистской направленности между собой и их отграничении от смежных составов преступлений и от административных правонарушений.

Опираясь на мнение специалистов, которое сформировано на основе опроса 349 респондентов из числа судей, прокуроров и служащих прокуратуры, следователей Следственного комитета РФ и сотрудников оперативных подразделений, согласимся, что актуальными проблемами квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых в сети Интернет в том числе представителями молодежных онлайн-сообществ с риторикой политической вражды, являются: «правильное толкование положений уголовного закона об ответственности за данные преступления и установление наличия их объективных и субъективных признаков в фактически совершенных деяниях (90.26% опрошенных респондентов); разграничение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, содействия террористической деятельности и прохождения обучения в целях осуществления данной противоправной деятельности (82.8%); разграничение иных преступлений террористической направленности (78.8%); отграничение преступлений террористической направленности от смежных с ними составов преступлений, в том числе экстремистской направленности (74.78%)»²³. Не углубляясь в суть таких проблем в силу ограниченности объема работы, отметим, что они требуют реакции со стороны компетентных субъектов правоохранительной деятельности с целью их разрешения.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года²⁴ предусмо-

проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2020; *Макеева И.С.* Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017; *Криштопов С.В.* Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

²² См.: *Бецукова З.М.* Указ. соч. С. 6.

²³ *Бадамин С.К.* Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 167, 168.

²⁴ См.: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22, ст. 3475.

²¹ См., напр.: *Иванцов С.В., Борисов С.В.* Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 50–57; *Бецукова З.М.* Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020; *Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н.* Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет:

тренны такие направления государственной политики в сфере противодействия влиянию онлайн-сообщества экстремистской направленности на молодежь и подростков, как совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму в части, касающейся пресечения производства и распространения экстремистских материалов, в том числе на электронных носителях информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет; проведение профилактической работы с лицами, подверженными влиянию экстремистской идеологии; проведение мониторинга средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, в целях пресечения распространения экстремистской идеологии и выявления экстремистских материалов, в том числе содержащих призывы к подготовке и совершению террористических актов; совершенствование мер по ограничению доступа на территории Российской Федерации к информационным ресурсам в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, распространяющим экстремистскую идеологию; проведение в образовательных организациях занятий по воспитанию патриотизма, культуры мирного поведения, межнациональной (межэтнической) и межконфессиональной дружбы, по обучению навыкам бесконфликтного общения, а также умению отстаивать собственное мнение, противодействовать социально опасному поведению (в том числе вовлечению в экстремистскую деятельность) законными способами.

Выводы

В завершение следует отметить, что в интернет-пространстве молодежные онлайн-сообщества с риторикой политической вражды представлены в основном неонацистскими группами различной направленности. В последние годы стали формироваться также радикальные левые молодежные группировки.

Деяния, совершенные представителями неонацистских онлайн-сообществ с риторикой политической вражды, в основном квалифицируются как преступления экстремистской и террористической направленности, сопряженные с совершением общеуголовных преступлений по экстремистским мотивам.

Анализ практики привлечения их к уголовной ответственности показал, что, несмотря на отдельные проблемы правоприменения в законодательстве, существует достаточно отлаженный механизм применения правовых средств противодействия общественно опасным деяниям, совершенным представителями неонацистских молодежных онлайн-сообществ с риторикой политической вражды.

Особое внимание в целях повышения эффективности профилактики распространения идеологии экстремизма и терроризма в молодежных

онлайн-сообществах следует уделять образованию и воспитанию подростков и молодежи. Необходимо прививать им уважение к памяти наших дедов и прадедов, погибших на полях сражений, защищая Родину от фашизма. Следует учить молодежь толерантности и уважению как к своей, так и к культуре других народов, способности выстраивать конструктивный диалог с представителями других рас, национальностей, религий, социальных групп и т.д. Старшее поколение на своем примере должно демонстрировать подрастающему умение воспринимать особенности культуры и уклада жизни других людей, в первую очередь при использовании интернет-ресурсов и социальных сетей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадамин С.К.* Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 167, 168.
2. *Бешукова З.М.* Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 6.
3. *Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н.* Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)). М., 2020.
4. *Восканян Р.О.* Финансовые угрозы национальной безопасности государства // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 1. С. 61–65.
5. *Иванцов С.В., Борисов С.В.* Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 50–57.
6. *Криштопов С.В.* Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
7. *Макеева И.С.* Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.
8. *Маторин М.А., Маторина Ю.Н., Фоменко Е.В.* Преступления террористического характера: криминологический эскиз // Вестник РПА. 2021. № 3. С. 47–55.
9. *Маторина Ю.Н., Фоменко Е.В.* Правовые основы противодействия терроризму: уголовно-правовой и криминологический аспекты: учеб. пособие. М., 2019.
10. *Петрянин А.В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 11.
11. *Романовский М.* Членов группировки «Параграф 88», которых обвинили в подготовке покушения на Собчак

и Симоньян, задержали за нападения на приезжих. URL: https://antimafia.org/news/34404-chlenov_gruppirovki_paragraf_88_kotoryh_obvinili_v_podgotovke_pokuchenija_na_sobchak_i_simonijan_zaderhali_za_napadenija (дата обращения: 24.07.2023).

12. *Сурина Я.* В молодежной среде ищут опасные элементы // Вести. Политика. 12.04.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/12/970522-natsionalnii-antiterroristicheskii-komit-et-ozabotilsya-profilaktikoi-terrorizma-sredi-molodezhi> (дата обращения: 30.07.2023).

REFERENCES

1. *Badamshin S.K.* Terrorist crimes committed using electronic or information and telecommunication networks: criminal law and criminological characteristics: dis. ... PhD in Law. M., 2018. Pp. 167, 168 (in Russ.).
2. *Beshukova Z.M.* The mechanism of criminal law counteraction to extremist activity: content, structure, main directions of optimization: dis. ... Doctor of Law. Krasnodar, 2020. P. 6 (in Russ.).
3. *Bodrov N.F., Bimbinov A.A., Voronin V.N.* Extremist materials distributed on the Internet: problems of forensic expert research and issues of crime qualification (Kutafin Moscow State Law University (MSLU)). M., 2020 (in Russ.).
4. *Voskanyan R.O.* Financial threats to national security states // Problems of economics and legal practice. 2019. No. 1. Pp. 61–65 (in Russ.).
5. *Ivantsov S.V., Borisov S.V.* Topical issues of criminal law counteraction to the spread of extremist ideology in the Russian Federation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (58). Pp. 50–57 (in Russ.).
6. *Krishtopov S.V.* Criminal law counteraction to crimes of extremist orientation: dis. ... PhD in Law. M., 2022 (in Russ.).
7. *Makeeva I.S.* Criminal liability for extremist crimes that infringe on the foundations of the constitutional system and the security of the state: dis. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2017 (in Russ.).
8. *Matorin M.A., Matorina Yu.N., Fomenko E.V.* Crimes of a terrorist nature: a criminological sketch // Herald of the RPA. 2021. No. 3. Pp. 47–55 (in Russ.).
9. *Matorina Yu. N., Fomenko E.V.* Legal foundations of countering terrorism: criminal law and criminological aspects: textbook. M., 2019 (in Russ.).
10. *Petryanin A.V.* Conceptual foundations of countering extremist crimes: theoretical and applied research: abstract ... Doctor of Law. N. Novgorod, 2015. P. 11 (in Russ.).
11. *Romanovsky M.* Members of the Paragraph 88 group, who were accused of preparing an assassination attempt on Sobchak and Simonyan, were detained for attacks on visitors. URL: https://antimafia.org/news/34404-chlenov_gruppirovki_paragraf_88_kotoryh_obvinili_v_podgotovke_pokuchenija_na_sobchak_i_simonijan_zaderhali_za_napadenija (accessed: 24.07.2023) (in Russ.).
12. *Surinskaya Ya.* They are looking for dangerous elements in the youth environment // Vedomosti. Politics. 12.04.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/12/970522-natsionalnii-antiterroristicheskii-komit-et-ozabotilsya-profilaktikoi-terrorizma-sredi-molodezhi> (accessed: 30.07.2023) (in Russ.).

Сведения об авторах

КРАСИКОВ Владимир Иванович —

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 117638 г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

ФОМЕНКО Елена Владимировна —

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 117638 г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

ЯЦЕЛЕНКО Борис Викторович —

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 117638 г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Authors' information

KRASIKOV Vladimir I. —

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation); 2, bld. 1 Azovskaya str., 117638 Moscow, Russia

FOMENKO Elena V. —

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Chief Researcher at the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation); 2, bld. 1 Azovskaya str., 117638 Moscow, Russia

YATSELENKO Boris V. —

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation); 2, bld. 1 Azovskaya str., 117638 Moscow, Russia

УДК 347.6

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ СЕМЕЙНЫХ РЕШЕНИЙ СУПРУГАМИ

© 2024 г. М. В. Ульянова

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: maryulianova14@gmail.com

Поступила в редакцию 25.01.2023 г.

Аннотация. Семейно-правовое регулирование основано на принятии решений супругами по взаимному согласию, на основании принципа равенства супругов. Человек и личность – центральные субъекты права, в связи с чем, важно рассмотреть осуществление семейных прав супругов как личных имущественных, так и личных неимущественных. *Цель:* при рассмотрении осуществления семейных прав супругов с позиции структурно-функционального подхода, осмыслить порядок формирования и принятия совместного волеизъявления супругов при решении как личных неимущественных вопросов, так и имущественных вопросов, касающихся жизни семьи. *Методы:* логический, историко-правовой, структурно-функциональный. *Результаты:* выявлено правовое значение «решения вопросов супругами по взаимному согласию»; форма, в которой супруги определяют свое согласие при решении вопросов относительно жизни семьи, порядок формирования мнения супругов при решении вопросов, затрагивающих имущественные и неимущественные вопросы жизни семьи. Сформулированы выводы, которые могут быть положены в основу курса семейного права, способствовать совершенствованию правового регулирования и правоприменения.

Ключевые слова: принятие решения, «вопросы жизни семьи», супруги, принцип равенства супругов, взаимное согласие, презумпция согласия, нотариально удостоверенное согласие супруга, сделки с имуществом, осуществление семейных прав, личные и имущественные субъективные семейные права супругов.

Цитирование: Ульянова М.В. Формирование волеизъявления при принятии семейных решений супругами // Государство и право. 2024. № 3. С. 157–166.

DOI: 10.31857/S1026945224030156

FORMATION OF THE WILL IN MAKING FAMILY DECISIONS BY SPOUSES

© 2024 M. V. Ulyanova

Russian State University of Justice, Moscow

E-mail: maryulianova14@gmail.com

Received 25.01.2023

Abstract. Family legal regulation is based on decision-making by spouses by mutual agreement, based on the principle of equality of spouses. Man and personality are central subjects of law, it is important to consider the implementation of family rights of spouses, both personal property and personal non-property. *Purpose:* when considering the implementation of marital rights of spouses from the standpoint of a structural and functional approach, to comprehend the procedure for the formation and adoption of a joint expression of the will of spouses when solving both personal non-property issues and property issues related to family life. *Methods:* logical, historical-legal, structural-functional. *Results:* the legal meaning of “solving issues by spouses by mutual agreement” was revealed; the form in which spouses determine their consent when resolving issues related to family life, the procedure for forming the opinion of spouses when resolving issues affecting property and non-property issues of family life. Conclusions are drawn that can be used as the basis for the course of Family Law, contribute to the improvement of legal regulation and law enforcement.

Key words: decision-making, “issues of family life”, spouses, the principle of equality of spouses, mutual consent, presumption of consent, notarized consent of the spouse, property transactions, the exercise of family rights, personal and property subjective family rights of spouses.

For citation: Ulyanova, M.V. (2024). Formation of expression of will when making family decisions by spouses // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 157–166.

Введение

Состояние супружеских отношений и представлений о супружестве, в том числе отношение к возможности регулирования с позиции норм права, в разные периоды развития общества отличались. Сегодня важно и значимо исследовать формирование мнения супругов, выявить его правовое значение при решении семейных вопросов, выделив как один из этапов осуществления семейных прав.

Основываясь на методе структурно-функционального анализа, следует выделить у семьи ряд функций, которые не имеют правового значения, но являются значимыми для целей регулирования. К ним можно отнести: продолжение рода (воспроизводство жизни) — рождение и воспитание детей; жизнеобеспечение (экономическая); рекреационная функция семьи. Для успешного удовлетворения потребностей семьи и ее членов при выполнении семьей своей социальной функции, обществом предусмотрено регулирование семейных отношений (в пределах допустимого вмешательства в дела семьи), а сами правоотношения в рамках научных исследований разделены на виды и подвиды. Так, общепринято и закреплено, что нормы права регулируют (ст. 2 СК РФ) личные неимущественные и имущественные правоотношения, возникающие между членами семьи, в том числе между супругами. Важно отметить, что система российского правового регулирования предусматривает как личные права и свободы супругов в семье, так и те, которые относятся к семейным обязанностям. Помимо того, законодатель закрепил, что «осуществление семейных прав и исполнение обязанностей не должно нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан» (ст. 7 СК РФ).

Исследуя осуществление семейных прав, одним из значимых этапов для осуществления субъективного семейного права является осознание возможности и принятие решения субъектом семейных

прав¹. Семейные права обладают спецификой, которую законодатель в ст. 5 СК РФ назвал «существом» семейных отношений, поэтому следует детально разобрать порядок формирования мнения супругов при разрешении внутрисемейных вопросов по взаимному согласию.

1. История правового регулирования

Обращаясь к истории вопроса о взаимоотношениях супругов в семье, интересна позиция, высказанная К. Победоносцевым. Он описывал семью как патриархальную, в один ряд выделил такие признаки семейных отношений, как «верность», «подчинение» и «власть». Отношения между членами семьи, писал автор, имеют «естественное происхождение», в связи с чем высказывал сомнение в отнесении их к «юридическим отношениям». Однако далее в своей работе развивал мысль: в силу того что эти лица вступают и в другие отношения между собой, например наследственные, то отношения между теми же членами семьи, но по поводу наследования имущества относил к юридическим². В силу естественности происхождения семейных отношений авторы, исследующие брачные правоотношения, в большей степени уделяют внимание проблемам заключения и прекращения

¹ Проблема реального осуществления заложенных в законе возможностей поднимается Е. В. Вавилиным (см.: Вавилин Е. В. Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. Ежегодник. Вып. 2 / отв. ред.: А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М., 2017. С. 74–89). Интерес представляет принятие решения при рассмотрении осуществления прав как разновидности материальной юридической процедуры В. В. Кулаковым (см.: Кулаков В. В. Оформление договора как особый вид юридической процедуры: особенности правового и индивидуального регулирования // Росс. правосудие. 2022. № S2. С. 89–106).

² См.: Победоносцев К. Курс гражданского права. Вторая часть. Права семейственные, наследственные и завещательные. СПб., 1896. С. 344.

брака³, нежели разрешению внутрисемейных вопросов супругами.

В Своде законов Российской империи⁴ в отношении принятия решения о личных обязанностях супругов закреплено: «муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с ней в согласии...» (ст. 106). Далее в отношении обязанностей жены: «обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании...» (ст. 107); «жена обязана в преимущественном повиновении воле своего супруга, хотя притом и не освобождается от обязанностей в отношении к ее родителям» (ст. 108). Подобный подход явно свидетельствует о существовавшем на тот период субординационном положении мужчины и женщины в супружеских отношениях. Вместе с тем и у мужа была обязанность жить «в согласии» с женой.

А.Л. Боровиковский в 1902 г., оценивая действующее тогда регулирование, писал, что «наш действующий закон устанавливает конституцию семьи на началах юридического равноправия супругов и родителей. Правда, *de facto* — это равноправность волка и овцы; но заповеди закона желают равноправности»⁵. По его мнению, «титул “главы семьи” уравнивается титулом жены — “хозяйка дома”»⁶. Автор при существующем понимании отношений в семье между супругами, закрепленном в тот период в Своде законов Российской империи, находил их равными. Однако далее А.Л. Боровиковский анализировал и обращал внимание на подвластность жены в личных отношениях и обязанность следования за мужем (в том числе за осужденным следовала в ссылку супруга).

В отношении места жительства жены в ситуации ссылки мужа в ст. 104 Свода законов Российской империи закреплены особые правила о следовании за мужем и мужей за женами, подлежащими ссылке по суду. Статья отсылочная, однако сам факт регулирования переселения происходит не в отношении супруга, вина которого установлена судом в рамках уголовного судопроизводства, а в отношении супругов.

В части детско-родительских отношений Л.А. Боровиковский обращал внимание на «властность» и «подвластность» в вопросах воспитания

детей. Упомянутая подвластность «не может лишить жену равной с мужем власти над детьми — ибо закон столь же категорически устанавливает в этом отношении полную равноправность родителей. Мало того: мать не в праве поступиться своею властью над детьми, ибо это могло бы значит поступаться счастьем детей». И как нам сейчас кажется удивительным, но автор сетует на проект, который направлен был на решение разногласий супругов, «с проектируемым “решающим” голосом мужа и отца»⁷. Таким образом, понимание «власти» и «подвластности», «равноправности родителей» с развитием общества изменялось. Так, П.Л. Полянский обращает внимание на то, что фактическое положение дел не всегда совпадает с тем, что было указано в правовом регулировании⁸. А.Л. Боровиковский писал о расхождении закрепленного в законе и реальности — например, в законе «нельзя бить жену», «а бил»⁹.

В отношении «власти родительской» в ст. 164 в главе второй «О власти родительской» законодатель не разделяет власть на отцовскую и материнскую. Однако, исходя из подвластного состояния жены, вряд ли уместно вести речь о равенстве и решении вопросов жизни семьи по взаимному согласию. Полностью отрицать некоторое «согласие в семейной жизни, которое не должно граничить с явным понуждением» не следует (как, например, закреплено в ст. 12). «В этих патриархальных наставлениях нет ничего “юридического”, ничего такого что подлежало бы осуществлению принудительному, — по суду, силою», — писал А.Л. Боровиковский¹⁰.

В регулировании имущественных отношений со времен Петра I жена «не обязана “повиноваться воле” мужа, когда воля направлена на распоряжение имуществом жены»¹¹. В части принятия решений в имущественных отношениях при раздельности имущества, «поступаться именем жены, или жене именем мужа, иначе как по законной на сие доверенности» (ст. 115). Можно дарить, посредством продажи «перекреплять между собою собственное их имение» (ст. 116), «совершать взаимно закладные на принадлежащие, каждому из них имение и вступать в другие законные между собой обязательства» (ст. 117). П.Л. Полянский отмечает относительно «неравноправия полов в правовом регулировании внутрисемейных отношений»,

³ См.: Емелина Л.А. Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к юбилею д-ра юрид. наук, проф. Ю.Ф. Беспалова. М., 2019. С. 100–104.

⁴ См.: Свод законов Российской империи. Т. 10. Свод законов гражданских Российской империи. Ч. 1 «О правах и обязанностях семейственных». СПб., 1900. С. 24–28.

⁵ Боровиковский А.Л. Конституция семьи по проекту Гражданского Уложения. Из журнала Министерства Юстиции (ноябрь 1902 г.). СПб., 1902. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ См.: Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М., 2016. С. 25.

⁹ Боровиковский А.Л. Указ. соч. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же. С. 11.

что «вряд ли можно обвинять законодателя в мужском шовинизме. <...> Так, уже законодательство XVII века препятствует дворянам-мужьям бесконтрольно распоряжаться имениями жен, а в последующем взаимные сделки между супругами не раз были объектом пристального внимания законодателя именно с точки зрения интересов замужних женщин»¹². В своей работе он уделяет внимание соотношению семейного положения мужчин и женщин не на основании этнографических исследований, а на основании правового регулирования. Автор сетует, что власть мужа в семье «закреплена законодательством XIX века, во многом составленном под влиянием европейских образцов»¹³. Следует заметить, что законодатель вносит нормы, направленные на изменения какой-либо социальной ситуации, в том числе в семейных отношениях, пресекая предполагаемые нарушения между членами семьи.

Кардинальные изменения в семейных правоотношениях произошли после революции: Кодекс законов 1918 г.¹⁴ закрепляет взаимное и добровольное согласие лиц, вступающих в брак (ст. 59, 70), обоюдное согласие для развода (ст. 87). В гл. 2, посвященной личным правам и обязанностям детей и родителей, в ряде статей законодатель того периода закрепляет «соглашение родителей» (ст. 146–149); «о согласии родителей по вопросам в отношении детей» (ст. 151); «при отсутствии соглашения между родителями вопрос разногласий разрешается общесудовым порядком местным судом» (абз. 2 ст. 158). Таким образом, законодатель не вмешивался в личные дела супругов как родителей, уравнивая их в правах, не регулирует их отношения внутри семьи. Указывал, что вопросы в отношении детей решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства, так же, как и вопросы, относящиеся к личным правам лиц (например, о согласии на заключение брака).

Более того, в Кодексе 1926 г.¹⁵ в гл. 3 «Права и обязанности супругов» закреплена полная свобода супруга на выбор занятий и профессии (ст. 9). Порядок «ведения хозяйства устанавливается по взаимному соглашению супругов». Заканчивается статья нормой, препятствующей требовать (т.е.

обязанность) следования одного супруга за другим. Таким образом, были заложены основы равенства прав супругов и решения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию; предусмотрена охрана личных прав супругов в семейных правоотношениях именно так, как ее понимали на тот период — путем закрепления в норме права запрета, недопустимости вмешательства в дела семьи.

Таким образом, после Октябрьской революции были провозглашены и закреплены в нормах права основы равенства прав супругов, решение вопросов в семье по взаимному согласию, которые совершенствовались по мере дальнейшего развития общества и научной мысли, что отражалось на осуществлении семейных прав супругов.

2. Содержание дискуссии о формировании взаимного согласия при разрешении внутрисемейных вопросов в современный период

2.1. Решение внутрисемейных личных неимущественных вопросов

Семейно-правовое регулирование предусматривает принятие супругами решений единоличных и совместных по вопросам жизни семьи, что закреплено в нормах Семейного кодекса РФ в общих положениях (например, абз. 2 п. 1 и п. 3 ст. 1, ст. 31), а также в нормах отдельных институтов, регулирующих те или иные виды правоотношений (например, ст. 35, п. 4 ст. 51).

Принятие единоличного решения членом семьи обусловлено конституционными правами и свободами (гл. 2 Конституции РФ), которые нашли свое закрепление в п. 1 ст. 31 СК РФ (в частности, свобода в выборе рода занятий, профессии, места пребывания и жительства). М.В. Антокольская пишет, что изменение «семейно-правового статуса граждан не влияет на их конституционные права»¹⁶. В Семейном кодексе РФ значительное внимание уделено принятию решений на основании взаимного согласия, что отчетливо видно при исследовании семейных правоотношений с позиции структурно-функционального подхода.

Принятие совместных решений супругами обусловлено принципом «равенства прав супругов в семье» (п. 3 ст. 1 СК РФ), основанном на равенстве прав мужчины и женщины и равенстве возможностей их реализации (ст. 19 Конституция РФ). Поэтому законодатель предусмотрел решение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию (п. 3 ст. 1 СК РФ) как основное «начало семейного законодательства». Следует отметить, что вступление в брак основано на совместном взаимном добровольном согласии, так и на личном решении

¹² Полянский П.Л. Указ. соч. С. 26.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Кодекс законов об Актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22.10.1918 (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818 (не действует).

¹⁵ См.: постановление ВЦИК от 19.11.1926 (ред. от 12.02.1968) «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // СПС «Консультант-Плюс». Документ утратил силу в связи с принятием Указа Президиума ВС РСФСР от 16.01.1970 г.

¹⁶ Антокольская М.В. Семейное право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 184.

каждого супруга. Невозможно сохранить брак и состояние в нем, если один из супругов не желает этого.

Е. М. Ворожейкин в советский период развития науки писал, что «осуществление семейных прав возможно как путем действий, так и бездействий»¹⁷. По его мнению, для осуществления одним супругом его личных прав (например, на определение места жительства, профессии, рода занятий и т.п.) «обязанностью другого супруга является воздержание от действий, препятствующих осуществлению этого права». А. М. Нечаева писала, что отсутствие согласия правового значения не имеет, возникшее разногласие «чревато расторжением брака». Однако, как верно отмечала она, «один из признаков семьи — совместное проживание супругов», «не всегда разлука приводит к разводу»¹⁸, но вряд ли сохранится семья при длительном раздельном проживании супругов. Поэтому представляет интерес не только «каким путем» осуществляются супружеские субъективные семейные права, но и порядок формирования совместного волеизъявления и его соотношение с личными немущественными права супругов.

Соглашение в семейном праве используется как индивидуальный регулятор внутрисемейных правоотношений, что предусмотрено законодателем в ст. 5 СК РФ (например, «соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей» (ст. 80), брачный договор, соглашение о порядке общения и т.д.) и даваемое согласие одним из супругов как результат принятия решения супругами при вступлении другим супругом в правоотношения иной отраслевой принадлежности (например, согласие на распоряжение имуществом при заключении сделки по распоряжению недвижимым имуществом (п. 3 ст. 35 СК РФ) и т.д.).

В ряде иных норм дается детализация относительно того, какие именно вопросы внутрисемейной жизни требуют решения по взаимному согласию супругов. К ним относятся: имплантация эмбриона (п. 4 ст. 51 СК РФ); предусмотрены правовые последствия совместного согласия супругов относительно отцовства и материнства при использовании вспомогательных репродуктивных технологий (абз. 2 п. 3 ст. 52 СК РФ); совместное заявление в орган записи актов гражданского состояния и внесения записи в книгу актов ЗАГС при установлении происхождения ребенка, если лица не состоят между собой в браке (п. 3 ст. 48 СК РФ); выбор имени ребенку (п. 2 ст. 58 СК РФ).

¹⁷ Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право: учеб. М., 1974. С. 44, 45.

¹⁸ Нечаева А. М. Семейное право. М., 2016. С. 75, 76.

При отсутствии соглашения предусмотрен иной порядок в п. 4 ст. 58 СК РФ. Законодатель не предусматривает вмешательство в дела семьи и не определяет форму этого согласия. Предполагается, что имя, внесенное в заявление о регистрации рождения ребенка одним из родителей, является результатом совместного решения. В п. 1 ст. 59 СК РФ предусмотрено, что изменение имени и фамилии ребенка возможно «по совместной просьбе» родителей. При отсутствии соглашения об уплате алиментов между родителями, законодательно предусмотрены последствия (п. 1 ст. 83 СК РФ). Отсутствие решения вопроса по взаимному согласию влечет возможность вмешательства государственных органов в дела семьи по требованию одного из супругов, предполагающего нарушение его прав.

Вместе с тем, если, принимая решения о месте жительства, один (что относится к личной свободе каждого п. 1 ст. 31 СК РФ) из супругов не учитывает мнение другого, то вряд ли такая семья сохранится, и брак продолжится. Фамилию супруги выбирают по своему желанию (п. 1 ст. 32 СК РФ). Законодатель отнес это к свободе усмотрения супругов, однако, и в решении этих вопросов присутствует взаимность мнений, как проявления уважения между супругами¹⁹.

Таким образом, супруги как граждане обладают личными правами и свободами, однако, приобретая супружеский статус, приобретают и семейные права и обязанности. В целях осуществления семейных прав с учетом функций семьи логично, что, исходя из общего начала, они принимают семейные решения по взаимному согласию и, как закреплено в общих началах Семейного кодекса РФ (ст. 1), на основании взаимного уважения.

Законодатель определил в каких случаях супруги решают вопросы внутрисемейной жизни по взаимному согласию: в отношении части принимаемых решений, закрепив порядок их оформления — совместным заявлением; в то же время есть часть вопросов во внутрисемейной жизни, не предусматривающая вмешательства (например, выбор имени ребенка) в разрешение внутрисемейных вопросов, следовательно, не предусмотрено отдельное оформление принимаемого взаимного решения.

Под внутрисемейными вопросами, думается, следует понимать те, которые направлены на выполнение семьей своих функций и получение членами семьи определенных благ, удовлетворение

¹⁹ См.: Ульянова М. В. Уважение как правовая категория и принцип осуществления семейных прав и исполнения обязанностей // Вестник СГЮА. 2020. № 4 (135). С. 57–67. Так, М. В. Антокольская считает п. 3 ст. 31 СК РФ о том, что супруги обязаны строить свои отношения на основе взаимоуважения и взаимопомощи, нормой-декларацией (см. подр.: Антокольская М. В. Указ. соч. С. 185).

потребностей, которые могут находиться во внутрисемейных отношениях, так и в сфере регулирования отношений иной отраслевой принадлежности. Супруги, принимают решения не только в отношении себя, но и в отношении своих несовершеннолетних детей в силу закона, с учетом их мнения. При разрешении внутрисемейных вопросов по взаимному согласию соблюдаются как конституционные права личности, так и семейные права супругов.

Важно исследовать правовое регулирование формы принятия решения и какое значение имеет порядок принятия решений по внутрисемейным вопросам с учетом взаимного согласия. Помимо того, для реального осуществления семейных прав следует определить значение согласия супругов, является оно юридическим фактом или лишь составляет его часть, имеет правовое значение в совокупности с иными элементами состава.

В науке длительное время считалось, что личные неимущественные семейные права невозможно подвергнуть регулированию²⁰, и, как следствие, само понятие «осуществление семейных прав» к ним не применимо, так как невозможно урегулировать личные отношения, относящиеся к сфере «душевного», и тем более осуществление семейных прав гарантировать принудительной силой государства.

Однако принятие решений по таким вопросам, относящимся к личным неимущественным семейным правам, весьма значимо для жизни семьи, дальнейшего сохранения брака; установления происхождения, рожденных у супругов совместных детей, их воспитания и содержания. Логично, что, исходя из принципа равенства, при решении вопросов необходимо согласие. В силу естественных личных отношений вопросы материнства женщины естественным путем отнесены к сфере охраны ее здоровья (ст. 51, 52 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)²¹. В части использования вспомогательных репродуктивных технологий, имеет место составление письменного документа²², определяющего волю каждого из родителей, являющихся

супругами, направленную на рождение ребенка (п. 3, 4 ст. 51 СК РФ), с четким указанием — применение каких биологических материалов используется для рождения ребенка, отцовство и материнство, в отношении которого наступят у конкретных лиц²³. Наличие взаимного добровольного согласия при применении вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВТР) влияет на последствие — установление правовой связи родителя с ребенком, далее обязанности по содержанию (взыскание алиментов) и как следствие прав и обязанностей по воспитанию ребенка.

В части воспитания и образования следует отметить, что дети, рожденные как в браке, так и вне брака, уравниваются в своих правах. Поэтому п. 2 ст. 31 СК РФ регулирует отношения между супругами, но ст. 65, 66 СК РФ применяется и к родителям, не состоящим в браке, проживающим раздельно, так как имеет место равенство прав детей. Логично сделать вывод, что супруги, родители решают вопросы получения ребенком образования совместно. Например, в настоящее время предполагается, что при выборе учебного заведения родители действуют по взаимному согласию. Договор, заключаемый одним из родителей в интересах ребенка, является проявлением совместного решения.

При раздельном проживании родителей, отдельно проживающий родитель участвует в воспитании и принятии решения получения ребенком образования. Поэтому заключение договора одним из родителей о платном образовании, как следствие, может влечь предъявление требований о взыскании дополнительных расходов на образование. Однако принятие решения относительно здоровья ребенка в п. 1 ст. 66 СК РФ для отдельно проживающего родителя

²⁰ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 528, 529; *Филиппова С.Ю.* Гражданско-правовые средства достижения цели построения семьи путем фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 3–7.

²¹ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Росс. газ. 2011. 23 нояб.

²² См.: приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457). URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2020.

²³ См., напр.: Определение ВС РФ от 26.11.2019 № 46-КГ19-24 по иску Горелова к Гореловой и Медцентру, производившему ЭКО. Женщина, состоящая в браке, не может воспользоваться правом на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона без письменного согласия на то супруга, которое является обязательным условием при применении данных методов; Определение ВС РФ от 02.07.2019 № 64-КГ19-6 по иску Токаревой к Козлову об установлении отцовства и взыскании алиментов. Ответчик состоял в браке с другим лицом.

В целях правильного разрешения иска об оспаривании отцовства лицом, записанным в качестве отца ребёнка, рождённого в результате применения методов вспомогательных репродуктивных технологий, юридически значимые обстоятельства следующие: имело ли место рождение ребенка в результате применения метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона; добровольно ли и осознанно ли было дано указанным лицом согласие на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, на какой срок было дано такое согласие и не было ли оно отозвано до истечения этого срока, не истек ли данный срок на момент проведения искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона, давал ли истец согласие на использование при применении названных методов донорского биологического материала.

не предусмотрено, только получение информации из медицинской организации²⁴. К сожалению, далее законодатель не детализирует, если это важно с позиции предоставления прав только одному родителю, проживающему совместно с ребенком, не ясно, как информация о том, кто принимает решение, поступит в медицинскую организацию.

Волеизъявление супругов, родителей при решении вопросов, которые затрагивают все сферы семейной жизни, влияет как на осуществление их личных прав, так и на осуществление субъективных семейных прав детей.

Форма взаимного согласия законодателем может быть не предусмотрена, что обусловлено личными доверительными отношениями между супругами и ограничением вмешательства в дела семьи. Логично предположить, что на основе взаимоуважения супруги достигают взаимного согласия по вопросам жизни семьи.

Думается, что в тех ситуациях, когда государство предусматривает дополнительные институты, либо принимаемое решение затрагивает права иных граждан (абз. 2 п. 1 ст. 7 СК РФ), публичные интересы, происходит вмешательство в естественные личные семейные отношения — предусмотрено письменное согласие, в том числе нотариально удостоверенное. В остальных случаях при разрешении внутрисемейных вопросов личного неимущественного характера по общему правилу какой-либо формы и порядка, кроме как на основе взаимоуважения и взаимного согласия, не предусмотрено, отнесено к недопустимости вмешательства в дела семьи.

Логично сформулировать вывод о том, что принятое супругами решение по внутрисемейному вопросу не всегда является юридическим фактом в силу недопустимости вмешательства в дела семьи, до закрепления воли в предусмотренном соглашении, договоре, относящемся к сфере иного отраслевого регулирования (например, договор об оказании платной образовательной услуге, согласие на использование вспомогательных репродуктивных методов и т.д.).

2.2. Разрешение внутрисемейных имущественных вопросов

Вопросы внутрисемейной жизни, которые разрешаются на основе взаимного согласия супругов, относятся как к личным неимущественным, так и имущественным правоотношениям. Следует перейти

к рассмотрению принятия решений при осуществлении имущественных прав по владению, пользованию и распоряжению совместным имуществом супругов, что предусмотрено регулированием как в нормах Семейного кодекса РФ, так и Гражданского кодекса РФ; следует определить порядок принятия совместного решения супругами относительно имущества, являющегося совместной собственностью, либо при изменении режима имущества, принадлежащего каждому из супругов.

«Владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляется по обоюдному согласию» (п. 1 ст. 35 СК РФ). В п. 2 ст. 35 СК РФ закреплена презумпция — предполагается, что один супруг действует с согласия другого супруга при распоряжении общим имуществом супругов.

Однако сделка может быть признана недействительной по мотиву отсутствия согласия другого супруга (п. 2 ст. 35 СК РФ). Законодатель не оговаривает, в какой форме должно быть выражено это согласие. Учитывая, что каждый из супругов обладает дееспособностью, наличие или отсутствие взаимности для иных лиц не является очевидным, пока другой супруг не сообщит о нарушении его имущественных прав.

В п. 3 ст. 35 СК РФ предусмотрено условие совершения сделки с имуществом (права на которое требуют государственной регистрации) — необходимость нотариального согласия другого супруга при распоряжении имуществом, находящимся в совместной собственности супругов, что подтверждается судебной практикой.

Таким образом, нотариально удостоверенное согласие является юридическим фактом, в этом случае законодатель защитил личные имущественные права лица, состоящего в браке, имеющего режим имущества — режим совместной собственности супругов.

Можно предположить, что правоприменитель распространит это право и шире, в частности при расходовании денежных средств на приобретение недвижимости, если у супругов имеет место режим совместной собственности²⁵.

Логично в части имущественных отношений, где происходит не только распоряжение собственностью,

²⁴ См.: Ульянова М.В. Основные категории и понятия, используемые в международных конвенциях и в семейном законодательстве Российской Федерации на примере родительских прав: материалы VI Междунар. конф. «Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей. Международное публичное и международное частное право». Юридический факультет Южного федерального университета. 2–3 декабря 2019 года. Ростов н/Д. — М., 2020. С. 154–158.

²⁵ См.: Определение от 25.06.2020 № 20-КГ19-13 по иску Курбановой к Идрисову о разделе общего имущества супругов. Суд обратил внимание, что основанием раздела имущества или изменения правового режима общего имущества супругов является в соответствии с нормами семейного законодательства возможно на основании заключенного между ними брачного договора (ст. 41, 42 СК РФ), соглашения о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ), соглашения о признании имущества одного из супругов общей совместной или общей долевой собственностью (ст. 37 СК РФ).

Договор купли-продажи земельного участка с жилым домом, регистрация права собственности на детей таким соглашением не являются.

но и денежными средствами из совместного имущества супругов на объекты жилой недвижимости (т.е. имеющих социальное значение и обеспечивающих жизнедеятельность семьи). В одном из дел правоприменитель защитил права другого супруга, который не стал титульным собственником (т.е. изменился режим имущества в отношении отдельного его вида — п. 1 ст. 42 СК РФ), на денежные средства, являющиеся совместной собственностью, был приобретен дом. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях посчитал, что в результате сделки и появления долевого режима на имущество с иными лицами, хотя и членами семьи, права другого супруга, который обратился в суд, нарушены, согласие на изменение режима имущества супругов он не давал. Вместе с тем ранее в определении по другому делу высший судебный орган высказывал позицию, что преобразуется форма принадлежащего истцу имущества²⁶ — денежные средства являются эквивалентом. Поэтому согласие требуется не только на распоряжение совместным имуществом, но и на изменение режима имущества.

В результате можно сделать вывод, что в целях недопущения нарушения имущественных прав супругов, реального осуществления имущественных прав каждого супруга в настоящее время предусмотрен порядок нотариального оформления согласия супруга при распоряжении совместным имуществом, права на которое требуют государственной регистрации, а также при изменении режима имущества, как на «отдельные виды или на имущество каждого из супругов» (как закреплено в п. 1 ст. 42 СК РФ).

Логично, что при принятии решений по отдельным вопросам жизни семьи решение одного из супругов не влечет правовых последствий, правовое значение имеет совместное решение супругов. Решение, принятое одним из супругов, может быть оспорено в судебном порядке по требованию того, который посчитал его право нарушенным.

В рамках гражданско-правового регулирования сделка, совершенная с пороком воли, влечет признание ее недействительной. Поэтому важным является рассмотрение процесса формирования волеизъявления супругов при режиме совместной собственности. Если сторона гражданско-правовой сделки знала или должна была знать о несогласии другого супруга на заключение сделки, то по закону сделка признается недействительной. Однако оба супруга являются дееспособными, и потому ответственность за свои действия им следует нести также самостоятельно, поэтому процесс уведомления стороны по гражданско-правовой сделке должен быть их обязанностью. Тогда решается вопрос об ответственности за ненадлежащее уведомление контрагента по сделке, а также

логичны последствия такой сделки. В отношении принятия решения в интересах недееспособного вопрос в литературе поднимался²⁷.

Если сторона, т.е. супруг, не нуждается непосредственно в этом имуществе, то восстановление прав возможно посредством передачи денежной суммы, вырученной от распоряжения имуществом. Однако и у этой позиции имеются свои недостатки. Так, продажи земельных участков с домом, квартир за 1 рубль или другой эквивалент могут быть только при соблюдении условий, которые не нарушают права других лиц. Поэтому следует сделать вывод, что нарушение прав одного из супругов при заключении гражданско-правовой сделки по распоряжению имуществом является сферой регулирования семейных отношений. Следует согласиться с позицией авторов, анализирующих режимы имущества супругов²⁸, которые полагают, что истцом и ответчиком являются только супруги (возможно бывшие).

Подобная ситуация схожа с принятием решения в корпорациях. Однако имеется значимое отличие — у юридического лица принятое решение фиксируется в протоколе или ином документе; в семейных отношениях такой порядок не уместен в силу особенностей — «существа» семейных отношений (как обозначено в ст. 5 СК РФ).

Принятие решения внутри семьи относительно жизни членов семьи и принятие решений, которые проявляются вовне, отражаются на жизнедеятельности семьи, например, изменяя ее имущественное положение, вовне проявляется как заключение сделки с совместно нажитым имуществом. В последнее время остро стоял вопрос о распоряжении совместным имуществом супругов; решался вопрос о приобретенном обязательстве одним супругом, является ли оно личным или общим (п. 2 ст. 45 СК РФ)²⁹. Поэтому вопрос формирования волеизъявления при осуществлении семейных прав является важным для науки семейного права, позволит совершенствовать правовое регулирование данной сферы, сохранив и институт

²⁷ Вопрос о пороке воли в сделках, в том числе при представителе недееспособного или неполностью дееспособного другим членом семьи, также поднимался в литературе (см.: *Останина Е.А.* Институт недееспособности с точки зрения защиты стабильности гражданского оборота // Закон. 2021. № 2. С. 150–161).

²⁸ См.: *Егоров А.В.* Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения проф. А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский и Е.А. Суханов. М., 2020. С. 244–253.

²⁹ См., напр.: Обзор судебной практики Верховного Суда № 1 (2016), утв. 13.04.2016 // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 12; Определение Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-242 по иску о разделе общих долговых обязательств и взыскании денежных сумм // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁶ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 6.12.2019 № 5-КА19-52. URL: <https://vsrf.ru/>

семьи, основанный на браке и традиционных ценностях, и устойчивость гражданского оборота.

Так, вопросы распоряжения имуществом презюмируют согласие супруга, в то время как возникновение обязательств может быть личным, если не доказано, что обязательство возникло и все полученное по нему израсходовано на нужды семьи.

Результаты

Под решением супругами «вопросов жизни семьи» следует понимать формирование их совместного волеизъявления при разрешении внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. Вопросы жизни семьи определяются на основании функций семьи. Они могут являться как предметом семейного правоотношения, так и относиться к сферам иного отраслевого регулирования. В результате принятых совместных решений супругов удовлетворяются потребности семьи и ее отдельных членов, т.е. выполняется какая-либо семейная функция (в том числе и в интересах нетрудоспособных и несовершеннолетних членов семьи).

Порядок принятия решения является внутрисемейным. Однако направленность волеизъявления в некоторых вопросах адресована субъектам, с которыми возникают правоотношения иной отраслевой принадлежности (например, гражданско-правовой, жилищной, налоговой и пр.).

Принятие взаимного решения супругами при разрешении внутрисемейных вопросов в одних случаях является самостоятельным юридическим фактом, в других — элементом юридического состава, не имеет определенной формы в силу недопустимости вмешательства в дела семьи.

Выводы

В результате исследования логично сформулировать вывод о том, что совместное решение внутрисемейных вопросов как один из этапов осуществления семейных прав основано на принципах равенства каждого, в том числе супругов, недопущении господства внутри семьи одного над другим при сохранении социально значимых функций семьи. Форма и порядок определяются на основании недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи и недопущения нарушения личных неимущественных прав и имущественных прав супругов в семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антокольская М.В. Семейное право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 184, 185.
2. Белякова А.М., Ворожейкин Е.М. Советское семейное право: учеб. М., 1974. С. 44, 45.

3. Боровиковский А.Л. Конституция семьи по проекту Гражданского Уложения. Из журнала Министерства Юстиции (ноябрь 1902 г.) СПб., 1902. С. 4–6, 11.
4. Вавилин Е.В. Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. Ежегодник. Вып. 2 / отв. ред.: А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2017. С. 74–89.
5. Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения проф. А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский и Е.А. Суханов. М., 2020. С. 244–253.
6. Емелина Л.А. Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к юбилею д-ра юрид. наук, проф. Ю.Ф. Беспалова. М., 2019. С. 100–104.
7. Кулаков В.В. Оформление договора как особый вид юридической процедуры: особенности правового и индивидуального регулирования // Росс. правосудие. 2022. № S2. С. 89–106.
8. Нечаева А.М. Семейное право. М., 2016. С. 75, 76.
9. Останина Е.А. Институт недееспособности с точки зрения защиты стабильности гражданского оборота // Закон. 2021. № 2. С. 150–161.
10. Пободоносцев К. Курс гражданского права. Вторая часть. Права семейственные, наследственные и завещательные. СПб., 1896. С. 344.
11. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М., 2016. С. 25, 26.
12. Ульянова М.В. Основные категории и понятия, используемые в международных конвенциях и в семейном законодательстве Российской Федерации на примере родительских прав: материалы VI Междунар. конф. «Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей. Международное публичное и международное частное право». Юридический факультет Южного федерального университета. 2–3 декабря 2019 года. Ростов н/Д. — М., 2020. С. 154–158.
13. Ульянова М.В. Уважение как правовая категория и принцип осуществления семейных прав и исполнения обязанностей // Вестник СГЮА. 2020. № 4 (135). С. 57–67.
14. Филиппова С.Ю. Гражданско-правовые средства достижения цели построения семьи путем фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 3–7.
15. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 528, 529.

REFERENCES

1. Antokolskaya M.V. Family Law: textbook. 3rd ed., reprint and add. M., 2010. Pp. 184, 185 (in Russ.).
2. Belyakova A.M., Vorozheikin E.M. Soviet Family Law: textbook. M., 1974. Pp. 44, 45 (in Russ.).
3. Borovikovskiy A.L. The Constitution of the family according to the draft Civil Code. From the journal of the Ministry of

- Justice (November 1902). St. Petersburg, 1902. Pp. 4–6, 11 (in Russ.).
4. *Vavilin E.V.* On the relevance of the structural and functional approach in Civil Law // Methodological problems of civil studies: collection of scientific articles Yearbook. Iss. 2 / res. eds: A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. M., 2017. Pp. 74–89 (in Russ.).
 5. *Egorov A.V.* Joint property of spouses: at a crossroads // Civil Law of the social state: collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Prof. A.L. Makovsky (1930–2020) / res. eds V.V. Vitryansky and E.A. Sukhanov. M., 2020. Pp. 244–253 (in Russ.).
 6. *Emelina L.A.* Family and family values in the Russian Federation: socio-legal aspect: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the anniversary of Doctor of Law, Prof. Yu.F. Bespalov. M., 2019. Pp. 100–104 (in Russ.).
 7. *Kulakov V.V.* Registration of a contract as a special type of legal procedure: features of legal and individual regulation // Ross. Justice. 2022. No. S2. Pp. 89–106 (in Russ.).
 8. *Nechaeva A.M.* Family Law. M., 2016. Pp. 75, 76 (in Russ.).
 9. *Ostanina E.A.* Institute of incapacity from the point of view of protecting the stability of civil turnover // Law. 2021. No. 2. Pp. 150–161 (in Russ.).
 10. *Pobedonostsev K.* Course of Civil Law. The second part. Family, hereditary and testamentary rights. St. Petersburg, 1896. P. 344 (in Russ.).
 11. *Polyansky P.L.* Legal regulation of marital and family relations in Russian society: historical and legal research. M., 2016. Pp. 25, 26 (in Russ.).
 12. *Ulyanova M.V.* The main categories and concepts used in international conventions and in family legislation of the Russian Federation on the example of parental rights: materials of the VI International Conference. “International legal aspects of Family Law and protection of children’s rights. Public international and private International Law”. Faculty of Law of the Southern Federal University. December 2–3, 2019. Rostov-on-Don – M., 2020. Pp. 154–158 (in Russ.).
 13. *Ulyanova M.V.* Respect as a legal category and the principle of exercising family rights and fulfilling duties // Herald of the SSLA. 2020. No. 4 (135). Pp. 57–67 (in Russ.).
 14. *Filippova S. Yu.* Civil law means of achieving the goal of building a family through actual marital relations // Family and Housing Law. 2010. No. 3. Pp. 3–7 (in Russ.).
 15. *Shershenevich G.F.* Course of Civil Law. Tula, 2001. Pp. 528, 529 (in Russ.).

Сведения об авторе

УЛЬЯНОВА Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

ULIANOVA Marina V. — PhD in Law, Association Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

УДК 342

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА, СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В.О. ЛУЧИНА

© 2024 г. Н. А. Боброва

Тольяттинский государственный университет

E-mail: bobrovana@mail.ru

Поступила в редакцию 07.09.2023 г.

Аннотация. Автор статьи анализирует основные блоки научных трудов В.О. Лучина в их системной взаимосвязи. Акцентируются работы профессора, в которых он был первооткрывателем или одним из первых исследователей: конституционно-процессуальные отношения, указное право, конституционная ответственность и конституционная деликтология, конституционный кризис, незаконная и несправедливая приватизация, алгоритм деприватизации объектов собственности, проблемы реализации Конституции России. Подчеркивается актуальность идей В.О. Лучина и недопустимость не-правильного их истолкования некоторыми учеными.

Ключевые слова: правовое поле, конституционно-процессуальные отношения, указное право, конституционная деликтология, алгоритм деприватизации, реализация конституционных норм.

Цитирование: Боброва Н.А. О научном наследии профессора, судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучина // Государство и право. 2024. № 3. С. 167–175.

DOI: 10.31857/S1026945224030162

ON THE SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR, JUDGE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION V.O. LUCHIN

© 2024 N. A. Bobrova

Togliatti State University

E-mail: bobrovana@mail.ru

Received 07.09.2023

Abstract. The author of the article analyzes the main blocks of scientific works of V.O. Luchin in their systemic relationship. The works of the professor in which he was a pioneer or one of the first researchers are emphasized: constitutional and procedural relations, decree law, constitutional responsibility and constitutional delictology, constitutional crisis, illegal and unfair privatization, Algorithm of deprivatization of property objects, problems of implementation of the Constitution of Russia. The relevance of the ideas of V.O. Luchin and the inadmissibility of their misinterpretation by some scientists are emphasized.

Key words: legal framework, constitutional and procedural relations, decree law, constitutional delictology, deprivatization algorithm, implementation of constitutional norms.

For citation: Bobrova, N.A. (2024). On the scientific heritage of Professor, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation V.O. Luchin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 167–175.

7 августа 2021 г. ушел из жизни Виктор Осипович Лучин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, сотрудник Института государства и права АН СССР (1979–1991), судья Конституционного Суда РФ (1991–2004). 26 марта 2024 г. ему исполнилось бы 85 лет.

Считаю своим гражданским долгом посвятить эту статью научному наследию уникального Ученого и Человека. И не только потому, что была ученицей Виктора Осиповича в период его работы в Куйбышевском государственном университете (1972–1979) и, по сути, им предопределена моя дальнейшая судьба (он направил меня в аспирантуру к своему учителю В.С. Основину в Воронежский государственный университет), но и главным образом потому, что научное наследие В.О. Лучина — это национальное достояние, отличающееся твердой гражданской позицией, выраженной помимо научных трудов в Особых мнениях судьи Конституционного Суда РФ.

В хрущевские времена В.О. Лучина чуть не исключили из партии за его критику деления партийных органов на промышленные и сельские в нарушение Устава КПСС, а в 1968 г. вузовская парторганизация поставила вопрос об исключении его из партии за критику на лекции ввода войск в Чехословакию. Поддержал своего ученика и помог молодому преподавателю восстановиться в партии проф. В.С. Основин. Они оба были настоящими, убежденными коммунистами.

Удивительное дело, но именно В.О. Лучин, реально пострадавший и не имевший никаких привилегий, кроме ответственности, волею судьбы был судьей-докладчиком в Конституционном Суде РФ по «делу КПСС» и в итоге написал Особое мнение. И наоборот, одним из участников процесса по данному делу со стороны Президента Б.Н. Ельцина был проф. Г., который, по его же словам, «объездил полмира». Г. «свидетельствовал» против КПСС. В 1992 г. это казалось парадоксом. Но все зависит от человека: одни во имя общего дела готовы простить какие-то личные обиды и терпеть невзгоды, а другие расчесывают свои комариные укусы и свидетельствуют о «ранах, нанесенных режимом».

В годы советской власти В.О. Лучин писал статьи о депутатском запросе, выборах, референдуме и смело критиковал безальтернативность советских

выборов, доказывая необходимость альтернативных выборов любого уровня¹. И надо же было такому случиться, что именно в день 50-летия судьба преподнесла ему подарок: 26 марта 1989 г. состоялись первые в Советском Союзе альтернативные выборы — выборы народных депутатов СССР. И когда коллеги звонили ему, поздравляя с юбилеем, он радостно подчеркивал это счастливое совпадение.

Однако сильным было разочарование, когда он проанализировал, как выдвигались некоторые альтернативные кандидаты, среди которых оказались и бывшие уголовники, и психически неуравновешенные люди, и наглые честолюбцы, и просто люди с заниженной нравственной планкой, сумевшие быстро сориентироваться и оформить свое выдвижение (достаточно было представить документы, зачастую недостоверные, о проведении собрания граждан по месту работы или жительства). Многие кандидаты вряд ли прошли бы отбор в своих трудовых коллективах, как это было ранее. Накопившиеся сомнения В.О. Лучин отразил в своей книге².

Особенным потрясением для него были запрет КПСС и КП РСФСР Указом Президента РСФСР Б.Н. Ельцина от 6 ноября 1991 г. № 169³ (оригинальный подарок коммунистам к 74-й годовщине Великой октябрьской социалистической революции), противостояние законодательной и президентской властей, Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»⁴ (далее — Указ Президента РФ № 1400) и расстрел Дома Советов. В последующем В.О. Лучин охарактеризует этот период как кризис конституционной законности, который, как известно, означает отказ власти от исполнения ею же созданных законов и заменой законов указным правом⁵.

Согласно Указу Президента РФ № 1400 Конституция действовала «лишь в той мере, в какой не противоречила настоящему Указу», что фактически означало отмену Конституции актом Президента РФ, ликвидацию конституционного строя, установление ельцинского самодержавия. Неудивительно, что В.О. Лучин явился одним из инициаторов признания Указа № 1400

¹ Об этих публикациях см.: *Авакьян С.А.* Библиография по конституционному и муниципальному праву России. М., 2002. С. 51, 81, 248.

² См.: *Лучин В.О.* Контроль за соблюдением законодательства на выборах и референдумах. М., 1991.

³ См.: *Ведомости СНД и ВС РСФСР.* 1991. № 45, ст. 1537.

⁴ См.: *Росс. газ.* 1993. 23 сент.

⁵ См.: *Лучин В.О.* Конституционный кризис в Российской Федерации (1991–1993 гг.) // *Диалог.* 2001. № 2.

неконституционным, что и сделал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 22 августа 1993 г.

«Основу конституционализма образуют Конституция и федеральные конституционные законы как ее логическое продолжение. Разрыв между ядром конституционализма, с одной стороны, и конституционными взглядами и фактическими отношениями — с другой, означает конституционный кризис»⁶, — писал В.О. Лучин. Конституционный кризис новейшего времени переживала не только наша страна, однако кризис, вызванный предательством интересов собственной страны ее же руководством, намного трагичнее, например кризиса Великобритании в связи с ее выходом из ЕС⁷.

«Конституционный кризис не столько внутреннее состояние самой Конституции, сколько отражение системного кризиса в обществе, когда социальная действительность опасно дистанцируется от Конституции. Конституция и общественная практика <...> как бы разведены по разным орбитам и пересекаются лишь в удобных и выгодных для власти координатах»⁸.

Конституционный кризис 1991–1993 гг. исследовали многие ученые⁹, но лишь В.О. Лучин является основоположником системного исследования феномена российского «указного права» и автором самого этого термина¹⁰.

В.О. Лучин считал необходимым «добиться сокращения указной практики... упорядочить нормотворческую деятельность Президента, обеспечить соответствие его указов Конституции

и федеральным законам»¹¹. При этом он одним из первых обратил внимание на то обстоятельство, что указы Президента РФ в Конституции 1993 г. не называются подзаконными актами, что открыло своеобразный «ящик Пандоры»: указы фактически оказались приравнены к законам, что дополнительно легитимирует доктрину «скрытых полномочий Президента» и позволяет ему вторгаться в сферу компетенции законодательной власти и даже давать поручения парламенту, что порождает «порученческое право».

Столь же принципиальным В.О. Лучин был и по отношению к своим коллегам и к себе самому. Как известно, согласно Федеральному конституционному закону от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹² предельный возраст судьи был 65 лет. Но затем Конституционный Суд, пользуясь правом законодательной инициативы, инициировал увеличение срока полномочий конституционных судей с 65 до 70 лет. У данной новеллы весьма поучительная предыстория. В свое время Т.Г. Моршкова, которой 29 марта 2001 г. исполнилось 65 лет, продолжала оставаться в статусе конституционного судьи, причем не только в связи с оговоренным в Федеральном конституционном законе случаем, когда судья продолжает участвовать в начатом при его участии деле до его завершения, но и сверх означенного срока, вступая в участие по новым делам. Естественно, коллегам было неловко напоминать заместителю Председателя Конституционного Суда РФ о норме закона и необходимости ухода в отставку в связи с достижением 65-летнего возраста. Все бы так и продолжалось, если бы В.О. Лучин не напомнил коллегам о норме закона. Заместителю Председателя пришлось уйти в отставку. Что же касается Виктора Осиповича, то он тут же, без напоминаний коллег, ушел в отставку, когда ему исполнилось 65 лет.

Затем родилась инициатива Конституционного Суда РФ об увеличении срока полномочий конституционных судей до 70 лет. А в 2010 г. появилась такая норма: «На Председателя Конституционного Суда Российской Федерации... предельный возраст пребывания в должности судьи не распространяется»¹³.

В.О. Лучин критически воспринял узаконение пожизненного статуса председателей Конституционного и Верховного судов, посчитав это

⁶ Лучин В.О. Конституционный кризис в Российской Федерации (1991–1993 гг.). С. 17; *Его же*. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. С. 411.

⁷ См.: *Коданева С.И.* Конституционный кризис в Великобритании: историческая ретроспектива // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4. Государство и право. 2023. № 1. С. 153–162.

⁸ Лучин В.О. Указное право в России. М., 1996. С. 95.

⁹ См., напр.: *Лазарев Б.М.* Можно ли было сохранить СССР (правовое исследование). М., 2002; *Лукиянов А.И.* Парламентское право. М., 2010; *Лукиянова Е.А.* Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000; *Плюйко Д.В.* Особенности принятия законов в период конституционного кризиса власти в России в начале 1990-х годов по материалам фондов Государственного архива Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 10. С. 51–55.

¹⁰ См.: *Лучин В.О.* «Указное право» в России; *Его же*. Указ — источник права // Юрид. мир. 1998. № 1; *Его же*. Указы Президента Российской Федерации как объект судебного контроля: материалы «круглого стола» «5 лет Конституции РФ: по пути к федерализму и местному самоуправлению». М., 1999; *Лучин В.О., Мазуров А.В.* Указы Президента РФ в сфере политики // Право и политика. 2000. № 2; *Их же*. Указы Президента РФ. Основные социальные и правовые характеристики. М., 2000.

¹¹ Лучин В.О. «Указное право» в России. С. 31.

¹² См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

¹³ См.: Федеральный конституционный закон от 03.11.2010 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2010. № 45, ст. 5742.

одним из монархических институтов, о наличии которых он писал ранее. В частности, он отмечал, что «граждан России навязчиво приучают к идее монархического (самодержавного) переустройства. <...> Важно также разобраться, как скипетр и держава в гербе России, равно как другие монархические элементы, в т.ч. фактически сформировавшиеся (институт президентского правопреимства и дуумвират) согласуются со ст. 1 Конституции»¹⁴.

Разочаровало Виктора Осиповича и то обстоятельство, что за пожизненный статус председателей высших судов голосовала не только фракция парламентского большинства, но и депутаты оппозиционных фракций. Любопытно, что при обсуждении законопроекта о пожизненном статусе Председателя Конституционного Суда РФ на заседании Государственной Думы 19 октября 2010 г. высказался только депутат от фракции КПрФ А.Е. Локоть: «Норму о снятии возрастного ценза для главы Конституционного Суда вводят под Валерия Зорькина, которому скоро исполняется 70 лет. <...> Демократично ли, когда Председатель Конституционного Суда может быть избран пожизненно?»¹⁵.

Но дальше Конституционный Суд РФ использовал право законодательной инициативы в аспекте, казалось бы, невероятном: инициированный им Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ ввел следующую норму: «Предельный возраст пребывания в должности заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации — семьдесят шесть лет»¹⁶. Как это согласуется с принципом равенства судей Конституционного Суда, непонятно. Закон принимался летом и без всякого обсуждения, т.е. никто не задал вопроса, с чем связана цифра в 76 лет. Шкатулка просто открывалась: в 2024 г., т.е. в год истечения полномочий действующего Президента РФ, одному из заместителей Председателя Конституционного Суда РФ исполнилось бы 76 лет¹⁷.

Данное нововведение В.О. Лучин воспринимал как попытку самосохранения Конституционного Суда в условиях, когда несколько его вакансий оставались не занятыми (Президент не вносил кандидатуры на должности судей Конституционного Суда), и Конституционный Суд находился в состоянии некоторого напряжения, ибо вопрос стоял о существовании его самого.

¹⁴ Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 294, 295.

¹⁵ Коммерсантъ. 2010. 20 окт.

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2018. № 31, ст. 4811.

¹⁷ Нельзя не сказать о том, что заместитель Председателя Х., под которую принималась эта одиозная норма, скоропостижно умерла в июле 2019 г. Данная норма пригодится уже другим.

На тот момент В.О. Лучин, размышляя о дальнейшей судьбе Конституционного Суда РФ, рассматривал четыре возможных варианта: 1) ликвидация Конституционного Суда РФ в случае конституционной реформы; 2) объединение с Верховным Судом РФ по образу и подобию Германии, Боснии, Герцеговины (Конституционный Суд становится высшей инстанцией в сфере защиты прав и свобод граждан); 3) преобразование Конституционного Суда в Конституционный совет (вариант Казахстана); 4) сокращение числа конституционных судей.

В результате конституционной реформы 2020 года осуществлен четвертый вариант. В.О. Лучин опасался пятого, киргизского, варианта, когда в результате революции 2010 г. прежняя система была свергнута, а Конституционному суду не только были предъявлены претензии в ее легитимации, но и сам он был заменен на Конституционную палату Верховного суда Киргизии.

А пока что конституционные судьи, совмещающие свой статус с научной деятельностью, закономерно искали способы укрепления позиций Конституционного Суда. Так, судья Конституционного Суда РФ, проф. А.Н. Кокотов обратил внимание на возможные перспективы расширения полномочий Конституционного Суда, выделив три их направления¹⁸.

В настоящее время ученые и политики привычно прибегают к термину «правовое поле», а ведь впервые этот термин употребил В.О. Лучин в своей кандидатской диссертации и позже в монографии, в которых явился первооткрывателем процессуальных норм в советском государственном праве¹⁹. При этом, будучи одним из первых разработчиков государственно-правовой ответственности и конституционной деликтологии²⁰, ученый не соглашался с выдвигаемой некоторыми авторами конструкцией процессуальной конституционной ответственности как самостоятельного вида ответственности, поскольку не считал

¹⁸ См.: Кокотов А.Н. О некоторых изменениях законодательства о Конституционном Суде Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5. С. 15–19.

¹⁹ См.: Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1971; Его же. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976.

²⁰ См.: Лучин В.О., Боброва Н.А. К вопросу о конституционных деликтах // Укрепление правовой основы — закономерность развития Советского государства. Куйбышев, 1990; Лучин В.О. Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. 1992. № 1–2; Его же. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1.

процессуальные нормы отдельным правовым институтом конституционного права²¹.

Наоборот, многие нормы конституционного права имеют в большинстве своем процессуальный и процедурный характер (избирательное право, регламенты парламентов). Поэтому никакого автономного института конституционно-процессуальных норм и тем более самостоятельного института процессуальной конституционной ответственности не существует. Поэтому совершенно зря апологеты данных конструкций ссылаются на труды В.О. Лучина в обоснование своих, на наш взгляд, несостоятельных или как минимум необоснованных идей и доктрин.

Некоторые ученые выдвигают также сомнительную идею разделения единой отрасли конституционного (государственного) права на две автономные и самостоятельные отрасли – конституционное право и государственное право, да еще со ссылкой на труды В.О. Лучина. Так, Е.В. Лунгу, ссылаясь на С.А. Авакьяна, В.О. Лучина и О.Е. Кутафина, предлагает деление конституционно-правовых отношений на два вида: конституционные правоотношения и государственно-правовые²².

В обоснование этой позиции выдвинуто несколько некорректных интерпретаций научных положений В.О. Лучина и несколько ошибочных тезисов. Например, ошибочен тезис, согласно которому признаком конституционно-правовых отношений является их высокий политический потенциал, в отличие от государственно-правовых отношений²³. Однако В.О. Лучин писал о высоком политическом потенциале конституционных отношений вовсе не в противовес государственно-правовым отношениям, которые обладают не менее мощным политическим потенциалом, ибо государство – основной инструмент политики²⁴. Термины «конституционно-правовые» и «государственно-правовые» отношения В.О. Лучин применял в том числе как синонимичные аналогично синонимичным названиям самой отрасли как конституционного права и государственно-правого права, не игнорируя при этом известных исторических и смысловых нюансов этих названий. Апологеты раздела единой отрасли конституционного (государственного) права на две отрасли

совершенно неправильно и вне контекста интерпретируют научные труды В.О. Лучина²⁵.

Под общей редакцией В.О. Лучина были изданы учебники²⁶. Как только был создан Государственный Совет, В.О. Лучин опубликовал статью с анализом статуса и полномочий этого органа публичной власти²⁷. Он отмечал внеконституционный статус Государственного Совета, подчеркивая при этом, что «внеконституционный» не значит «неконституционный», а означает лишь то обстоятельство, что Государственного Совета нет в Конституции, но он создан Президентом РФ в качестве совещательного органа при нем по просьбе глав республик, в частности Президента Татарстана М. Шаймиева, озвученной на состоявшемся в Самарской области совещании Президента В.В. Путина с главами регионов в августе 2000 г.

О соотношении нетождественных понятий «неконституционный» и «внеконституционный» приходится вспомнить сегодня, когда в результате конституционной реформы 2020 года Государственный Совет РФ приобрел конституционный статус. Однако объем конституционно предоставленных этому органу власти полномочий позволил некоторым исследователям усомниться в его конституционности. Так, вице-президент Фонда конституционных реформ В.В. Калачёв после опубликования поправок в Конституцию РФ заявил, что конституционные поправки о Государственном Совете нарушают Конституцию России, поскольку его полномочия дублируют полномочия Президента РФ, а п. «ж» ст. 83 нарушает ст. 10 и ч. 1 ст. 11 Конституции РФ²⁸.

²⁵ Критику деления единого предмета конституционного права на автономные конституционные и государственно-правовые отношения и, соответственно, деления единой отрасли конституционного (государственного) права на две отрасли см.: Боброва Н.А. Конституционные и государственно-правовые отношения: одна или две отрасли права? // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2020. № 36; Её же. Единый предмет конституционного (государственного) права. Недопустимость его деления на две отрасли права. Гл. 7 // Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. VI. Конституционное право России / под ред. Н.А. Бобровой, Р.Л. Хачатурова. М., 2021. С. 55–72.

²⁶ См.: Лучин В.О., Белоновский В.Н., Пряхина Т.М. Избирательное право России: учеб. / под ред. В.О. Лучина. М., 2008; Лучин В.О., Пряхина Т.М., Корчагина Т.В., Гаврилова Ю.В. Конституционное (государственное) право России: учеб. программа / под ред. В.О. Лучина. Саратов, 2011.

²⁷ См.: Лучин В.О. Государственный совет Российской Федерации: проблемы становления // Право и политика. 2001. № 4.

²⁸ Автор заканчивает свою статью так: «Кому понадобилось дополнять ст. 83 Конституции пунктом “ж”, нарушающим основы конституционного строя России? Очевидно, тому, кто намерен занять должность Председателя обновленного Государственного Совета России. – В.В. Путину» (см.: Калачёв В.В. Поправки о Государственном Совете нарушают Конституцию России // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 130).

²¹ См.: Лучин В.О. Конституционные институты // Современный конституционализм. М., 1990.

²² См.: Лунгу Е.В. Конституционные правоотношения в науке конституционного права Российской Федерации // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 34. С. 89–96.

²³ См.: там же. С. 94.

²⁴ См.: Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. С. 111–113.

В своей фундаментальной монографии «Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации» В.О. Лучин дал подробный анализ итогов мошеннической приватизации и предложил юридический алгоритм законной деприватизации каждого объекта народного достояния (государственной собственности). Приватизация, как известно, была проведена за гроши с помощью ваучеров (каждый ваучер, как обещал А.Б. Чубайс, должен был стоить две машины «Волга»). Эти ценные бумаги сначала предполагались именованными, но стали безымянными ваучерами, с которыми простой народ расставался за мизерную сумму и даже за буханку хлеба, поскольку магазины в одночасье опустели, на предприятиях и заводах начались сокращения, нечем было кормить детей.

А.Б. Чубайс и другие младореформаторы утверждали, что приватизация была законной, потому что проведена на основе принятых на тот момент нормативных актов. Но они замалчивают то обстоятельство, что приватизация была отнюдь не законной, а указной: законов о приватизации не было, и она проводилась на основе указов Б.Н. Ельцина, которому Съезд народных депутатов РСФСР сразу же после августовских событий 1991 г. на полгода предоставил «дополнительные полномочия», которыми команда Ельцина воспользовалась прежде всего для приватизации и которые не были сложены по истечении предоставленного Съездом срока.

Тогда же прокуратура была лишена полномочий контроля за приватизацией, а в проекте Конституции 1993 г. этот орган первоначально не упоминался, поскольку прокуратуру планировалось ликвидировать как ненужный рудимент, заменив институтом полномочных представителей Президента РФ (п. «к» ст. 83 Конституции РФ). В литературе описано, кому и как удалось спасти этот институт власти²⁹.

Приведем цитаты из названной монографии В.О. Лучина:

«Развитие экономики и России в целом в 90-е годы было непосредственно связано с приватизацией. Приватизация же, даже по признанию Чубайса, была “разворовыванием общенародной собственности”. О каком правовом государстве можно вообще рассуждать, если самое большое число нарушений норм и принципов, с наиболее тяжкими и долговременными для общества последствиями, было допущено именно в ходе приватизации? Те, кто выступал за приватизацию, с гордостью указывали, что значительная

часть государственных предприятий перешла в частные руки, что было сомнительным достижением»³⁰;

«Форсированная приватизация в отсутствие института собственника привела к тому, что в бизнесе первенство отдавалось не производству и реальной экономике, а финансовой сфере, торговым сделкам в твердой валюте и переводу ее за рубеж, уклонению от налогообложения и т.д. Этап ваучерной приватизации привел к разделу собственности в пользу номенклатурной элиты и нарождающейся олигархии. Общество было отстранено от процессов приватизации <...> Власть не интересовало мнение народа, она не хотела быть связана его волей. Приватизаторы были не прочь опереться на законодательную базу, но и отсутствие таковой их не смущало. На помощь приходили правовые суррогаты в виде указов Президента»³¹;

«Частная собственность “вырвалась вперед” и стала равнее других форм собственности <...> Приватизация объективно способствует расколу общества и разжиганию социальной розни, что запрещено Конституцией РФ (ч. 5 ст. 13). Не дождавшись обещанных за ваучер “двух автомобилей”, россияне начали сбывать приватизационные чеки за бесценок. <...> инициативные люди и проходимцы произвели их массовую скупку. <...> Достаточно было предъявить несколько мешков таких бумажек, чтобы стать владельцем предприятия-гиганта. В течение 1992–1999 годов приватизировано более 133.2 тыс. различных предприятий»³²;

«Вопреки закону “О недрах” было принято “Положение о порядке лицензирования пользования недрами”, которым предписывалось в течение 3 месяцев выдать бесплатно, без конкурсов и аукционов горнодобывающим предприятиям лицензии на все месторождения, запасы которых были у них на балансе. Выдача лицензий осуществлялась по реформаторскому принципу — “Бери, сколько можешь!” <...> Специальная комиссия Госдумы констатировала: ни одна из целей и задач, провозглашенных государственной программой приватизации, не достигнута. Мало того, результаты прямо противоположны. Вместо повышения эффективности производства получили его упадок. Вместо привлечения инвестиций — их бегство за рубеж. Вместо содействия социальной защите населения — криминальное по своей природе ограбление подавляющего большинства граждан»³³;

«Руководство не раз заявляло о недопустимости передела собственности. Установка на недопустимость передела собственности некорректна. Какой собственности — приобретенной законным путем или вне правового поля? Придать легитимность незаконной приватизации — вот в чем смысл позиции ее защитников»³⁴;

«Разве криминальный захват общенародной собственности был допустим? Конечно — нет! Почему же тогда восстановление статус-кво должно быть исключено и это делать “опасно”? Какая уж тут неотвратимость ответственности и “диктатура закона”? Теперь они требуют для себя амнистии. Они хотят лишить народ исторической памяти, заставить его забыть, как создавались миллиардные капиталы,

²⁹ См.: Власова М.А. Загадка главы 7 Конституции РФ, или О том, кто спас российскую прокуратуру от ликвидации в 1993 году // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 61–64; Блохина Н.А., Власова М.А. Ответственность Президента и прокуратуры за целостность и безопасность государства // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 2. С. 86–96; Галузо В.Н. Власть прокурора в Российской Федерации. Часть IV. Возрождение права. М., 2021.

³⁰ Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. С. 138–140.

³¹ Там же. С. 140.

³² Там же. С. 141.

³³ Там же. С. 141, 149.

³⁴ Там же.

как и почему миллионы россиян оказались на социальном дне. <...> Оправдание, амнистирование криминальной приватизации недопустимо. Судьба приватизации должна быть решена не в формате определенной экономической и политической заданности — “недопустим передел собственности”, — а на основе Конституции и законов РФ, наконец, с учетом... позиции большинства граждан России»³⁵.

Учет позиции граждан России — вот что больше всего волновало В.О. Лучина как ученого; именно это он понимал под народовластием. 7 апреля 2007 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась международная конференция на тему «Пробелы и дефекты в конституционном праве», на заседании которой выступил профессор МГУ В.О. Лучин. Приведем афористичные цитаты из этого выступления³⁶.

«Идея народовластия — это хлеб науки конституционного права».

«Основные манипуляции касаются искажения суверенитета народа. Недопустимо возвышение суверенитета государства над суверенитетом народа. Надо выделить исключительные полномочия самого народа».

«Относительно суверенитета народа должен быть уведомительный, а не разрешительный порядок. Надо изменить точку зрения и на содержание, и на гарантирование суверенитета народа».

«Суверен в современной России как стреноженный конь. Ему не разгуляться в правовом поле».

«Условия проведения всенародного референдума беспрецедентно ужесточены. Не хватает референдума о запрете референдумов».

«Кто будет определять механизм реализации власти народа? Только сам народ может определить, как ему распорядиться своим суверенитетом».

«От имени народа власть осуществляет “назначение” членами общества и Общественной палаты представителей олигархического капитала».

«80% законов — это законы об изменении законов, и это уже говорит о том, как велики пробелы и как значима сфера их преодоления».

«Наука же остается в положении описания современных реалий в состоянии большей или меньшей комплиментарности».

В.О. Лучина настолько волновала тема незаконной, несправедливой, неправедной приватизации, что он и в последующем возвращался к ней³⁷. Он предлагал в судебном порядке расследовать каждый акт приватизации, хотя бы крупных объектов собственности. К сожалению, власть не воспользовалась алгоритмом деприватизации, предложенным В.О. Лучиным: слишком много во власти

людей, воспользовавшихся плодами приватизации. Они считают, что время ушло, а сроки давности все спишут.

Однако в Китае посчитали иначе, завершив восьмилетнюю кампанию по расследованию рыночных реформ и отмене актов приватизации 1990-х годов. 4082 акционера, в том числе 1039 иностранных граждан, первоначально осужденных к лишению имущества и смертной казни, затем помилованы и будут пожизненно трудиться в трудовых лагерях, искупая вину перед народом. Такое же наказание получили свыше 6 тыс. государственных служащих, продававших народное имущество. 15 тыс. китайских граждан получили сроки за содействие приватизации, в том числе сотрудники правоохранительных и иных органов, «проявившие преступное бездействие и любой ценой не прекратившие расточение народного имущества»³⁸.

В предисловии к монографии коллеги В.О. Лучин писал: «Девальвация конституционных ценностей неизбежно девальвирует саму роль конституционного права в системе российского права, понижает такие понятия, как народный суверенитет, народовластие, народное достояние, низводит роль государства до функции частного собственника. В результате некоторые авторы заговорили об утрате конституционным правом своей ведущей роли. Уверен, этого не произойдет»³⁹.

Уверены, что этого не произойдет, пока в науке конституционного права есть такие ученые, как Виктор Осипович Лучин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Библиография по конституционному и муниципальному праву России. М., 2002. С. 51, 81, 248.
2. *Блохина Н.А., Власова М.А.* Ответственность Президента и прокуратуры за целостность и безопасность государства // *Правоприменение*. 2021. Т. 5. № 2. С. 86–96.
3. *Боброва Н.А.* Единый предмет конституционного (государственного) права. Недопустимость его деления на две отрасли права. Гл. 7 // *Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. VI. Конституционное право России* / под ред. Н.А. Бобровой, Р.Л. Хачатурова. М., 2021. С. 55–72.
4. *Боброва Н.А.* Конституционные и государственно-правовые отношения: одна или две отрасли права? // *Вестник Томского гос. ун-та. Право*. 2020. № 36.

³⁵ *Лучин В.О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. С. 149–151.

³⁶ Цит. по: *Боброва Н.А.* Новейшая хрестоматия конституционалистов: учеб. пособие. Самара, 2016. С. 119.

³⁷ См.: *Лучин В.О.* Приватизация: конституционно-правовые аспекты // *Закон и право*. 2011. № 7.

³⁸ Откатали по полной: отменив приватизацию 1990-х, Китай вернул себе \$25 трлн. URL: <https://newizv.ru/news/2021-09-17/otkatili-po-polnoy-otmeniv-privatizatsiyu-1990-h-kitay-vernul-sebe-25-trln-333468>

³⁹ *Лучин В.О.* Из науки в политику и обратно, или О книге и ее авторе // *Боброва Н.А.* Конституционный строй и конституционализм в России / под ред. В.О. Лучина. М., 2003. С. 10.

5. *Боброва Н.А.* Новейшая хрестоматия конституционалистов: учеб. пособие. Самара, 2016. С. 119.
6. *Власова М.А.* Загадка главы 7 Конституции РФ, или О том, кто спас российскую прокуратуру от ликвидации в 1993 году // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 61–64.
7. *Галузо В.Н.* Власть прокурора в Российской Федерации. Часть IV. Возрождение права. М., 2021.
8. *Калачёв В.В.* Поправки о Государственном Совете нарушают Конституцию России // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 130.
9. *Коданева С.И.* Конституционный кризис в Великобритании: историческая ретроспектива // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4. Государство и право. 2023. № 1. С. 153–162.
10. *Кокотов А.Н.* О некоторых изменениях законодательства о Конституционном Суде Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5. С. 15–19.
11. *Лазарев Б.М.* Можно ли было сохранить СССР (правовое исследование). М., 2002.
12. *Лукьянов А.И.* Парламентское право. М., 2010.
13. *Лукьянова Е.А.* Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000.
14. *Лунгу Е.В.* Конституционные правоотношения в науке конституционного права Российской Федерации // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 34. С. 89–96.
15. *Лучин В.О.* Государственный совет Российской Федерации: проблемы становления // Право и политика. 2001. № 4.
16. *Лучин В.О.* Из науки в политику и обратно, или О книге и ее авторе // Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России / под ред. В.О. Лучина. М., 2003. С. 10.
17. *Лучин В.О.* Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1.
18. *Лучин В.О.* Конституционные институты // Современный конституционализм. М., 1990.
19. *Лучин В.О.* Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. С. 111–113.
20. *Лучин В.О.* Конституционный кризис в Российской Федерации (1991–1993 гг.) // Диалог. 2001. № 2. С. 17.
21. *Лучин В.О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 138–141, 149–151, 294, 295, 411.
22. *Лучин В.О.* Контроль за соблюдением законодательства на выборах и референдумах. М., 1991.
23. *Лучин В.О.* Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. 1992. № 1–2.
24. *Лучин В.О.* Приватизация: конституционно-правовые аспекты // Закон и право. 2011. № 7.
25. *Лучин В.О.* Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976.
26. *Лучин В.О.* Процессуальные нормы в советском государственном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1971.
27. *Лучин В.О.* Указ — источник права // Юрид. мир. 1998. № 1.
28. *Лучин В.О.* Указное право в России. М., 1996. С. 31, 95.
29. *Лучин В.О.* Указы Президента Российской Федерации как объект судебного контроля: материалы «круглого стола» «5 лет Конституции РФ: по пути к федерализму и местному самоуправлению». М., 1999.
30. *Лучин В.О., Белоновский В.Н., Пряхина Т.М.* Избирательное право России: учеб. / под ред. В.О. Лучина. М., 2008.
31. *Лучин В.О., Боброва Н.А.* К вопросу о конституционных деликтах // Укрепление правовой основы — закономерность развития Советского государства. Куйбышев, 1990.
32. *Лучин В.О., Мазуров А.В.* Указы Президента РФ. Основные социальные и правовые характеристики. М., 2000.
33. *Лучин В.О., Пряхина Т.М., Корчагина Т.В., Гаврилова Ю.В.* Конституционное (государственное) право России: учеб. программа / под ред. В.О. Лучина. Саратов, 2011.
34. *Лучин В.О., Мазуров А.В.* Указы Президента РФ в сфере политики // Право и политика. 2000. № 2.
35. *Плюйко Д.В.* Особенности принятия законов в период конституционного кризиса власти в России в начале 1990-х годов по материалам фондов Государственного архива Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 10. С. 51–55.

REFERENCES

1. *Avakiyan S.A.* Bibliography on Constitutional and Municipal Law of Russia. M., 2002. Pp. 51, 81, 248 (in Russ.).
2. *Blokhina N.A., Vlasova M.A.* Responsibility of the President and the Prosecutor's Office for the integrity and security of the state // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 2. Pp. 86–96 (in Russ.).
3. *Bobrova N.A.* A single subject of Constitutional (State) Law. The inadmissibility of his division into two branches of law. Chapter 7 // Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vols. Vol. VI. Constitutional Law of Russia / ed. by N.A. Bobrova, R.L. Khachaturov. M., 2021. Pp. 55–72 (in Russ.).
4. *Bobrova N.A.* Constitutional and state-legal relations: one or two branches of law? // Herald of the Tomsk State University. Law. 2020. No. 36 (in Russ.).
5. *Bobrova N.A.* The latest textbook of constitutionalists: textbook. Samara, 2016. P. 119 (in Russ.).
6. *Vlasova M.A.* The riddle of Chapter 7 of the Constitution of the Russian Federation, or About who saved the Russian prosecutor's office from liquidation in 1993 // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 10. Pp. 61–64 (in Russ.).
7. *Galuzo V.N.* The power of the prosecutor in the Russian Federation. Part IV. The Revival of Law. M., 2021 (in Russ.).

8. *Kalachev V.V.* Amendments on the State Council violate the Constitution of Russia // *Constitutional Bulletin*. 2020. No. 5 (23). P. 130 (in Russ.).
9. *Kodaneva S.I.* The constitutional crisis in Great Britain: a historical retrospective // *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature: IAGE. Ser. 4. State and Law*. 2023. No. 1. Pp. 153–162 (in Russ.).
10. *Kokotov A.N.* On some changes in legislation on the Constitutional Court of the Russian Federation // *Journal of Constitutional Justice*. 2017. No. 5. Pp. 15–19 (in Russ.).
11. *Lazarev B.M.* Was it possible to save the USSR (legal research). M., 2002 (in Russ.).
12. *Lukyanov A.I.* Parliamentary Law. M., 2010 (in Russ.).
13. *Lukyanova E.A.* Russian statehood and constitutional legislation in Russia (1917–1993). M., 2000 (in Russ.).
14. *Lungu E.V.* Constitutional legal relations in the science of Constitutional Law of the Russian Federation // *Herald of the Tomsk State University*. 2019. No. 34. Pp. 89–96 (in Russ.).
15. *Luchin V.O.* The State Council of the Russian Federation: problems of formation // *Law and politics*. 2001. No. 4 (in Russ.).
16. *Luchin V.O.* From science to politics and back, or On the book and its author // *Bobrova N.A.* Constitutional system and constitutionalism in Russia / ed. by V.O. Luchin. M., 2003. P. 10 (in Russ.).
17. *Luchin V.O.* Constitutional torts // *State and Law*. 2000. No. 1 (in Russ.).
18. *Luchin V.O.* Constitutional institutions // *Modern constitutionalism*. M., 1990 (in Russ.).
19. *Luchin V.O.* Constitutional norms and legal relations. M., 1997. Pp. 111–113 (in Russ.).
20. *Luchin V.O.* Constitutional crisis in the Russian Federation (1991–1993) // *Dialog*. 2001. No. 2. P. 17 (in Russ.).
21. *Luchin V.O.* Constitution of the Russian Federation. Problems of implementation. M., 2002. Pp. 138–141, 149–151, 294, 295, 411 (in Russ.).
22. *Luchin V.O.* Control over the observance of legislation in elections and referendums. M., 1991 (in Russ.).
23. *Luchin V.O.* Responsibility in the mechanism of implementation of the Constitution // *Law and life*. 1992. No. 1–2 (in Russ.).
24. *Luchin V.O.* Privatization: constitutional and legal aspects // *Law and Law*. 2011. No. 7 (in Russ.).
25. *Luchin V.O.* Procedural norms in Soviet state law. M., 1976 (in Russ.).
26. *Luchin V.O.* Procedural norms in Soviet state law: dis. ... PhD in Law. Voronezh, 1971 (in Russ.).
27. *Luchin V.O.* Decree – the source of law // *The legal world*. 1998. No. 1 (in Russ.).
28. *Luchin V.O.* Decree law in Russia. M., 1996. Pp. 31, 95 (in Russ.).
29. *Luchin V.O.* Decrees of the President of the Russian Federation as an object of judicial control: materials of the “Round Table” “5 years of the Constitution of the Russian Federation: on the way to federalism and local self-government”. M., 1999 (in Russ.).
30. *Luchin V.O., Belonovsky V.N., Pryakhina T.M.* Electoral Law of Russia: textbook / ed. by V.O. Luchin. M., 2008 (in Russ.).
31. *Luchin V.O., Bobrova N.A.* On the issue of constitutional torts // *Strengthening the legal framework – the regularity of the development of the Soviet state*. Kuibyshev, 1990 (in Russ.).
32. *Luchin V.O., Mazurov A.V.* Decrees of the President of the Russian Federation. Basic social and legal characteristics. M., 2000 (in Russ.).
33. *Luchin V.O., Pryakhina T.M., Korchagina T.V., Gavrilova Yu. V.* Constitutional (state) law of Russia: studies the program / ed. by V.O. Luchin. Saratov, 2011 (in Russ.).
34. *Luchin V.O., Mazurov A.V.* Decrees of the President of the Russian Federation in the field of politics // *Law and politics*. 2000. No. 2 (in Russ.).
35. *Plyuiko D.V.* Features of the adoption of laws during the constitutional crisis of power in Russia in the early 1990^s based on the materials of the funds of the State Archive of the Russian Federation // *State power and local self-government*. 2022. No. 10. Pp. 51–55 (in Russ.).

Сведения об авторе

БОБРОВА Наталья Алексеевна —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
депутат Самарской Губернской думы,
профессор кафедры конституционного
и административного права Тольяттинского
государственного университета;
445020 Самарская обл., г. Тольятти,
Белорусская ул., д. 14

Authors' information

BOBROVA Natalya A. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Deputy of the Samara Provincial Duma,
Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law, Togliatti State
University; 14 Belorusskaya str.,
445020 Togliatti, Samara Region, Russia

УДК 343.1

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОСУЖДЕНИЯ УМЕРШИХ НАЦИСТОВ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЕЗ СРОКОВ ДАВНОСТИ

© 2024 г. Ю. Ф. Каменецкий

Институт Следственного комитета Республики Беларусь, г. Минск

E-mail: y.kamenecki@sledcom.by

Поступила в редакцию 16.01.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена предпосылкам совершенствования в Беларуси уголовно-процессуального законодательства, устанавливающего порядок осуждения умерших нацистов за преступления, в отношении которых не применяются сроки давности. На основании анализа международного и национального законодательства, практики расследования уголовных дел о реабилитации нацизма и геноциде белорусского народа во время Великой Отечественной войны делается вывод о целесообразности судебного порядка рассмотрения виновности и невиновности лиц, обвиняемых в преступлениях против мира и человечества, а также военных преступлениях, в отношении которых не применяются сроки давности.

Утверждается идея, что эффективность состязательности в уголовном процессе в отношении умерших нацистских преступников основывается на балансе правового статуса стороны защиты (представителя умершего лица, его защитника) и стороны обвинения (потерпевших и их представителей, государственного обвинителя), а также на полноте, объективности и всесторонности деятельности органов предварительного расследования.

Аргументируется предопределяющая роль приговора суда в установлении юридически значимых фактов о виновности или невиновности умершего обвиняемого в совершении преступлений, в отношении которых не применяются сроки давности.

Ключевые слова: международное право, право Беларуси, Конституция, справедливость, общественное согласие, противодействие нацизму, расследование геноцида.

Цитирование: Каменецкий Ю. Ф. Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности // Государство и право. 2024. № 3. С. 176–184.

DOI: 10.31857/S1026945224030176

ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF CONVICTION OF DECEASED NAZI'S FOR CRIMES NOT SUBJECT TO STATUTORY LIMITATIONS

© 2024 Yu. F. Kamenetskiy

Institute of the Investigative Committee of the Republic of Belarus, Minsk

E-mail: y.kamenecki@sledcom.by

Received 16.01.2024

Abstract. The article is devoted to the prerequisites of improving criminal procedure legislation in the Republic of Belarus which establishes the order of convicting deceased Nazi's for crimes to which statutory limitations are not applicable. Based on the analyses of international and national legislation, the practice of investigating criminal cases of rehabilitation of Nazism and genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War the conclusion is drawn about the advisability of the court procedure for establishing guilt or innocence

of persons accused of crimes against peace and humanity as well as war crimes to which statutory limitations are not applicable.

The idea is supported that the efficiency of adversariality in criminal procedure regarding deceased Nazi criminals is based on the balance of the legal status of the defense (a representative of the deceased person, his defense lawyer) and the prosecution (victims and their representatives, a public prosecutor) as well as on the completeness, objectiveness and comprehensiveness of the activities of the preliminary investigation agencies. A decisive role of the court verdict in establishing legally significant facts of guilt or innocence of a deceased accused of committing crimes to which statutory limitations are not applicable is substantiated.

Key words: International Law, law of Belarus, Constitution, fairness, social cohesion, combating Nazism, investigation of genocide.

For citation: Kamenetskiy, Yu. F. (2024). Essence and significance of conviction of deceased Nazi's for crimes not subject to statutory limitations // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 3, pp. 176–184.

Введение

В Республике Беларусь после 2020 г. значительно возросло количество преступлений экстремистской направленности. Расследование их Следственным комитетом показывает, что проявление экстремизма и терроризма во многих случаях опирается на идеи крайнего национализма с использованием атрибутики коллаборантов, возведением отдельных из них в ранг «национальных героев». Именно поэтому особенно важным становится недопущение реабилитации нацизма и нацистской идеологии, установление истинных лиц конкретных убийств и их пособников, виновных в массовых убийствах и терроре мирного населения на оккупированных территориях.

Актуализировало поднятую нами проблему расследование под эгидой Генеральной прокуратуры РБ уголовного дела о геноциде белорусского народа, совершенного фашистскими оккупантами во время Великой Отечественной войны и послевоенный период, когда встал вопрос о привлечении к уголовной ответственности преступников, которые до смерти скрывались от правосудия за рубежом.

В юридической литературе вопросы уголовного производства в отношении умерших и заочно их осуждения рассмотрены в трудах О.В. Анучиной¹, О.В. Босалаевой², Н.Г. Гаврилиди³,

Л.И. Корчагиной⁴, Ю.О. Мещеряковой⁵, А.А. Патрушевой⁶, С.Н. Сабанина⁷, К.А. Трифионовой⁸, О.В. Хитровой⁹, О.И. Цоколовой¹⁰, С.С. Чернової¹¹, О.В. Шипуновой¹² и др. В указанных работах обоснованно утверждается о нецелесообразности уголовного производства в отношении

⁴ См.: Корчагина Л.И. Особенности прекращения уголовного расследования в отношении умерших (в свете реализации права на реабилитацию) // Вестник Московского ун-та МВД России. 2013. № 5. С. 117–121.

⁵ См.: Мещерякова Ю.О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018.

⁶ См.: Патрушева А.А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.

⁷ См.: Сабанин С.Н., Гришин Д.А. Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С. 59–66.

⁸ См.: Трифионова К.А. Досудебное производство по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого или обвиняемого // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 195–203.

⁹ См.: Хитрова О.В. Производство по уголовному делу в целях реабилитации умершего подозреваемого или обвиняемого: проблемы правового регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4. С. 36–40.

¹⁰ См.: Цоколова О.И., Карпенко В.М. Досудебное производство в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 125–130.

¹¹ См.: Чернова С.С. Процессуальные последствия смерти участника уголовного судопроизводства // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 110–119; *Ее же*. Смерть физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и смерть подозреваемого или обвиняемого как основания, влекущие прекращение административного производства или уголовного дела (сравнительный анализ) // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1. С. 106–108.

¹² См.: Шипунова О.В. Смерть лица, совершившего преступление, как основание отказа в возбуждении уголовного дела // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2015. № 2. С. 189–195.

¹ См.: Анучина О.В. Основание и условия продолжения производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Социально-политические науки. 2020. Т. X. № 2. С. 88–94.

² См.: Босалаева О.В. К вопросу о нравственных началах производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Проблемы экономики и юрид. практики. 2018. № 3. С. 259–262.

³ См.: Гаврилиди Н.Г. Право на судебную защиту чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого), подсудимого как элемент конституционного права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Пермского ун-та. 2011. Вып. 3 (13). С. 17–22.

умерших лиц, поскольку к ним уже нельзя применить меры уголовной ответственности, а осуществляемая правоохранительными органами деятельность лишь сводится к излишним процессуальным издержкам. Такая позиция полностью согласуется с уголовной политикой мирного времени. Вместе с тем данный подход не является справедливым и не отвечает нормам Конституции РБ, задачам уголовного права и процесса при производстве по уголовным делам о преступлениях, в отношении которых не применяются сроки давности.

В этой связи Генеральной прокуратурой РБ инициировано, а законодателями поддержано внесение изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РБ, предусматривающих введение гл. 49–2 «Производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого». Представляется, что белорусский опыт законодательного закрепления и правоприменительной практики в данной сфере может послужить отправной точкой для соответствующих научных исследований в иных странах, пострадавших от нацизма.

Таким образом, учитывая важность и актуальность совершенствования института привлечения умерших лиц к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления, считаем необходимым в настоящей статье изложить научно обоснованные подходы по следующим вопросам: обоснование необходимости судебного рассмотрения виновности и невиновности лиц, причастных к совершению преступлений против мира и человечества, военных преступлений, в отношении которых не применяются сроки давности; установление баланса между правовыми статусами представителей нацистских преступников и потерпевшей стороны, ролью органов предварительного следствия; изучение приговора как единственной правовой формы решения, закрепляющей результат судебного рассмотрения.

Основная часть

В основе формирования права лежит справедливость, которая претворяется в жизнь посредством основанных на правовой культуре процессов законотворчества и правореализации, чем предопределяется динамичность уголовно-процессуального права в целом. Реализация принципа справедливости обуславливает постоянный поиск более совершенных форм и методов правового воздействия для оптимального решения сложных правовых проблем, одной из которых является привлечение к уголовной ответственности умерших нацистов. Ранее указанные вопросы не стояли так остро, большее внимание уделялось проблемам их розыска и выдачи нацистских преступников для

осуществления правосудия. Однако с течением времени необходимость осуждения преступлений умерших нацистов стала значительно возрастать, особенно с учетом попыток героизации последних.

Полагаем, что решение проблемы привлечения к уголовной ответственности нацистских преступников после смерти должно исходить из духа Устава и Приговора Нюрнбергского трибунала. В этом плане особого внимания заслуживают труды известных советских и российских государственных деятелей и ученых: А.Г. Звягинцева, А.В. Наумова, А.Н. Савенкова и А.Я. Сухарева, – посвященные глубокому анализу правовых итогов Второй мировой войны, а также правовой природе и сущности Приговора Нюрнбергского трибунала¹³. Исследователями подчеркивается, что «сущность судопроизводства заключается не в каре, а есть справедливое возмездие, торжество правосудия»¹⁴. Сегодня эта мысль, воплощенная в инициированной Советским Союзом принципиальной позиции отказа от внесудебных расправ в пользу правосудия над нацистами, не вызывает сомнений в обоснованности и гуманности.

Современное общество, утверждая устои правового государства и социальной справедливости, связывает осуществление правосудия с судебным порядком установления виновности и невиновности лиц, обвиняемых в преступлениях против мира и человечества, а также военных преступлениях. Такой научно обоснованный подход обусловлен: *во-первых*, высокой общественной опасностью преступлений против мира и человечества, а также военных преступлений, которая в силу международного права определяет особое их место в системе национального законодательства; *во-вторых*, реализацией норм материального права, закрепляющей международно-правовые преступления и диктующей необходимость особой процедуры, основанной на историческом опыте Нюрнбергского трибунала и последующих национальных судов над нацистами.

Стремление воплотить справедливость при привлечении нацистских преступников к уголовной ответственности обусловлено *высокой общественной опасностью совершенных ими преступных действий*, поэтому процессуальные нормы направлены на реализацию положений, закрепленных в национальном и международном праве.

¹³ См.: Звягинцев А.Г. Нюрнбергский процесс. М., 2022; *Его же*. Нюрнберг. Главный процесс человечества. М., 2016; *Его же*. Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно». М., 2010; Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006; Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

¹⁴ Савенков А.Н. Указ. соч. С. 10.

В Конституции РБ закреплены следующие положения: «Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств» (ст. 24); «Каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом» (ст. 60); «Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» (ст. 15); «Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» (ст. 54).

Наивысшая общественная опасность преступлений, совершенных нацистами, стала основой для разработки принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала и выразившихся в определении перечня международно-правовых преступлений и неотвратимости ответственности за их совершение.

При этом следует отметить, что международные преступления нашли свое отражение в национальных уголовных законах, в том числе Беларуси (разд. VI) и России (разд. XII). В частности, в ст. 85 УК РБ определено, что сроки давности не применяются при совершении следующих преступлений против мира, безопасности человечества и военных преступлений: подготовка либо ведение агрессивной войны (ст. 122); акт международного терроризма (ст. 126); геноцид (ст. 127); преступления против безопасности человечества (ст. 128); производство, накопление либо распространение запрещенных средств ведения войны (ст. 129); экоцид (ст. 131); применение оружия массового поражения (ст. 134); нарушение законов и обычаев войны (ст. 135); преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 136); бездействие либо отдание преступного приказа во время вооруженного конфликта (ст. 137).

Неотвратимость уголовной ответственности за указанные преступления предопределена также положениями Устава Организации Объединенных Наций, Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г., Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., законов Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма», от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа», постановления Совета Министров РБ от 12 октября

2021 г. № 575 «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма».

Таким образом, высокая общественная опасность преступлений без срока давности с течением времени не уменьшается, а установленная законодательством неотвратимость наказания предопределяет необходимость осуждения умерших нацистов.

Повышение эффективности реализации норм материального права, закрепляющих ответственность за преступления, на которые не распространяются сроки давности, диктует необходимость *осуществления особой соответствующей современным реалиям процедуры, основанной на историческом опыте Нюрнбергского трибунала и последующих национальных судов над нацистами.*

В этом плане речь идет о формировании не универсального порядка привлечения к уголовной ответственности, а особого, специального производства, учитывающего особенности поиска следов преступления и организации взаимодействия с зарубежными государствами в вопросах получения и предоставления доказательств в целях установления истины по уголовному делу. Очевидно, что требуется разделение порядка производства в отношении умершего лица на две формы: общую, при которой уголовное дело в отношении умершего не подлежит возбуждению, а возбужденное дело в случае смерти лица следует прекратить; специальную, в рамках которой расследование проводится в отношении лица, совершившего преступление, указанное в ст. 85 УК РБ, а также в случаях, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. Обозначенный научный подход согласуется с положениями п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК РБ, а также вышеупомянутой гл. 49-2 УПК РБ, обеспечивающих возможность рассмотрения судом дела по существу.

Несмотря на то что целью данной статьи не является детальное исследование уголовно-процессуальных аспектов осуждения умерших лиц, из изложенного логически требуют пояснения вопросы различия общего и специального порядка: зачем нужен особый порядок по отдельным делам и чем это вызвано; как возбуждаются такие дела, кому предъявляется обвинение и кто представляет интересы в суде; в чем содержание судебного порядка и каким актом завершается процесс; существует ли процедура обжалования? В связи с этим кратко опишем законодательные подходы, отражающие сущность рассматриваемого уголовно-процессуального института.

Первое, на что следует обратить внимание, — это сокращение законодателем компетенции органов уголовного преследования на принятие отдельных решений: отказ в возбуждении уголовного

дела и прекращение производства по уголовному делу в случае смерти лица, совершившего преступления, не имеющие сроки давности, не допускается (ч. 3 ст. 468-16 УПК РБ). В отношении данной категории лиц должно быть возбуждено и расследовано уголовное дело.

Во-вторых, производство по материалу или уголовному делу в отношении умершего лица осуществляется по общим правилам, но с учетом особенностей, определенных гл. 49-2 УПК РБ, к которым относится установление: порядка уведомления и участия представителя умершего лица в уголовном производстве, признания умершего подозреваемым и привлечения умершего в качестве обвиняемого, принятия решения прокурором по поступившему для направления в суд уголовному делу; полномочий судьи по поступившему в суд уголовному делу; порядка судебного производства, постановления приговора и разрешения судом, связанных с этим вопросов.

В соответствии со ст. 468-14 УПК РБ орган, ведущий уголовный процесс, принимает меры по установлению близких родственников умершего обвиняемого, одновременно письменно уведомляет тех из них, кого удалось найти, о праве представлять интересы этого лица путем подачи соответствующего заявления в срок не позднее 10 суток с момента получения уведомления. При этом невозможность установления лиц, которые могут быть признаны представителями умершего обвиняемого, неподача ими в установленном порядке заявления о привлечении к участию в производстве по материалам и уголовному делу в качестве представителя умершего обвиняемого не препятствуют продолжению производства по материалам и уголовному делу о преступлении, указанном в ст. 85 УК РБ. Участие защитника в производстве по материалам и уголовным делам является обязательным, когда умерший подозревается, обвиняется в совершении преступления, указанного в ст. 85 УК РБ (ч. 1 ст. 45 УПК РБ).

Согласно ст. 468-18 УПК РБ орган уголовного преследования выносит в отношении умершего лица мотивированное постановление о признании подозреваемым или о привлечении в качестве обвиняемого, после чего копия данного постановления вручается представителю умершего подозреваемого, обвиняемого, защитнику, участвующим в производстве по уголовному делу, за исключением случая, когда они содержат сведения о государственных секретах. Указанный особый порядок производства уже апробирован практикой при расследовании в отношении нациста Катрюка¹⁵.

¹⁵ См.: Уголовное дело палача Хатыни Катрюка будет рассматривать Верховный Суд [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.belta.by/society/view/ugolovnoe-delo-palacha-hatyni-katryuka-budet-rassmatrivat-verhovnyj-sud-606229-2023/> (дата обращения: 20.12.2023).

Особенно важно, что обвинительный приговор без назначения наказания постановляется в отношении умершего обвиняемого лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства его виновность в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ст. 468-24, ч. 4 ст. 356 УПК РБ). При этом не позднее пяти суток после провозглашения приговора его копия должна быть вручена представителю умершего обвиняемого, защитнику, государственному обвинителю, которые вправе обжаловать или опротестовать судебное решение в общем порядке. В тот же срок копия приговора вручается потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям, если в суд поступила просьба от указанных лиц.

Правосудное решение предопределяется эффективностью механизма состязательности уголовного процесса, основанной на *балансе правового статуса стороны защиты (представителя умершего лица, его защитника) и стороны обвинения (потерпевших и их представителей, государственного обвинителя), а также на полноте, объективности и всесторонности деятельности органов предварительного расследования*. Иными словами, правовые нормы должны обеспечивать: 1) надлежащий баланс между компетенциями сторон защиты и обвинения; 2) объективность органов предварительного следствия за счет непредвзятого и полного расследования (без обвинительного или оправдательного уклона, отнесения к какой-либо стороне).

Задачей уголовной политики является защита прав и законных интересов граждан, при этом в равной степени и независимо от их уголовно-процессуального статуса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и пр.). Такой подход полностью соответствует ст. 22 Конституции РБ о том, что «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов», а также ст. 7 УПК РБ, устанавливающей задачами уголовного процесса защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Отдельного внимания заслуживает защита от рассматриваемых преступлений потерпевших, которая имеет в Беларуси общесоциальное значение и, следовательно, носит общегосударственный характер, основанный не на возмездии,

а на исторической справедливости. Особая значимость данного вопроса обусловлена тем, что в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны погиб каждый третий житель, а современное население Беларуси в подавляющем большинстве представляет собой потомков погибших и пострадавших. Массовый характер представителя потерпевшей стороны и претворение в жизнь принципа справедливости нацеливают государственного обвинителя и органы прокуратуры не только на конкретизированную защиту прав личности, но и на защиту тех, чьи интересы не заявлены по объективным и субъективным причинам (смерть, отсутствие родственников или невозможность их установления).

Каждый человек имеет право на судебную защиту, а что касается умерших, — на справедливую оценку жизни, защиту их доброго имени и памяти о них. В этом плане расследование есть самый эффективный инструмент в поиске истины, осуждении или реабилитации имени умершего лица, поскольку органы предварительного следствия в соответствии с возложенными на них задачами не связаны заранее предопределенным решением, обязаны провести полное, объективное, всестороннее исследование всех обстоятельств. Для этого они обладают достаточной компетенцией, позволяющей осуществлять поиск, изучение и преобразование следовой информации в целостную картину происшествия, отражающую обеспеченные доказательствами юридические факты.

Как указывалось ранее, в литературе высказывается мнение, что, поскольку умерший не может себя лично защищать в суде, судебное рассмотрение в отношении него вопросов о виновности или невиновности нецелесообразно. Полагаем, что такая позиция является односторонней, не соответствует правовой доктрине, законодательству, правоприменению и к рассматриваемой категории преступлений (на которые не распространяется срок давности) неприменима. Отсутствие подозреваемого или обвиняемого не есть препятствие для отказа от осуждения или оправдания лица, а лишь указывает на особую сложность доказывания виновности (поскольку в ином случае лицо — невиновное), что относится к исключительной компетенции органов уголовного преследования и не перекладывает эти вопросы на сторону защиты. Иными словами, отказ от полного, всестороннего и объективного расследования является упрощенческим подходом, делающим невозможным установление истины по уголовному делу.

Дискуссионным остается также вопрос о том, приобретает ли умершее лицо полноценный статус осужденного или оправданного, поскольку самого лица физически нет в живых. В этом случае

необходимо установить: правовой статус умершего; его существенные отличия от осужденного и оправданного живого лица; возможные последствия (политические и правовые); целесообразность такой процедуры, ее соотношение с целями правосудия и принципом социальной справедливости.

Более глубокое понимание права и его профикатической сущности указывает, что в вышеуказанном контексте задача уголовного судопроизводства состоит не в карательной миссии, осуждению подлежит не личность, а его поведение, поступки, деяние. Исходя из такой позиции, наказание приобретает иное значение, отходит на второй план и уступает место осуждению. В данном случае речь идет о приговоре — акте милосердия общества — осуждающем поведение, но прощающем и освобождающем от наказания.

Авторитет *судебного приговора* как наивысшего и единственного правоприменительного акта, утверждающего решение о виновности или невиновности умершего лица в совершении преступления, за которое не применяются сроки давности, обеспечивает осуждение виновных лиц за их злодеяния и наиболее полную защиту чести и доброго имени невиновного лица.

Согласно ст. 9 УПК РБ правосудие по уголовным делам осуществляется только судом, и никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. Данное положение основано на ст. 26 Конституции РБ, которая гласит: «Никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Судья в соответствии со ст. 468-22 — 468-24 УПК РБ наделяется полномочиями по поступившему в суд уголовному делу, его разбирательству в ходе судебного производства и постановлению приговора. Тем самым гарантируется судебная защита.

Следует отметить, что иной вариант окончания дела, связанный с принятием следователем решения об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении производства по уголовному делу, не позволяет гарантировать защиту прав умершего лица.

Схожая позиция отражена в п. 2.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П: «Не может быть сделан вывод о виновности лица в совершении преступления на стадии возбуждения уголовного дела, когда сугубо предварительно, с целью определения самой возможности начать расследование решается вопрос о наличии в деянии лишь признаков преступления, когда еще невозможно проведение всего комплекса следственных

действий по собиранию, проверке и оценке доказательств виновности лица в совершении преступления», а также в трудах отдельных российских правоведов¹⁶. Развивая эту тему, в литературе отмечается, что прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) не реабилитирует указанное лицо, поскольку вне обвинительного приговора суда оно фактически признается виновным в совершении преступления¹⁷. Таким образом, полагаем, что вынесение оправдательного или обвинительного приговора без назначения наказания в отношении умершего по уголовным делам рассматриваемой категории реализует соблюдение государством обязанности обеспечить лицу судебную защиту его чести, достоинства и доброго имени, а лицам, чьи интересы могут непосредственно затрагиваться последствиями принятого решения, — доступ к правосудию.

Оправдательный приговор реабилитирует лицо, очищает его от причастности к преступлениям против мира и человечества и военным преступлениям. Признание же лица виновным в совершении названных преступлений позволяет реализовать историческую правду о личности конкретных лиц, не допустить представление нацистских преступников в роли «национальных героев» либо «жертв нацистского режима». Более того, посредством признания виновности лиц, которые состояли в конкретной организации, доказываемая целенаправленность, системность их действий, а также иные юридические признаки, указывающие на возможность признания соответствующей организации преступной.

Важно понимать, что приговор как обладающее презумпцией судебное решение, устанавливающее юридически значимые факты, обязателен для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу в отношении как установленных обстоятельств, так и их юридической оценки, включая вопросы признания соответствующей организации преступной. Кроме того, данный правоприменительный акт суда не только обеспечивает решение задач уголовного судопроизводства, защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства, но и является основой для реализации конституционных норм по установлению исторической правды (в том числе посредством введения фактов в исторический оборот), предупреждению реабилитации нацизма.

Заключение

Республика Беларусь, основываясь на принципах правового государства, социальной справедливости, сохранении исторической правды и памяти

о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, связывает осуществление правосудия с судебным порядком установления виновности и невиновности лиц, обвиняемых в преступлениях против мира и человечества, а также военных преступлениях, в отношении которых не применяются сроки давности.

Такой научно обоснованный подход обусловлен: во-первых, высокой общественной опасностью преступлений против мира и человечества, а также военных преступлений, которая в силу международного права определяет особое их место в системе национального законодательства; во-вторых, реализацией норм материального права, закрепляющих международно-правовые преступления, диктующей необходимость особой процедуры, основанной на историческом опыте Нюрнбергского трибунала и последующих национальных судов над нацистами.

Правосудное решение предопределяется эффективностью механизма состязательности уголовного процесса, основанной на балансе правового статуса стороны защиты (представителя умершего лица, его защитника) и стороны обвинения (потерпевших и их представителей, государственного обвинителя), а также на полноте, объективности и всесторонности деятельности органов предварительного расследования.

Производство по материалу или уголовному делу в отношении умершего лица осуществляется по общим правилам, но с учетом особенностей, определенных гл. 49² УПК РБ, к которым относится установление: порядка уведомления и участия представителя умершего лица в уголовном производстве, признания умершего подозреваемым и привлечения умершего в качестве обвиняемого, принятия решения прокурором по поступившему для направления в суд уголовному делу; полномочий судьи по поступившему в суд уголовному делу; порядка судебного производства, постановления приговора и разрешения судом, связанных с этим вопросов.

Приговор как судебное решение первой инстанции, устанавливающее юридически значимый факт о виновности или невиновности умершего обвиняемого в совершении преступлений, в отношении которых не применяются сроки давности, обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства, обладает преюдицией (обязателен для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу в отношении как установленных обстоятельств, так и их юридической оценки, включая вопросы признания соответствующей организации преступной), а также реализует конституционные нормы по установлению исторической правды, предупреждению

¹⁶ Цоколова О.И., Карпенко В.М. Указ. соч. С. 125.

¹⁷ См.: Гаврилиди Н.Г. Указ. соч. С. 17, 21.

реабилитации нацизма, недопущению представления нацистских преступников в роли «национальных героев» либо «жертв нацистского режима».

Изложенные научно обоснованные выводы и предложения, показали свою действенность и эффективность в белорусском законодательстве и правоприменительной практике и, полагаем, будут актуальны и востребованы для нормативно-правового закрепления в национальных законах других стран, пострадавших от нацизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анучина О. В.* Основание и условия продолжения производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Социально-политические науки. 2020. Т. X. № 2. С. 88–94.
2. Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006.
3. *Босалаева О. В.* К вопросу о нравственных началах производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Проблемы экономики и юрид. практики. 2018. № 3. С. 259–262.
4. *Гаврилиди Н. Г.* Право на судебную защиту чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого), подсудимого как элемент конституционного права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Пермского ун-та. 2011. Вып. 3 (13). С. 17–22.
5. *Звягинцев А. Г.* Нюрнберг. Главный процесс человечества. М., 2016.
6. *Звягинцев А. Г.* Нюрнбергский процесс. М., 2022.
7. *Звягинцев А. Г.* Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно». М., 2010.
8. *Корчагина Л. И.* Особенности прекращения уголовного расследования в отношении умерших (в свете реализации права на реабилитацию) // Вестник Московского ун-та МВД России. 2013. № 5. С. 117–121.
9. *Мещерякова Ю. О.* Производство по уголовному делу в отношении умершего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018.
10. *Патрушева А. А.* Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.
11. *Сабанин С. Н., Гришин Д. А.* Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С. 59–66.
12. *Савенков А. Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 10.
13. *Трифоновна К. А.* Досудебное производство по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого или обвиняемого // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 195–203.
14. Уголовное дело палача Хатыни Катрюка будет рассматривать Верховный Суд [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: URL: <https://www.belta.by/society/view/ugolovnoe-delo-palacha-hatyni-katrjuka-budet-rassmatrivat-verhovnyj-sud-606229-2023/> (дата обращения: 20.12.2023).

15. *Хитрова О. В.* Производство по уголовному делу в целях реабилитации умершего подозреваемого или обвиняемого: проблемы правового регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4. С. 36–40.
16. *Цоколова О. И., Карпенко В. М.* Досудебное производство в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 125–130.
17. *Чернова С. С.* Процессуальные последствия смерти участника уголовного судопроизводства // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 110–119.
18. *Чернова С. С.* Смерть физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и смерть подозреваемого или обвиняемого как основания, влекущие прекращение административного производства или уголовного дела (сравнительный анализ) // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1. С. 106–108.
19. *Шинунова О. В.* Смерть лица, совершившего преступление, как основание отказа в возбуждении уголовного дела // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2015. № 2. С. 189–195.

REFERENCES

1. *Anuchina O. V.* Ground and conditions for continuing criminal proceedings in case of death of a suspect (accused) // Social and Political Sciences. 2020. Vol. X. No. 2. Pp. 88–94 (in Russ.).
2. Not subject to statutory limitations: on the occasion of the 60th anniversary of Nuremberg trials. M., 2006 (in Russ.).
3. *Bosalaeva O. V.* On the issue of moral footing for criminal proceedings in case of death of the suspect (accused) // Issues of Economics and Legal Practice. 2018. No. 3. Pp. 259–262 (in Russ.).
4. *Gavrilidi N. G.* Right to legal protection of honour, dignity and good name of the deceased suspect (accused), defendant as an element of the constitutional right to fair trial // Herald of Perm University. 2011. Iss. 3 (13). Pp. 17–22 (in Russ.).
5. *Zvyagintsev A. G.* Nuremberg. Most important trial of humanity. M., 2016 (in Russ.).
6. *Zvyagintsev A. G.* Nuremberg trials. M., 2022 (in Russ.).
7. *Zvyagintsev A. G.* Nuremberg trials. Without “Top Secret” marking. M., 2010 (in Russ.).
8. *Korchagina L. I.* Peculiarities of terminating criminal investigation of deceased persons (in the light of implementing the right to rehabilitation) // Herald of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 5. Pp. 117–121 (in Russ.).
9. *Meshcheryakova Yu. O.* Criminal proceedings with respect to the deceased: abstract ... PhD in Law. Samara, 2018 (in Russ.).

10. *Patrusheva A.A.* Criminal procedural legal relations arising in relation to the death of members of criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2020 (in Russ.).
11. *Sabanin S.N., Grishin D.A.* Certain issues of legislative regulation of special types of exemption from criminal responsibility // Legal science and law-enforcement practice. 2012. No. 2. Pp. 59–66 (in Russ.).
12. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021. P. 10 (in Russ.).
13. *Trifonova K.A.* Pre-trial criminal proceedings in relation to a deceased suspect or accused // Herald of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (58). Pp. 195–203 (in Russ.).
14. Criminal case of the executioner of Khatyn Katryuk will be considered by the Supreme Court. Available at: <https://www.belta.by/society/view/ugolovnoe-delo-palacha-hatyni-katrjuka-budet-rassmatrivat-verhovnyj-sud-606229-2023/> (accessed: 20.12.2023).
15. *Khitrova O.V.* Criminal proceedings for the purpose of rehabilitation of the deceased suspect or accused: the issues of legal regulation // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. Pp. 36–40 (in Russ.).
16. *Tsokolova O.I., Karpenko V.M.* Pre-trial proceedings in respect of the deceased suspect (accused) // Herald of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. Pp. 125–130 (in Russ.).
17. *Chernova S.S.* Procedural consequences of the death of a member of criminal proceedings // Legal science and law-enforcement practice. 2017. No. 1. Pp. 110–119 (in Russ.).
18. *Chernova S.S.* Death of a natural person against whom an administrative offence charge has been filed and the death of a suspect or an accused as grounds for terminating administrative proceedings or a criminal case (comparative analyses) // Herald of Tumen institute of advanced training of officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1. Pp. 106–108 (in Russ.).
19. *Shipunova O.V.* Death of a person who committed a crime as ground for rejecting initiation of criminal proceedings // Legal science and law-enforcement practice. 2015. No. 2. Pp. 189–195 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАМЕНЕЦКИЙ Юрий Францевич — кандидат юридических наук, доцент, член Президиума Международного союза криминалистов, начальник учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», главный редактор научно-практического журнала Следственного комитета Республики Беларусь «Предварительное расследование»; 220034 г. Минск, ул. Первомайская, д. 9

Authors' information

KAMENETSKIY Yuri F. — PhD in Law, Associate Professor, Board Member of the International Union of Criminalists, Head of the Institute of Advanced Training and Retraining, Investigative Committee of the Republic of Belarus, Chief Editor of Scientific and Practical Journal of the Investigative Committee of the Republic of Belarus “Preliminary Investigation”, 9 Pervomayskaya str., 220034 Minsk, Belarus

УДК 342.4

THE CONSTITUTION OF INDIA YESTERDAY AND TODAY (on the 75th anniversary of the adoption of the Constitution of India)

© 2024 A. S. Avtonomov

Griboyedov Moscow University

E-mail: tutaj@yandex.ru

Received 11.12.2023

Abstract. The present article is devoted to the study of the main problems dealing with the drafting, adoption and further development of the Constitution of India of 1950. Various issues of its framing and designing are raised. The specifics of the procedures and limits of constitutional review are of undoubted interest to any lawyer, and the Constitution of India in this regard has a number of characteristic features. A general picture of Constitution's main features and peculiarities is demonstrated, while its great volume does not permit to go into detail in a relatively short article. Some results of the historical path of the Constitution of India are summed up.

Key words: Constitution, India, the basic structure doctrine, drafting Constitution, constitutional amendments, judicial review of constitutionality, historical evolution of the Constitution.

For citation: Avtonomov, A.S. (2024). The Constitution of India yesterday and today (on the 75th anniversary of the adoption of the Constitution of India) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 185–192.

DOI: 10.31857/S1026945224030183

КОНСТИТУЦИЯ ИНДИИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ (к 75-летию принятия Конституции Индии)

© 2024 г. А. С. Автономов

Московский университет им. А. С. Грибоедова

E-mail: tutaj@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию основных проблем, связанных с разработкой, принятием и дальнейшим развитием Конституции Индии 1950 года. Поднимаются различные вопросы ее разработки. Специфика процедур и пределов конституционного контроля представляет несомненный интерес для любого юриста, и Конституция Индии в этом отношении имеет ряд характерных особенностей. Дан общий обзор основных черт и особенностей Конституции, при этом ее весьма большой объем не позволяет вдаваться в подробности в относительно короткой статье. Подводятся некоторые итоги исторического пути становления Конституции Индии.

Ключевые слова: Конституция, Индия, доктрина базовой структуры, разработка проекта Конституции, конституционные поправки, судебное рассмотрение конституционности, историческая эволюция Конституции.

Цитирование: Avtonomov A.S. The Constitution of India yesterday and today (on the 75th anniversary of the adoption of the Constitution of India) // Государство и право. 2024. № 3. С. 185–192.

Introductory notes

In November of 2024, the Constitution of India celebrates the 75th anniversary of its adoption and in January of 2025, the 75th anniversary of its entry into force. As it is well known the Constitution of India (भारतीय संविधान in Hindi [Devanāgarī script]) became effective on the 26th of January of 1950, and this day is celebrated as Republic Day (गणतन्त्र दिवस or गणतंत्र दिवस), because on this day the Dominion of India became the Republic of India. The 26th January was chosen because it was on this day in 1930 that the Indian National Congress declared India as Purna Swaraj (पूर्ण स्वराज)¹, which might be translated as “Complete Independence”. The anniversary, which marks the history of the Constitution of India for three quarters of a century, serves as an occasion for addressing some of its main features.

Drafting and entry into force. The preparation of the Constitution of independent India was carried out by the Constituent Assembly (whose members were elected by elected deputies of the provincial assemblies), which began its activities on the 9th of December of 1946. The majority of seats in the Constituent Assembly were won by representatives of the largest political party in India – the Indian National Congress.

The Constituent Assembly was set up before the formal recognition of the independence of India in accordance with the Cabinet Mission Plan. The Mission sent by the British Government arrived to India on the 24th of March of 1946 to elaborate in talks with major Indian movements a plan of transition of India to independence. Although the elaborated and quiet complicated plan did not work, the Interim Government headed by Jawaharlal Nehru, the leader of the Indian National Congress, started to work on the 2nd of September of 1946² and Constituent Assembly election was organized.

On the 13th of December 1946 Jawaharlal Nehru presented a draft Objective Resolution³ contained the basic principles of

the future Constitution. The Objective Resolution was unanimously adopted on the 22nd of January of 1947⁴ and later became the Constitution’s Preamble.

The Constituent Assembly set up a Drafting Committee under the chairmanship of Bhimrao Ramji Ambedkar, a distinguished Indian political and legal figure, to frame the Constitution and it did so, nevertheless a preliminary draft Constitution was composed by Benegal Narsing Rau, an eminent Indian jurist, who was appointed in 1946 as a Constitutional Advisor to the Constituent Assembly (a civil service office). “Rau was not a member of the Constitutional Assembly but was the most important expert who did the primary thinking and writing”, – Biswaraj Patnaik noted and regretted that “[h]e has been religiously ignored by frontline politicians who never gave him his due space in history. Rau is the principal framer of the Indian Constitution; others only did the cosmetic jobs here and there”⁵. Meantime, contemporaries praised B.N. Rau for his input to the Constitution drafting. Thus, B.R. Ambedkar, the head of the Drafting Committee, said in his concluding speech (the 25th of November of 1949) presenting the draft Constitution: “The credit that is given to me does not really belong to me. It belongs partly to Sir B.N. Rau, the Constitutional Adviser to the Constituent Assembly who prepared a rough draft of the Constitution for the consideration of the Drafting Committee”⁶. The President of the Constituent Assembly Rajendra Prasad on the day of Constitution adoption (the 26th of November of 1949) also noted his merits and merits of the team of civil servants aiding the drafting process: “I must convey, if you will permit me, my own thanks as well as the thanks of the house to our Constitutional Adviser, Shri B.N. Rau, who worked honorarily all the time that he was here, assisting the Assembly not only with his knowledge and erudition but also enabled the other Members to perform their duties with thoroughness and intelligence by supplying them with the material on which they could work. In this he was assisted by his band and research workers and other members of the staff who worked with zeal and devotion. Tribute has been paid justly to Shri S.N. Mukerjee who has proved of such invaluable help to the Drafting Committee”⁷. So, the Constituent Assembly President mentioned Surendra Nath Mukherjee (not confuse with Dr. Harendra Coomar Mukherjee, the Constituent Assembly Vice-President), who served as a Chief Draftsman of

¹ As Sneha Shukla reminds in his blog on the history of Republic Day: “इसकी शुरुआत तब हुई जब 1929 में लाहौर में पंडित जवाहरलाल नेहरू की अध्यक्षता में हुए कांग्रेस अधिवेशन के दौरान या प्रस्ताव पारित किया गया कि यदि 26 जनवरी 1930 तक अंग्रेजी सरकार भारत को डोमिनियन स्टेटस नहीं प्रदान करते तो भारत अपने आप को पूर्णता स्वतंत्र घोषित कर देगा” (i.e. in English: “It started when a resolution was passed in Lahore in 1929 during the Congress session presided over by Pandit Jawaharlal Nehru that if the British Government did not grant a Dominion status to India by 26th of January of 1930, India would declare itself completely independent”). In: URL: <https://www.thegreatinfo.in/2020/01/republic-day-essay-in-hindi.html> (accessed: 09.12.2023).

² See: Kulke H., Rothermund D. A History of India. 4th ed. London and New York, 2004. P. 320.

³ See: Constituent Assembly Debates (Proceedings), vol. I, para. 1.5.2–1.5.19; here and further in the article the Debates are cited by: URL: https://www.constitutionofindia.net/constitution_assembly_debates (accessed: 09.12.2023).

⁴ See: *ibid.*, vol. II, para. 2.14.39.

⁵ Patnaik B. BN Rau: The forgotten architect of Indian Constitution. In: The Pioneer, State Edition in Bhubaneswar, 26 January 2017.

⁶ Constituent Assembly Debates (Proceedings), vol. XI, para. 11.165.305.

⁷ *Ibid.*, vol. XII, para. 11.166.51.

the Constituent Assembly⁸. But, of course, it was not only the staff who worked on the text of the Constitution, the role of the Drafting Committee was significant, and many members of the Constituent Assembly contributed to elaborating it.

Addressing the Constituent Assembly in his presentation of the draft Constitution on the verge of its final approval B.R. Ambedkar informed his colleagues: "Coming to the Drafting Committee, it was elected by the Constituent Assembly on 29th August 1947. It held its first meeting on 30th August. Since August 30th it sat for 141 days during which it was engaged in the preparation of the Draft Constitution. The Draft Constitution as prepared by the Constitutional Adviser as a text for the Drafting Committee to work upon, consisted of 243 articles and 13 Schedules. The first Draft Constitution as presented by the Drafting Committee to the Constituent Assembly contained 315 articles and 8 Schedules. At the end of the consideration stage, the number of articles in the Draft Constitution increased to 386. In its final form, the Draft Constitution contains 395 articles and 8 Schedules. The total number of amendments to the Draft Constitution tabled was approximately 7,635. Of them, the total number of amendments actually moved in the House were 2,473"⁹. Along with the Drafting Committee the Constituent Assembly set up 12 more Committees (one of them divided in Sub-Committees) to deal with sundry constitutional issues, and the Drafting Committee brought all the suggestions together to develop the text.

The personal involvement of B.R. Ambedkar as a chairperson of the Drafting Committee in elaboration process can be judged by the words of another member of the same Committee (since January 1948) T.T. Krishnamachari on the 5th of November of 1948: "I am one of those in the House who have listened to Dr. Ambedkar very carefully. I am aware of the amount of work and enthusiasm that he has brought to bear on the work of drafting this Constitution. At the same time, I do realise that that amount of attention that was necessary for the purpose of drafting a constitution so important to us at this moment has not been given to it by the Drafting Committee. The House is perhaps aware that of the seven members nominated by you, one had resigned from the House and was replaced. One died and was not replaced. One was away in America and his place was not filled up and another person was engaged in State affairs, and there was a void to that extent. One or two people were far away from Delhi and perhaps reasons of health did not permit them to attend. So, it happened ultimately that the burden of drafting this constitution fell on Dr. Ambedkar and I have no doubt that we are grateful to him for having achieved this task in a manner which is undoubtedly commendable. But my point really is that the attention that was due to a matter like this has not been given to it by the Committee as a whole. Sometime in April the Secretariat of the Constituent Assembly had intimated me and others besides myself that you had decided that the Union Powers Committee, the Union Constitution Committee and the Provincial Constitution Committee, at any rate the members thereof, and a few other selected people should meet and discuss the various amendments that had been suggested by the members of the House and also by the general public. A meeting was held for two days in April last and I believe a certain amount of good work was done and I see that Dr. Ambedkar has chosen to accept certain recommendations of the Committee, but nothing was heard

about this committee thereafter. I understand that the Drafting Committee – at any rate Dr. Ambedkar and Mr. Madhava Rau – met thereafter and scrutinised the amendments and they have made certain suggestions, but technically perhaps this was not a Drafting Committee"¹⁰. Although T.T. Krishnamachari, according to his sayings, would have preferred wider participation of other deputies in drafting Constitution, he recognized the role of B.R. Ambedkar in preparation of the constitutional text.

At the same time all the results of drafting work were submitted to the Constituent Assembly as a whole, which discussed, approved, rejected or amended them. That is why B.R. Ambedkar, who gave explanations and clarifications, answered the questions from Constituent Assembly members, argued his position, spoke at plenary sessions more than any other deputy. During the plenary sessions of the Constituent Assembly B.R. Ambedkar pronounced 267544 words (counting in lakhs – 2,67,544)¹¹. Deputy H.V. Kamath is next in terms of spoken words, namely 188749 (in lakhs – 1,88,749)¹². All other Constituent Assembly members spoke less in the course of plenary sessions. Only 6 deputies, including B.R. Ambedkar and H.V. Kamath, who pronounced more 100000 (1 lakh) words at Constituent Assembly plenary sessions¹³. By the way women members of the Constituent Assembly "altogether contributed to 2% of the discussion"¹⁴. 15 women were elected to the Constituent Assembly, 10 of whom took part in the discussions during the plenary sessions.

The text of the Constitution was finally adopted on the 26th of November of 1949 in the presence of 284 of its 299 members (initially 389 members were elected to the Constituent Assembly, but after partition their number reduced to 299). On the 19th of November of 2015 the Government of India decided "to celebrate the 26th of the November of every year as the "Constitution Day" to promote constitutional values among citizens"¹⁵. Constitution Day (संवैधान दिवस) is also known as National Law Day (राष्ट्रीय कानून दिवस).

The provisions of the Constitution concerning issues of citizenship, elections, the functioning of the provisional Parliament, the validity of temporary and transitional provisions (Articles 5–9, 60, 324, 366, 367, 379, 380, 388, 391–393 and 294) took effect on the 26th of November of 1949. The rest of the Constitution's provisions entered into force on the 26th of January of 1950.

The 1950 Constitution replaced the adopted by the British parliament 1935 Government of India Act¹⁶ as amended in 1943¹⁷ and the 1947 Indian Independence Act¹⁸. The latter received the Royal Assent on the 18th of July of 1947, became effective at midnight between the 14th and the 15th of August and provided for partition of India and Pakistan, which became separate Dominions (i.e. monarchies) within the British Commonwealth of Nations.

¹⁰ Ibid, vol. VII, para. 7.49.107.

¹¹ See: *Kanadje M. Vital Stats. Analysis of the Constituent Assembly Debates*. In: PRS Legislative Research. November 25, 2019. P. 2 (Institute for Policy Research Studies [New Delhi]). URL: https://prsindia.org/files/policy/policy_vital_state/PRS_Constituent_Assembly_Debates_Final.pdf (accessed: 10.12.2023).

¹² See: *ibid*.

¹³ See: *ibid*.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ F. No. 19022/11/2015-VI (E).

¹⁶ See: 26 Geo.5. Ch. 2.

¹⁷ See: 26 Geo. 5 & 1 Edw. 8 Ch. 2.

¹⁸ See: 1947 c. 30 (10 & 11. Geo. 6.).

⁸ See: *Wangchuk R.N. Two Civil Servants Who Built India's Democracy, But You've Never Heard of Them!* January 22, 2019. Available on: <https://www.thebetterindia.com/170367/ias-hero-republic-day-india-first-election-democracy/> (accessed: 09.12.2023).

⁹ Constituent Assembly Debates (Proceedings), vol. XI, para. 11.165.300.

Amending the Constitution. In contrast to many other constitutions, the majority of which are either *rigid* (amended in a manner that is more complicated than that of ordinary statutes) or *flexible* (amended in the same way as ordinary laws), the Constitution of India combines the rigidity and super-rigidity of most of its provisions with the flexibility of some of them.

Thus, amendments to certain provisions of the Indian Constitution¹⁹ are made in the same way as ordinary laws are adopted, i.e. by a simple majority of votes of parliamentarians present in each of the chambers of the Union Parliament. These are issues such as the admission to the Union (i.e. the Republic of India) of any new state, the formation of new states, changing their borders or names (Articles 2, 3²⁰), the abolition or creation of upper chambers in the state legislatures (Article 169²¹) and others. Article 4(1) deals with “[l]aws made under articles 2 and 3 to provide for the amendment of the First and the Fourth Schedules and supplemental, incidental and consequential matters”²², and as it is proclaimed in Article 4(2) “[n]o such law as aforesaid shall be deemed to be an amendment of this Constitution for the purposes of article 368”²³, and Article 169(3)²⁴ contains the same formulation, however, of course, referred to laws mentioned in Article 162. So, that means that changes made to the mentioned Constitution’s Articles are amendments to the Constitution, but not in the meaning of Article 368. In general, articles 2, 3 (conforming Article 4), 169, 239A(2), 239AA(7b), 243M(4b), 243ZC(3), 244A(4), 312(4), para. 7(2) of Schedule V and para. 21(2) of Schedule VI are amended in accordance with the procedure applied for adoption of ordinary statutes.

The Supreme Court of India supported the power of Parliament to amend the aforementioned constitutional provisions by enacting a law approved by a simple majority as any ordinary statute. For instance, in a case *Mangal Singh v. Union of India*, considered in 1966, the Supreme Court ruled: Power to reduce the total number of members of the Legislative Assembly below the minimum prescribed by Art. 170(1) is, in our judgment, implicit in the authority to make laws under Art. 4. Such a provision is undoubtedly an amendment of the Constitution, but by the express provision contained in clause (2) of Art. 4, no such law which amends the First and the Fourth Schedule or which makes supplemental, incidental and consequential provisions is to be deemed an amendment of the Constitution for the purposes of Art. 368²⁵. Therefore, Article 368 should be viewed as a specific case of constitutional amendments regulation, not embracing all the possible changes made to the Constitution, though this article is unique in the Part XX of the Constitution entitled “Amendments of the Constitution”.

Article 368²⁶ provides, as a general rule, for adoption of amendments by $\frac{2}{3}$ of the members of each House of Parliament present and voting (who must make up more than 50% of the total number of deputies of these chambers) and then submitted to the President, who signs and publishes the relevant act on constitutional amendment. So, mentioned earlier constitutional

provisions amended by a simple majority of parliamentarians is one of the exceptions of this general rule stipulated in Article 368.

The second exception is established by Article 368 itself: to change a number of constitutional provisions on the most important issues, it is not enough to obtain a qualified majority of the votes of parliamentarians, but before the acts on such amendments are submitted to the President of the Republic for signature, they must be ratified by at least a half of State legislatures. Such issues, as, for example, the mode of President election, the limits of the executive powers of the Union and the States, the competence of the Supreme Court of India and the high courts of the States, the distribution of legislative powers between the Union and the States, the representation of the constituent units of Indian as a Union in Parliament, etc., are enumerated in Article 368. This type of amendments includes Amendments No. 3–8, 13–16, 22–25, 28, 30–32, 35, 36, 38, 39, 42–46, 51, 54, 61, 62, 70, 73–75, 79, 84, 88, 95, 99, 101–106. This shows that the complicated amendment procedure does not preclude frequent changes of the Indian Constitution.

There are not only procedural restrictions for amending the Constitution of India, but also substantive ones, which derived from the basic structure doctrine, according to which Parliament cannot override fundamental principles established by the Constitution. In 1973 the Supreme Court in a case *Kesavananda Bharati v. State of Kerala* ruled that an amendment cannot destroy what it seeks to change; it cannot violate the basic structure or framework of the constitution, which is immutable²⁷. In this ruling the Supreme Court formulated certain constitutional principles which should be respected by Parliament while amending the Constitution: supremacy of the Constitution; republican, democratic form of government; secular nature of India; separation of powers; federal character of India. Later this doctrine was developed by the Supreme Court in its rulings in such cases as *Indira Nehru Gandhi v. Raj Narain*²⁸ (1975), *Minerva Mills Ltd. and Ors. v. Union of India and Ors*²⁹ (1980) and others. As a result a list of fundamental constitutional principles expanded up to more 20 and integrated as following: rule of law; freedom and dignity of the individual; unity and integrity of the Nation; the concept of social and economic justice; the balance between Fundamental Rights and Directive Principles; powers of the Supreme Court under Articles 32, 136, 141, 142; the principle of free and fair elections; etc. Vivek Krishnamurthy argues that “the Supreme Court of India’s basic structure doctrine checks the representatives of the people from abusing the amendment power until the people themselves can speak on constitutional issues of fundamental importance”³⁰.

Nevertheless, during the existence of the Constitution of India, 106 acts were adopted, referred to as a “Constitution (No. ___ Amendment) Act”, each of which contained a number of changes (cancellations, additions, reformulations) to the constitutional text. In total, the Constitution of India has undergone more than 600 such changes. An Amendment No. 106 (the latest one) has been enforced since the 28th of September of 2023.

Main features of the Constitution. In order to unify legislation throughout the country, the Constitution included norms related to civil, administrative, financial, labor and other branches of law, which are usually not enshrined in the Basic Law. As a result, the

¹⁹ Here and further in the present article the Constitution of India is quoted by: The Constitution of India. New Delhi: Government of India, Ministry Law and Justice, Legislative Department, 2023.

²⁰ See: The Constitution of India. P. 23.

²¹ See: *ibid.* P. 70.

²² *Ibid.* Pp. 23, 24.

²³ *Ibid.* P. 24.

²⁴ See: *ibid.* P. 70.

²⁵ See: A.I.R.1967 S.C. 944.

²⁶ See: The Constitution of India. Pp. 159, 160.

²⁷ See: A.I.R. 1973 S.C. 1461.

²⁸ See: A.I.R. 1975 S.C. 2299.

²⁹ See: A.I.R. 1980 S.C. 1789.

³⁰ *Krishnamurthy V. Colonial Cousins: Explaining India and Canada’s Unwritten Constitutional Principles.* In: The Yale Journal of International Law. Vol. 34: 207, 2009. P. 238.

Indian Constitution has proven to be one of the most voluminous and detailed Fundamental Laws in the world. All its provisions are clustered into a Preamble, 22 Parts (comprised around 450 articles, bearing in mind the cancellation of more than 20 Articles and the introduction of around 100 new Articles), 12 Schedules and 5 Appendices.

The Indian Constitution organically combines the institutions of common, civil and traditional for India law. A number of constitutions of all over the world were studied and creatively used while drafting the Indian one. For example, there were borrowed from the UK Constitutional Law – Parliamentary Government, Cabinet system, legislative procedure, nominal state of head, concept of single citizenship, etc.; from the USA Constitution and constitutional practice – impeachment of the President, judicial review of legislative acts, removal of Supreme Court and high courts judges, etc.; from the Constitution of Ireland – concept of directive principles of State policy (Ireland had adapted it historically from republican Spanish Constitution), method of President election, etc.; from the Canadian Constitutional Law – federation with a strong Centre, vesting of residuary powers in the Centre, advisory jurisdiction of the Supreme Court, etc.; from the Constitution of South Africa – certain procedures for amendment of the Constitution, etc.; from the Constitution of Australia – joint sitting of the two Houses of Parliament, freedom of trade, commerce and intercourse, etc.; from the Constitution of the USSR – fundamental duties in connection with rights, five-years plans and a mandated planning commission to oversee the economic development, the ideal of justice (social, economic and political) in the Preamble, etc.; from the French Constitution – Republicanism, ideals of “liberté, égalité, fraternité” (Liberty, Equality, Fraternity) in the Preamble, etc.; from the German Weimar Constitution (historically) – suspension of Fundamental Rights during the emergency, etc.; from the Constitutional Law of Japan – concept of the “procedure established by law”, legal regulation of the Supreme Court functioning, etc.³¹ The Constitution of India took from the 1935 Government of India Act norms dealing with judiciary, Public Service commissions, some administrative details, etc. Panchayat (पंचायत) is one of the traditional institutions in India adapted to modern circumstances by its Constitutional Law.

In its turn the Constitution of India due to the accuracy of the approach to legal institutions and thorough development of the norms' wording has become a pattern for many foreign constitutional drafters.

The most important features of the Constitution of India are the legal stipulation of the sovereignty of the Indian Republic; proclamation of a fairly wide range of rights, freedoms and duties of citizens; consolidation of the principle of a mixed economy, in which the public sector plays an important role; the establishment of a parliamentary republic; approval of a federal form of State structure (in relation to federation, the term “Union” is

used in the Constitution), taking into account the ethnic and linguistic characteristics of the peoples inhabiting India.

In India, subsequent specific constitutional review is applied, that is, control over the constitutionality of acts is carried out after their entry into force in connection with a specific case, when the application of an act entails a violation of constitutional provisions. In case of violation of constitutionally enshrined rights, one can file a claim directly with the Supreme Court. At the same time, it should be borne in mind that constitutional control, although not on all issues, but only on issues of individual rights, is also carried out by the high courts of the States. Meanwhile the high courts of the states by their decisions ensure the supremacy of the federal constitution, since the states do not have their own constitutions.

The Supreme Court of India has the right to interpret the Constitution (Article 132³²), and the law formulated by the Supreme Court is binding on all courts in India (Article 141³³). Exercising constitutional control, the Supreme Court may recognize federal laws, state laws, regulations and other legal acts as unconstitutional, which entails a ban on their application.

The legal status of an individual in India is determined by a number of articles of the Constitution that are unequal in their significance. The most significant rights and freedoms are provided for in Part III of the Constitution as the so-called fundamental rights. These rights include political rights, personal rights, and certain provisions on property rights. Article 13³⁴ of the Constitution prohibits the enactment of laws restricting fundamental rights, and in the event of violation of these rights, citizens can apply directly to the Supreme Court of India for their enforcement. The electoral rights of citizens are enshrined in Part XV of the Constitution, dedicated to elections. Most of the socio-economic rights are formulated as directive principles of state policy (part IV³⁵ of the Constitution) and are not subject to judicial protection. The possible sanction for violation of the directive principles may be political in nature and be expressed in discrediting the authorities, as well as in the non-re-election of certain personalities in the next elections.

Among personal or civil rights and freedoms, the Constitution names the inviolability of the person, home, freedom of movement, privacy of correspondence, etc. The Constitution paid considerable attention to the issues of equality of citizens. To this end, it abolished the traditional institution of “untouchables”, banned discrimination based on religion, race, caste, gender and place of birth, proclaimed freedom of religion, and provided measures to improve the situation of the backward segments of the population.

The political rights and freedoms enshrined in the Constitution include freedom of expression, the right to association, various electoral rights, etc. Unlike many other constitutions, India's Constitution does not contain specific provisions guaranteeing freedom of the press. This freedom is considered by Indian constitutional law as an integral part of freedom of expression, which means the freedom to express your own views and notify others about the views of others by any means, including through the media. In accordance with Article 19(2)³⁶ of the Constitution, reasonable restrictions on freedom of expression are permissible in the interests of the security, sovereignty and integrity of India, the maintenance of friendly relations with foreign states, public

³¹ See: Constitution Day: Borrowed features in the Indian Constitution from other countries. In: India Today, November 26, 2019, available on: <https://www.indiatoday.in/education-today/gk-current-affairs/story/constitution-day-borrowed-features-in-the-indian-constitution-1622632-2019-11-26> (accessed: 10.12.2023); *Bahl R.* How India Borrowed from the US Constitution to Draft its Own. November 27, 2015, available on: <https://www.thequint.com/news/politics/how-india-borrowed-from-the-us-constitution-to-draft-its-own> (accessed: 10.12.2023); *Krithika R.* Celebrate the supreme law. In: The Hindu, January 21, 2016, available on: <https://www.thehindu.com/features/kids/Celebrate-the-supreme-law/article14011992.ece> (accessed: 10.12.2023); *Dhavan R.* Document for all ages: Why Constitution is our greatest achievement. In: Hindustan Times, 25 November, 2015, available on: <https://www.hindustantimes.com/india/the-constitution-of-india-66-yrs-of-change-and-progress/story-ngDCPtXWjXX-06LwDIUzBZL.html> (accessed: 10.12.2023).

³² See: The Constitution of India. P. 61.

³³ See: *ibid.* P. 63.

³⁴ See: *ibid.* P. 25.

³⁵ See: *ibid.* Pp. 34–36.

³⁶ See: *ibid.* P. 27.

order, decency and morality, or to prevent manifestations of contempt of court, defamation and incitement to crime.

The Constitution refers to socio-economic rights and freedoms as the right to protection from exploitation, the right to adequate means of subsistence, the right to State assistance in case of illness, unemployment, the right to a living wage, the right to work, education, public assistance, the right to compulsory free education for children, etc.

The fundamental duties of citizens were fixed in the 42nd Amendment adopted in 1976 and included in Article 51A (part IV A)³⁷ of the Indian Constitution. These include several essential duties: to abide by the Constitution and respect the national flag and national anthem; to cherish and follow the noble ideals of the national liberation struggle; to uphold and protect the sovereignty, unity and integrity of India; defend the country; to help spread the spirit of universal brotherhood among the various representatives of the Indian people; to preserve the rich heritage of Indian culture; protect and improve the environment; to develop the scientific temper, humanism and the spirit of inquiry and reform; to safeguard public property and to abjure violence; to strive for excellence in all areas of individual and collective activity so that the nation constantly rises to higher levels of endeavour and achievement. This list was supplemented with another obligation by the 86th Amendment in 2000: "who is a parent or guardian to provide opportunities for education to his child or, as the case may be, ward between the age of six and fourteen years". Fundamental duties are not enforced by the courts. Many of them are rather declarative and have a predominantly moral and ethical character. At the same time, in the event of an attempt to defend certain fundamental rights in court, the court, taking into account all the provisions of the Constitution, may refuse to enforce the fundamental right on the grounds that the person concerned has grossly violated any of the duties specified in Article 51A.

As noted, India is a federation with strong federal powers. This, in particular, is evidenced by the consolidation of the residual powers of the union by the Constitution (Article 248³⁸), the regulation by the federal Constitution of the mechanism of power not only of the federation, but also of its constituent units, broad emergency and control powers belonging to the highest bodies of federal power. Harshan Kumarasingham identifies three main features of Indian federalism: its origins, and namely in its Partition and in historical existence of the Princely States; the constitutional power of Federal Government over the borders and territories of its constituent units; its early compromise of different cultural elements in the first decade³⁹. With dissolution of the State of Jammu and Kashmir, its division into two Union territories, abrogation of Article 370 of the Constitution and extension of all constitutional provisions to the territory of the former State of Jammu and Kashmir in 2019 the status of all States of India became equal. However, there are still units with sundry status in India, to wit States (today 28) and Union territories (now 8).

In case of a violation of the Constitution by a State, Presidential rule can be proclaimed in conformity with Article 356⁴⁰ of the Constitution, and the President takes over the respective State's administration with ex post facto consent of the

Parliament in accordance with Article 357⁴¹. On the basis of the named proclamation, the President may, firstly, assume some or all of the functions of the State government (including through the dissolution of the State government) and all or some of the powers that are vested in or may be exercised by the governor, or any institution or authority in the State, excluding the State legislature, and secondly, declare that the powers of the State legislature can be exercised by Parliament. Since the entry into force of the Constitution, the presidential rule has been proclaimed more than a hundred times.

The Indian Parliament (भारतीय संसद) consists of two Houses and a President. The President, like the British monarch, is formally viewed as a constituent part of Parliament, since a bill passed by the Chambers cannot become law without his/her approval. The head of state, however, does not sit in Parliament, except when he addresses Parliament with messages at the beginning of each session. The lower house is called the House of the People (Lok Sabha – लोकसभा) and is the body of people's representation, which expresses the interests of the federation as a whole. The upper house is called the Council of States (Rajya Sabha – राज्य सभा) and represents the interests of the constituent units of the Union and reflects the federal structure of the Indian state.

The Indian Parliament works in sessions. The Constitution vests in the President the obligation to convene each House in session in such a way that the period between them does not exceed six months (Article 85[1]⁴²). Ordinary sessions are usually convened twice a year. The quorum for sittings in each chamber is 1/10 of the members of that Chamber.

According to Article 53(1) of the Constitution, "the executive power of the Union shall be vested in the President and shall be exercised by him either directly or through officers subordinate to him in accordance with this Constitution"⁴³. He or she is elected for a term of 5 years by a special electoral college, which includes on an equal footing the elected but not appointed members of the both Houses of federal Parliament, as well as elected members of the legislative assemblies of the constituent units of the Union. Any citizen of India who has reached 35 years of age and meets the requirements of being elected to the House of the People can be elected President.

The Constitution of India also provides for the post of Vice President, who (like the President) is elected for a term of 5 years, but according to a different procedure: at a joint meeting of the Houses of Parliament. The conditions for the election of the Vice President are the same as for the head of state. At the same time, the Vice President must have the qualifications necessary to be elected not to the Lok Sabha (House of the People), but to the Rajya Sabha (Council of States), since he presides over this Chamber. In his daily activities, the Vice President assists the head of state, and also replaces the President in the event of his temporary or permanent inability to fulfill his duties.

For violation of the Constitution, the President may be dismissed through impeachment proceedings (Article 61⁴⁴ of the Constitution). In deciding the issue of impeachment, both Houses of Parliament have equal rights. 14 days after the preliminary notification of the head of state of the intention to initiate impeachment, signed by at least 1/4 of the total number of members of the relevant Chamber, this House may, by a special decision, adopted by a majority of 2/3 of the total number of its members,

³⁷ See: The Constitution of India. Pp. 36, 37.

³⁸ See: *ibid.* P. 111.

³⁹ See: Kumarasingham H. A political legacy of the British Empire: power and the parliamentary system in post-colonial India and Sri Lanka. London and New York, 2013. Pp. 91, 92.

⁴⁰ See: The Constitution of India. Pp. 50–151.

⁴¹ See: *ibid.* Pp. 151, 152.

⁴² See: *ibid.* P. 47.

⁴³ *Ibid.* P. 37.

⁴⁴ See: *ibid.* P. 39.

begin the impeachment procedure. Another House investigates the case and, by a majority of $\frac{2}{3}$ votes of the total number of its members, decides whether the President is guilty or innocent. If the President is found guilty, he is removed from office since the moment the House adopts the appropriate resolution.

Although the stipulation of the institution of impeachment in the Constitution should testify to the independence of the President in the exercise of his powers, according to the established practice, confirmed by a number of court decisions and provided for in the 42nd Amendment to the Constitution, the leading role in the exercise of the powers of the head of state belongs to the government headed by the Prime Minister in agreement with which the President usually acts.

The main body of the executive mechanism of India is the Government – Council of Ministers (Article 74⁴⁵). Its competence is practically not defined by the Constitution, however, since India is a parliamentary republic by its form of government, the government in practice exercises most of the powers that formally belong to the head of state. The Council of Ministers in its activities is responsible to the Lok Sabha (House of the People), therefore it can remain in power as long as it enjoys its confidence. The Government is formed by a party (bloc of parties) with the support of a majority of members of the lower house of parliament. Its number usually varies from 40 to 60 people. And as prescribed by Article 75(1A) there is a limit for a quantity of Ministers: “The total number of Ministers, including the Prime Minister, in the Council of Ministers shall not exceed fifteen per cent of the total number of members of the House of the People”⁴⁶ (introduced in 2003 by the 91st Amendment).

In practice, the Council of Ministers, as a rule, does not meet in full. All the most important issues of public administration are decided by the Cabinet – a body that is narrower in composition, which includes not all members of the Government, but only 15–20 ministers in charge of the main spheres of the country’s life. A decisive role in the functioning of the Indian Government is played by its head – the Prime Minister. The head of Cabinet (Government) is usually the leader of the parliamentary faction of the party (bloc of parties) that won the elections to the People’s Chamber. However, there were also exceptions.

India’s judiciary is unified and centralized, headed by the Supreme Court of India, composed of a Chief Justice and 33 judges (since 2019⁴⁷). Supreme Court justices are appointed by the President from among the country’s most distinguished jurists in consultation with the Chief Justice and Cabinet of Ministers. Members of the Supreme Court are required to retire at the age of 65. A member of the Supreme Court can be removed only if each of the chambers of the union parliament by an absolute majority of its members and a majority of $\frac{2}{3}$ of the members present accuses him of misconduct or declares him incapacitated.

The highest legislative body of the State in India is the legislature, which consists of one (legislative assembly) or two (legislative assembly and legislative council) chambers and a governor. Members of the legislative are elected by direct suffrage from territorial constituencies for a term of 5 years in accordance with the majority system of plurality. The total number of members of the legislative assembly must not exceed 500 or be less than 60.

Legislative councils are formed (Article 171⁴⁸ of the Constitution) according to the following pattern: $\frac{1}{3}$ are elected by the state legislature from among non-members; $\frac{1}{12}$ is elected by persons with a university education and after graduation from the university for at least three years living in the state; $\frac{1}{12}$ is elected by persons who have taught at least high school in state educational institutions for at least three years; $\frac{1}{3}$ are elected by municipal authorities; $\frac{1}{6}$ is appointed by the governor from among persons with special knowledge or practical experience in areas such as literature, science, art, cooperative movement and social activities. The total number of members of the legislative council must not exceed $\frac{1}{3}$ of the total number of members of the legislative assembly of the corresponding state, but in any case must be at least 40. Unlike the legislative, the legislative council is not subject to dissolution. The term of office of a member of the legislative council is 6 years, and a third of its composition rotates every two years.

The executive branch of the state is headed by a governor, who is appointed by the president for a term of 5 years and holds “office during the pleasure of the President” (paragraph 1 of article 156⁴⁹ of the Constitution). Sometimes the same person is appointed as a governor of several neighboring states. An Indian citizen who is at least 35 years old can become a governor. The governor exercises most of his powers on the advice of the State government (Council of Ministers), headed by the chief minister of the State (moreover, the governor also acts as a representative of the federal center, with some discretionary powers). The state government (usually 6–14 people) is formed by the party (bloc of parties) that wins the elections to the legislature.

At the level of the constituent units of the Indian Federation, there are high courts, consisting of a chief judge and as many judges as is established from time to time by the President of India. The head of state appoints the judges of the high court in consultation with the Chief Justice of India, the Governor and the Chief Justice of the State. High court justices hold office until the age of 62. According to Article 233(1)⁵⁰ of the Constitution, “[a]ppointments of persons to be, and the posting and promotion of, district judges in any State shall be made by the Governor of the State in consultation with the High Court exercising jurisdiction in relation to such State”.

The system of governmental bodies of the Union territory is headed by an administrator appointed by the President and acting on his behalf. By a decision of the Federal Parliament, for the Union territories, their own legislatures can be created, which have the right to form local councils of ministers. The highest legislative power in relation to the Union territories is exercised by the Federal Parliament, while the President issues general rules on those territories administration.

The union territory of Delhi, which, in accordance with the 69th Amendment to the Constitution adopted in 1991 (Article 239AA⁵¹ of the Constitution), is the “National Capital Territory”, has a special status, very close to that of a constituent entity of the federation. Delhi has its own legislative assembly and government, and the role of governor here is performed by a Lieutenant Governor appointed by the President.

Local self-government in large cities is carried out by municipal corporations, in small cities – by municipal councils. At a village level self-government is organized in the form of

⁴⁵ See: The Constitution of India. P. 42.

⁴⁶ Ibid. P. 43.

⁴⁷ See: The Supreme Court (Number of Judges) Amendment Act, 2019 (37 of 2019), s. 2 (w.e.f. 9-8-2019).

⁴⁸ See: The Constitution of India. P. 71.

⁴⁹ See: *ibid.* P. 67.

⁵⁰ See: *ibid.* P. 90.

⁵¹ See: *ibid.* Pp. 91–93.

REFERENCES

panchayat (पंचायत) – Part IX of the Constitution⁵². Panchayat raj (पंचायत राज) is the system of self-government in rural areas as opposed to urban and suburban municipalities, but now panchayats are organized at different levels of local government: gram panchayat (ग्राम पंचायत) at a village level, panchayat samiti (पंचायत समिति) – at a territorial block level, zila parishad (जिला परिषद) – at a district level. Altogether they make up panchayat raj system. Within an urban territory inhabited by several dozen thousand people a nagar (town) panchayat might be set up. For instance, Tamil Nadu is the first State to have introduced a classification in the status of local bodies as ‘Town Panchayat’ (தலாண் பஞ்சாயத்து in Tamil language), which was planned as a transitional body between Rural and Urban Local Bodies. The devolution of powers to the local (sub-state) level is seen as a means of expanding the participation of the population in governance, increasing the effectiveness of the latter and solving social problems.

Panchayat is a traditional institution, which is adapted by the Constitution to new conditions. In compliance with the Constitution there are reserved seats in its bodies for representatives of scheduled castes and scheduled tribes to give them possibility to participate in self-governance and to help everybody to overcome outdated prejudices. However still there are panchayats not provided for in the Constitution and oriented at obsolete habits and uses, and even they are changing their attitudes. For example, in the Satraula Khap Panchayat in Haryana’s Hisar district, people said that the time has changed, so the rules of six hundred years old should be changed, deciding to lift the ban on inter-caste marriages in 2014, but some other kin panchayats disagree with the abovementioned panchayat in this respect⁵³. This is how development takes place in the interweaving and struggle of the old and the new.

Some Conclusions

The Indian Constitution, adopted 75 years ago, continues to remain relevant and influences the development of many aspects of public and private life. The drafters of the Constitution have demonstrated their wisdom by laying the regulatory foundations for the evolution of society and the State for many years to come. Nevertheless, when solving some problems, people are faced with others, which also require resolution. That is why the Constitution of India is constantly undergoing changes in response to the challenges of the times. It has shown itself to be a living organism that responds to changes in the economic, political, social, legal, intellectual environment. Meantime, the Constitution preserves its potential and maintains its ability to move forward. Therefore, it waits for new studies and explorations.

Authors’ information

AVTONOMOV Alexei S. –
LLD, Dr. hab., degree of Professor,
Griboyedov Moscow University;
21 Highway Entuziastov, 111024 Moscow, Russia

1. *Bahl R.* How India Borrowed from the US Constitution to Draft its Own. November 27, 2015, available on: <https://www.thequint.com/news/politics/how-india-borrowed-from-the-us-constitution-to-draft-its-own> (accessed: 10.12.2023).
2. Constitution Day: Borrowed features in the Indian Constitution from other countries. In: India Today, November 26, 2019, available on: <https://www.indiatoday.in/education-today/gk-current-affairs/story/constitution-day-borrowed-features-in-the-indian-constitution-1622632-2019-11-26> (accessed: 10.12.2023).
3. *Dhavan R.* Document for all ages: Why Constitution is our greatest achievement. In: Hindustan Times, 25 November, 2015, available on: <https://www.hindustantimes.com/india/the-constitution-of-india-66-yrs-of-change-and-progress/story-ngDCPtXWjXXO6LwD-1UzBZL.html> (accessed: 10.12.2023).
4. *Kanadje M.* Vital Stats. Analysis of the Constituent Assembly Debates. In: PRS Legislative Research. November 25, 2019. P. 2 (Institute for Policy Research Studies [New Delhi]). URL: https://prsindia.org/files/policy/policy_vital_state/PRS_Constituent_Assembly_Debates_Final.pdf (accessed: 10.12.2023).
5. *Krishnamurthy V.* Colonial Cousins: Explaining India and Canada’s Unwritten Constitutional Principles. In: The Yale Journal of International Law. Vol. 34:207, 2009. P. 238.
6. *Krithika R.* Celebrate the supreme law. In: The Hindu, January 21, 2016, available on: <https://www.thehindu.com/features/kids/Celebrate-the-supreme-law/article14011992.ece> (accessed: 10.12.2023).
7. *Kulke H., Rothermund D.* A History of India. 4th ed. London and New York, 2004. P. 320.
8. *Kumarasingham H.* A political legacy of the British Empire: power and the parliamentary system in post-colonial India and Sri Lanka. London and New York, 2013. Pp. 91, 92.
9. *Patnaik B.* BN Rau: The forgotten architect of Indian Constitution. In: The Pioneer, State Edition in Bhubaneswar, 26 January 2017.
10. *Shukla S.* An Essay on Republic Day in Hindi – 26 जनवरी – गणतंत्र दिवस पर नबिंध. 17.01.2020, available on: <https://www.thegreatinfo.in/2020/01/republic-day-essay-in-hindi.html> (accessed: 09.12.2023).
11. *Wangchuk R. N.* Two Civil Servants Who Built India’s Democracy, But You’ve Never Heard of Them! January 22, 2019. Available on: <https://www.thebetterindia.com/170367/ias-hero-republic-day-india-first-election-democracy/> (accessed: 09.12.2023).
12. अंजलि सिन्हा. खाप पंचायतों का हृदय परिवर्तन! In: सहारा समय Live, 26.04.2014, available on: <http://www.samaylive.com/editorial/262627/khap-deleted-conditional-ban-on-interracial-marriages.html> (accessed: 10.12.2023).

Сведения об авторе

АВТОНОМОВ Алексей Станиславович –
доктор юридических наук, профессор,
Московский университет им. А.С. Грибоедова;
111024 г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21

⁵² See: The Constitution of India. Pp. 95–100.

⁵³ See: अंजलि सिन्हा. खाप पंचायतों का हृदय परिवर्तन! In: सहारा समय Live, 26.04.2014, available on: <http://www.samaylive.com/editorial/262627/khap-deleted-conditional-ban-on-interracial-marriages.html> (accessed: 10.12.2023).

УДК 340.1

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВЛАСТЬЮ С КОРЫСТНОЙ МОТИВАЦИЕЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ИМЕНИЯХ КРЕСТЬЯНСКОГО БАНКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

© 2024 г. С. А. Фролов

Тамбовский государственный технический университет

E-mail: seif.saf@rambler.ru

Поступила в редакцию 14.03.2023 г.

Аннотация. Изучение историко-правовых основ ограничения коррупционных действий свидетельствует о появлении в Артикуле воинском Петра I термина «должностные преступления». Среди его разновидностей: злоупотребление властью в корыстных целях должностных лиц, взяточничество и т.д. В статье предпринимается попытка на основе анализа фактов злоупотребления властью на рубеже XIX–XX вв. изучить формы проявления коррупционного поведения заведующим имениями Крестьянского банка и нанимаемых ему в помощь приказчиков, объездчиков, старост. Исследование архивного материала выявляет доказанные случаи коррупции среди должностных лиц в имениях банка в 1893–1899 гг. Несмотря на привлечение к ответственности причастных к коррупции людей в Тамбовском отделении и с началом XX в. наблюдались факты, получаемых с крестьян за аренду земли, присвоения денежных средств. Аналогичное корыстное поведение должностных лиц было характерно и для Рязанского отделения банка. В целом, выявленное проявление форм разновидностей коррупции в деятельности государственного кредитного учреждения приводило к недоверию крестьян в наличии правового порядка в Российской Империи и создавало предпосылку для возникновения революционной ситуации в деревне.

Ключевые слова: аренда земли, дознание, заведующий имениями банка, коррупция, крестьяне, Крестьянский банк, правовой порядок, приказчик, присвоение денег, хозяйственное заведование.

Цитирование: Фролов С.А. Злоупотребление властью с корыстной мотивацией должностных лиц в имениях Крестьянского банка на рубеже XIX–XX вв. (историко-правовой аспект) // Государство и право. 2024. № 3. С. 193–197.

DOI: 10.31857/S1026945224030199

ABUSE OF POWER WITH SELFISH MOTIVATION OF OFFICIALS IN THE ESTATES OF THE PEASANT BANK AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

© 2024 S. A. Frolov

Tambov State Technical University

E-mail: seif.saf@rambler.ru

Received 14.03.2023

Abstract. The study of the historical and legal foundations of the restriction of corrupt actions testifies to the appearance of the term “official crimes” in the Military Article of Peter the Great. Among its varieties: abuse of power for the selfish purposes of officials, bribery, etc. The article attempts, based on the analysis of the facts of abuse of power at the turn of the XIX–XX centuries, to study the forms of manifestation of corrupt behavior by the head of the estates of the Peasant Bank and the clerks hired to help him, detourers, the headman. The study of archival material reveals proven cases of corruption among officials in the bank’s estates in 1893–1899. Despite the prosecution of people involved in corruption in the Tambov branch and with the beginning of the XX century, there were facts received from peasants for renting land, embezzlement of funds. A similar selfish behavior of officials was characteristic of the Ryazan branch of the Bank. In general, the revealed manifestation of forms of forms of corruption in the activities of a state credit institution led to undermining the confidence of peasants in the presence of legal order in the Russian Empire and created a prerequisite for the emergence of a revolutionary situation in the village.

Key words: land lease, inquiry, head of the bank’s estates, corruption, peasants, Peasant Bank, legal order, clerk, embezzlement of money, economic management.

For citation: Frolov, S.A. (2024). Abuse of power with selfish motivation of officials in the estates of the Peasant Bank at the turn of the XIX–XX centuries (historical and legal aspect) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3. pp. 193–197.

Каждый человек вне зависимости от исторической эпохи является носителем определенного уровня правосознания и формулирует собственное мнение о праве, пусть и не вполне компетентное. Так, по мнению Е.Е. Орловой, на всех уровнях власти и в обществе сложилось восприятие принимаемого законодательства как чрезвычайно сложного, неполного, противоречивого, бессистемного массива правовых норм, не отвечающего замыслам законодателей, правоприменителей и главное — ожиданиям граждан¹. Тем самым наличие специального законодательства о коррупционной преступности, взяточничестве является ныне «осознанной необходимостью» и актуальной не только для государства, но и общества в целом.

Из истории государства и права России известно, что профилактикой коррупции по службе занимались, начиная с XIV в. Первое законодательное ограничение коррупционных действий приписывают Великому князю Ивану III. Однако в качестве уголовно наказуемого деяния они признаются при Иване IV по Судебнику 1550 г. В период становления абсолютной монархии в Российской Империи в Артикуле воинском Петра I вводится термин «должностные преступления». Среди его разновидностей: злоупотребление властью в корыстных целях должностных лиц, взяточничество и т.д. Регулировались составы растраты, присвоения и использования в своих интересах денег государственных с совершением подлога в отчетности².

В рамках заявленной тематики мы ставим целью исследовать злоупотребление властью с корыстной мотивацией заведующего и нанимаемых ему в помощь приказчиков, объездчиков в имениях Крестьянского банка на рубеже XIX–XX вв. С этой целью анализируются материалы дел из Государственного архива Тамбовской области. Обозначенная тема является новой в исследовании деятельности местных отделений Крестьянского банка, так как

большинство авторов сосредоточены в целом на ее общей характеристике³.

Первоначальному анализу подвергается материал одного из дел, из которого становится известно о злоупотреблении служебными полномочиями заведующим отделением банка. Так, в соответствии с постановлением Банка с 1 января 1893 г. на должность по заведованию имениями, перешедшими в собственность Тамбовского отделения банка, был назначен П.Ф. Троицкий. Однако за шесть лет нахождения в указанной должности, начиная с 1893 г. и до 1899 г. им было допущено накопление значительных недоимок по уплате арендных платежей. Для расследования этого факта был направлен в Тамбовское отделение старший делопроизводитель банка — А.И. Зерен. Объехав двадцать имений и произведя дознание, он пришел к выводу о необходимости немедленного увольнения Троицкого и троих его приказчиков. Анализ обстоятельств дела Голодай-Николаевского и Александровского имений свидетельствовал о неоднократном корыстном злоупотреблении властью приказчиком Розановым, получавшем при этом должностной оклад в размере 100 руб. в год. Имения, находящиеся в собственности банка, были поделены им на три поля и раздавались в аренду местным крестьянам. Крестьяне деревни Голодай-Николаевки и деревни Александровки-Ильинской в ходе беседы заявляли: «приказчик постоянно пьян, земли без магарыча снять нельзя, а иногда он принимает угощение и требует еще, в противном случае отказывает в аренде земли». Часто вместо арендной платы приказчик заставлял крестьян работать на его собственной земле. Управляющий Троицкий, также злоупотреблял властью и содержал в аренде в данных имениях около 20 десятин ярового посева. Крестьяне убирали

¹ См.: Орлова Е.Е. Мониторинговые технологии повышения эффективности правотворчества в государствах — участниках СНГ в контексте Евразийской перспективы // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 96.

² См.: Сулейманов Т.М. Борьба с коррупцией в России в IX–XIX вв.: историко-правовой анализ // История государства и права. 2010. № 7. С. 25, 26.

³ См.: Дауэнгауэр О.В. Деятельность Крестьянского поземельного банка на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Тверской губернии) // Финансы и кредит. 2015. № 12 (636). С. 55–66; Васильев Я.А. Новгородское отделение Крестьянского поземельного банка и его деятельность (1885–1914) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематический сб. науч. тр. Калининград, 2000. С. 40–49; Костылева Е.Н. Особенности деятельности Крестьянского поземельного банка в условиях экономической модернизации Российской империи конца XIX — нач. XX в. (по материалам Рязанской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 2 (40). Ч. 1. С. 93–95.

с его поля урожай в счет внесения платы за арендованную землю, находящуюся в собственности банка⁴.

Еще одной корыстной формой проявления коррупционного поведения выглядит случай при хозяйственном заведении Дуплятовским имением банка. Имение перешло в собственность банка 28 февраля 1891 г. в количестве 382 десятины, из которых пашни 350 десятины, сенокоса 10 десятины и неудобной 2 десятины земли. За съемщиками земли состояло в недоимке на 1 января 1899 г. 9698 руб., что составляло по 27 рублей на десятину пашни. При имении состоял приказчик Фаломеев, получавший от банка 45 руб. в год. Однако во время проведения дознания у него оказался список арендаторов земли всего лишь на 95 десятины, а на остальное количество сданной в аренду 201 десятины земли список находился у Троицкого. Заведовавший имениями Крестьянского банка деньги за это количество сданной земли получал лично. Квитанционной книги приказчик не вел. При поступлении денег выдавал расписки, которые при посещении Троицкого заменялись квитанциями. С достоверностью, при заведении Дуплятовским имением банка был доказан факт корыстного сбора денег в пользу приказчика. На практике крестьяне уплачивали за аренду одной десятины земли 13 руб., но в расписках и квитанциях указывалось 12 руб. Тем самым один рубль с каждой десятины земли поступал в пользу приказчика. Допрошенные более зажиточные крестьяне также подтверждали данный факт и никогда не жаловались, так как боялись, что в будущем им вовсе могут отказать в аренде банковской земли⁵. Третий приказчик, Гвоздев, в обязанности которого входило наблюдение за тремя смежными имениями банка, вовсе никаких книг учета не вел. При передаче Троицкому собранных со съемщиков земли денег, последний выдавал ему квитанции с обозначением от кого из съемщиков и сколько поступило денежных средств⁶.

По итогам произведенного дознания корыстных злоупотреблений властью должностных лиц в системе хозяйственного заведования имений Крестьянского банка, управляющий Тамбовским отделением П.А. Афремов подготовил доклад. В нем он обнаруживал, что за последние девять лет, начиная с 1 января 1890 г. и по 1 января 1899 г., накопились недоимки платежей в сумме 59 700 руб., из них 57 878 руб. накопились за время хозяйственного заведывания имениями Троицким. Причины накопления недоимки, Троицкий объяснял отсутствием контроля над его действиями со стороны отделения. Взаимодействие с отделением банка было основано на личном доверии к нему бывшего управляющего Тамбовским отделением Иванова и все отчеты составлялись с его черновой книги, в которой кроме цифр ничего не было. Таким образом, требования ст. 25 Инструкции по заведению и распоряжению имениями, поступившими в собственность Крестьянского банка, на практике игнорировались⁷. По итогу произведенного дознания корыстных злоупотреблений властью должностных лиц, постановлением Тамбовского отделения Крестьянского банка Троицкий был уволен.

Продолжая анализировать архивный материал, стало известно, что на данную вакансию был вскоре назначен И.И. Лачинов. Однако, несмотря на добросовестное

исполнение своих должностных обязанностей, при нем также фиксировались случаи коррупции подчиненных ему лиц. В соответствии с Правилами о порядке хозяйственного заведования имениями, принадлежавшими Крестьянскому банку, утвержденными в июле 1901 г., в помощь заведующему нанимались низшие служащие: приказчики, объездчики, старосты и т.п. С 25 февраля по 2 марта 1902 г. Лачиновым была произведена ревизия Ново-знаменского экономического старосты Юрина. Многие крестьяне на местах заявляли, что за ними числилось недоимок меньше, чем указывалось в списке должностного лица. Выявлены также были факты невыдачи им квитанций за полученные деньги. Злоупотребления старосты подверглись исследованию прокурора Тамбовского окружного суда. Согласно банковскому законодательству при получении денег с крестьян староста обязан был выдавать им квитанцию, кроме того, предусматривалось ведение приходно-расходной книги и книги лицевых счетов, чего не было на практике. Тем самым староста Юрин подозревался в присвоении казенных денег⁸. Обнаруженные и доказанные факты проявления форм коррупционного поведения свидетельствовали не только о недобросовестности, но и совершении правонарушения должностным лицом. В результате по распоряжению Тамбовского отделения банка он был уволен.

«Завуалированной» формой коррупции служит пример присвоения казенных денег в 1902 г. объездчиком Т.Е. Данышиным в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Из архивных сведений известно, что имение Кукановское, перешедшее в собственность банка, предоставлялось путем раздачи земельных участков в краткосрочную аренду местным крестьянам. Объездчику было поручено осуществлять сбор денежных средств. Однако по донесению заведующего имениями банка в период с 12 по 14 ноября 1902 г. объездчик якобы потерял 474 руб. в г. Кирсанове во время проводов сына в армию. Было проведено дознание в умышленной растрате казенных денег. Допрошенные крестьяне свидетельствовали о том, что объездчик за время пребывания в должности построил вторую избу стоимостью 150 руб., уплатил по векселю более 100 руб., внес за свою долю земли 102 руб. платежей, проводил сына Константина в армию и т.д. Мотивом к присвоению денег и ложному заявлению об их потере послужило то обстоятельство, что Данышин знал о предстоящей покупке, сдававшейся в аренду земли Кукановским товариществом и его дальнейшем увольнении с занимаемой должности⁹. Результатом зафиксированного факта злоупотребления должностным лицом стало рассмотрение 10 октября 1903 г. в Тамбовском окружном суде дела о взыскании с объездчика Данышина 474 руб. 38 коп. Данышин признавал недостачу и соглашался уплатить деньги в течение восьми лет. Окружной суд, руководствуясь ст. 366, 1282, 1287 и 1292 Уголовного и гражданского судопроизводства, постановил взыскать с объездчика в пользу Крестьянского банка 474 руб. 38 коп. с процентами. Более того требовалось возместить судебные издержки, оплатить гербовый сбор и судебную пошлину¹⁰. Однако впоследствии ответчик Данышин умер, и как следует из сообщения Куровщинского волостного правления, у его наследников не было имущества, на которое можно было наложить взыскание. В результате местный ликвидационный

⁴ См.: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 618. Л. 47 об, 48.

⁵ См.: там же. Л. 46, 46 об.

⁶ См.: там же. Л. 53.

⁷ См.: там же. Л. 76.

⁸ См.: там же. Д. 1474. Л. 19.

⁹ См.: там же. Д. 1672. Л.1, 1 об.

¹⁰ См.: там же. Л. 6–7.

отдел постановил взыскать указанную сумму с процентами и судебными издержками со счетов отделения банка¹¹.

В практике хозяйственного заведования имениями банка в начале XX в. встречались и другие формы проявления коррупции. Так, на основании исследования материалов архивного дела № 1473 был выявлен факт ограбления старосты Измайловского и Павловского имений. Заведующему имениями банка И.И. Лачинову был представлен 9 ноября 1902 г. протокол дознания в отношении старосты А.Р. Макарова. Из показаний свидетелей следовало, что староста 27 октября 1902 г. ночевал в деревне Краснополе у объездчика Глинина. В десять часов утра он выехал в село Большая Липовица для передачи заведующему имениями денег. Лощина, в которой затем Макарова ограбили находилась между деревнями Буниной и Струковщиной. Расстояние до лощины не более 22 верст и Макаров умышленно постарался проехать мимо лощины вечером и потратил на проезд целый день. Приехав к Лачинову, он передал ему 556 руб. бумажных денег и 75 руб. золотом и указал на факт ограбления и утраты 550 руб. Через день после случившегося, при подсчете приходно-расходных книг Павловского и Измайловского имений у Макарова не хватало только 444 руб. 96 коп. Сам факт ограбления больше был похож на вымысел. По причине халатности в исполнении своих должностных обязанностей, в январе 1903 г. он был уволен¹².

Примечательно, что выявленные формы корыстного злоупотребления служебными полномочиями были характерной особенностью в деятельности и других отделений банка. Рязанский земский гласный С.С. Сотников выявил случай, когда из 320 руб. в банк не было внесено 180 руб., за которые сборщик платежей отчитался недействительными казначейскими квитанциями. После выявления этого факта недостающая сумма была уплачена, что позволило предотвратить продажу земельного участка¹³.

Между тем в Тамбовской губернии финансовое последствие от утраты казенных денег ощутили на себе многие служащие в имениях банка. Так, из сметы доходов и расходов по имениям банка на 1905 г. известно о ходатайстве отделения перед советом Крестьянского банка о предоставлении кредита для поездки должностных лиц отделения в имения банка, выплате им жалованья¹⁴. В качестве меры профилактики форм коррупционного поведения в деятельности Тамбовского отделения банка также следует отнести разработку письменной формы срочного договора о найме служащих в имениях банка. В договоре между заведующим и приказчиком или объездчиком или старостой заключаемым сроком на один год прописывались обязанности соблюдения распоряжений отделения банка и законодательства Российской империи, а также денежный оклад за выполняемую трудовую деятельность¹⁵. В то же время в качестве формальной позитивной санкции относилась выдача отделением банка удостоверения за добросовестную службу. Выдаче удостоверения предшествовала докладная записка со стороны приказчика, объездчика или

старосты в отделение банка, в которой обосновывалось качественное исполнение им распоряжений и приказов отделения банка в течение всего срока службы, своевременный сбор денег за арендную землю и т.д. Требовалось также подтверждение факта добросовестности заведующим имениями банка. В качестве примера можно привести выдачу удостоверения в январе 1904 г. крестьянину села Песчаного, Песчанской волости Козловского уезда, Тамбовской губернии Д.И. Акимову. Во время службы объездчиком в принадлежавшем Крестьянскому банку Песчанскому имению с 1 мая 1900 г. по 1 марта 1903 г. все возложенные на него поручения исполнялись аккуратно и добросовестно¹⁶.

* * *

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, отметим, что влияние коррупционного поведения негативно отражалось на финансовом благополучии не только крестьян, арендующих земли банка, но и на «должном» функционировании отделений Крестьянского банка. В целом последствия коррупции приводили к недоверию крестьян к правопорядку в Российской Империи на рубеже XIX–XX вв. и формировали предпосылку для возникновения революционной ситуации в деревне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Я.А. Новгородское отделение Крестьянского поземельного банка и его деятельность (1885–1914) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематический сб. науч. тр. Калининград, 2000. С. 40–49.
2. Дауэнгауэр О.В. Деятельность Крестьянского поземельного банка на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Тверской губернии) // Финансы и кредит. 2015. № 12 (636). С. 55–66.
3. Костылева Е.Н. Деятельность государственных ипотечных банков в конце XIX – начале XX века (по материалам Рязанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2015. С. 70, 71.
4. Костылева Е.Н. Особенности деятельности Крестьянского поземельного банка в условиях экономической модернизации Российской империи конца XIX – нач. XX в. (по материалам Рязанской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 2 (40). Ч. 1. С. 93–95.
5. Орлова Е.Е. Мониторинговые технологии повышения эффективности правотворчества в государствах – участниках СНГ в контексте Евразийской перспективы // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 96.
6. Сулейманов Т.М. Борьба с коррупцией в России в IX–XIX вв.: историко-правовой анализ // История государства и права. 2010. № 7. С. 25, 26.

REFERENCES

1. Vasiliev Ya. A. Novgorod branch of the Peasant Land Bank and its activities (1885–1914) // The North-West in the Agrarian History of Russia: interuniversity thematic collection of scientific papers. Kaliningrad, 2000. Pp. 40–49 (in Russ.).
2. Dowengauer O. V. Activity of the Peasant Land Bank at the turn of the XIX–XX centuries (based on the materials of the Tver

¹¹ См.: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 618. Л. 23, 23 об.

¹² См.: там же. Д. 1473. Л. 8, 8 об.

¹³ См.: Костылева Е.Н. Деятельность государственных ипотечных банков в конце XIX – начале XX века (по материалам Рязанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2015. С. 70, 71.

¹⁴ См.: ГАТО. Д. 1842. Л. 3.

¹⁵ См.: там же. Д. 1674. Л. 31.

¹⁶ См.: там же. Д. 1651. Л. 183.

- province) // Finance and credit. 2015. No. 12 (636). Pp. 55–66 (in Russ.).
3. *Kostyleva E.N.* Activity of state mortgage banks in the late XIX – early XX century (based on the materials of the Ryazan province): dis. ... Candidate of Historical Sciences. Ryazan, 2015. Pp. 70, 71 (in Russ.).
4. *Kostyleva E.N.* Features of the activity of the Peasant Land Bank in the conditions of economic modernization of the Russian Empire at the end of the XIX – beginning. XX century (based on the materials of the Ryazan province) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov, 2014. No. 2 (40). Part 1. Pp. 93–95 (in Russ.).
5. *Orlova E.E.* Monitoring technologies for improving the effectiveness of law-making in the CIS member States in the context of the Eurasian perspective // Law: History and Modernity. 2021. No. 2 (15). Pp. 96–106 (in Russ.).
6. *Suleymanov T.M.* The fight against corruption in Russia in the IX–XIX centuries: historical and legal analysis // History of State and Law. 2010. No. 7. Pp. 25, 26 (in Russ.).

Сведения об авторе

ФРОЛОВ Сергей Анатольевич —
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Теория и история
государства и права» Юридического
института Тамбовского государственного
технического университета; 392032 г. Тамбов,
ул. Мичуринская, д. 112, корп. Д

Authors' information

FROLOV Sergey A. —
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
“Theory and History of State and Law”
of the Law Institute, Tambov State Technical
University; 112, bld. D Michurinskaya str.,
392032 Tambov, Russia

УДК 340.6

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ И ОТРАСЛЬ МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА

© 2024 г. Н. А. Скребнева*, Н. Е. Добровольская**

*Российский университет медицины
Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва*

*E-mail: nskr2802@yandex.ru

**E-mail: nd5905219@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.10.2023 г.

Аннотация. Непосредственная связь деятельности медицинских работников с такими высшими ценностями, как жизнь, здоровье, частная жизнь человека определяет необходимость повышенного внимания к особенностям развития правовой культуры рассматриваемой категории субъектов. В исследовании представлена авторская классификация этапов правовой социализации медицинского работника, проанализированы факторы, оказывающие влияние на данный процесс, а также особенности правового нигилизма медицинского студенчества. Отдельные положения статьи отражают специфику получения правовых знаний и основные направления формирования антикоррупционной модели поведения в образовательном процессе медицинских работников. Авторы формулируют вывод о необходимости применения комплексного подхода для улучшения условий развития правовой культуры представителей медицинского сообщества, что будет способствовать повышению качества оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: правовая культура, правовая социализация, правовое воспитание, медицинское право, медицинский работник, антикоррупционное поведение, правовой нигилизм, непрерывное медицинское образование.

Цитирование: Скребнева Н.А., Добровольская Н.Е. Юридическая подготовка медицинских работников и отрасль медицинского права // Государство и право. 2024. № 3. С. 198–201.

DOI: 10.31857/S1026945224030208

LEGAL TRAINING OF MEDICAL PROFESSIONALS AND THE BRANCH OF MEDICAL LAW

© 2024 N. A. Skrebneva*, N. E. Dobrovol'skaya**

Russian University of Medicine Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow

*E-mail: nskr2802@yandex.ru

**E-mail: nd5905219@yandex.ru

Received 12.10.2023

Abstract. The direct connection medical activity with such highest values as human life, health, and private life determines the need for increased attention to the peculiarities of the development of the legal culture of this special person. The study presents the author's classification of the stages of legal socialization of a medical worker, analyzes the factors influencing this process, as well as the features of the legal nihilism of medical students. Certain provisions of the article reflect the specifics of obtaining legal knowledge and the main directions of the formation of an anti-corruption behavior model in the educational process of medical workers. The authors came to the conclusion that it is necessary to use an integrated approach to improve the conditions for the formation of the legal culture of representatives of the medical community, which will help improve the quality of medical care.

Key words: legal culture, legal socialization, legal education, Medical Law, medical worker, anti-corruption behavior, legal nihilism, continuing medical education.

For citation: Skrebneva, N.A., Dobrovol'skaya, N.E. (2024). Legal training of medical professionals and the branch of Medical Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 198–201.

Развитие Российской Федерации как правового и социального государства неразрывно связано с уровнем правовой культуры всех граждан, и, в частности медицинских работников. Научно-технический прогресс, процессы информатизации и либерализации общества естественным путем преобразуют организацию и этико-правовую сторону медицинской деятельности. Уровень развития правовой культуры всех членов медицинского сообщества напрямую определяет качество, эффективность медицинской помощи, и соответственно степень обеспечения прав и законных интересов граждан в области здравоохранения.

Правовая культура является сложным многогранным явлением и к определению ее понятия учеными используются различные категории, такие как юридические ценности, правовые знания и умения, правовое наследие и др.¹ Как известно, правовая культура является частью общей культуры, отражающей качественное состояние правовой жизни общества, его ценностную оценку правовых институтов и процессов. К уровням проявления правовой культуры относятся обыденный, ограничивающийся реализацией повседневных прав и обязанностей; профессиональный, предполагающий осуществление юридической деятельности на профессиональном уровне; и теоретический, отражающий правовые познания и внесение вклада в развитие юридических наук.

Уровень правовой культуры медицинских работников целесообразно определить как обыденный, так как он ограничен реализацией повседневных прав и обязанностей, и не связан с выполнением юридической деятельности на профессиональном уровне. Вместе с тем Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по специальности 31.05.01 «Лечебное дело» установлено, что у выпускника должны быть сформированы универсальные и профессиональные компетенции, связанные с правовыми знаниями: способность формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению и противодействовать им в профессиональной деятельности (УК-11); способность реализовывать моральные и правовые нормы, этические и деонтологические принципы в профессиональной деятельности (ОПК-1), способность подготавливать и применять научную, научно-производственную, проектную, организационно-управленческую и нормативную документацию в системе здравоохранения (ОПК-11)². Соответственно, степень развития правовой культуры медицинских работников оказывает влияние на их профессиональную деятельность, реализацию конституционных прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, и условия формирования правовой культуры данной категории лиц требуют особого внимания.

Помимо упомянутого федерального государственного образовательного стандарта позицию государства относительно

формирования правосознания студенчества выражают Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденные Правительством РФ. Стратегическим приоритетом государственной молодежной политики является создание условий для формирования неравнодушной личности с высоким уровнем культуры, социальной активности, ответственности, прочным нравственным стержнем³. В тех или иных компонентах образовательных программ вузы преследуют поставленные цели гражданского воспитания будущих врачей, что усиливает развитие обучающимися нравственных и моральных принципов и способствует достижению социально-активного правомерного поведения.

Правовая культура медицинского работника, как и любого человека, формируется постепенно, соответственно основанно рассматривать правовую культуру медицинского работника, как отдельной личности, так и групповую правовую культуру членов медицинского сообщества в целом.

Изначально в человеке закладываются основы правовой культуры под воздействием окружающей среды: семьи, школы, общества и государства в целом. На студенческой скамье, когда индивид выбрал свой профессиональный путь, начинается формирование его правовой культуры как представителя определенной группы — медицинских работников.

В процессе получения высшего образования в рамках дисциплины «Медицинское право» обучающийся получает как общеправовые знания в области теории права, правовых источников Российской Федерации, законодательства по борьбе с коррупцией, терроризмом, экстремизмом и допингом, так и специальные правовые знания в сфере здравоохранения: основы медицинского права, правовое регулирование медицинских отношений, профессиональной деятельности медицинских работников и медицинских организаций, правового статуса пациентов, особенностей труда медицинских работников, оказания платных медицинских услуг, медицинского страхования, врачебной тайны, конфликта интересов, в том числе в контексте антикоррупционного законодательства, и др. Отдельный раздел медицинского права посвящен юридической ответственности в медицине: общая теория юридической ответственности и правонарушений, гражданская ответственность медицинских организаций и индивидуальных предпринимателей, административная ответственность медицинских организаций и медицинских работников, особенности дисциплинарной, материальной, уголовной ответственности медицинских работников, ответственность за нарушение антидопингового и антикоррупционного законодательства, юридическая оценка неблагоприятных исходов в медицине, основные направления профилактики правонарушений в медицине, противодействие терроризму и экстремизму.

Особое внимание в образовательном процессе медицинских работников уделяется этико-правовым вопросам в области антикоррупционного регулирования. Несомненно, что одной из важнейших мер по профилактике коррупции является правовое воспитание молодого поколения, формирование

¹ См.: Славова Н.А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 48.

² См.: приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12.08.2020 № 988 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 31.05.01 «Лечебное дело»» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 27.08.2020.

³ См.: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 50, ст. 7185.

у него стойкой антипатии к любым проявлениям коррупции, как в общественной жизни, так и в дальнейшей профессиональной деятельности. Основами данной просветительной антикоррупционной деятельности должны стать: повышение уровня правового образования в целом; формирование позитивного отношения к праву, его неукоснительному соблюдению, в том числе в области противодействия коррупции; правовое образование в области законодательства по противодействию коррупции; формирование негативного отношения к коррупции и соответственно к коррупционному поведению; формирование антикоррупционной культуры, под которой понимается качество личности, включающее осознание пагубности коррупции для благосостояния и безопасности общества, а также стремление индивида к устранению этого явления⁴. У выпускников медицинского учебного заведения должны быть сформированы знания в области правового статуса должностного лица, принадлежности конкретной категории медицинских работников к должностным лицам, правовой регламентации получения подарков и материального вознаграждения от пациентов за действия, входящие в должностные обязанности.

Освоение представленных разделов дисциплины «Медицинское право» общеправового и медико-правового характера способствует достижению необходимых профессиональных компетенций и навыков, формированию правовой культуры будущего врача.

В силу постоянного обновления законодательства в области охраны здоровья, появлением новых методов лечения и медико-технологических решений, на последних курсах обучения студентам целесообразно пройти элективный цикл «Нормативно-правовое регулирование в здравоохранении», чтобы освежить правовые знания, быть способными оказывать медицинскую помощь в соответствии с актуальными условиями правового регулирования профессиональной деятельности.

После окончания высшего учебного заведения медицинские работники продолжают развивать свой уровень правовой культуры в процессе осуществления медицинской деятельности, а также повышения квалификации. Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵, а также Приказом Министерства здравоохранения РФ от 3 августа 2012 г. № 66н⁶ установлена обязанность медицинских работников повышения квалификации не реже одного раз в пять лет, что предполагает также регулярное обновление правовых знаний в области здравоохранения и повышения уровня правовой культуры в целом.

Таким образом, представляется возможным выделить следующие этапы становления правовой культуры медицинских работников: 1) этап общей правовой социализации, на котором индивид получает основные, элементарные представления и знания о праве, формирует отношение к закону, первичную модель правовой культуры под воздействием семьи, школы, средств массовой информации, окружения; 2) этап

специальной правовой социализации, связанный с получением профессиональных правовых знаний в медицинском образовательном учреждении и началом формирования правовой культуры в качестве медицинского работника; 3) этап профессиональной правовой социализации, на котором уровень правовой культуры медицинского работника развивается в процессе осуществления медицинской деятельности, а также повышения квалификации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о факторах, влияющих на уровень правовой культуры и правовой грамотности медицинских работников. Во-первых, на уровень формирования правовой культуры индивида как представителя какой-либо профессиональной сферы существенное влияние оказывает этап первичной правовой социализации. С какими знаниями и отношением к праву, сформированными в семье и школе, студент приходит в медицинский вуз, во многом определяет формирование его правовой культуры как будущего профессионала.

Во-вторых, социальной проблемой является правовой нигилизм, особенно среди молодежи, медицинского студенчества. Правовой нигилизм в культуре России имеет глубокие корни и в силу неравномерного развития правовой культуры общества остается актуальным. Рассматриваемое правовое явление принято определять как отрицательное или скептическое отношение к праву вплоть до полного признания его ненужности.

К формам проявления правового нигилизма молодежи относят: 1) умышленное нарушение правовых норм; 2) пропаганда противоправного поведения и псевдоправовой литературы; 3) ущемление авторитета государственных органов и права, неуважительное отношение к закону⁷.

Причинами распространения правового нигилизма среди молодежи могут являться неблагоприятная семейная обстановка, низкий уровень обучения правовых дисциплин, отрицательное бесконтрольное влияние средств массовой информации, пассивное или неправомерное поведение должностных лиц и органов государственной власти, сложность, нестабильность медицинского законодательства и правоприменительной практики.

Будущее государства стоит именно за молодыми гражданами, поэтому их правовое образование, особенно будущих врачей, чья профессиональная деятельность связана с жизнью и здоровьем человека, должно быть приоритетным направлением для государственных органов и образовательных организаций. Целесообразно повышение качества и количества часов преподавания таких дисциплин, как «Обществознание», «Правоведение», «Медицинское право», «Нормативно-правовое регулирование в здравоохранении».

В-третьих, достижению высокого уровня правовой грамотности и правосознания, безусловно, мешает большой объем законодательной базы в сфере здравоохранения. Медицинское право, будучи комплексной правовой категорией, регулируется множеством нормативно-правовых актов из различных правовых отраслей. Поэтому уже не раз в юридических и медицинских науках звучали предложения о целесообразности принятия Медицинского кодекса для обеспечения более удобной и продуктивной работы с правовой базой в данной сфере⁸. По-

⁴ См.: Хорев А. И., Григорьева В. В. и др. Формирование антикоррупционного поведения в высших учебных заведениях как компонент обеспечения экономической безопасности страны // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности. 2017. № 6. С. 83–87.

⁵ См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

⁶ См.: приказ Министерства здравоохранения РФ от 03.12.2012 № 66н «Об утверждении Порядка и сроков совершенствования медицинскими работниками и фармацевтическими работниками профессиональных знаний и навыков путем обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам в образовательных и научных организациях» // Росс. газ. 2012. 19 сент.

⁷ См.: Хованова С. В. Правовой нигилизм как социальная проблема Российского государства // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 511–513.

⁸ См.: Скребнева Н. А. Юридическая ответственность в публичном и частном праве: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

мимо многочисленности проблемой является и сложность содержания юридических текстов, и соответственно их восприятия субъектами, не обладающими специальным юридическим образованием. Задача преподавателей медицинского права доступно объяснить будущим врачам содержание нормативно-правовых актов и обучить корректной работе с ними.

На литературном рынке сейчас также присутствует изобилие литературы по медицинскому праву научно-популярного и учебно-методического характера. Однако многие из них могут содержать правовые ошибки, вводить медицинских работников в заблуждение, поэтому в первую очередь задачей медицинского вуза является формирование у студентов базовых правовых знаний и способность фильтровать существующие источники. Кроме того, как в нормативно-правовых актах, так и в учебных пособиях мы наблюдаем приоритет разработки правового статуса пациентов, тогда как правам и гарантиям медицинских работников уделяется значительно меньше внимания. Так, в упомянутом ранее Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» правам и обязанностям граждан посвящена целая глава, состоящая из 10 статей, одна из которых посвящена обязанностям пациентов. В то же время на регулирование прав медицинских работников в данном нормативно-правовом акте выделена лишь одна статья, которая во многом дублирует положения Трудового кодекса РФ и не отражает всей специфики медицинской деятельности. Для устранения данной проблемы не нужно уменьшать объем прав пациентов, а следует расширить и подробнее прописать объем прав и гарантий медицинских работников. Например, закрепить право медицинского работника на получение от пациента достоверной информации.

Исходя из многообразия факторов, влияющих на формирование правовой культуры медицинских работников, очевидно, что только комплексный подход позволит повысить уровень правосознания и правовой грамотности, справиться с проблемой правового нигилизма данной категории субъектов.

* * *

Правовая социализация будущего врача начинается с семьи, воспитания в школе, продолжается в медицинском

учебном заведении и развивается на протяжении всей жизни в процессе осуществления медицинской деятельности, а также регулярного повышения своей квалификации в рамках непрерывного медицинского образования. Добросовестное участие общественных и государственных институтов на всех этапах рассматриваемого процесса приведет к положительной динамике развития правовой культуры общества и здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Скребнева Н.А.* Юридическая ответственность в публичном и частном праве: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
2. *Славова Н.А.* Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 48.
3. *Хованова С.В.* Правовой нигилизм как социальная проблема Российского государства // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 511–513.
4. *Хорев А.И., Григорьева В.В. и др.* Формирование антикоррупционного поведения в высших учебных заведениях как компонент обеспечения экономической безопасности страны // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности. 2017. № 6. С. 83–87.

REFERENCES

1. *Skrebneva N.A.* Legal responsibility in public and private law: issues of theory and practice: dis. ... PhD in Law. M., 2018 (in Russ.).
2. *Slavova N.A.* Legal culture: concept and functions // Herald of Tatishchev Volga State University. 2020. Vol. 1. No. 3. P. 48 (in Russ.).
3. *Khovanova S.V.* Legal nihilism as a social problem of the Russian state // State-legal studies. 2020. No. 3. Pp. 511–513 (in Russ.).
4. *Khorev A.I., Grigorieva V.V. et al.* Formation of anti-corruption behavior in higher education institutions as a component of ensuring the economic security of the country // Technologies of the food and processing industry. 2017. No. 6. Pp. 83–87 (in Russ.).

Сведения об авторах

СКРЕБНЕВА Наталья Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной медицины и медицинского права Российского университета медицины Министерства здравоохранения Российской Федерации; 127006 г. Москва, ул. Долгоруковская, д. 4

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Надежда Евгеньевна — кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры судебной медицины и медицинского права Российского университета медицины Министерства здравоохранения Российской Федерации; 127006 г. Москва, ул. Долгоруковская, д. 4

Authors' information

SKREBNEVA Natalia A. — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Forensic Medicine and Medical Law, Russian University of Medicine Ministry of Health of the Russian Federation; 4 Dolgorukovskaya str., 127006 Moscow, Russia

DOBROVOL'SKAYA Nadezhda E. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Forensic Medicine and Medical Law, Russian University of Medicine Ministry of Health of the Russian Federation; 4 Dolgorukovskaya str., 127006 Moscow, Russia

УДК 340

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

© 2024 г. Н. С. Нижник^{1, *}, Л. А. Нудненко^{2, **}

¹Санкт-Петербургский университет МВД России

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: n.nishnik@bk.ru

**E-mail: nudnenko@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.01.2024 г.

Аннотация. В статье представлен обзор докладов участников научных конференций, прошедших в Санкт-Петербургском университете МВД России и приуроченных к его 25-летию, которые были посвящены становлению, развитию и современному состоянию юридической науки и юридического образования в России, прежде всего XX Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России)», которая состоялась 27–28 апреля 2023 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России. В очном и заочном формате в конференции приняли участие 433 исследователя — ученых и практиков — граждан России, Азербайджана, Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана. Широка география российских участников конференции, направивших свои работы из 53 городов. На секции молодых исследователей победителям конкурса докладов были вручены дипломы. Поставленные для обсуждения на конференции вопросы получили разностороннее освещение.

Ключевые слова: юридическая наука, постнеклассическая юридическая наука, методология юридической науки, междисциплинарность юридических исследований, правопонимание, деформация профессионального правосознания, мемориальные законы, основные этапы становления отечественной юридической науки, правительственный конституционализм, Д. Кантемир, А.С. Пиголкин.

Цитирование: Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208.

DOI: 10.31857/S1026945224030215

LEGAL SCIENCE IN RUSSIA AS A FACTOR OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF MODERNITY

© 2024 N. S. Nizhnik^{1, *}, L. A. Nudnenko^{2, **}

¹St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

*E-mail: n.nishnik@bk.ru

**E-mail: nudnenko@rambler.ru

Received 10.01.2024

Abstract. The article presents an overview of the reports of participants of scientific conferences held at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and dedicated to its 25th anniversary, which were devoted to the formation, development and current state of legal science and legal education in Russia, primarily the XX International Scientific and Theoretical Conference “State and law: evolution, current state, development prospects (for the 25th anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)”, which took place on April 27–28, 2023 at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 433 researchers – scientists and practitioners – citizens of Russia, Azerbaijan, Belarus, Moldova, Kyrgyzstan, Tajikistan took part in the conference in full-time and correspondence format. The geography of the Russian participants of the conference is wide, sending their works from 53 cities. On the section of young researchers the winners of the report competition were awarded diplomas. The issues raised for discussion at the conference received diverse coverage.

Key words: legal science, post-non-classical legal science, methodology of legal science, interdisciplinarity of legal research, legal understanding, deformation of professional legal consciousness, memorial laws, the main stages of the formation of domestic legal science, governmental constitutionalism, D. Cantemir, A.S. Pigolkin.

For citation: Nizhnik, N.S., Nudnenko, L.A. (2024). Legal science in Russia as a factor of social transformations of modernity // *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, No 3, pp. 202–208.

Проведение Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития» в Санкт-Петербургском университете МВД России является многолетней традицией¹. В центре внимания участников XX конференции, посвященной 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России, – вопросы, касающиеся генезиса, развития и современного состояния юридической науки и юридического образования в России: детерминанты становления и тенденции развития отечественной юридической науки, юридическая наука как развитие представлений о государстве и праве, современное состояние юридической науки в России, методология современных юридических исследований, юридическая наука о сущности и функционировании права в эпоху глобализации и цифровизации общественных отношений, юридическая наука о средствах сохранения коллективной памяти, духовных и нравственных ценностей, особенности ретроспективного анализа государственно-правовой системы России, детерминанты становления и тенденции развития юридического образования в России и др.

Характеризуя состояние современной юридической науки, Л.И. Честнов, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, обратил внимание на постклассическую (или постнеклассическую) юридическую науку – как научно-исследовательскую программу, которая возникла в начале 2000-х годов. Этому предшествовало формирование постклассической (или неклассической, постнеклассической) философии и соответствующей рациональности, картины мира, значительно отличающихся от классической их версии. Классическая рациональность

ориентирована на объективность как безличность (или бессубъектность, когда субъективное объявляется ненаучным, а значит, нерациональным), разумность, целесообразность и универсальность.

Термин «постклассическая (или постнеклассическая) юридическая наука» первым стал использовать А.В. Поляков, используя идею периодизации философии В.С. Стёпина и заложив концептуальные основания полипарадигмального направления в философии права и юридической науки. Благодаря усилиям теоретиков права (В.В. Лазарев, Г.А. Гаджиев, И.Л. Честнов, Е.В. Тимошина, Н.В. Разуваев, И.Б. Ломакина, Е.Н. Тонков, Ю.А. Веденеев и др.), историков права (Д.А. Пашенцев, А.А. Дорская и др.), теоретиков уголовного процесса (А.С. Александров и его последователи), сторонников постмодернистской, критической криминологии во главе с Я.И. Гилинским направление стало достаточно популярным и влиятельным в отечественном (включая ближнее зарубежье и таких авторов, как прежде всего С.И. Максимов, А.В. Стомба, Н.Ф. Ковкель, В.И. Павлов) юридическом дискурсе.

Распространение постклассической юридической науки не осталось незамеченным в отечественном научном юридическом сообществе. Критику со стороны адептов иных (преимущественно «консервативного» толка) подходов И.Л. Честнов считает закономерной, подчеркивая, что О.В. Мартышин, В.М. Сырых, И.Ю. Козлихин утверждают, что никакой научной новизны в постклассической юридической науке нет, а все это – либо некритическое использование «модной» философской или социологической терминологии, подрывающей (и искажающей) автономию права, либо это банальные и давно известные истины. Несмотря на то что все они признают необходимость перемен в юридической науке, всё, что предлагается постклассической юридической наукой, отмечается, и позитивные предложения не формулируются. И.Л. Честнов полагает, что в качестве новой программы нельзя считать отказ от теории права в пользу энциклопедии права (И.Ю. Козлихин) или возврат к «всепобеждающему, потому что верному» учению марксизма-ленинизма (В.М. Сырых).

По мнению ученого, «война на уничтожение» с критиками постклассической юридической науки совсем не обязательна; вполне возможна и оправдана «примирительная» позиция, использующая идею В.С. Стёпина, что три типа рациональности сосуществуют в современной философии

¹ См.: Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // *Государство и право*. 2017. № 2. С. 111–117; *Их же*. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // *Государство и право*. 2018. № 4. С. 110–117; *Их же*. Российская полиция: три века служения Отечеству // *Государство и право*. 2019. № 6. С. 138–145. DOI: 10.31857/S013207690005271-0; *Их же*. История Российской Империи в контексте теоретико-правового анализа (К 300-летию Российской Империи) // *Государство и право*. 2021. № 11. С. 186–195. DOI: 10.31857/S102694520017466-3; *Их же*. Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР) // *Государство и право*. 2022. № 12. С. 186–192. DOI: 10.31857/S102694520023313-5

и науке: простые объекты можно и нужно продолжать изучать классическими методами (например, собирая эмпирический материал, не особо утруждая себя рефлексией по поводу оснований или парадигмы, в рамках которой такое исследование проводится); сложные объекты исследуются неклассическими методами, например наблюдением; сверхсложные — постнеклассическими, например синергетикой и вписанием изучаемого в социокультурный, ценностный контекст. Поэтому появление классической и затем постклассической юриспруденции — это не смена парадигм в духе Т. Куна, когда все научное сообщество переходит в «другую веру», но сосуществование и даже дополнительность классики, неклассики и постнеклассики. Л.И. Честнов считает неоправданным отказываться от общих мест традиционной (классической) теории права, например от юридической догматики, но ее необходимо включать в социокультурный и исторический контекст, показывать ее многогранность и эксплицировать механизм ее воспроизводства в практиках.

Н.В. Варламова, ведущий научный сотрудник сектора прав человека ИГП РАН, канд. юрид. наук, доц., в докладе «*Юридическая наука в поисках методологии*» отметила, что юридическая наука, как и любая другая, чтобы подтвердить самостоятельный статус, вынуждена заниматься обоснованием своей методологии. Нередко возникающие в этой области проблемы могут стать причиной ее «комплекса неполноценности». Юриспруденция не является исключением. Н.В. Варламова обратила внимание на то, что в юриспруденции известны по меньшей мере две попытки обоснования собственного метода познания. По Г. Кельзену, право есть продукт нормологического метода истолкования фактически существующего социального порядка посредством постулирования основной нормы — допущения, в конечном счете обосновывающего объективную действительность иерархизированной системы норм, устанавливающих данный порядок. Специфическая юридичность кельзеновского метода, в основе своей логического, по ее мнению, сомнительна. Такому истолкованию может быть подвергнут любой принудительный социальный порядок — моральный, религиозный, где место постулируемой основной нормы займет та или иная идея добра и справедливости или воля Всевышнего. Второй вариант обоснования юридического метода научного познания предложен в рамках либертарной концепции права В.С. Нерсесянца. Здесь основой юридической интерпретации социальной реальности выступает принцип формального равенства в свободе. Специфическим методом юриспруденции в либертарной концепции выступает формализация фактических отношений на основе равного признания и защиты свободы их участников.

Таким образом, делает вывод Н.В. Варламова, Г. Кельзен и В.С. Нерсесянец обосновывали особую методологию юриспруденции, опираясь на формальность права как социального регулятора, и увязывали ее с определенным способом интерпретации фактических отношений, обеспечивающим их формализацию. Однако сегодня, подчеркнула она, такие методологические установки в юридической науке все чаще отвергаются под лозунгом перехода в условиях постмодерна к новой неклассической рациональности, суть которой заключается в отказе от представления объективной реальности как внешней по отношению к познающему ее субъекту. В связи с этим отвергаются притязания научного знания на истинность, объективность и универсальность.

Характеризуя перспективы развития современной юридической науки, **С.В. Кодан, главный научный сотрудник управления научных исследований; профессор кафедры теории**

государства и права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, обратил внимание на то, что в юридической науке давно назрела проблема дисциплинарности и междисциплинарности. Она активно обсуждается в юридическом научном сообществе, в том числе на Всероссийском координационном совещании руководителей диссертационных советов по праву и политологии, проходившем 25 апреля 2023 г. в Университете им. О.Е. Кутафина по инициативе Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников, председателя и экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России.

Междисциплинарность уже достаточно давно рассматривается как одна из наиболее важных теоретических и практических проблем, решение которой весьма значимо для прогресса науки, подчеркнула **И.А. Андреева, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, доц.,** которая полагает, что концепты внутреннего единства различных отраслей знания, их взаимосвязи и взаимодействия занимают все большее место в философском, науковедческом и социологическом анализе. Важно преодолевать вульгарное понимание дисциплинарности, а также распознавать ее декларативные и имитационные формы, которые порождены своего рода интеллектуальной «модой», сигнализирующей о «приобщении» ученых к переднему краю науки. В этих целях следует обратиться к онтологическим и эпистемологическим основам междисциплинарности, конкретизации ее форм в юридической науке. Онтологические основания коренятся в объективном единстве между объектами научного изучения. В своем онтологическом аспекте междисциплинарность основывается на сущностном единстве различных областей изучения науки. Точно также эпистемологическая основа междисциплинарности заключается в единстве всего научного знания, во все возрастающем единстве эпистемологической структуры отраслей научного знания, что проявляется в существовании общих концептов эпистемологического порядка (уровни научного исследования, понятие научного факта и т.д.), возрастающей роли теории и методологии в структуре научных дисциплин и высоком уровне абстрактности современных теорий. К этому сближению в гносеологической плоскости следует добавить и аксиологические основы интеграции наук, которые привлекают внимание широкого круга исследователей.

В юриспруденции, полагает И.А. Андреева, междисциплинарные исследования — наиболее перспективное направление работы с инновационными темами, возможность решать сложнейшие интеллектуальные задачи освоения разнообразных методов, теорий. В этом общем контексте движения к интеграции разнообразных форм знаний нельзя упустить из виду уникальность научного опыта юридической науки, которая требует дополнительного теоретического осмысления для определения перспектив междисциплинарности в юридической науке. Специфика юриспруденции состоит в том, что она производит не только знания о праве как о реальности, но и само право, соединяя научную и практическую (нормативную) компетенции (здесь уместно сделать отсылку к знаменитой «гильотине Юма»).

Характеризуя состояние современной юридической науки **Л.В. Карнаушенко, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, д-р ист. наук, проф.,** обратил внимание на отсутствие содержательной сути понятия «правопонимание», объясняя это тем, что процесс познания и формирования отношения к праву локализуется на различных носителях

общественного сознания — от специализированного до обыденного, в связи с чем приемы, процесс и результат правовопонимания у разных групп, слоев, общностей могут существенно различаться. В научном правовопонимании наблюдается плюрализм концепций, обусловленный характеристиками ученого, осуществляющего подобные мыслительные процедуры, тем, что у познающего субъекта имеется определенный уровень компетенции вкупе с жизненным опытом и специфическими политическими, социальными, духовными установками.

Проблему правовопонимания в обществе XXI в. Л.В. Карнаушенко рассматривает как многоаспектную и нуждающуюся в разнообразных исследованиях. С учетом быстро меняющихся условий социальной среды значение имеет обновление информации, позволяющее избегать ее «старения». В этом случае уместно применять эмпирические методы сбора и анализа данных о правовопонимании современных россиян. Одной из сильных сторон эмпирических методов выступает верификация теоретических конструкций на практике. При этом ученые нередко оперируют различными стереотипами, подменяя этим объективную оценку, особенно в практическом срезе, недостаточно учитывая глубокую дифференциацию современного российского общества, отражающуюся на специфике правовопонимания групп населения. Для анализа особенностей правовопонимания в российском обществе целесообразно применять широкий спектр эмпирических методов, интегративные возможности которых позволяют, с одной стороны, достичь показателей репрезентативности и статистической значимости, с другой — осуществить глубокое изучение (на примере отдельных кейсов, соответствующих выборочной совокупности) особенностей сознания людей.

Проблемы правовопонимания и профессионального правосознания стали предметом исследования **В.А. Толстика, начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ**, который обратил внимание на то, что некоторые методологические аспекты адекватного понимания деформации профессионального правосознания имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Любые искажения, обусловленные доктринальной недобросовестностью и тем более невежественностью, методологической, идеологической или политической ангажированностью и иными причинами, неизбежно будут приводить к искажению сути явления и, как следствие, порождать издержки теоретического и практического плана.

Одна из наиболее существенных проблем, не способствующих адекватному пониманию государственно-правовых явлений вообще и деформации профессионального правосознания в частности, — их идеализация. В учебной и научной юридической литературе эту разновидность правового сознания часто наделяют положительными качествами, якобы присущими любому их носителю. Между тем обращение к реальности, нередко являющейся факты не только низкого уровня правовой культуры в части недостаточности правовых знаний, уважения к закону, практики его реализации, но и откровенного противоправного поведения, порождает некоторое недоумение.

Докладчик ставит проблему соотношения понятий «дефект» и «деформация», полагая, что деформация будет отражать процесс, а дефект — результат. Для адекватного понимания деформации правосознания вообще и профессионального в частности необходим некий стандарт, эталон,

критерий (их совокупность) правосознания, отклонение от которого может квалифицироваться как дефект (деформация). Для решения этой проблемы В.А. Толстик предложил использовать понятие «нормальное правосознание» и сформулировал критерии, позволяющие его идентифицировать в качестве такового. В их числе: наличие минимального уровня правовых знаний (общих, требуемых для всех субъектов права, и специальных, устанавливаемых квалификационными требованиями для отдельных категорий); уважительное отношение к действующему праву (закону) и сложившемуся на его основе правопорядку; отрицательное отношение к правонарушениям и любым формам злоупотребления правом; адекватная оценка преобразующих, созидательных возможностей права. Правовой идеализм, романтизм, фетишизм не столь безобидны, как кому-то это может показаться.

В докладе *«Неистребимые мотивы хаоса целей и изменений юридической науки»* **С.Б. Поляков, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук, доц.**, аргументировал свой вывод о том, что цели науки заменены библиометрической оценкой научной деятельности. Активность ученого оценивают индексом Хирша, выводимого по количеству публикаций и уровням журналов, в которых опубликованы статьи ученого, и по их цитированию. Индекс Хирша побуждает отказываться от серьезных исследований и отстаивания их результатов, не вписывающихся в шаблоны «солидных» журналов на пути к публикациям в них. Супериндексом для оплаты труда ученых, допуска их к определенным видам научной работы введены публикации в журналах, входящих в международные системы научного цитирования Web of Science и Scopus. Компьютерная система «Антиплагиат» вынуждает вопреки логическому закону достаточного основания не приводить в своей статье известные положения для выводов автора. У самых бредовых статей оригинальность за 90%, у серьезных — около 60%. С.Б. Поляков констатирует, что ему не раз приходилось отмечать в рецензии, что низкий показатель оригинальности не должен служить препятствием для опубликования статьи, содержащей обоснованные и проверяемые оригинальные идеи и результаты. Он полагает, что чиновники, отвечающие перед верховной властью за достижения науки, смутно представляют, что наука может создать, поэтому они внедряют критерии и показатели научной деятельности, которые им удобно считать.

Комплекс важных вопросов, касающихся мемориальных законов, подняла **Т.А. Васильева, главный научный сотрудник сектора прав человека ИГП РАН, д-р юрид. наук, доц.**, обозначив рассматриваемую проблему темой *«Мемориальные законы — выражение коллективной памяти или попытка “юридизации истории”?»*. К мемориальным законам могут относиться любые правовые акты, касающиеся интерпретации прошлого собственной страны или других государств путем признания или оценки исторических событий, введением ответственности в связи с признанием или оценкой исторических событий, реабилитацией или реституцией в связи с признанием или оценкой исторических событий. Проявлением юридизации, в частности, является разработка и принятие мемориальных законов или законов об исторической памяти, выражающих официальную позицию в отношении исторических событий, значимых для населения определенной страны. Мемориальные законы могут преследовать различные цели — усиление единства и сплоченности посредством преодоления ошибок прошлого, легализации определенной трактовки исторических фактов, восстановление справедливости в отношении жертв соответствующих событий,

устранение политической оппозиции. Они могут носить декларативный характер или предусматривать уголовное наказание за отрицание официальной трактовки событий. Эти законы апеллируют к коллективной памяти — важной составляющей культурного наследия, позволяющей сохранять важнейшие для данного сообщества ценности и формировать национальную (политическую) идентичность.

Т.А. Васильева констатировала, что увеличение числа актов, регулирующих вопросы, связанные с исторической памятью, является характеристикой современной Европы. Считается, что распространение мемориальных законов в определенной степени способствует упрощенному восприятию истории, которое становится обязательным для общественного воспроизводства. При этом мемориальные законы порождают вопросы в отношении ограничений свободы выражения мнения, научного творчества и преподавания, академической свободы. Поэтому многие представители исторической науки выступили против таких подходов к истории.

Детерминанты генезиса отечественной юридической науки и тенденции ее развития охарактеризовала **М.А. Кожевина, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный деятель науки Омской области**, которая подчеркнула, что вопрос о зарождении отечественной юридической науки не является праздным: 1) он обусловлен необходимостью наполнения общего понятия науки относительно унифицированным содержанием и его экстраполяцией в научную юриспруденцию; 2) выделение признаков юридической науки находится в прямой связи с вопросом отграничения ее предметной области в силу того, что современное методологическое веяние междисциплинарности отразилось на новой номенклатуре наук социального блока; 3) этот вопрос не может быть оторван от проблем определения методов познания, выявления степени социальной востребованности юридического научного знания; 4) данный вопрос находится в логической связи с вопросами о критериях периодизации истории отечественной юридической науки, о методологии, о социальном предназначении.

Науку М.А. Кожевина рассматривает как систему взаимосвязанных подсистем — отраслей науки, научных дисциплин и т.п. Юридическая наука как отрасль науки исследует определенную предметную область объективной действительности — право во всех его проявлениях, поэтому неоднородна и включает определенное количество структурных элементов — научных дисциплин, в рамках которых теоретическое и эмпирическое знание приобретает системность в соответствии с исторически сложившимися социокультурными нормами и идеалами науки. Генезис отечественной юридической науки — это длящийся во времени процесс формирования всей целостности ее признаков, к числу которых М.А. Кожевина предлагает отнести: а) сформированную повышенную общественную востребованность в научном юридическом знании; б) широко развитую систему юридического образования; в) сложившееся профессиональное сообщество юристов; г) наличие в этом сообществе особой группы исследователей правовой действительности (системно выстроенной и формально определенной), дифференцированной по отдельным направлениям научного поиска; д) рельефно обозначенные организационно-правовые основы научной деятельности, формы популяризации научного знания и средства общественного контроля над научной сферой. К середине XIX в. процесс отделения научной юриспруденции от юридической практики фактически

завершился, стадия генезиса состоялась, и отечественная юридическая наука как сложившийся социальный институт во второй половине столетия перешла в следующую стадию — развития и трансформаций.

Мысль о том, что историко-правовое направление представляет собой важную часть юридической науки, подчеркнул **В.И. Цвиркун, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Молдова в Государстве Катар, д-р пед. наук, д-р ист. наук, проф.**, обративший внимание на роль личности в исторических процессах и вкладе Господаря Молдавского княжества Дмитрия Кантемира в развитие российского законодательства петровской эпохи и государственного аппарата первой четверти XVIII в. Д. Кантемир, став членом Сената Российской империи, принимал участие в разработке и утверждении важнейших законодательных актов, закрепивших трансформацию государственно-правовой системы России. Подпись Д. Кантемира стоит на материалах разработок Табели о рангах, под протоколами об обсуждении и утверждении многочисленных документов, относящихся к проведению налоговой политики страны, комплектации армии и флота рекрутами, строительства и благоустройства новой столицы империи — Санкт-Петербурга, а также принятия условий заключенного со Швецией мира. При его участии были обсуждены и утверждены постановления Сената, приняты регламенты, определяющие должность генерал-прокурора Сената и прокуроров коллегий, магистратов и надворных судов. Исследования В.И. Цвиркуна показали, что в общей сложности за 1721–1722 гг. Д. Кантемир принял участие в 43 заседаниях Правительствующего Сената, на которых были обсуждены и приняты к исполнению более 90 законодательных актов.

В год 350-летия со дня рождения Дмитрия Кантемира важным будет отметить и то, что присутствие и деятельность Д. Кантемира в составе Правительствующего Сената отмечены участием в эпохальном событии истории Государства Российского: 22 октября (2 ноября) 1721 г. в Троицком соборе новоучрежденной столицы России прошла торжественная литургия в благодарность за заключенный со шведами мирный договор. По ее завершении государственный канцлер граф Г.И. Головкин от имени членов Сената и Синода обратился к царю с просьбой принять титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского. Д. Кантемир был не только подписантом этого обращения, но инициатором и активным проводником идеи придания царю Петру I титула Императора Всероссийского.

Важной проблемой современной юридической науки **Е.Н. Морозова, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета, д-р ист. наук, проф.**, считает исследование различных (ретроспективных, отраслевых) аспектов конституционализма. Понятие «конституционализм» она относит к широкому интегративным дефинициям, у которых не может быть однозначного хрестоматийного определения: российский конституционализм представляется как концепция о наилучшем государственном устройстве, имеющем многомерный характер и различные формы. Содержанию тех документов, которые появились в России накануне великих реформ и в пореформенный период и касались взглядов представителей правительственной элиты на переустройство государственной власти, в большей степени, по мнению Е.Н. Морозовой, соответствует термин «правительственный конституционализм». Идеи «правительственного конституционализма» получили развитие в конституционном проекте Министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева, который исходил

из объективной необходимости реформирования местного и центрального управления, пороки которого отчетливо выявила Крымская война, а также конституционных проектов П.П. Шувалова, вел. кн. Константина Николаевича, основанных на реформе Государственного совета с привлечением выборных депутатов от земств. Но эти проекты возникли уже после реализации реформ земского и городского самоуправления в условиях формирования земского либерализма. Важное место в развитии «правительственного конституционализма» Е.Н. Морозова отводит проекту Министра внутренних дел Российской Империи М.Т. Лорис-Меликова, где изложена модель самоуправления, которая должна была возникнуть в результате проведения новой земской и городской реформ. Однако эти идеи не получили реализации.

«Правительственный конституционализм» начала 1860-х — начала 1880-х годов, с точки зрения Е.Н. Морозовой, отвечал объективным потребностям развития России в пореформенный период. Но проект П.Д. Святополк-Мирского уже не соответствовал общественным ожиданиям. «Булыгинская дума» была определенным шагом к созданию всеобщего законосовещательного органа. Однако горизонт общественных ожиданий был завышен. Пропасть между властью и обществом расширялась. Правительство было вынуждено пойти на подписание Манифеста 17 октября 1905 г., который, по сути, завершил историю «правительственного конституционализма» второй половины XIX — начала XX в.

Характеризуя основные этапы развития отечественной юридической науки, исследователи неоднократно подчеркивали вклад российских ученых в развитие теоретико-правовой, историко-правовой, отраслевых и специальных юридических наук, международного права. Особое внимание ученые обратили на вклад в развитие российской юриспруденции П.Г. Редкина, М.Н. Гернета, Ф.Ф. Кокошкина, Н.А. Стручкова, Я.А. Канторовича, П.П. Михайленко, В.А. Озолина, Н.Г. Александрова, И.А. Юхо, С.Г. Дробязко, А.Б. Зеленцова, В.Ф. Орловой, Н.П. Майлис, Е.Р. Россинской, Т.В. Аверьяновой.

В.Ю. Туранин, зав. кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р юрид. наук, проф., проанализировал вклад в развитие российской юридической науки проф. А.С. Пиголкина, круг научных интересов которого был достаточно широк: структура и содержание норм права, проблемы правотворчества и систематизации законодательства, вопросы источников права, юридической техники, применения и толкования права, правовых систем современности.

А.С. Пиголкин был сторонником кодификации законодательства, последовательно отстаивая ее преимущества, разрабатывая основные принципы; предлагал новые пути совершенствования российского законодательства, разрабатывал и обосновывал различные концепции оптимального законодательного процесса в России. Весомым вкладом в развитие современной юридической науки явилась разработка основных требований (принципов) законодательной техники.

Важнейшим явлением в российской юридической науке В.Ю. Туранин называет книгу «Язык закона», подготовленную под редакцией проф. А.С. Пиголкина. Именно в ней была впервые концептуально сформулирована обобщенная позиция ученых-юристов по поводу роли и значения языка для современного права. Таким образом, произошло научное признание важности проблем языкового оформления правовых норм для развития законодательства.

Всего А.С. Пиголкиным было опубликовано около 250 научных работ, в том числе монографии: «Толкование нормативных актов в СССР» (1962), «Подготовка проектов нормативных актов» (1968), «Право, законность, гражданин» (1976), «Правоприменение в советском государстве» (1985), «Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации» (1998). Абсолютное большинство идей проф. А.С. Пиголкина сохраняют свою актуальность, а исследование языка закона имеет множество последователей в отечественной юридической науке.

* * *

Поставленные для обсуждения на конференции вопросы получили разностороннее освещение. Работа конференции была оценена как плодотворная и способствующая приращению научных знаний о генезисе, развитии и современном состоянии юридической науки и юридического образования в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нижи́ник Н.С., Нудненко Л.А.* Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117.
2. *Нижи́ник Н.С., Нудненко Л.А.* Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР) // Государство и право. 2022. № 12. С. 186–192. DOI: 10.31857/S102694520023313-5
3. *Нижи́ник Н.С., Нудненко Л.А.* История Российской Империи в контексте теоретико-правового анализа (К 300-летию Российской Империи) // Государство и право. 2021. № 11. С. 186–195. DOI: 10.31857/S102694520017466-3
4. *Нижи́ник Н.С., Нудненко Л.А.* Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. 2018. № 4. С. 110–117.
5. *Нижи́ник Н.С., Нудненко Л.А.* Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. 2019. № 6. С. 138–145. DOI: 10.31857/S013207690005271-0

REFERENCES

1. *Nizhnik N.S., Nudnenko L.A.* State and law: current state, development prospects // State and Law. 2017. No. 2. Pp. 111–117 (in Russ.).
2. *Nizhnik N.S., Nudnenko L.A.* Empire and federation as forms of social organization in the context of retrospective and theoretical legal analysis (To the 100th anniversary of the formation of the USSR) // State and Law. 2022. No. 12. Pp. 186–192. DOI: 10.31857/S102694520023313-5 (in Russ.).
3. *Nizhnik N.S., Nudnenko L.A.* The history of the Russian Empire in the context of theoretical and legal analysis (To the 300th anniversary of the Russian Empire) // State and Law. 2021. No. 11. Pp. 186–195. DOI: 10.31857/S102694520017466-3 (in Russ.).
4. *Nizhnik N.S., Nudnenko L.A.* Problems of improving the regulatory framework and practice of police activity in Russia // State and Law. 2018. No. 4. Pp. 110–117 (in Russ.).
5. *Nizhnik N.S., Nudnenko L.A.* The Russian police: three centuries of service to the Fatherland // State and Law. 2019. No. 6. Pp. 138–145. DOI: 10.31857/S013207690005271-0 (in Russ.).

Сведения об авторах

НИЖНИК Надежда Степановна — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета МВД России; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

НУДНЕНКО Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшей профессиональной школы РФ, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119572 г. Москва, проспект Вернадского, д. 82

Authors' information

NIZHNIK Nadezhda S. — Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation; Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 1 Pilyutov Pilot str., 198206 St. Petersburg, Russia

NUDNENKO Lidiya A. — Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional School of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82 Vernadskogo Ave., 119572 Moscow, Russia